

The book cover features a central illustration of two women in a medieval setting. On the left, a woman with long, dark hair, wearing a blue and purple dress, is shown in profile, looking towards the right. On the right, a woman with long, blonde hair, wearing a green and blue dress, is shown in profile, looking towards the left. They appear to be in a close, intimate conversation. The background shows a landscape with rolling hills and a large, stone building, possibly a castle or a church, under a dramatic, cloudy sky. The entire scene is framed by ornate, golden scrollwork in the corners and along the bottom edge. A red banner-like shape is visible on the left side of the top half of the cover.

Лариса Крутько

КРОВЬ С МОЛОКОМ

ИЛИ

неоплаченный долг

Если война подступает к самому порогу, то долг мужчины — защитить свою семью, свой дом и свою страну. Рюдигер фон Шлотерштайн воспринял известие о войне спокойно. Он всегда знал, что настанет день, когда стране пригодится его меч. Его предки всегда были опорой трона, именно вампирам короли Алдании доверяли свою жизнь и безопасность.

Его жене остается лишь ждать и молиться, чтобы разлука не оказалась вечной.

В лесу быстро темнело, и огромное болото погружалось в нечеткие расплывчатые сумерки. Светло зеленый ковер мха, окруженный со всех сторон лесом, выглядел вполне безопасно и даже привлекательно, но местные жители хорошо знали, каким коварным и жестоким может быть это место, и обходили этот угол леса стороной. Их не привлекали даже растущие в изобилии здесь клюква и брусника и огромные белые грибы. Даже в ясный солнечный день никого из жителей окрестных деревень невозможно было повстречать возле Чертовых окошек. Именно такое название дали трясине местные крестьяне.

Неожиданно над погруженным в мрачную, прямо-таки гробовую тишину болотом раздался истошный вопль. Кто-то из последних сил призывал на помощь. С высохшего кривого дерева, одиноко торчащего среди болотных кочек, слетела испуганная сорока. Двое мужиков, искавших заплутавшую корову, вздрогнули, услышав крик, полный отчаяния и тоски, и перекрестившись, поспешили в прямо противоположную сторону.

Магнус Кравиц почувствовал, как густая вонючая грязь упорно засасывает его внутрь своей ненасытной утробы, словно живое голодное существо, и мысленно простился с жизнью. Темневшая посередине зеленого бархатистого ковра черная прогалина была единственным напоминанием о страшной участи его пегой смирной лошадки.

Вцепившись изрезанными пальцами в жесткую тонкую траву, он уже охрипшим голосом повторил свой призыв о помощи. Вдруг послышался шум и треск раздвигаемых веток, и из-за окружающих болотину кривых березок и орешника появился человек. Магнус жадно впился глазами в своего предполагаемого спасителя. В вечернем сумраке лишь смутно белело лицо, незнакомец был довольно высоким. Вооружившись крепкой и длинной палкой, он осторожно направился по пружинящей под ногами трясине прямо к Магнусу.

Неизвестный шел вполне уверенно, впрочем не забывая тыкать палкой перед собой. Когда до Магнуса, погрузившегося в черную жижу уже по грудь, осталась пара шагов, парень лег прямо на мох и протянул бедняге палку. Магнус понял его без слов и крепко ухватился за сучковатый белый ствол. Его спаситель проявил неожиданную силу, просто выдрал его из цепких и липких объятий трясины. Черная грязь разочарованно чавкнула, выпустив пузырь вонючего болотного газа, но ее пленник был уже вне досягаемости.

Дальнейший путь до края болота Магнус проделал на четвереньках, так как ноги отказывались его держать. Наконец добравшись до твердой земли, он упал траву и измученно заплакал. Его спаситель похлопал Магнуса по плечу:

— Все уже позади, но надо поспешить, уже почти стемнело.

Справа раздалось обиженное ржание и Магнус увидел коня, привязанного к дереву.

— Ну все, все, едем домой, Серый, я тоже устал и проголодался!

Парень подвел коня к Магнусу:

— Забирайся в седло, я пешком прогуляюсь! Какая же нелегкая понесла тебя вечером на Чертовы окошки? Местные крестьяне уверены, что здесь нечисто, и повстречать тут вечером можно только черта или лешего. Они ни за что и близко бы к тебе не подошли! Повезло тебе, что я решил срезать дорогу! — он приветливо улыбнулся, продемонстрировав острые белые клыки, и Магнус понял, что его спаситель вовсе не человек.

— Видите ли, добрый господин, мое имя Магнус Кравиц, я торговец из Фрисланда, еду

к двоюродному брату в Златоград. Хотел открыть лавку у вас в столице, попытать счастья... — дрожавшим от страха голосом забормотал он.

Ведущий коня под уздцы, незнакомец обернулся, и Магнус с ужасом заметил, что его глаза в сгустившейся темноте отсвечают красным:

— Что ж, очень рад знакомству. Я Рюдигер фон Шлотерштайн, мое имение здесь недалеко. Я слегка задержался в соседней деревне, пытаюсь разобраться в одном спорном вопросе. Мои люди заночевали у родственников, я же обещал жене вернуться до темноты. Пожалуй, Лизхен здорово расшумится, но пути Господни неисповедимы! Если бы я вернулся вовремя и другой дорогой, то не вызволил бы тебя из болота.

Кругом было уже совсем темно, ночной лес был полон своей, скрытой от людских глаз жизнью. На их шаги он отзывался уханьем филина, криками неизвестной ночной птицы, шуршанием невидимых тварей в темных кустах. Магнус от пережитого страха впал в странное равнодушное состояние, ему было совершенно все равно, куда приведет его странный спутник, в человеческое жилище или напрямик на тот свет, к чертям в гости. Тот уверенно шагал вперед, не обращая внимания на непроглядную темень. Видимо, ночью он видел также хорошо, как и днем, да и дорога была ему знакома.

Тучи на черном небе расползлись в сторону, давая дорогу большой желтоватой луне. Она осветила высокую каменную стену, за ней выросли остроконечные башни, увенчанные шпилями. Залитый холодным светом луны, замок казался призрачным видением, миражом. Но Рюдигер уверенно постучал в ворота. Дубовые доски обиженно затрещали, он рассерженно проорал:

— Вы что, там уснули, черти ленивые? Что ваш господин будет ночевать под воротами, ну-ка живо открывайте!

Казавший спящим и заколдованным, замок вдруг ожил, наполнился голосами и грохотом сапог, загорелись огни, ворота распахнулись. Пестрая толпа стражников и дворового люда окружила их. Магнусу помогли спуститься с коня. Молодая женщина с распущенными светлыми волосами и сердитым, мокрым от слез, лицом кинулась на шею его загадочному спасителю, засыпав его градом упреков.

— Лизхен, сердце мое, мне пришлось задержаться, чтобы вытащить вот этого господина из болота. Он сбился с тропы и угодил напрямик в Чертовы окошки. Сама понимаешь, я не мог дать ему утонуть в трясине.

Толпа дворовых испуганно ахнула, многие перекрестились. Разглядывая их украдкой, Магнус заметил, что у многих также поблескивают глаза, а у троих стражников такие же острые и длинные зубы, как у хозяина. Светловолосая красавица шумно вздохнула и прижалась к мужу:

— Ты хоть представляешь, чего я натерпелась, когда уже стемнело, а ты еще не вернулся! И как оказалось, я волновалась не зря! Чертовы окошки, даже подумать страшно! Когда наконец ты перестанешь так пугать меня!

— Ну теперь все в порядке, я дома и страшно хочу есть! Надеюсь, ты не откажешь бедным бродягам в позднем ужине!

Он легко подхватил ее на руки и направился в замок.

Вскоре они уже сидели в просторном зале за длинным столом спиной к стене, на которой разместились неплохая коллекция мечей и кинжалов. Напротив располагался огромный камин, со сложенными внутри дровами. Впрочем, в летнюю пору он был совершенно ненужен. Хорошенькие служанки быстро заставили стол тарелками. Жена

хозяйина приветливо улыбнулась гостю, приглашая к столу.

Отмытый от черной жирной грязи и переодетый во все чистое, Магнус старался сосредоточиться на еде и не разглядывать так откровенно своих хозяев. Он был наслышан о том, что жители восточных провинций Алдании не совсем обычные люди, но не думал, что ему придется познакомиться с ними настолько близко. Благодаря спускавшейся с потолка на толстых цепях медной люстре со множеством свечей здесь было светло почти как днем, и он хорошо разглядел гостеприимных хозяев.

Его спаситель оказался красивым молодым человеком, высоким с черными волнистыми волосами. Красивые, тонкие черты лица и открытый взгляд ярких синих глаз убеждали в его честности и благородстве, и Магнус почти забыл о своих сомнениях и страхах. Заметив внимательный взгляд, вампир подмигнул гостю и с голодной жадностью впился клыками в хороший кусок мяса.

Магнус слегка побледнел. Неизвестно, чем закончится его пребывание в этом замке. Как бы его самого не сожрали на ужин вечно голодные жители Моравских гор. И зачем он только согласился отправиться в Алданию. Впрочем, если не заострять внимание на острых клыках и слишком бледной, чувствительной к солнцу коже, они не слишком отличаются от нормальных людей, и кажется довольно простодушны и доверчивы. Возможно его миссия будет успешной, надо только добраться живым до Златограда и завести нужные знакомства...

Супруга барона пыталась призвать к порядку двух очаровательных малышек, которые, несмотря на позднее время, совершенно не хотели спать. Светловолосая красавица с женственной фигурой и румянцем во всю щеку, пожалуй она была единственным нормальным человеком во всем замке. Вдруг молодая женщина отвернулась на миг от девчушки, напоминавшей отца не только острыми зубками, но и яркой синевою глаз, и посмотрела на незваного гостя внимательно и строго.

Магнусу показалось, что женщина проникла в его глубоко скрытые мысли. Он опустил взгляд в тарелку и принялся старательно жевать, хотя есть ему совсем расхотелось. Видимо баронесса более проникательна, чем ее отважный и благородный супруг. Ишь уставилась, будто он вилку к себе в карман положит. Какой смысл, это же Алдания, здесь не бывает столового серебра. Даже нательные кресты или медные или золотые...С ума сойти, и подобные создания христиане.

На минуту он даже засомневался в действительной пользе своей миссии. Зачем стараться уничтожить и смести их с лица земли, если вера Христа уже давно пришла на эти земли. Слава Богу, сами они никого не трогают, так пусть себе и живут спокойно в своих глухих лесах и болотах! Однако он тут же вспомнил, что кроме истинной веры существует еще и политика, а земли на севере Алдании очень даже необходимы Фрисланду. Что же, он не подведет тех, кто поручил ему эту работу, вот только бы дожить до утра...

Лиза чувствовала к своему гостю странное недоверие. Невысокий щуплый человечек лет тридцати с мелкими чертами лица и бегающим взглядом светло-карих глаз не вызывал у нее симпатии. И зачем только Рюдигер приволок его сюда. В голове тотчас прозвучали слова мужа: «Что же, надо было дать ему утонуть в болоте?». Лиза устыдилась своих совсем не христианских мыслей. Наверное, ее просто раздражало присутствие чужого человека в своем доме. Ведь совсем недавно их замок покинула мать Рюдигера. Уставшей от бесконечных поучений и критических замечаний Марии Лизе хотелось насладиться свободой и

обществом любимого мужа. Но не удалось.

Вопреки своим страхам на следующий день Магнус проснулся в своей постели живым и здоровым, Бойкая девчушка с мелкой россыпью веснушек на треугольном личике принесла ему завтрак. На его вопросы о хозяине, она ответила, что к сожалению господина барона сейчас нет в замке, но он оставил распоряжения насчет гостя начальнику своей охраны, Стефану.

Стефан оказался небритым грубоватым парнем, едва ли старше своего господина. Он хмуро взглянул на Магнуса желтоватыми волчьими глазами и безо всякой радости сообщил, что хозяин велел дать ему лошадь и немного денег, чтобы добраться до Златограда. Обрадованный торговец попросил передать барону фон Шлотерштайну самую искреннюю благодарность и, забравшись на подаренную ему неказистую кобылку, поспешно покинул Кулички.

Красный Замок

Надо сказать, что отношения невестки и свекрови были вовсе не плохими. Они даже умудрились прожить чуть ли не год под одной крышей. Лиза ждала первого ребенка, и Мария окружала ее трогательной заботой. Заставляла тепло одеваться: «Ведь люди такие хрупкие, не дай Бог заболеешь!», постоянно пичкала невестку всякой малосъедобной гадостью: «Ты должна правильно питаться, иначе малыш родится хилым и слабым, как человеческие дети!».

Лиза вежливо с ней соглашалась, все-таки мать любимого мужа надо уважать, но упорно поступала по-своему. Конечно, беременность сказалась на ее вкусах и пристрастиях, но если она могла иногда разделить с Рюгом его завтрак, выпив чашку крови с молоком или испытать голодный спазм при виде сырой печенки, то перейти полностью на подобную диету было свыше ее сил. Сами вампиры тоже не отказываются от вполне обычной человеческой еды, так зачем же такие крайности!

К ее счастью Рюдигер вполне серьезно взялся за осуществление своего плана по постройке в Куличках собственного замка. Поскольку для обдумывания своих планов у молодого барона была целая зима, то он ясно представлял, в какой дворец он должен привести свою любимую супругу.

С помощью друзей он нашел в Златограде итальянского мастера, который если верить рекомендательным письмам, построил у себя на родине немало изящных дворцов. Сеньор Анджело был еще не стар, и по мнению Рюдигера имел некоторое сходство с павлином, которого гвардейцы имели счастье видеть в королевском парке. Он был одет по невиданной в Темнолесье моде в узкие чулки и смешные короткие штанишки. Его камзол, смело сочетавший в себе синий и желтый цвета, был украшен пышными буфами на рукавах, а черные вьющиеся волосы стянуты сзади шелковой лентой.

Итальянец надменно взглянул на молодого человека:

— Видите ли юноша, мои услуги стоят довольно дорого. На родине среди моих заказчиков были особы, близкие к королевской семье. По силам ли дворянину из провинции оплатить мой труд? Да и зачем вам в вашей глухомани высокое искусство?

Римар, который взял на себя задачу свести своего друга с заграничной знаменитостью, слегка растерялся. Но Рюдигер уселся поудобнее на расшатанный стул, обитый потертым бархатом, и доверительно улыбнулся мастеру Римини, продемонстрировав великолепные клыки:

— Мы должны стараться сделать этот мир лучше. Красота важна не менее, чем уют и достаток. Поверьте, даже в провинции умеют ценить прекрасное!

Сеньор Анджело с трудом справился с бешено стучащим сердцем. Он прекрасно знал, что в Алдании немало вампиров и оборотней, но то, что одному из них могут понадобиться его услуги, было для итальянца полной неожиданностью. Он не отличался особой смелостью, но сейчас остро нуждался в деньгах.

Рюдигер, сразу догадавшийся о финансовых затруднениях мастера, окинул красноречивым взглядом отсыревшие обои и выцветшие занавески, и снова широко улыбнулся:

— Может все же поговорим о цене?

Вспыльчивый мастер взвился, словно петух:

— То, что у меня имеются финансовые затруднения, еще не значит, что я готов поступиться своими принципами! Я верный сын католической церкви и не собираюсь рисковать спасением своей бессмертной души!

Теперь уже вампир покраснел до кончиков ушей:

— Я всего лишь предлагаю вам взяться за строительство замка, а не продать душу! К вашему сведению Алдания христианская страна, и ваши намеки для меня оскорбительны!

Обиженный Рюдигер был готов послать ко всем чертям этого нищего зазнайку, но Римар не выдержал и вмешался:

— Сеньор Римини, неужели из-за глупых предрассудков вы лишитесь выгодного заказа? Поверьте, вера моего друга тверда, как гранит, и золото, которым он оплатит ваши услуги, не обожжет вам пальцы! Впрочем, если вы так сильно напуганы...

— Никто не назовет меня трусом! — прорычал возмущенный итальянец. — Теперь это дело чести! По рукам, юноша, — он протянул руку, и Рюдигер острожно пожал узкую, но сильную ладонь мастера.

Однако преодолев первый шок, сеньор Анджело вскоре проникся уважением к молодому вампиру. Тот явно имел отличный художественный вкус, а нарисованный им эскиз замка был неожиданно хорош даже с точки зрения настоящего мастера. Так или иначе, но о цене они все же договорились, тем более что итальянцу было просто необходимо покинуть Златоград, что избежать мести одного ревнивого господина.

Еще до начала стройки майской ночью Лиза подарила мужу здорового мальчишку. За стенами замка бушевала гроза, и раскаты грома слились с измученным стоном молодой матери и громким плачем явившегося в этот мир ребенка. Рюдигер, сдавший супругу в надежные руки Крины и ночевавшей в замке вторые сутки бабки Насти, нервно мерял шагами главный зал. Его отец и родители Лизы, разбуженные посыльным от Шлотерштайнов и поспешившие сюда посреди ночи, пытались его успокоить, но он почти не слушал их.

Перед его глазами стояло испуганное лицо жены, почувствовавшей боль первых схваток. Боже, как должно быть она страдает, и виноват в этом только он! Услышав отчаянный крик любимой, Рюдигер, сломя голову, бросился к ней на помощь. Растерянные Ян и Лотар даже не попытались его остановить. Не слушая возражений хлопотавших около роженицы тетушки Крины и Настасьи, он ворвался в комнату и опустился на колени рядом с кроватью, на которой лежала обессиленная, но сияющая от счастья Лиза.

Она справилась с самой важной задачей в жизни женщины на отлично, да и их сын видно здорово торопился на свет. Настасья бережно вручила ей уже спеленутого младенца, и Лиза приложила сына к груди. После пары неудачных попыток малыш нащупал сосок и довольно зачмокал. Молодые родители были зачарованы этим волшебным зрелищем и даже не заметили вбежавших сюда следом новоявленных бабушек и дедушек.

— Чудесный мальчик, сразу видно, здоровый и кушает хорошо! — умилилась Катерина, вытирая набежавшие слезы. Настасья хмыкнула:

— Да ихняя порода никогда отсутствием аппетита не страдает! Нелюди, что с них взять! Но поглядев на задремавшего ребенка, смягчилась:

— Красавчик вырастет, в отца, впрочем и на Лизавету похож!

Ян внимательно рассматривал красное и сморщенное личико младенца, но пока не

видел сходства ни с одним из его родителей. Но спорить по этому поводу со своей шумной тещей он не собирался. В конце концов, начнут зубы резаться, и сразу станет понятно, чья порода взяла верх.

Мальша назвали Александром, Анна стала его крестной матерью. Сын занимал почти все время Лизы. Он действительно не страдал отсутствием аппетита, требуя молока по нескольку раз за ночь, и молодая мать напоминала сомнамбулу, желание как следует выспаться сопровождало ее постоянно. Впрочем, несмотря на уговоры свекрови, брат кормилицу она категорически не хотела.

Сеньор Анджело перебрался в Кулички. Отправляясь в глухие места, где не встретишь нормальных людей, сплошь упыри и волколаки, он запасся серебряными амулетами и прихватил целую корзинку чеснока. В первые ночи он долго не мог уснуть, ворочаясь на постели в доме старой Ядвиги, бездетной вдовы, к которой определили его на постой. Слушая волчьи песни, протяжно звучащие в ночной тьме, он торопливо крестился и с ужасом думал, что вряд ли сумеет выбраться из этого приключения живым!

Однако никто не покушался ни на его кровь, ни тем более, душу, и стараясь спрятать свой страх поглубже, мастер принялся за работу с неожиданной страстью, говорившей о том, что он действительно настоящий знаток своего дела. Взяв за основу хорошо сохранившиеся стены старого строения, он приступил к выполнению своего плана, умело командуя рабочими, набранными из местных крестьян. Поскольку барон не поскупился на оплату, желающих было в избытке. Несмотря на то, что знаменитый мастер требовал около трехсот рабочих, Рюдигер решительно уменьшил это количество до двух сотен. На удивленные расспросы итальянца он коротко ответил:

— Но ведь они же из Темнолесья, а здесь работать умеют.

Вскоре оказалось, что старые стены сохранились не так хорошо, как хотелось бы. Одна из них стремительно разрушалась. Ближайшая каменоломня была слишком далеко, и сеньор Анджело предложил несколько уменьшить размах стройки, а также прибегнуть к модному сейчас материалу — обожженным кирпичам из красной глины.

Вскоре на берегу реки высились горы кирпича, хитрые деревянные рычаги и лебедки поднимали вверх каменные блоки. Стремительно растущий ввысь замок был окружен строительными лесами. Оказалось, что нелюди, которых он так боялся, могут работать за двоих, есть впрочем тоже. Его запасы чеснока были безжалостно уничтожены во время обеда голодными работягами вприкуску с черным хлебом и салом. Правда, серебряный нож его настоятельно попросили оставить дома...

К удивлению итальянца сам молодой барон не стыдился работать рядом со своими людьми. Рюдигер был зачарован, глядя как его мечта постепенно воплощается в жизнь. На месте старых печальных развалин вырастает новый замок. В нем нет тяжелой основательности прошлых времен, но есть красота и немного легкомысленного изящества. По размерам он раза в три меньше родового гнезда фон Шлотерштайнов, но язык не повернется назвать его просто домом. Высокий донжон, изящные башенки по углам, внизу комнаты для прислуги, лестница ведущая в главный зал... Все это потихоньку оживает и становится реальным, он сам строит свою мечту, свою сказку.

Пусть слегка тяжело с непривычки обтесывать толстые бревна для потолочных перекрытий и ворочать каменные блоки, пусть летнее солнце не слишком милосердно к его

коже, и он уже пару раз обгорал даже через рубаху. Бедная Лизхен мазала его спину какой-то хитрой вонючей мазью тетушки Крины, и глотая слезы, грозилась привязать мужа ночью к кровати. Сделать это было бы совсем нетрудно, после стройки он спал, как убитый. Но вряд ли его удержали самые толстые веревки, так хотелось ему поскорее закончить работу и привести жену с сыном в замок, похожий на оживший сон.

Через три месяца подобной жизни друзья и родные с трудом узнавали барона. Тонкий изящный юноша с почти девичьим нежным лицом кажется растаял на жарком июльском солнце. Рюдигер заметно раздался в плечах, на руках вздулись тугие мускулы. Сейчас он легко бы управился и с двуручным мечом, и с кузнечным молотом. Подбородок сделался более твердым, между бровей пролегла вертикальная морщинка, взгляд синих глаз стал тверд и холоден. Пожалуй, сейчас он больше всего напоминал своего далекого предка, вернувшегося из Святой Земли. Покрасневшая от летней жары кожа еще более усиливала сходство со знаменитым крестоносцем.

Лиза, настрадавшаяся в одиночестве, явилась в Кулички. Не решившаяся никому доверить своего шумного и вечно голодного сына, она приехала в крытой повозке. Обняв Настасью и уложив малыша в старинную, снятую с чердака колыбельку, она обнаружила, что запас чистых пеленок уменьшается на глазах и, немного подумав, решила сбегать к Любаве, у которой недавно родилась дочка. Подруга наверняка выручит ее, не оставит в затруднительном положении.

Рюдигер, узнав о визите жены от вездесущих мальчишек, покинул стройку пораньше. Заглянув в избушку, он увидел Настасью, качающую старинную люльку и воркующую с младенцем неожиданно нежным голоском. Не решаясь нарушить эту идиллию, он несколько минут стоял молча, затем вздохнул. Бабка обернулась и, увидев его тут же превратилась из кроткой старушки в свирепую фурию. На его невинный вопрос, где же Лизхен, она ответила сердитой тирадой:

— Да какая тебе разница, ты же совсем о жене не заботишься! Она же совсем как тень стала, спит на ходу. Ребенок ее всю вытянул, весь в тебя уродился! Вечно голодный и пеленки портит, только успевай простирывать. Вашей породе день нужен, чтобы выспаться, а ночью вы готовы всякие пакости творить. Ты бы хоть иногда вставал к нему, укачивал, давал жене отдых!

Рюдигер весь красный как рак от жары и от тяжелой работы, хотел напиться из стоящей на лавке бадьи, но подумав, опустил туда всю голову. На полу тут же расплескалась целая лужа, но бабка благоразумно промолчала. Вынырнув из бадьи, он присел на лавку и принялся стягивать сапоги. По комнате разнесся далеко не запах восточных благовоний, но он молча продолжил свое занятие. Освободившись наконец от сапог, он грустно посмотрел на вредную старушку:

— Я встаю иногда ночью, если услышу, только если он голоден, сколько не качай, все бесполезно. Грудью покормить все равно не смогу, уж извините, природой не предусмотрено. А взять кормилицу Лизхен не соглашается.

Настасья вдруг сменила гнев на милость:

— Садись-ка скорей за стол, парень. У меня щи свежие. Да пояс развяжи, ешь, не стесняйся! А там и Лизхен твоя прибежит, она к Любаве ускакала, видно поболтать захотелось.

Вернувшаяся Лиза застала мужа уснувшим прямо на деревянной лавке. Под голову

Настасья успела подсунуть подушку, длинные ноги свешивались на пол, на столе стоял опустевший чугунок с торчащей из него деревянной ложкой. Бабка посмотрела на нее и усмехнулась:

— А явилась, болтушка. Ну буди скорей своего милого!

Молодая женщина вздохнула:

— Так ведь жалко, он так сладко спит.

— Жалко будет, когда он с лавки свалится! — отрезала старушка. — Да скажи ему, чтобы закруглялся со стройкой. Ты не королева, тебе не дворец нужен, а теплый и уютный дом.

Незваные гости

Замок был готов уже в октябре. Местные крестьяне недолго думая окрестили его Красным Замком, намекая на стены из розоватого камня и башни из красного кирпича. Еще месяц был потрачен на устройство каминов и выложенных изразцами печек в главном зале и в каждой из небольших башенок, и торжественно отпраздновав новоселье, Рюг и Лиза встретили зиму в новом доме, в столь милых им Куличках.

Вскоре Лиза поняла, что снова ждет малыша, и летом подарила мужу дочку. Малышку назвали Ульрикой, и она стала отцовской любимицей. Лиза вполне освоилась с ролью хозяйки большого дома, командовала прислугой, следила за бюджетом и кладовыми, и чувствовала себя самой настоящей баронессой. Но после визитов свекрови это ощущение испарялось как дым.

Мать Рюдигера вела себя, как настоящая королева, сдержанно и презрительно. Она всеми силами давала понять невестке, что как бы та не старалась, все равно останется невежественной простолюдинкой, попавшей в высшее общество по странной игре случая. Конечно Лиза старалась не придавать значения ее колким замечаниям, да и Рюдигер пресекал любые разговоры о своем неравном браке. Но тем не менее, настроение после таких визитов было безнадежно испорченным.

Мария покинула их вчера, а на следующий день Рюдигер уехал вместе с Алесем в Волчий Лог. Тамошние крестьяне давно жаловались на то, что у них пропадает скотина. Лиза недоверчиво сморщила нос:

— Да ведь почти вся деревня-оборотни, что же в этом удивительного! Поискали бы рога и копыта у соседей по сараям!

Но Рюдигер серьезно отнесся к жалобе своих людей, а то, что они увидели в лесу, и вовсе ему не понравилось. Он настоятельно просил пока никому и близко к не подходить лесной опушке. Но Лиза расстроенная тем, что не видела его целый день, а теперь еще вынуждена принимать малоприятного гостя, пропустила слова мужа мимо ушей.

Проснувшись на следующее утро пораньше, она полюбовалась крепко спящим супругом, перекрестила мирно сопящих детей и примерила перед большим венецианским зеркалом красный сарафан. Из зеркальной глубины ей весело улыбнулась хорошенькая молодая крестьянка с берестяным лукошком. Лиза подумала, что вполне успеет вернуться к тому времени, когда муж и дети наконец проснутся, и покинув замок через потайной ход, поспешила к колодцу, где договорилась встретиться с Любовью.

Обрадованные встречей, подруги не замолкали ни на минуту, оживленно делясь последними новостями. За разговорами они не заметили, как зашли довольно далеко в лес. Крупная и сладкая малина так и просилась в корзинки. Стараясь успеть до наступления жары, подруги принялись за сбор ягод и незаметно разбрелись в разные стороны. Краем глаза Лиза заметила среди деревьев какое-то движение и позвала Любаву, но та откликнулась совсем с другой стороны.

«Наверное, кто-нибудь с соседней деревни.»-подумала она, но все же стала пробираться назад к подруге. Вдруг чья-то ладонь зажала ей рот, кто-то с силой обхватив ее за пояс, тащил за собой. Лиза изо всех сил дергалась и извивалась, пытаясь вырваться из этих железных объятий, но бесполезно. Силища у кого-то была явно нечеловеческая. Наконец, мысленно плюнув от отвращения, она попыталась укусить руку, зажавшую ей рот. Это ей удалось, и она смогла освободиться. Быстро окинув взглядом негодяя, посмеявшегося похитить в собственном лесу баронессу фон Шлотерштайн, она чуть не села на землю от удивления.

Перед ней стоял, чуть смущенно улыбаясь, высокий лохматый парень. Длинные сальные волосы неопределенного цвета спереди были заплетены в две косички, одет детина был в меховую безрукавку и штаны из оленьей шкуры, на ногах были то ли сапоги, то ли чулки из кожи. Лицо было смуглым, но довольно приятным, в руке он держал копье с костяным наконечником, за спиной болтался лук, и судя по широкой улыбке, дикарь был...вампиром.

Оправившись от первого шока, Лиза стукнула его по голове лукошком, пожертвовав своими ягодами, и бросилась бежать. Однако новый знакомый не хотел так быстро с ней расставаться. В два счета догнав ее, он попытался снова схватить женщину. Но она упорно сопротивлялась. Умом она понимала, что ей никогда не справиться с нелюдем, но признать поражение ни за что не хотела.

Похититель подвергся целому граду пинков и ударов, наконец она изловчилась и ударила его в зубы, при этом потеряв равновесие, и стукнулась головой о поваленное дерево. Сознание покинуло ее. Дикарь выплюнул два передних зуба и с некоторым уважением поглядел на лежавшую без чувств молодую женщину.

Она очнулась и поняла, что крепко связана. Над ней склонилось молодое испуганное лицо, мальчик, нет девочка или все-таки мальчишка, терялась в догадках Лиза.

— Пить хочешь? — спросило странное создание. Лиза кивнула, удивившись, что без труда понимает его язык. Существо протянуло ей воду в деревянной плошке, и она поняла, что перед ней все-таки девочка, да нет, взрослая девушка. В грязно-рыжие волосы были вплетены мелкие кости и птичьи перья, стройную шею украшало ожерелье из непонятных зубов. Под коротенькой безрукавкой из невыделанной кожи угадывалась небольшая крепкая грудь, а подобие юбки не скрывало сильные стройные ноги. Она вдруг погладила пленницу по волосам и сочувственно спросила:

— Он ударил тебя, этот трус? Ему бы только со слабыми драться!

— Фто, ты думаешь, фто я ее ударил? А мои зубы, фто фами вылетели? — возмущенно откликнулся ее похититель. Он сидел, скрестив ноги, у строения, напоминающего шалаш, покрытого звериными шкурами, и пытался откусить хоть что-нибудь от куска жаренного мяса, но без передних зубов это плохо у него получалось.

— Ничего, через неделю будут, как новые, — невольно улыбнулась Лиза.

— А вы кто-такие, откуда пришли в наш лес? — она с любопытством оглядела поляну. Здесь было пять таких же шатров, горели костры, плакали дети, сутились женщины. Запах дыма смешивался с запахом немытых тел, и внезапно Лиза поняла, почему здешние обитатели такие смуглые. Они никогда не мылись, похоже такой слой грязи неплохо защищает кожу от солнца, но запах...

— Мы — племя Серой Совы, раньше жили там, высоко в горах. Но зимы стали холодные, был голод, многие погибли, и мы решили уйти, хотя наши предки всегда жили

там. Я — Лана, дочь Крона. Он раньше был великий воин, а теперь главный над всеми! А дурака, который тебя похитил, зовут Терн, и он сын брата моего отца. Если бы он думал головой, а не чем — нибудь другим, он бы не поступил так глупо!

Тебя наверное уже ищут! Теперь все племя под угрозой. — Лана еще раз сердито взглянула на сына своего дяди, тот, не выдержав ее унижительных намеков, скрылся в шатре.

Ободренная явной симпатией к ней Ланы, Лиза заявила:

— Конечно, ищут, но если вы меня отпустите, то я никому ничего не скажу!-

— К сожалению, мы не сможем тебя отпустить, хотя сын моего брата и потерял голову, как олень во время гона! — говоривший был намного старше всех на этой поляне, его длинные волосы были совершенно седыми, а глаза напоминали ледышки, светлые и холодные.

Рядом с вождем стояло несколько молодых охотников, также живописно одетых в шкуры и кожу, вооруженных до зубов, а уж зубы... Лиза и позабыла от удивления, что попала в плен не просто к дикарям, а к нелюдям.

Она возмущенно спросила:

— И что вы со мной сделаете, съедите или еще что придумаете?

Вождь слегка улыбнулся, а стоявшие с ним рядом парни с трудом сдержали смех.

— Мы не едим себе подобных, тем более если это молодые и красивые женщины!

Но ты можешь стать одной из нас, после суровой зимы у нас погибло много народу. Ты можешь сама решить, кто из наших мужчин тебе больше по душе. Терн, судя по тому, как ты обошлась с его зубами, тебе не понравился.

— Спасибо за оказанную честь, но я совершенно не могу остаться! У меня вообще-то семья есть, дети еще совсем маленькие. Кроме того, мой муж обязательно придет за мной!

Один из молодых охотников усмехнулся:

— А если и придет, что он сможет сделать? Вы слишком слабые против пьющих кровь!

Лиза смирила говорившего презрительным взглядом:

— Эта земля, на которой стоят ваши жилища, и этот лес, где вы охотитесь, все это принадлежит моему мужу. И если он придет за мной, то ты потеряешь не зубы, а голову!

Она прислонилась спиной к дереву и стала смотреть в лесную чащу. Честно говоря, она была уверена, что Рюдигер непременно отыщет ее, но молила Бога, что бы он был не один. Лиза уже тысячу раз прокляла себя за то, что не прислушалась к его словам и отправилась в лес. Теперь ей оставалось только надеяться на чудо.

Лана присела рядом на корточки и удивленно спросила:

— Ты живешь в доме из красного камня, он очень большой! Но разве лес может принадлежать кому-то?

— Может-, устало ответила она, — а также коровы, которых вы украли в Волчьем логое, они тоже чужие, а их хозяева не так слабы и беззащитны, как люди!

Лана задумалась:

— Ты ведешь себя очень смело, твой муж наверное сильный воин! Но он вряд ли сможет справиться с кем — нибудь из наших.

В глазах девушки загорелся азарт:

— Когда стемнеет, я помогу тебе сбежать!

— Даже и не думай об этом! — один из охотников незаметно подошел к ним сзади. —

Среди Серых Сов еще не было предателей! Кроме того, племени нужны женщины. Ведь ты же не хочешь рожать детей! Воображаешь себя охотником не хуже мужчины!

Лана вспыхнула, как сухая трава. Даже через слой грязи было видно, как она покраснела. Как волчица, она набросилась на высокого темноволосого парня.

— Да не от тебя ли, Стерх, я должна рожать этих самых детей! Даже если на совете племени мне прикажут это сделать, ты все равно не сможешь даже подойти ко мне, ближе, чем на два шага. Если конечно не хочешь посмотреть на свои выпущенные кишки!

Стерх уже был не рад, что связался со вздорной девчонкой. Но теперь с нее надо не спускать глаз, ведь если что-то взбредет ей в голову, она обязательно это сделает, или хотя бы попытается...

Лиза подумала, что Лана начинает ей нравиться, но кажется девушке грозят большие неприятности.

Жертвенный алтарь

Рюдигер проснулся раньше обычного, но Лизы уже рядом не было. Она упорно придерживалась своей привычки вставать рано. Впрочем для хозяйки большого дома это было довольно полезное качество. Проследить за всем самой, дать нужные распоряжения на кухне, да мало ли какие дела могут найтись у женщины. Он с сожалением отклонил мысль немедленно увидеть жену, ведь стоит только коснуться ее волос, услышать ее запах и заглянуть в ясные серые глаза, и он надолго забудет обо всем на свете.

Но это дело было слишком серьезным, надо было как можно скорее во всем разобраться. Он заглянул в детскую, Александр и Ульрика мирно спали, все было спокойно. Его жена была твердо уверена, что ни няньки, ни кормилицы не заменят детям родных мать и отца, и Рюдигер был в этом с ней совершенно согласен.

Причем не только на словах. Если была возможность, он всегда старался побыть с детьми. Их сын и дочь отличались хорошим здоровьем, отменным аппетитом и удивительно живым нравом, который мог вывести из терпения кого угодно. Впрочем, стоило только поглядеть на их очаровательные мордашки, мягкие черные кудри и яркие глаза, как сердце таяло.

Александр отличался редким упрямством и серьезностью, как и положено мужчине, Лиза находила в его милом личике что-то от своего отца, по крайней мере глаза у него были такие же серые. Ульрика же была точной копией Рюга, и как будто понимая это, уже сейчас вила из него веревки.

Вот и вчера девочка долго отказывалась засыпать, даже безотказное средство — папины надежные руки, никак не помогало. Малышка искренне считала, что ночь-самое лучшее время для игр и развлечений. Наконец, когда Рюдигер уже сам стал клевать носом, она сдалась. Не веря своему счастью, он тихонько положил дочь в кроватку и осторожно разбудил Лизу. Пытаясь уговорить сына, она сама крепко уснула рядом с ним. Остаток ночи был в их полном распоряжении, и они провели его наилучшим образом. Вспомнив об этом, он улыбнулся, и стараясь сохранить хорошее настроение, покинул замок.

Барон фон Шлотерштайн не рассказал жене, о том, что так напугало их с Алесем в лесу. Это было слишком странным и необычным, и Рюдигер решил посоветоваться с Иоганном. Казалось в этой жизни не было таких вещей, о которых бывший наемник не слышал.

Его учитель уже давно был на ногах. Жизнь наемного солдата переменчива, и он еще в молодости приучил себя жить по человеческому расписанию. В кузнице горел огонь, и он с увлечением трудился над очередным заказом.

— Неужели в двадцать с небольшим тебя мучает бессонница? — несмотря на то, что Рюдигер старался ступать бесшумно, Иоганн безошибочно угадал, кто стоит у него за спиной.

— И что это будет? — Рюдигер с любопытством рассматривал его работу. Иоганн протянул ему изящный небольшой клинок.

— Нажми на рукоять, да сильнее!

Рюг послушно нажал, внутри кинжала что-то щелкнуло, и рядом с основным лезвием выскочило еще два, покорооче. Он с отвращением вернул назад смертоносную игрушку.

— Но это же гадость! И кто заказал у тебя такое?

— Один пожилой господин. Он хочет быть уверен в безопасности своей дочери и не слишком доверяет телохранителям. — пожав плечами, ответил Иоганн.

— Но это бесчестно, применять подобные вещи! — возмутился барон.

— Ну, например тебе ничего подобного не нужно, — наемник снял кожаный фартук и вытер пот с лица, — ты и с голыми руками намного опаснее. Ведь у тебя талант от Бога.

Рюдигер поморщился, подумав, что Бог скорее всего тут ни при чем.

— Я знаю, ты считаешь меня трусом, только не говоришь вслух. — обратился он к старику.

Они покинули мастерскую и с радостью вышли из жары в утреннюю прохладу. Иоганн посмотрел на него неожиданно серьезно:

— Вовсе нет, напротив. Ты смог понять то, о чем я догадался уже в конце жизни. Война — ревнивая стерва, вряд ли она просто так отпустит такого красавчика! Она возьмет такую цену, что мало не покажется. И вообще не расстраивайся, на твою жизнь хватит опасностей, в кустах не отсидишься! Но неужели жена отпустила тебя голодным, или я ошибаюсь? — наемник поспешил увести разговор в другую сторону от опасной темы.

— Нет, ты как всегда прав, но то, о чем я хочу поговорить, волнует меня гораздо сильнее еды!

— Ну, одно другому не мешает! Пошли, поговорим за завтраком!

В доме было прохладно. Тетушка Крина уже давно увидела, кто к ним пожаловал, и расстаралась, накрывая на стол. Она упорно считала его маленьким мальчиком, хотя со времен беззаботного детства он сильно изменился. Хотя он по-прежнему был высок и строен, но под тонкой тканью рубашки скрывались нешуточные мускулы. Теперь Рюг производил впечатление не хрупкого юноши, а сильного мужчины. Быстрота и грация движений делали его похожим на дикого зверя. Но отпив из большой глиняной кружки, он совершенно по-детски удивился:

— Ух ты, кровь с молоком! Тетушка, ты помнишь, что я люблю!

Крина потрепала его по непослушным волосам:

— Пусть Лиза с малышами заглядывает почаще, не забывает стариков!

Иоганн внимательно разглядывал странную стрелу с костяным наконечником. Наконец вернул ее Рюдигеру и задумчиво сказал:

— Вот уж не думал, что придется еще раз это увидеть! И ты говоришь, там были следы?

— Да, странные следы, как будто в чулках ходили, и ловушка-яма с кольями...

— Я видел такие стрелы лет тридцать назад. Я воевал тогда на стороне герцога Рихарда Первого, наш отряд разбили, мы с товарищем забрались далеко в горы, стараясь запутать следы. Голодные и усталые, мы уснули, не позаботясь о карауле, а проснулись связанные по рукам и ногам в деревне дикарей-язычников, которые к тому же были людоедами. Ты бы видел забор вокруг их деревни! Колья с насаженными на них головами, некоторые уже высохли от времени, другие совсем свежие...

Рюдигер поперхнулся и отставил кружку, как бы завтрак обратно не полез под такие рассказы! Иоганн поглядел на жену, которая присела на лавку с полотенцем в одной руке и половником в другой, усмехнулся и продолжил:

— Эти язычники были не просто дикари, а нелюди, такие же, как ты и я. Это существенно осложняло дело. Похоже они жили там со времен Черной звезды. Кстати, наверняка были и еще племена, потому что среди голов на заборе были не только солдаты и крестьяне, но и такие же дикари.

— Ты никогда об этом не рассказывал! Как же вам удалось спастись? — Рюдигер на мгновение ощутил себя в далеком детстве, слушая очередную историю крестного.

— Ну когда я понял, что мы с другом входим в меню праздничного ужина, то сразу вспомнил о ноже, спрятанном в сапоге. К тому же рот они завязать мне не догадались, а зубы у вампиров, сам знаешь, острые, сыромятный ремень перегрызть не сложно. Надо было быстро уходить, но я все же решил проучить этих недотеп, которые хотели приготовить из Иоганна Кранца жаркое. Мы зажгли их деревню с двух сторон. Соломенные крыши горели хорошо, как рождественские елки!

— И вечно ты хвастаешься! — Крина с грохотом опустила половник в кастрюлю.

— Это все чистая правда, женщина! Вслед нам летели точно такие же стрелы, одна попала мне в плечо, но погони не было, видимо пожар отвлек их.

Рюдигер некоторое время приходил в себя после услышанного. В отличие от тетушки Крины он ничуть не сомневался в правдивости слов старого солдата.

— Получается, что совсем рядом с нами, в нашем лесу... Но надо же что-то с этим делать, в лес постоянно ходят и старые, и малые!

Наконец решили собрать людей и прочесать весь лес вокруг деревни, отправить гонца к Лотару. Пусть приведет своих людей, полсотни хорошо обученных воинов никогда не помешают. На мосту Рюдигер наткнулся на растрепанную испуганную Любаву. Она явно направлялась в замок. Увидев Рюга, она безо всяких церемоний схватила его за рукав и развернула в сторону леса. Из ее сбивчивого пополам с рыданиями рассказа он уловил главное — Лиза пропала!

— Да зачем вас туда понесло, я же говорил ей вчера! Скажи мужу, чтобы бежал к Иоганну, да предупреди всех, кого сможешь, чтобы к лесу близко не подходили!

Удивленная Любава смотрела, как барон фон Шлотерштайн бегом несется к лесу.

— А ты куда, да еще один?

Но он даже не обернулся.

Влетев в кусты малины, Рюдигер резко сбавил скорость. Теперь надо быть до предела внимательным и осторожным. Вскоре он обнаружил примятую траву и брошенное лукошко, рассыпанные крупные ягоды. На ветке белел лоскуток от льняной рубашки.

До боли в глазах осматривая кусты и деревья в поисках хоть какихнибудь следов, он не заметил, как на правой ноге затянулся петля ловушки, и взлетел над поляной. Расскачиваясь вниз головой, Рюг тревожно слушал, как поскрипывает сосновая ветка, к которой был привязан кожаный ремень, стянувший его ногу. Среди деревьев он уловил какое-то движение и еле слышные шорохи. Это заставило его поторопиться. Не обращая внимания на боль в ноге, он вытащил из ножен на поясе охотничий нож, и сложившись пополам, перерезал веревку. Ему удалось приземлиться на обе ноги. Слегка прихрамывая, он добежал до дерева и прислушался. Вокруг было подозрительно тихо.

Вдруг со свистом рассекая воздух, в кору дерева рядом с его головой вонзился каменный топор. К нему стремительно приближался полуголый дикарь в боевой раскраске. Топор

надежно застрял в стволе дерева, и у противника Рюга остался только жуткого вида нож. Теперь они, словно в странном танце, двигались медленно и осторожно, следя друг за другом и не решаясь напасть. Дикарь не раз замахивался ножом, пытаясь попасть ему в живот, но Рюдигер ловко уклонялся и тянул время, стараясь разозлить и измотать противника. Наконец его противник потерял терпение и бросился на него. Рюгу хватило мгновения, чтобы перехватить его руку и вывернуть кисть. Каменный нож упал в траву, заломленная за спину рука хрустнула. Дикарь без сил опустился на траву, раскрашенное лицо перекосилось от боли, но он не издал ни звука. Рюдигер нагнулся за кожаным ремнем, чтобы связать пленника, и тут рядом с ним в траву вонзилось копьё.

Не успел он подняться на ноги, как на него налетел еще один. Дикарь занес над ним боевой топор, явно рассчитывая проломить Рюгу голову, но барон с силой пнул его в живот. Рюдигер быстро выдернул из земли копьё и метнул в противника, но тот неожиданно ловко увернулся и снова бросился на него. Потеряв равновесие, они покатались по траве, дикарь выронил свое оружие, но крепко сжимал кисть Рюга, не давая ему воспользоваться ножом. Их силы были практически равны, но противник решил воспользоваться тем оружием, что дала ему природа. Из всех сил преодолевая сопротивление Рюга, он пытался перегрызть ему горло! Острые белые клыки щелкали почти рядом с его шеей. Возмущение этим нелепым поворотом событий неожиданно придало Рюдигеру силы, и он сумел перевернуться.

Теперь он глядел сверху на своего соперника, надежно прижимая его к земле коленом и медленно опуская руку с ножом. Барон тяжело дышал, не в силах справиться с охватившим его гневом. В его лесу, на его земле эти негодяи охотились на него, как на животное, они посмели похитить его жену! Больше всего ему сейчас хотелось перерезать горло поверженному врагу. Вдруг он успел заметить рядом какое-то движение. Первый из нападавших попытался здоровой рукой схватить брошенный топор. Рюдигер пригвоздил его руку кинжалом к траве, и охватившее его бешенство медленно отступило.

Пленники были надежно связаны. Теперь можно было их рассмотреть, не торопясь. Лица, покрытые белой краской, глаза, обведенные черными кругами, делали их похожими на жутких призраков, и удачно скрывали их возраст. Но Рюдигер уже догадался, что они слишком молоды, практически мальчишки, особенно первый, со сломанной рукой. Перехватив взгляды, которыми они обменивались, он решил, что, возможно, они к тому же братья. В длинные волосы были вплетены мелкие кости и птичьи перья, они упорно делали вид, что не понимают ни слова из его вопросов. Хотя по словам Иоганна их язык не слишком отличался от самого распространенного наречия в Алдании.

Наконец терпение Рюга закончилось. Схватив младшего из дикарей за связанные за спиной руки и слегка вывернув их, чтобы тот почувствовал боль, он с жестоким удовольствием заявил:

— Если вы не покажете мне дорогу в вашу деревню, я отрежу вам головы, ему первому!
На раскрашенном лице старшего наконец отразились какие-то чувства, он заговорил:
— Я покажу, идем. Только не убивай его!

Младший, услышав это, с презрением плюнул на землю, и тут же получил от Рюдигера

хорошую затрещину.

Они шли уже довольно долго, забираясь все дальше в лес. Связанные друг с другом пленники то и дело спотыкались, их явно мучала жажда. Но Рюдигер не проявлял к ним ни капли сочувствия. Здорово напуганный рассказом наемника, он очень боялся не успеть и изо всех сил молил Бога, чтобы его жена была жива. Тем временем тропинка завела их в самую чащу, Здесь было темно и сумрачно, и почти не видно солнца. Рюг бесцеремонно кольнул старшего из дикарей ножом:

— Долго еще?-

Парень посмотрел на своего мучителя с нескрываемой ненавистью:

— Почти пришли. Вот за теми деревьями наше племя. Ты убьешь нас?

Барон пожал плечами:

— Если вы не обманули меня, то и я сдержу слово. Зачем мне ваши раскрашенные головы! Но придется вам немного поскучать.

Оставив их привязанными спиной к стволу дерева с кляпами во рту, он отправился вперед. Вскоре он подошел к большой поляне. Проклятые дикари явно считали его лес своим домом. Над палатками из шкур вился дымок, носились на редкость чумазные дети, сутились женщины. Мужчины, сидя на корточках, о чем-то оживленно беседовали. Похоже, они ничего не опасаются, даже охраны не выставили! И никаких отрубленных голов на кольях он не заметил! Зато над одной из палаток гордо красовался рогатый череп, а неподалеку, растянутая на кольях, сушилась коровья шкура.

Вдруг с другого края поляны отчетливо донеслось:

— Ну, что пялитесь черти неумытые! Скажите спасибо, что у меня руки связаны, а то нечем было бы скалиться! Ели бы целый месяц манную кашу и помалкивали!

Это определенно была его Лизхен! Наивные дикари не догадались завязать ей рот, и теперь расплачивались за свою неосмотрительность! Судя по голосу, ничего страшного с ней не случилось. Рюдигер немного успокоился.

Осторожно обогнув поляну, он увидел свою жену. Она была связана по рукам и ногам, растрепана, сердита...и очень красива. Не удовлетворившись сказанным, она добавила некоторые пикантные подробности о родителях своих похитителей, а также о том, как они появились на свет. Однако у его жены богатое воображение! Рюдигер неожиданно представил кое-что из этого и почувствовал, что краснеет.

Видимо сидевшие на корточках около пленницы дикари не были глухими, один за другим они встали и с достоинством удалились. Двое задержались, они увлеченно спорили и не обращали на Лизу никакого внимания. Дождавшись, когда высокий воин с темными волосами и хрупкая рыжая девчонка с луком за спиной и ножом у пояса отойдут подальше, он осторожно кинул в Лизу камешек. Она сердито подняла глаза, явно собираясь окатить шутника целым градом отборных выражений, но увидев Рюга, застыла с открытым ртом. Он приложил палец к губам и, оглядевшись вокруг, быстро перерезал связывающие ее веревки. Она молча обняла его, и Рюг услышал, как сильно бьется ее сердце. Он осторожно потянул ее за руку, надо было быстро уходить, обернулся и увидел нацеленные на них копья!

Напрасно он посчитал здешних обитателей беспечными. Похоже здесь были все взрослые мужчины племени, и настроены они были крайне серьезно! Пожилой воин с совиными перьями в седых косах с усмешкой взглянул на них:

— Значит, это тебе принадлежит этот лес, и ты пришел за своей женщиной! В одиночку, ты очень смелый или очень глупый!

Стоявшие рядом соплеменники поддержали вождя дружным смехом. Воспользовавшись этим моментом, Рюдигер оказался рядом с предводителем. Он приставил длинный нож к его горлу.

— Да, я пришел за своей женщиной, и мы сейчас уйдем, а ты проводишь нас. И не вздумай сопротивляться, ведь ты уже не молод, твои раны сами не заживут!

Лиза уже успела подобрать где-то копьё и медленно отступала в лесную чащу.

Окружившие их воины по знаку вождя медленно расступились, бросая на них выразительные взгляды. Как вдруг Лиза коротко и сердито выругалась. Позади нее словно призрак возник высокий дикарь с темными волосами, в спину ей уперлось острие ножа.

— Эй, чужак, что ты теперь скажешь? Бросай свой нож!

Рюдигер подумал, что его не слишком хитрый план с треском провалился. Но тут появилась девчонка с грязно — рыжими волосами. Она словно фурия накинулась на воина.

— Раз ты угрожаешь ножом женщине, то попробуй сначала со мной справиться! Ну, что же ты, Стерх? Или боишься проиграть? Я вызываю тебя, слышишь! Если откажешься, ты трус!

Стерх растерянно оглянулся на своих соплеменников. Те, кто помоложе, смотрели на него с ехидными усмешками. Зато вождь вдруг обратился к рыжей:

— Лана, что ты делаешь, я приказываю тебе остановиться!

Угроза в его голосе перемешалась с мольбой. Лана была его единственной дочерью. Его жена не перенесла холодной и голодной зимы, а его сын, близнец Ланы, погиб в сражении с каннибалами из племени Росомахи. После гибели брата девушка стала сама не своя. Она упорно отвергала все, присущее своему полу, и будто притягивала к себе опасности. Вот и сейчас то ли чувство справедливости, то ли дух противоречия заставили ее встать на сторону чужаков. Она бросала вызов одному из лучших воинов племени, даже не думая о последствиях. Вождь впервые подумал, что может быть смерть брата повредила рассудок его дочери.

Девушка строго взглянула в глаза Крону:

— Отец, ты должен их отпустить, а если нет, то я буду с ним драться!

Вокруг уже давно собрались почти все обитатели деревни. Судя по оживленному поведению толпы отпускать чужаков никто не хотел, но зато все бы охотно развлеклись поединком, пусть и не слишком равным. Крон медлил с решением, гадая, что в его положении хуже, упасть в глазах всего племени или единственной дочери.

Вдруг толпа расступилась, пропуская вперед древнего старика весьма отталкивающей внешности. На шее у него было ожерелье из черепов мелких животных, морщинистое лицо было покрыто странными знаками, в руках старик держал деревянный посох, с надетым на него лисьим черепом. Глядя, как отпрянули от него соплеменники, Рюдигер понял, что этот грязный старик наделен здесь большой властью. Старик неожиданно остановился напротив Рюга и ткнул в него посохом:

— Пусть чужак дерется со Стерхом. Женщина достанется победителю, а побежденному вырвут сердце на Черном камне!

Толпа испуганно ахнула. Шаман, довольный произведенным впечатлением, продолжил:

— Наши боги давно уже не получали настоящей жертвы! Олени и кабаны лишь жалкая замена!

Рюдигер был поражен до глубины души. Несмотря на то, что сейчас его главной проблемой было остаться в живых, он весь кипел от негодования. На его земле, в христианской стране проводят темные и кровавые языческие обряды! Между тем, все двинулись к месту поединка. Поравнявшись с Лизой, он шепнул ей:

— Попытайся сбежать!

Но она только упрямо покачала головой. Как ни странно, никто не позаботился отобрать у нее копье.

Вождь Серых Сов явно был недоволен таким бесцеремонным вмешательством старого шамана.

— Что за безумие убивать молодых и сильных! Разве этого хотят боги? Чтобы мы уничтожали себе подобных, словно звери или уподобившиеся им Росомахи? Ты потерял разум, старик!

Но старый жрец только неприятно усмехнулся:

— А ты того гляди потеряешь власть, Крон! Посмотри вокруг!

И в самом деле, почти половина собравшихся была готова поддержать шамана.

Вскоре они вышли к просторной поляне. По ее краю, образуя почти правильный круг, стояли большие валуны. В центре находился огромный черный камень. Его гладкая блестящая поверхность была покрыта странными знаками. Земля у его подножия стала бурого цвета от впитавшей в нее крови. Вокруг поляны на деревьях сидели совы, словно подтверждая название племени. Их желтые глаза светились в темноте, что делало зрелище еще более жутким.

Соперников вытолкнули в круг. Зрители остались за каменным кольцом. Стемнело, и вокруг поляны вспыхнули факелы. Огонь выхватывал из темноты хищные острозубые улыбки зрителей и отражался в азартно блестящих глазах. Встревоженная предстоящим поединком, Лиза пробилась в первый ряд. Она винила во всем случившемся только себя и в ужасе ждала начала боя. Лана стояла рядом.

Рюдигер рассматривал своего противника. Примерно одного с ним возраста, такой же высокий и сильный. В его мире, чтобы дожить даже до этих лет, надо постараться! Пусть он не обучался фехтованию у лучших мастеров, зато может догнать на бегу оленя или косулю и убить голыми руками, пережил не одну стычку с такими же дикими племенами. Смотрит на него с явной ненавистью, а после слов шамана вообще будет сражаться, как бешеный. Ведь проигравшего ждет смерть на алтаре! Но и ему тоже есть, что терять!

Внезапно прямо рядом с ним в землю воткнулось копье. Стерх ударил первым, без предупреждения. Вот уже он несется на Рюга с каменным топором. Выставив вперед такой же топор, предусмотрительно подсунутый Ланой, Рюдигер отбил сокрушительный удар и, не теряя времени, замахнулся сам. Но его противник тут же увернулся и снова бросился в атаку. Несмотря на незнание хитрых приемов, Стерх на удивление ловко избегал ударов Рюга, пытаясь попасть по нему топором. Их сражение несколько затянулось. Уже было ясно, что проиграет тот, кто первый устанет от этого смертельного танца.

Лиза как во сне смотрела на сражающихся мужчин, она испытывала гордость за мужа и одновременно жуткий страх. От того, что она была бессильна чем-нибудь помочь, молодая

женщина почти потеряла сознание.

В очередной раз противники скрестили свое оружие и медленно переступали в странном танце, пытаясь склонить весы каждый в свою сторону. Вдруг Рюдигер неожиданно быстро пнул дикаря по колену, и Стерх потерял равновесие, упав на примятую их ногами траву. Он попытался встать, но Рюдигер с силой ударил его по голове тупым концом своего оружия. Его противник осел на землю и больше не делал попыток подняться. Не обращая внимания на возгласы удивленных зрителей,

барон мигом очутился около жертвенного камня. Схватив старого шамана, он легко словно тряпичную куклу, бросил его на черную плиту и приставил нож к его груди.

— Если тебе так нужна жертва, то может быть твое черное сердце подойдет лучше!

— Убейте чужака! — взвизнул шаман. Несколько молодых воинов рванулись к жертвеннику, но один из них тут же упал, сбитый с ног сильным ударом Стерха. Тот уже пришел в себя после поражения и неожиданно принял сторону Рюдигера. Лучший охотник племени не собирался заканчивать свои дни на жертвенном камне.

— Серые Совы не приносят в жертву себе подобных! Если мы начнем делать это, то превратимся в зверей!

К нему присоединился Терн, угрожающе поигрывая каменным топором. Он был полностью согласен с товарищем, но ограничился только щербатой улыбкой.

Впрочем его свирепый вид убивал всякое желание подшутить над пострадавшими зубами. Увидев, что придется драться со своими соплеменниками и друзьями, воины в нерешительности застыли.

— Убейте их! Не получив жертву, боги рассердятся! Их гнев будет страшным, а голод ненасытным! — шаман отчаянно пытался вырваться из железных рук чужака, но Рюдигер не ослаблял хватку. Непонятная темная сила казалось притягивала к базальтовой плите их обоих. Огонь факелов осветил на миг углубление в центре плиты, и Рюдигер почувствовал чей-то древний неутолимый голод и представил, как горячая кровь стекает по неглубоким бороздкам в середину плиты и исчезает в углублении. Чья-то страшная неумолимая воля требовала от него прикончить жалкого старика и напоить горячей кровью спящего в камне демона.

«Пресвятая Богородица, да что же я делаю!» — Рюдигер вздрогнул, вырываясь из объятий кошмара и сдернул свою жертву с плиты.

— Больше никаких языческих обрядов! — он обвел гневным взглядом окруживших его лесных жителей.

Но поклонники темных сил вовсе не собирались отступить. Один из стоявших позади алтаря воинов сделал попытку метнуть в Рюдигера копьё, но коротко вскрикнув, выронил оружие. Из предплечья торчала арбалетная стрела. Несколько стрел вонзились в землю у черного камня. Рюдигер поднял глаза и увидел, что поляна окружена его людьми. Пока все увлеченно наблюдали за схваткой, их незаметно окружили. Тех, кто все-таки заметил пришельцев и попытался оказать сопротивление, быстро вывели из строя.

Неровный свет факелов выхватил из темноты зеленые раскосые глаза под соломенной челкой и странные уши. Не опуская арбалета, Василий укоризненно заметил:

— Мог бы и меня позвать, что за глупое геройство!

Почти не глядя, он выстрелил еще раз, и дикарь, занесший топор над Стерхом, схватился за ногу.

— Я же говорил, что надо целиться в сердце! — высокий воин в кольчуге с

непослушной копной седых волос, раздвигая толпу, шагал к камню. Лиза взвизгнула и обняла старика. Иоганн, слегка смутившись, осторожно отстранил ее:

— Ну, полегче, девочка. Твой муж тут сам почти со всем справился, но мы все же решили, что помощь не помешает! Я еще не настолько стар, чтобы сидеть дома и греться у печки!

Рюдигер огляделся. Двадцать человек из охраны его замка, деревенские парни, из которых он пытался сделать настоящих солдат, грозно сжимали мечи и арбалеты. Здесь была и половина деревни, вооруженная вилами, косами и топорами, а также хозяева бесследно пропавших коров из Волчьего Лога. Он искренне обрадовался, что стемнело, и они не наткнутся на бранные останки своей скотины. Обратни не хуже лесных жителей сверкали в темноте глазами и свирепо смотрели на дикарей, одетых в безрукавки из волчьего меха. Рюдигер подумал, что это похоже на сарай с сеном, где вот-вот уронят горящую лучину.

Крон между тем занялся укреплением своей пошатнувшейся власти. Старого шамана и его самых горячих сторонников надежно связали. Видимо у большинства жуткие старые обряды не пользовались одобрением. Вождь почтительно обратился к Иоганну, видимо считая его здесь главным:

— Серые Совы не враги вам, мы совершили ошибку и просим назначить любую цену, чтобы искупить свою вину!

Рюдигер спросил:

— Но зачем вы пришли сюда?

— В нашем краю стало слишком трудно выживать. Холодные зимы, голод, свирепые соседи. Племя уменьшилось почти вдвое...Здесь мы не хотели ни с кем ссориться, но молодые охотники не столько смелые, сколько глупые! — Крон только махнул рукой, как-то разом приуныв и растеряв всю свою важность. Неподалеку вдруг громко и надрывно заплакал младенец.

Лиза тревожно прижалась к мужу. С кем сейчас два их драгоценных создания? Наверное, довели до умопомешательства всех служанок и орут в два голоса! Васька вдруг подмигнул ей:

— Там у вас ваша бабка хозяйничает, а у нее все строго! И Любава моя сказала, забежит, проведает, так что за своих разбойников малолетних не волнуйтесь! Накормлены, присмотрены, и замок по кирпичикам не разбирают.

Крон напомнил о себе:

— Так чем же мы оплатим за свою ошибку? Мы можем просто навсегда уйти из этих мест!

Кое-кто из деревенских радостно поддержал это предложение, дескать скатертью дорога, век бы вас неумытых не видеть! Но Рюдигер поднял руку, призывая к тишине:

— Нелегко скитаться по лесам с женщинами и малыми детьми. К тому же скоро зима.

Я предлагаю вам остаться на моей земле. Те, кто примут мое предложение, будут подчиняться моим законам и правилам. Но я также обещаю им свою защиту и покровительство, еду и крышу над головой! Подумайте, а завтра, когда солнце уже не будет таким жарким, выйдете к деревне и объявите свое решение!

Во взгляде Лизы удивление смешалось с восхищением, Василий выразительно покрутил пальцем у виска, но Иоганн удовлетворенно кивнул:

— Это слова взрослого мужчины!

Клятва верности

Настасья стояла в центре детской комнаты и удивленно оглядывала разгром. Такое ощущение, что здесь пронеслась свирепая орда восточных завоевателей, а может, сказочный вихрь закружился прямо на том месте, где она стоит сейчас. Все, за исключением разве что мебели, было перевернуто, даже занавески оторваны. Ох, слава Богу, окошко закрыто, да и высоко вато для этих безобразников. Она еще раз с сомнением поглядела на невинные хорошенькие рожицы правнуков, больно уж малы для того, что бы так перевернуть все вверх дном и довести до истерики всю прислугу женского пола. Она застала детишек истошно орущими на два голоса и швыряющими в бедных служанок все, до чего они могли дотянуться. Однако теперь порядок был восстановлен. То ли чувствуя в Настасье родную кровь, то ли просто утомившись от непрерывного ора, малыши успокоились.

Александр сосредоточенно занялся бутербродом с домашней колбасой, изредко все же всхлипывая, а Ульрика восхищенно вертела в руках и пробовала на зуб расписную птичку-свистульку. Бабка удовлетворенно взяла девочку на руки, сердито ворча:

— И что за дурехи, детей малых успокоить не могут!

Девочка между тем освоила игрушку и выдала звонкую трель. Бабка хотела напомнить ей примету относительно денег, но подумала, что в год с небольшим это все равно непонятно.

Хорошенькая синеглазая малышка была непоседливее и бойче старшего брата. Александру часто доставалось от непоседливой сестрички, но он относился к этому со странным для двухлетнего ребенка пониманием и редко давал сдачи. Прабабушка души в них не чаяла, совершенно не обращая внимания на острые нечеловеческие зубы и слишком бледные, неподдающие загару личики.

Стараясь не думать о том, куда же пропали мать и отец этих непосед, она подошла к окну и с удивлением увидела, что к мосту стремительно приближается всадник. Длинные черные кудри вьются за спиной, худенькая фигурка почти слилась с конем вороной масти. Далеко сзади скачут еще трое, но они безнадежно отстали.

Вскоре лихой наездник на полном скаку влетел в ворота замка. Ловко спрыгнув с коня, он оказался хрупкой черноглазой девицей в мужской одежде с охотничьим кинжалом у пояса. Это была младшая сестра Рюга, Анна. От бешеной скачки девушка раздурманилась и была похожа на Белоснежку, как ее описывают в старых сказках: волосы черные, как ночь, лицо белое, как снег, губы алые, как кровь. Ну разве что у Белоснежки не было острых вампирских клыков, а так сходство было почти полным.

Девица с восторгом подняла на руки племянника:

— Ах ты, мой принц! Как же ты вырос, скучал по мне?

Александр был ее крестником, и Анна была готова возиться с ним целыми днями. Впрочем, и Ульрика не оставляла ее равнодушной.

— Что же ты охрану свою совсем загнала, вон еще только подъезжают! В их возрасте по такой жаре на полном скаку за тобой гоняться! Ну что молчишь, нехорошо, девочка! — строго напустилась на нее старушка. Прямая и открытая, как старший брат, к тому же

совершенно неопытная, Анна вызывала у Настасьи желание научить ее уму-разуму. Действительно подъезжающие следом за девушкой к замку пожилые воины на чем свет стоит ругали их своенравную подопечную, летнюю жару и заодно деревушку Кулички.

Анна опустила красивые черные глаза:

— Но ведь я одна поехала, это маменька их следом отправила, как будто я до деревни не доберусь! А где же родители этих чудесных созданий, почему брат меня встречать не торопится?

— Представь себе, ушли в лес за малиной! — сердито ответила бабка Настя, — сначала моя внучка, затем твой братец, а потом полдеревни нашей и почти половина соседней!

Больше она ничего объяснять не стала, боясь, как бы не разреветься на глазах у девушки от гнетущего чувства неизвестности. Уж если ее невозмутимый сосед, повидавший на своем веку всякое, считал, что Лизе грозит опасность, то значит дело серьезное!

Удивленная Анна сменила мужской костюм на шелковое белое платье и увела детей в сад. Искусно подстриженные кусты и деревья образовывали природную беседку и хорошо укрывали от жаркого дневного солнца. Обычно малышей старались беречь от солнечных лучей, но здесь им ничто не угрожало.

Уже стемнело, и ночь накинула на землю свое бархатное покрывало, когда загрустившая Анна услышала стук копыт, а вслед за ним громкие голоса, смех и звон металла. Выглянув в окно, она увидела шумную компанию мужчин в доспехах и при оружии. Ее острые глаза тут же заметили непокорную гриву черных волос, принадлежавших ее брату, и светлую косу его жены. Разбудив задремавшую было старушку радостным воплем:

— Вернулись, они вернулись! — и подхватив на руки Ульрику, девушка бросилась во двор замка.

Вскоре в большом зале уже был накрыт стол, на стенах горели факелы, а на столе потрескивали свечи в массивных медных подсвечниках. Кроме Иоганна и Васьки, которые считались здесь практически членами семьи, здесь были деревенский староста и главный среди воинов Красного замка, Стефан. Староста был приземистым седым мужчиной, лет пятидесяти на вид. Стефан был на год моложе хозяина замка, родом из этой же деревни. Он держался очень строго и был ужасно горд своим назначением. Все оживленно обсуждали лесные приключения. Настасья и Анна только успевали восторженно ахать и удивленно охать. Лиза прижимала к себе обоих детей, но не забывала участвовать в общем разговоре. Теперь пережитое приключение казалось ей скорее смешным, чем страшным.

Рюдигер же был занят едой и на разговоры не отвлекался. Впрочем, на минуту подняв голову от тарелки, он промычал с набитым ртом, что надо расставить караулы вокруг деревни и быть начеку. Все уже давно закончили с ужином, и с интересом смотрели, сколько же в него влезет. Наконец Васька не выдержал и со смехом сказал:

— Ну сколько же можно жрать, смотри не лопни!-

Бабка Настя недовольно взглянула на лопухого мельника:

— Тебе бы с детства только посмеяться, а он ведь с утра по лесу носится! Внучек, может еще хочешь? Лизавета, ну-ка отправь кого-нибудь на кухню, а то на столе уже пусто!

Обеспокоенный такой непривычной нежностью, Рюдигер удивленно покосился на бабку:

— Спасибо, но тогда я и в самом деле лопну. — он наконец почувствовал, что голод отступил, и отодвинулся от опустевшего стола.

После богатого опасными событиями дня на него нахлынуло умиротворение. Кругом были только самые близкие и надежные люди, любимая женщина была спасена, в ее глазах он читал гордость и восхищение, сын и дочь были рядом с ними. Даже жуткие дикари оказались не такими уж и страшными, их скорее было как-то жалко. Он предложил им свою помощь и покровительство, но что из этого выйдет? Лиза заметила, что лицо мужа стало снова непривычно серьезным и задумчивым. Она решительно вручила ему Ульрику:

— Им уже пора спать, да и нам тоже. Утром все станет ясно.

Мальши наконец уснули. Расплетая косу, Лиза обратилась к Рюгу:

— Может ты простишь меня, за то что я оказалась такой упрямой душой! Мне не хотелось говорить это при всех, но как я могла не послушать тебя, не принять всерьез твои слова!

Она вспомнила поляну с черным камнем, освещенную огнями факелов и горящими глазами зрителей, свой ужас потерять его чуть ли не в двух шагах от дома, свое бессилие и одновременно почти первобытную гордость за своего мужчину!

В голове все еще крутились сердитые слова ее бабушки: «Пора уже и поумнеть! Мужа надо слушаться, а не характер показывать! Не сумел бы он тебя выручить, на кого дети бы остались? Или ты думаешь, мачеха бы стала о них заботиться? Что губы дуешь, ихние зубастые девки знаешь какие шустрые, быстро бы твоего красавчика к рукам прибрали!» Заметив, как Лиза свела ровные красивые брови, бабка удовлетворенно вздохнула. Ее слова достигли цели. Конечно, она знала Рюдигера с детства, и прекрасно понимала, что в подобном случае скорее придется опасаться за его жизнь или рассудок, но припугнуть внучку не помешает!

Лиза удивленно подумала, что они с Рюгом всегда уважали чужое мнение и все решения принимали вместе. Никто из них не стремился командовать, а что до сегодняшнего утра, так ведь если бы не свекровь с ее бесконечными поучениями...

На белой подушке резко выделялись черные волнистые волосы, обрамлявшие бледное уставшее лицо, глаза Рюга были закрыты, но Лиза все же собралась с духом и сказала:

— Я бы просто умерла, если бы с тобой что-нибудь случилось. Клянусь, что буду всегда тебя слушаться!

— Лизхен, я тоже тебя люблю! — пробормотал он и повернулся на бок. Сколько не пыталась она его разбудить, но все было бесполезно.

Утро наступило слишком быстро. Проснувшись, Лиза с удивлением обнаружила мужа уже полностью одетым. Он стоял у окна и тревожно всматривался в темнеющий вдали лес. Она вспомнила свое вчерашнее несколько необдуманное обещание и с тайной надеждой спросила:

— Милый, ты слышал, что я вчера тебе говорила, или может быть, уже спал?-

Вампир резко повернулся к ней и с хитрой улыбкой ответил:

— А как же, помню каждое слово! Ты, кажется, обещала меня слушаться во всем и подчиняться беспрекословно!

Лиза чуть не задохнулась от возмущения:

— Но я этого не говорила, чтобы подчиняться, это уже слишком!

Она сидела на краешке кровати, подвернув одну ногу под себя. Густые светлые волосы рассыпались по плечам, под тонкой ночной сорочкой из почти прозрачной ткани угадывались красивые крепкие груди. Серые глаза метали молнии, полные губы сердито

криви-

лись, щеки горели от возмущения. Не в силах удержаться, Рюдигер заключил ее в объятия, и они упали на смятую кровать. Лиза в шутку отбивалась:

— Ненормальный, набросился, как зверь!-

— Ну, я же должен тебя наказать за то, что мужа не слушаешься!-

Она неожиданно сильно прижалась к нему:

— Ну так наказывай, у тебя еще есть время!

Ночь прошла на удивление спокойно. Ни охрана замка, ни деревенские жители, половина которых не спала всю ночь, ничего странного или опасного не заметили. День медленно тянулся в напряженном ожидании. Зато ближе к вечеру, когда дневная жара спала, на краю леса появилась странная процессия. Здесь были воины, вооруженные каменными топорами и копьями с костяными наконечниками, женщины со странными прическами, одетые в звериные шкуры, из-за их спин выглядывали любопытные, на редкость чумазые дети. Пришельцев было немного. Племя СерыхСов разделилось, половина ушла из этих мест вместе с шаманом. Остальные неуверенно смотрели на жителей деревни, которые в свою очередь пришли на них поглазеть.

Барон фон Шлотерштайн встречал их с отрядом своих воинов. Одетый в белую рубашку и кожаную безрукавку, вооруженный только шпагой, он тем не менее выглядел очень внушительно. Красивое лицо было серьезным, синие глаза смотрели строго. Лиза невольно залюбовалась мужем. Сама она одела охотничий костюм, вооружилась кинжалом и арбалетом. Пусть не думают, что ее так уж легко взять в плен.

Вчерашние деревенские парни, вооруженные полторными мечами и арбалетами, выглядели серьезной силой. Его крестный был рядом. На нем была кольчуга, в которой было ужасно жарко, и мысленно он ругал жену, которая не хотела выпускать его без нее из дома. Крина не на шутку разволновалась, она твердила ему, что он уже давно не молод, что теперь любая рана может отправить его на тот свет, что если он не думает о себе, то пусть подумает о тех, кому он не безразличен. Под конец она села на лавку и неожиданно горестно разрыдалась. Иоганн сдался, но теперь уже не один раз пожалел о своей минутной слабости.

Василий щеголял в такой же, как у Рюга, кожаной безрукавке, перетянутой ремнем, с арбалетом за спиной, шпагой на боку и длинным ножом у пояса. Если бы не длинные уши, он выглядел бы настоящим головорезом. Он повернулся к Рюгу и возмущенно шепнул:

— Тебя что по голове вчера стукнули? Они же дикари, язычники, да что там, хищные звери на двух ногах!

Рюдигер сердито поглядел на друга, которого знал с детства:

— Знаешь, и про меня можно сказать почти тоже самое, ну про дикого зверя...Мы должны им помочь выжить и найти свое место в этом мире!

Он распрямил плечи и сделал шаг навстрече Крону, который медленно шел к нему с двумя воинами. Вождь слегка склонил голову:

— К сожалению, не все из нас решились придти сюда, часть моих людей ушла. Но остальные готовы дать тебе, хозяин этих мест, клятву верности.

Лиза уже всюду шушукалась с Ланой. Лесная жительница держалась совершенно свободно, делая вид, что ее не удивляют ни оружие из неизвестного прочного металла, ни странные животные, на которых ездят верхом, ни строения из дерева на другом берегу реки.

Между тем, клятва верности включала в себя целый обряд. Серые Совы прямо здесь перерезали горло самке оленя. Рюдигер подумал, что будет не просто отучить их охотиться в его лесу. Кровь быстро слили в деревянный ковш и пустили по кругу. Каждый, кто считался воином, должен был выпить из этого ковша. Воины Рюга, среди которых людей и нелюдей было поровну, справились с этим неплохо.

Когда ковш дошел до тролля, он сделал попытку сбежать, но Иоганн крепко держал его за плечо:

— Куда собрался, или ты не считаешь себя воином?

Васька хмуро посмотрел на Рюдигера и сделал глоток. Его лицо сначала побледнело, потом как-то позеленело, и он быстро затерялся среди деревенских жителей.

Лана, которая считала себя ничем не хуже любого мужчины, приняла ковш, выпила из него и передала Лизе. Не понимая, что она делает, Лиза с невозмутимым видом отпила еще теплой крови и передала ковш следующему. Рюдигер испуганно посмотрел на нее, но его жена держалась, как ни в чем не бывало. Однако, как только ритуал закончился, Лиза вдруг куда-то исчезла. Обеспокоенный Рюдигер нашел жену за кустами бузины. Ее просто выворачивало наизнанку. Наконец она выпрямилась и сердито взглянула на мужа:

— Дурацкие обычаи, настоящие дикари!-

Рюдигер с невинным видом пожал плечами:

— А я думал, у нас будет еще малыш! Ты даже не поморщилась, выпила, как глоток воды!

Лиза, спустившись к реке, вымыла руки:

— С тобой не первый год живу, наверное привыкла!

Она вдруг плеснула в него водой и засмеялась. Не в силах удержаться, он притянул ее к себе и принялся целовать горящие от смущения щеки.

Когда они вернулись на поляну, там уже было шумно и весело. Горели костры, на которых жарилось мясо. Хозяин Красного Замка приказал забить для праздника трех баранов и достать из подвала несколько бочонков вина. Под ритмичный перестук обтянутых оленьими шкурами барабанов дикарки устроили танцы. Их стройные смуглые фигурки в коротких с разрезами юбках слаженно кружились и извивались под гулкие удары и завывание странной свирели. Настасья, глядя на голые ноги танцовщиц, не выдержала:

— Тьфу ты срамota какая, почти голые бесстыдницы!

Несколько стоявших рядом с ней крестьянок горячо ее поддержали. Местные парни смущенно промолчали, их мнение было совершенно противоположным, но свирепый вид спутников полуголых красоток удерживал их от любых высказываний. Лана не приняла участия в танцах, проводив соплеменниц презрительным взглядом. Зато в стрельбе из лука ей не было равных. Подвыпившие деревенские парни и воины из Красного замка как ни старались, но не смогли сравниться с юной дикаркой в меткости.

Гулянье закончилось далеко за полночь, усталые жители деревни разбрелись по домам. Серые Совы заночевали прямо на лесной опушке у догорающих костров. Уже засыпая, Рюдигер подумал, что конечно, сразу взаимное недоверие не исчезнет, но начало положено. Теперь надо учиться жить вместе.

Население деревни увеличилось сразу на два десятка человек или точнее сказать, нелюдей. Впрочем, почти половину составляли женщины и дети. На краю деревни быстро выросли еще пять домов. Самым трудным оказалось втолковать Серым Совам, что если они

будут охотиться так, как привыкли, то скоро вся живность в лесу исчезнет, а так же, что коровы дают молоко, которое полезно детям, а для того, чтобы получить кровь, совсем не обязательно убивать животное. Достаточно маленького прокола на шее, который замазывают глиной.

Восемь молодых охотников Рюдигер взял в свой отряд. Стерх сам положил свои лук и топор к его ногам и поклялся служить ему, не жалея жизни. Он слишком хорошо помнил, что Рюг спас его от жертвенного камня. Здесь также были два брата, с которыми Рюг дрался в лесу. Без жуткой боевой раскраски они оказались красивыми мальчишками с длинными светлыми волосами и голубыми глазами. Локи было всего четырнадцать, а Свену шестнадцать, они были самыми юными в его отряде, но вряд ли кто осмелился сказать им это в глаза. Закаленные суровой лесной жизнью, они были более сильными и ловкими, чем их деревенские ровесники. На своего господина они смотрели с обожанием и безумной преданностью, были готовы выполнить любой приказ. Рюгу же было просто жалко мальчишек, которые слишком рано повзрослели, оставшись без родителей.

Почти невыполнимым оказалось приучить лесных жителей мыться. С ужасом смотрели они на горячую воду и мыло, не понимая, что с ними хотят сделать, и рисуя в воображении всякие ужасы.

Лиза и Анна приложили немало усилий, получили несколько синяков и были пару раз укушены, но все же сумели вымыть Лану! Теперь они с изумлением смотрели на это незнакомое существо, которое сидело на деревянной лавке и бросало на них сердитые взгляды светлых голубых глаз. Мокрые волосы завивались рыжими кудряшками, черты лица оказались тонкими и на удивление красивыми. Кожа из грязно-коричневой стала фарфоровой с мелкой россыпью веснушек на переносице. Большие голубые глаза были обрамлены черными длинными ресницами.

— Да ты же просто красавица! — удивилась Анна. — Теперь тебе только платье подобрать, и все парни здесь твои!

Но Лана сердито отрезала:

— Не надо платья, я хочу одеваться, как мужчины. И не нужен мне никто, я и одна проживу!

И действительно, лесная красавица держалась гордо и неприступно. Соплеменники, зная ее вздорный характер, даже не пытались с ней связываться, а несколько сломанных рук и разбитых носов быстро охладили пыл деревенских парней. Однако женскую сущность все же спрятать не удалось. Лана обожала возиться с Александром и Ульрикой. Мальши встречали ее радостными улыбками и быстро запомнили ее имя. Лиза могла совершенно спокойно доверить ей детей, и вскоре Лана стала то ли нянькой, то ли телохранителем.

Терн совершенно неожиданно для всех нашел себе жену, причем для этого ему пришлось креститься. Он обратился к истинной вере самым первым из лесных жителей, впрочем мало понимая, для чего это нужно. Присмотрев крепкую румяную крестьянку с длинными светлыми косами, он каждый день старался попасться ей на глаза.

Выросшую в Куличках Анельку совершенно не смущали острые клыки ухажера. Высокий, сильный с симпатичным, хотя несколько простоватым лицом, парень сразу ей приглянулся. Недолго думая, дикарь явился к родителям девицы, захватив с собой большую охалку беличьих и куньих шкурок, чтобы было понятно, что он смелый и удачливый охотник. Поговорив с ним, отец Анельки неожиданно дал согласие на свадьбу, объяснив

удивленным соседям, что жених хоть и неотесан, но никакой работы не боится, а за Анельку пойдет в огонь и в воду, на руках носить будет.

Подарок колдуньи

Лотар удивленно слушал рассказ сына о племени Серых Сов. Еще в молодости до него доходили слухи о чем-то подобном, но он не принимал их всерьез.

— И что теперь среди твоих людей дикари и язычники? Ты доверяешь им?

Рюдигер серьезно кивнул:

— Они доверили мне свою судьбу, свою жизнь, дали клятву верности. Я доверяю им.

Отец с сыном и Иоганн только что вернулись из леса. Им пришлось прервать так удачно начавшуюся охоту и спешно укрыться в замке от начавшейся грозы. Теперь они сидели у камина и слушали, как за каменными стенами беснуется стихия. С неба обрушивались потоки воды, грозя смыть Кулички с лица земли. Небо прорезали сверкающие зигзаги молний, уши закладывало от раскатов грома. Ураганный ветер ломал деревья и пытался содрать крышу с замка.

Лиза мысленно поблагодарила Бога, что мужчины вернулись с охоты так вовремя. Они даже явились с трофеем. Туша здорового кабана уже была разделана и отправлена на кухню. Поставив на стол еще один подсвечник, она с подозрением оглядела всех троих.

Охотнички разговаривали странно громко и возбужденно, Глаза блестели, а обычно бледные лица раскраснелись. На ее предложение накрыть стол все дружно ответили отказом.

— Лизхен, ничего не надо. Хватит суетиться, просто посиди с нами! — Рюдигер встал, чтобы подвинуть ей кресло, и качнувшись, с трудом удержал равновесие. Иоганн попытался скрыть усмешку.

— Да вы все пьяные! — возмутилась она, уперев руки в бока. Лотар примиряющее ответил:

— Да ведь на то и охота! Можно иногда и расслабиться, выпить на свежем воздухе!

Годы жизни с Марией приучили его к мысли, что разгневанная женщина опаснее медведя-шатуна, и он всегда старался решать любой спор мирно.

— Свежей крови! — Лиза рассерженно притопнула ногой.

— Какая разница, чего, — Рюдигер все же усадил ее, но не в кресло, а себе на колени, — главное результат!

Однако она решила так просто не сдаваться и позвонила в колокольчик. Прибежавшей на звук служанке она велела принести хорошего вина. Вручив бутылку мужу, она протянула руку с бокалом:

— Ну, господин барон, ухаживайте за своей женой. Я не собираюсь коротать вечер трезвой в компании трех совершенно пьяных вампиров!

Не успел он, наполнив бокал, вернуть бутылку на стол, как все сотряс жуткий грохот. Очередной раскат грома едва не оглушил их. Лиза чуть не уронила бокал, расплескав половину. Свободной рукой она обняла Рюга за шею и, похоже, больше не сердилась.

Какое-то время все сидели молча, ожидая повторения чего-то подобного. Но теперь гремело уже намного тише, зато ливень застучал по крыше с новой силой.

Приобняв одной рукой жену, которая склонила голову ему на плечо, он положил на стол

свой «везучий нож» и обратился к Иоганну:

— Ты помнишь, как подарил его мне после такой же охоты?

Старик усмехнулся:

— Конечно, помню. Ты здорово испугался, плакал на весь лес. Я тогда не спал всю ночь, думал, ты будешь меня ненавидеть или бояться!

А ведь ты уже давно стал мне вроде сына! Лотар, не обижайся на меня за эти слова.

Лотар пожал плечами:

— Как я могу обижаться, я всегда считал тебя членом семьи!

Рюдигер задумчиво потрогал потертые ножны:

— Ну, я и сейчас не слишком люблю охоту, но рад побыть с тобой и с отцом. Не часто удается. А ведь ножичек совсем не простой. Он действительно заговоренный. Я всегда хотел узнать, откуда он у тебя? Может расскажешь?

Иоганн вытянул длинные ноги поближе к камину. С возрастом он стал больше ценить тепло и домашний уют.

— Это будет долгая и не очень веселая история, — предупредил он.

Жители небольшой деревеньки могли наконец вздохнуть спокойно. Наемники герцога Рихарда, торчавшие в деревне уже вторую неделю, были почти все перебиты захватчиками из соседней страны. Победители выгребли все остатки провизии, но зато ушли из деревни.

Крестьянам так надоели бесконечные войны, что уже было не важно, кто окажется победителем, лишь бы все скорей закончилось. Убедившись, что незваные гости уже далеко, они поспешили избавиться от любых следов их пребывания в деревне. Похоронили убитых, починили то, что можно было починить, и стали жить дальше.

Ближе к лесу, на отшибе стояла ветхая избушка. Деревенские старались обходить ее стороной. Говорили, что там живет ведьма. Ведьме было всего двадцать лет, у нее были темные кудри и красивые ореховые глаза, и совсем никого из родни на всем белом свете.

Получив в наследство от умирающей бабушки колдовской дар и умение лечить самые разные болезни, Илонка была не слишком рада такому подарку. Она считала его скорее проклятием, из-за которого все боятся и ненавидят ее. Проходя по деревне, девушка кожей ощущала недобрые взгляды соседей. Это было настолько обидно, что Илонка старалась посещать деревню как можно реже.

Однако сейчас ей надо было выйти за водой к колодцу. Она высоко подняла голову и расправила плечи, будто не крестьянка, а королевская дочь идет по деревенской улице.

В конце концов своих деревенских она сумеет поставить на место, а грубые и наглые наемники герцога покинули деревню, да пожалуй, что и белый свет тоже покинули.

Немного жутко было сознавать, что никого из этих сильных молодых людей уже нет в живых. Гремя колодезной цепью, Илонка вдруг вспомнила, как один из них два дня назад помог ей донести ведра. Высоченный светловолосый громила поставил воду на крыльцо и вдруг улыбнулся ей, показав на мгновение острые вампирские клыки.

Она не сильно испугалась, догадавшись, что перед ней не человек. Видно не зря говорили, что Рихард Невезучий готов взять на службу кого угодно. Что интересно, после этого случая солдаты, не дававшие прохода другим крестьянкам, при ее виде равнодушно отворачивались в сторону. Да и деревенские неожиданно прекратили свои насмешки. Нелюдь больше не проявлял к ней интереса, хотя она иногда чувствовала на себе внимательный взгляд его светлых глаз. Сейчас подумав, что он скорее всего убит, Илонка

вдруг ощутила что-то похожее на жалость. Но подумала она, пытаясь хоть как-то себя утешить, такова судьба любого солдата, что поделаться.

Погрузившись в невеселые мысли, она чуть не споткнулась. Взглянув под ноги, девушка ахнула. У самого ее крыльца лежал светловолосый наемник. Он был весь в крови, кажется, на нем не было живого места. В довершение картины в спине, прорубив кольчужную рубашку, торчал топор с узким лезвием. По кровавому следу можно было определить, что он проделал свой путь из оврага, и как ни странно, все еще был жив.

Илонка оставила ведра и подбежала к раненому. Ругая беднягу последними словами, за то, что умудрился вырасти таким длинным, а весит, наверное, тяжелее медведя, девушка вытащила его в избушку. Наемник неожиданно открыл глаза, серые губы сложились в подобие улыбки:

— А, это ты, колдунья...

Взгляд светлых, почти прозрачных глаз помутнел, они закрылись, голова стукнулась о деревянный пол. Илонка осторожно вытащила топор из спины и принялась избавлять раненого от кольчуги. Раздев парня, она смыла кровь и осмотрела многочисленные раны.

Как ни странно, выглядели они не так уж и страшно. Небольшие уже успели затянуться, на их месте остались только свежие розовые шрамы. Но широкий разрез на боку и жуткая дырка в спине заставляли сомневаться, что раненый сумеет выжить. Топор похоже задел легкое, и каждый вздох оставлял на губах кровавую пену. Оставив мысль затащить больного на кровать, она прямо на полу промыла раны и наложила повязки. С грустью посмотрев на совершенно белое лицо с резкими чертами, она отвернулась. Кажется, этот верзила не на много старше ее и, похоже, ему суждено покинуть этот мир рано.

Она вдруг вспомнила те нелепицы, что говорили о жителях Моравских гор. Дескать, они и на людей-то похожи только издали, могут запросто в волка обернуться, а чуть зазеваешься, и всю кровь твою выпьют. Зря что ли зубы у них такие острые!

Вдруг Илонка почувствовала, как на нее нашло озарение. Ведь не зря она считалась колдуньей. Кажется, ей стало ясно, как помочь бедняге. Пришлось пожертвовать одной козой, но ее догадка оказалась верной. С горем пополам она сумела напоить раненого свежей кровью, но сначала он не подавал признаков жизни. Но когда Илонка уже решила, что ошиблась, и он не выживет, нелюдь вдруг сумел приподняться и сесть, прислонившись к стене, затем открыл глаза. Какое-то время он смотрел на все вокруг удивленным взглядом, похоже ничего не узнавая. Затем вдруг слабо усмехнулся:

— Спасибо, что не дала сдохнуть.

Она молча помогла ему встать и перебраться на кровать. На стене остался кровавый след.

Ночью он бредил и жутко ругался на каком-то грубом наречии, выпил чуть не ведро воды, к рассвету наконец успокоился и очнулся уже после полудня. Пока он спал, Илонка проверила раны и охнула. Они почти исчезли, правда остались шрамы, но кажется, и их скоро не будет. Во сне резкие черты лица разгладились, хищное выражение исчезло, под лоскутным одеялом парень выглядел довольно забавно.

Когда он проснулся, она молча поставила на стол еду. Бедная коза обеспечила им и обед, и ужин. Не успела она и глазом моргнуть, как наемник быстро оставил на столе только чистую ложку и такой же чугунок и снова завалился спать. Возмущенная девушка подумала, что даже не знает, как зовут этого нахала.

На следующее утро, еще до рассвета Илонка отправилась собирать травы. Не заметив, как прошло время, она вернулась, когда солнце было уже над головой. С удивлением она увидела своего гостя с молотком в руке. Он сосредоточенно приколачивал доски к порогу.

Илонка поняла, что кажется крыльцо передумало заваливаться на бок. Услышав ее шаги, он обернулся:

— Привет, колдунья! Меня зовут Иоганн, и я не всегда только ем и сплю.

Они сели обедать, впрочем девушка быстро закончила с едой и перебралась на лавку, занявшись починкой его одежды. Иголка в ее руках летала над тканью, словно птица, и скоро куртка перестала напоминать решето. Рубашку пришлось просто выкинуть, но Илонка за вечер сшила новую.

За два дня он успел подновить забор, починить крышу и даже прочистить дымившую печную трубу. Ему давно было пора покинуть ветхий домишко, как мог, он отплатил девушке за помощь и приют, но наемник изо всех сил старался придумать причину, чтобы задержаться хотя бы еще на денек.

За окошком давно стемнело, свечка слабо освещала небольшое помещение. Хозяйка тихонько напевала, не переставая шить, а Иоганн осторожно любовался ею. Аккуратные ловкие движения, большие ясные глаза, тонкая, но складная фигурка... Она завладела его мыслями еще при первой встрече, но парень боялся, что его внимание может обидеть или, что еще хуже, напугать девчонку. Он встал с лавки, блеснув в темноте глазами:

— Уже слишком поздно, пойду спать...

Илонка отложила работу и вдруг сказала дрогнувшим голосом:

— Я что совсем тебе не нравлюсь?

В предрассветных сумерках он глядел на спящую девушку, боясь поверить свалившемуся на него счастью. Как здорово, что деревенские парни такие олухи. Никто не разглядел такое сокровище, не увел под венец! Ради такой девушки стоило получить и топор в спину.

Раньше он жил одним днем, совершенно не думая о будущем, не слишком боясь умереть, тем более, что убить его не так уж и просто. Честно говоря, он даже боялся, что доживет до старости, до того момента, когда руки уже не смогут держать меч. Теперь неожиданно ему стало жалко каждое мгновение, рядом с ней все обретало смысл. Задумываться о будущем стало не страшно, все было просто и ясно...

Неделя пролетела, как один день. Им было совершенно все равно, чем заниматься, лишь бы быть рядом. Казалось, что они вместе уже целую вечность и могут понимать друг друга с полуслова. Илонка с удивлением поняла, что совсем неплохо, когда рядом есть надежный и сильный мужчина. Девушка удивлялась, почему не разглядела его раньше, эти грубоватые, резкие черты лица, лишённые какой-либо слащавости, теперь казались ей почти красивыми. Почти смирившаяся с положением изгоя, она вдруг сильно захотела обычного, женского счастья, семьи, детей. Илонка нашла в темноте его ладонь, сжала ее и неожиданно чуть не задохнулась от нахлынувших видений.

Страшная и бездушная сила, война, словно принявшая женский облик, заявляла свои права на ее мужчину. Она почти уже получила его. Парень, казалось, совсем не знал страха и отчаянно лез в самое пекло. И также почти не знал жалости, оставляя за собой кучу убитых врагов. Он еще не понимал этого, но война и смерть стали смыслом его недолгой жизни. Еще немного, и она заберет его насовсем...

Илонка вздрогнула, очнувшись от странного сна. Пропали шум сражения, крики солдат и стоны умирающих, исчез призрак ее воина, залитого своей и чужой кровью, на крепостной

стене, умирающего, но не выпустившего меча из рук... Она снова была в своем доме, в своей постели, а Иоганн испуганно прижимал ее к себе:

— Что случилось, ты так кричала!

Девушка обняла его неожиданно сильно:

— Я не отдам тебя ей! Тебе есть для чего жить и куда возвращаться, слышишь!

Он не понял ее, но постарался сделать все, что мог, чтобы успокоить и прогнать ночных призраков.

Илонка проснулась совершенно счастливой. Начисто забыв о ночном кошмаре, она вышла на крыльцо. Небо удивляло синевой, луговая трава зеленела как то уж совсем празднично, в садах, радуя взгляд, цвели яблони и вишни. Тут она заметила двух всадников, подъезжающих прямо к дому, и ее сердце упало куда-то вниз. Двое сурового вида мужчин, в доспехах и при оружии остановили коней у ее крыльца.

Иоганн вышел им навстречу, но ни говорил ни слова, молча глядя на непрощенных гостей. Оба были намного старше его, закаленные ветераны, сейчас они не знали, как себя вести, удивленные его молчанием. Наконец один из них заговорил с несколько наигранным весельем:

— Так вот значит Иоганн Кранц, чем ты занимаешься! Мы честно сказать, тебя уже похоронили! Хотя считали, что и хоронить будет нечего! Ведь в тебе торчало четыре пики, не считая топора в спине!

— Мы утешались только тем, что у тебя неплохая компания-восемь фризов валялись кругом, мелко нарубленные, когда я видел тебя в последний раз... — принял участие в беседе второй приезжий. — Но ты не торопиться на тот свет, наоборот, завел подружку... Нет, нет, я не хотел сказать ничего дурного, чудесная девушка!

Иоганн наконец улыбнулся опасной хищной улыбкой:

— Привет, Франц, привет, Альберт! Но я, честно сказать, ни по кому из вас не соскучился!

И по герцогу Рихарду тоже! Как вы поняли, я нашел девушку, и это серьезно!

Темноволосый Франц нахмурился. Его план срывался, если этот проклятый нелюдь заупрямится, то его ничем не переубедишь. Он призвал на помощь все свое терпение:

— Но как ты помнишь, герцог должен нам еще за зимнюю авантюру, а он сейчас объединился с королем и при деньгах. А на тебе, я вижу, и штаны в заплатах!

Иоганн с сомнением посмотрел на свои ноги. Действительно, вся его одежда выглядела не лучшим образом. Он пожал широкими плечами:

— И что с того?

— А то, что мы не должны проливать кровь задаром! Кроме того, король с герцогом хотят выбить фризов из Редницы, а там можно взять хорошую добычу. Тебе же, как я понял, деньги понадобятся не только на штаны, но и на землю, если собрался завести свое хозяйство, да и на колечко для девчонки. Подумай!

— Мы будем ждать тебя еще день на постоялом дворе, — закончил Альберт. Он был самый старший из них, в рыжеватых кудрях уже были седые пряди.

Вскоре они уже скакали обратно. Иоганн проводил их хмурым взглядом и вернулся в дом. Слова Франца заделали его за живое. Действительно, Илонка хороша, как королева, а что он может ей предложить, кроме самого себя в дырявых штанах. Его и накормить целая проблема. За это время наемник уже дважды выбирался на охоту, это пока спасало

домашнюю скотину от полного уничтожения. Но на то он и мужчина, чтобы найти решение.

Илонка старательно делала вид, что ничего не произошло, но то и дело роняла то ложку, то ножик. Наконец глиняный кувшин с квасом выскользнул из ее рук и разлетелся на мелкие кусочки по всей кухне. Девушка обессилено уселась на мокрый пол и горько разревелась. Парень бросился ее утешать:

— Ну не надо, ну что ты, я никуда не уеду!

Она высвободилась из его рук:

— Уедешь, и я не смогу ничего поделывать. Но ты можешь вернуться, я всегда буду ждать.

Пока я жива, я буду ждать...

На следующее утро, еще до рассвета он собрал свои нехитрые пожитки. Он старался не шуметь, боясь разбудить Илонку, но она давно не спала. Девушка протянула ему обычный охотничий нож в простых ножнах.

— Это не просто нож, на нем древнее сильное колдовство. Он выручит в трудную минуту,

когда помощи ждать будет неоткуда. Я не шучу, не улыбайся. Этот ножичек стоит целой кучи оружия. Моей прабабке за него предлагали целое состояние, я даю его тебе даром.

Я очень хочу, чтобы ты выжил и пришел назад! Береги себя, и не отшучивайся, что на тебе все быстро заживает!

Франц и Альберт коротали время на постоялом дворе «Серебряная стрела». Они неторопливо болтали, потягивая дешевое местное вино.

— Слушай, Альберт, а ты никогда не хотел вот так наплевать на все и найти девушку, завести семью, свой дом...

— Хотел, и ни один раз! — вздохнул Альберт. — Только все девушки не те попадались! То такие, к которым не хотелось возвращаться, а пару раз и возвращаться оказывалось не к кому! Но наш нелюдь, кажется, не шутил! Да и девчонка смотрела на него, как будто сам принц наследный явился из Златограда ей забор починить! Повезло парню, ничего не скажешь.

Франц усмехнулся:

— Девчонка красавица, каких мало, и что она в нем нашла? Одни зубы чего только стоят, а убить ему, как соплю вытереть! Смелая, дуреха!

— В отличие от тебя! — Франц ощутил, как сзади в шею ему уперлось острие ножа. Иоганн Кранц убрал оружие в ножны и усмехнулся:

— И как вас еще не перерезали как баранов, совсем без меня расслабились!

В этот раз Рихарду Невезучему наконец повезло. Военная удача улыбнулась ему. Город был взят почти без потерь, его люди были довольны. Их доля в военной добыче оказалось немалой. Многие из них теперь были готовы идти за ним куда угодно. Многие, но не все.

Один из лучших его солдат ко всеобщему удивлению заявил о своем желании оставить службу, да и вообще нелегкое ремесло наемника. Получив свою долю, он коротко попрощался с товарищами, и теперь изо всех сил гнал коня к деревушке, где пару месяцев назад оставил свое сердце. В карманах было полно золотых монет, а в шелковом мешочке у самого сердца дожидалось заветного мига золотое колечко.

Подъезжая к деревне, Иоганн ощутил острую тревогу. Это было странно. Последнее время он ходил у судьбы в любимчиках. Во время штурма он первый ворвался на крепостную стену, но почти ничего не помнил, все было покрыто кровавым туманом, кажется он рубил,

колол, отбивал удары, совершенно забыв об осторожности. Но как ни странно, не получил ни царапины, словно чья-то невидимая рука отводила мечи и копья. А вот теперь ему казалось, что кто-то безжалостный уже выпустил стрелу, и она не пролетит мимо...

В деревне стоял плач, остро пахло страхом и свежей кровью. То тут, то там взгляд натывался на трупы. Людей зарубили прямо на пороге своих жилищ, а некоторых повесили на своих же воротах. Он спросил у белобрысого мальчишки, с отрешенным видом сидевшего на земле рядом с телом старика:

— Что здесь случилось?

— Их было пятеро, разбойники, мародеры. Хватали, что приглянется, а несогласных убивали на месте.

— Всего пятеро? — переспросил Иоганн. Мальчишка не ответил.

Дверь в избушку колдуньи была распахнута. Он почти влетел по ступеням внутрь. Она лежала на полу, закинув за голову связанные руки. Красивые ореховые глаза были широко открыты, но смотрели куда-то вверх, сквозь него. Губы распухли и почернели, подол был задран, по нежной шее черной линией лег след от ножа. Он опустился на колени и впервые в жизни горько заплакал.

— Они не ушли далеко. Ты еще можешь их догнать. — в проеме двери стоял светловолосый мальчишка. Правая рука у него была в крови и безвольно висела вдоль тела.

Иоганн спросил его:

— Как вы могли позволить пятерым натворить такое? Или у вас совсем не осталось мужчин?

— Они воины, а мы крестьяне, — ответил мальчишка, и вдруг почти крикнул:

— Возьми меня с собой, я покажу, где их найти!

Наемник не отвечал. Он прикоснулся губами к губам убитой, потом нежно закрыл ей глаза.

— Прости за то, что опоздал! — прошептал он, глотая слезы. Мальчишка напомнил о себе, тронув его за плечо:

— Ты возьмешь меня с собой?

Иоганн высыпал ему в руку горсть монет:

— Ее надо похоронить по всем правилам. Ты позаботься об этом, а я скоро вернусь и проверю.

Вскоре он уже ехал по лесной дороге в указанном парнишкой направлении. Пожалуй он и так нашел бы этих мерзавцев. Его ноздри чутко улавливали в чистом лесном воздухе запах страха и грязных человеческих тел. Всего пятеро... На его село напали двадцать таких любителей легкой и быстрой наживы. Они были такими же опасными и сильными созданиями Черной Звезды, как и жители села. Но на этой земле жили мужчины, а не рабы. Тогда он впервые взял в руки оружие и с той поры не расстается с ним.

Уже почти стемнело. Иоганн вдруг вспомнил, что Илонка строго наказывала ему не забираться в эту часть леса. «Это плохие, недобрые места, и не надо смеяться!» Он так живо представил ее милое лицо и почти наяву услышал ее голос, что сердце пронзила острая боль. Как будто туда воткнули, а потом повернули нож с зазубренным лезвием...

Вдруг за деревьями он увидел отблески костра и негромкие голоса. Они устроили здесь привал, отдыхают, варят еду, смеются и не понимают, что уже покойники!

Пятеро убийц вели себя совсем, как обычные люди. Как будто лесорубы или охотники решили заночевать в лесу, и совесть их чиста, и спать они будут крепко. И совсем, как обычные люди, они слегка удивились, увидев высокого светловолосого парня с мечом в руке, вышедшего к их костру из ночной темноты. Старший из них, неряшливо одетый мужик лет тридцати с бегающими глазами показал Иоганну на свободное место у костра:

— Можешь оставаться до утра, места здесь глухие. Только скажи, что за дела у тебя в лесу ночью, и кто ты такой!

Наемник посмотрел в огонь, затем нехорошо улыбнулся:

— Неужели вы хотите знать, как зовут вашу смерть!

Двое умерли сразу, не успев дотянуться до оружия, трем оставшимся пришлось дорого заплатить за недавнее кровавое веселье. Иоганн шевелил палкой угли в костре и почти не слушал, как они кричат, умоляя прекратить их никчемную жизнь и избавить от страданий.

Выпуская кишки и приколачивая ладони к деревьям, он ничего не чувствовал. Кажется, он умер еще в деревне, когда глядел в застывшие глаза и целовал почерневшие губы.

Он вдруг подумал, что хорошо бы, если бы в него сейчас ударила молния, или вековая сосна упала и раздавила его, как букашку. Или кто-нибудь подошел бы сзади и снес хорошим ударом ему голову!

Тут он услышал какой-то шум за спиной. Сзади кто-то неуклюже топал, приближась к нему. Вдруг его мягко потрогали по плечу, он обернулся и застыл на месте от удивления.

Там стоял и тянул к нему окровавленные руки один из убитых разбойников. Он был разрублен от плеча до пояса, меч задел и часть лица, на этом месте была лишь кровавая маска с висевшим непонятно на чем глазом. Синие губы шевелились, мертвец что-то говорил!

Иоганн прислушался, свистящий шепот вдруг сложился в слова:

— Зачем же ждать смерти, можно все сделать самому. Или ты не попадешь себе в сердце? У тебя хватит решимости, ты не похож на этих жалких трусов.

— Кто ты такой? — непослушными губами спросил наемник.

— Я настоящий хозяин этих мест, древнее зло, как говорила твоя подружка. Ты поторопился, решив покарать этих червей, они сами пришли ко мне, выполнив все, что надо, вернулись за наградой. Мне нужны слуги, а этому месту нужен страж! Ты вполне подойдешь!

Иоганн привычным жестом схватился за ножны на поясе, но его фламберг лежал по ту сторону костра, где еще стонал посаженный на кол предводитель разбойников.

— Меч здесь не поможет! — мертвец то ли закашлялся, то ли засмеялся. Наемник сжал в ладони медный крестик, висевший на кожаном шнурке.

— Да часто ли ты вспоминал о Нем, что бы ждать помощи? На твоих руках столько крови, что ноги привели тебя туда, куда нужно! — продолжало издеваться нечто.

Действительно, как все молодые, полные сил и жажды приключений люди, он не часто обращался к Богу. Но все же дешевенький крестик на шее и еще что-то внутри него не давало переступить какую-то черту, по крайней мере до этой ночи. Неожиданно рука нащупала еще одни ножны, подарок Илонки, казалось, сам прыгнул в руку.

С другой стороны костра топтался еще один ходячий труп, наступая на свои внутренности.

— Это была жестокая шутка, сделать из вас людей! Слишком трудно и слишком больно иметь человеческую душу и сердце, для таких, как ты, почти невыносимо! Вы доверчивы и

привязчивы даже сильнее людей, но непредсказуемы и опасны в гневе! Но я знаю как помочь тебе, — мертвец показал рукой туда, где еще слышались слабые стоны умирающих.

— Они еще живы, в них еще много крови! Всего один глоток, и сердце перестанет разрываться на части, ты даже не вспомнишь о ней! Согласись служить мне, и я дарую тебе забвение и покой! Ты ведь этого хочешь! Ну, чего же ты ждешь? — теперь голос кажется шел из-под земли.

Нечто пыталось разбудить звериную сущность его природы, видимо считая его слишком предсказуемым. Вот только Иоганн Кранц с детства не терпел намеков на свое отличие от других. Вкрадчивые уговоры нечистой силы он посчитал прямым оскорблением и окончательно пришел в себя.

— Как же тут все провоняло падалью! — С этими словами он воткнул заговоренный нож в живого мертвеца и чуть не потерял равновесие. Труп на глазах превратился в зеленоватую слегка дымящуюся слизь, оставив у его ног дурно пахнущую лужицу. Не теряя времени, он одним прыжком перемахнул через костер и также успокоил второго мертвяка.

На лезвии ножа вдруг загорелись какие-то непонятные знаки. Иоганн вытер его о траву и убрал в ножны, поднял свой фламберг и повернулся, чтобы уйти, но услышал слабый голос:

— Убей, пожалуйста, лучше ты, чем...это. — умирающий разбойник с надеждой глядел на него. Иоганн с минуту колебался, эти негодяи не заслужили смерти от меча, но радовать болотную нечисть не хотелось, и вынув меч, он добил всех троих.

Небо на востоке медленно светлело, и вдруг на краю поляны он увидел ее. Босая с распущенными волосами, в длинной пестрой юбке, Илонка улыбалась и манила его к себе. Он подумал, что это может быть морок, обман, и смерть в конце концов найдет его, но со всех ног кинулся к ней!

Едва он покинул поляну, как земля содрогнулась, и то место, где горел костер, и лежали мертвые тела, неожиданно стало погружаться под землю. Все это сопровождалось противными чавкающими звуками, как будто под землей скрывалось огромное болото.

Наконец все стихло, и поляна снова приняла прежний вид. Покрытая мягкой светло — зеленой травой она ждала новых неосторожных гостей.

Призрак девушки нежно улыбнулся и дотронулся до его волос. Парень ощутил легкий ветерок над своей головой.

— Останься! — с надеждой попросил он, но девушка покачала головой и медленно растаяла в воздухе.

Вернувшись в деревню, он долго стоял над свежей могилой. Затем положил к подножию креста золотое колечко, вытер блестящие от слез глаза, вскочил в седло и погнал коня, не оборачиваясь.

Все молчали, потрясенные грустным рассказом. Тишину нарушал только шум дождя и всхлипывания Лизы. Она уткнулась мужу в плечо, и не сдерживаясь, плакала. Впрочем, у Рюдигера глаза тоже были мокрыми. Лотар удивленно воскликнул:

— Ты никогда об этом не рассказывал! Когда разговор заходил о женщинах, ты оставался в стороне. Я, признаться всегда думал, что в твоей жизни была только одна женщина-твоя жена, и то удивлялся, как ей удалось обратить на себя твое внимание.

Иоганн налил себе вина. За длинную жизнь он перенял у людей многие привычки.

Илонка иногда приходила к нему во сне, и просыпаясь, он никак не хотел возвращаться в мир, где ее нет. Оказалось, что самая страшная пытка — это продолжать жить, зная, что никогда не увидишь любимого человека.

Иногда в его жизни случались женщины на одну ночь, но он даже не помнил их лица, и не хотел знать имена. Он ненавидел себя за это, а также за то, что продолжает дышать, есть, спать, просто жить. Но продолжал как прежде жить одним днем, надеясь, что Бог сжадется над ним и оборвет эту пытку.

И избавление действительно пришло, но не от удара мечом, или стрелы в сердце, а в виде черноволосой сероглазой красавицы с добрым сердцем и вздорным характером.

— Мы с ней встретились уже поздно, каждый из нас много чего пережил. Но я благодарен судьбе за эту встречу, хотя порой думаю, что она слишком хороша для меня. Кстати, Лизхен, пожалуйста не рассказывай Крине то, что здесь услышала! Она женщина добрая, но ревнивая, даже к тому, что было давно...

Я встретил ее в разоренном селе. Тогда я уже предложил свой меч барону фон Шлотерштайну, и понял, что нашел не только господина, но и верного друга. Она смотрела на горевший дом, как будто хотела прыгнуть в огонь. Я почему-то испугался, что она и в самом деле это сделает, и оттащил ее от пожара. Она ругала меня последними словами и колотила довольно сильно. Потом вдруг заплакала, а я понял, что она очень смелая и очень красивая. С той поры мы не расставались, вот только детей Бог не дал. То ли потому, что оба были не слишком молоды, то ли слишком многих я отправил на тот свет.

Рюдигер не выдержал и вмешался:

— Но зато ты для меня всегда был и отцом, и дедом! Ты, пожалуйста, помни об этом, и не смей раскисать!

Старик смущенно отвернулся, не желая, чтобы молодежь увидела его слезы:

— Это все вино...

Немного о воспитании детей

Лиза с восхищением смотрела на хорошенького голубоглазого малыша с золотистыми кудряшками. Этому чудесному ребенку был всего год, звали его Антон, и он приходился ей родным братом. Катерина выглядела слегка уставшей, но ужасно счастливой. Кто бы мог подумать, что она станет почти одновременно и бабушкой, и матерью. Ее муж был ужасно горд и счастлив, причем намного счастливее, чем при виде внуков. Честно сказать, Ян Кречет не разделял восторгов своей жены при виде маленьких фон Шлотерштайнов. Все твердили, что несмотря на черные волосы, маленький Александр очень похож на деда, и поначалу он надеялся, что со временем это проявится еще больше. Но после одного случая надежда эта пропала.

Вернувшись из долгой поездки, он зашел в дом и, не застав никого, заглянул на кухню. Там он увидел свою дочь с малышом на руках. Приговаривая обычное в таких случаях «За папу, за маму...», она кормила мальчишку чем-то непонятным. Ребенок весь перемазался красным, но охотно кусал предложенное лакомство мелкими острыми зубками, которых у него уже был полный комплект. Удивленный купец поинтересовался, что это, и услышал: «Сырая печенка, в этом возрасте очень полезно!». Яна чуть не стошнило, и он вдруг задумался, что же ждет его в будущем.

К его удивлению, появившаяся на кухне Катерина равнодушно вытерла мордашку внука салфеткой, взяла его на руки и принялась целовать и сюсюкать. Видимо ее ничего не удивляло и не пугало.

Вечером он попытался поговорить с женой об этом, но она не понимала его волнений:

— Да ведь ты же сам благословил девочку на замужество, и что теперь тебя беспокоит?

— Этот ребенок, он весь в их жуткую породу, в нем нет ничего от нашей дочери, это не человеческое дитя... — Ян попытался объяснить, осторожно подбирая слова.

Но Катерина рассердилась:

— Это твой внук, кстати у мальчика есть имя-Александр. И нет ничего удивительного, что

он похож на родного отца. Лизе повезло. Малыш красивый и смысленый, к тому же эти детишки почти не болеют. Даже не выдумай ляпнуть чтонибудь подобное при дочке, я тогда за себя не ручаюсь!

Женщина была не на шутку разгневана, ведь как известно, внуков любят даже больше, чем детей. Чтобы ее утешить, Яну пришлось приложить немало усилий, и неожиданно купец стал во второй раз не только дедом, но и отцом. Здоровый мальчишка с громким голосом несколько примирял его с реальностью. Теперь он с легким сердцем называл появившуюся на свет почти одновременно с Антоном внучку редкой красавицей, и охотно играл с уже подросшим Александром, но боялся оставлять детей вместе без присмотра. Кто же их знает, этих нелюдей, чего от них ждать!

Лиза несколько не сомневалась в его искренности. Появление брата она восприняла с полным восторгом, и сейчас с удовольствием помогала ему делать первые шаги. Ее непоседа

дочка уже вовсю бегала, что делало жизнь прислуги еще более разнообразной.

Ян уехал по делам в соседний городишко, дома была только Катерина, она с радостью встретила дочку с мужем и любимых внуков.

Рюг, подкинув на руках Антона, засмеялся:

— Как знать, может и мои родители преподнесут мне подобный сюрприз!

Его теща смущенно улыбнулась:

— Если надумают, то точно не пожалеют! — и позвав служанку, велела накрывать на стол.

Вдруг дверной колокольчик зазвонил с новой силой. Дверь отворилась сама, и в дом вошла красивая молодая женщина с малышом на руках. Катерина и Лиза хором воскликнули:

— Клодия! — и бросились ее обнимать. Лиза восхищенно рассматривала ее наряд:

— Да ты настоящая столичная жительница. Еще бы, жена капитана королевских гвардейцев, графиня фон Эммерих!

Клодия отмахнулась:

— Да ведь Яр терпеть не может фамилию мужа своей матери, всегда просто бесится, когда его так называют. Он даже предлагал взять мою, но боюсь, никто не понял бы этого!

Клодия сполна отыгралась на Яромире за оскорбление на свадьбе подруги. Целый год она играла с ним, то приближая, то отталкивая, но все же выбросила белый флаг, согласившись стать его женой. Она была очень привязана к своей семье, как впрочем и все оборотни, поэтому они с мужем были частыми гостями в Темнолесье. Правда, с Лизой они не виделись чуть ли не полгода, и теперь стремились наверстать упущенное.

— Яр зайдет чуть позднее, у него для вас приятная новость! — загадочно сообщила Клодия.

— Да, сегодня в городе ярмарка, Лиза не хочешь сходить! Чего там только не навезли, в Злато граде такого не увидишь: и посуда, и наряды, и украшения, и горный мед! Пошли погуляем!

У Катерины вдруг по-молодому загорелись глаза, она с надеждой поглядела на зятя:

— Рюдигер, ведь ты же не любишь ходить по лавкам? Посиди с детьми часик, Лиза, он ведь справится, я права?

Не успел Рюдигер и рта открыть, как его жена подтвердила:

— Конечно справится, не сомневайся!

Клодия тут же вручила мужу подруги своего Марка:

— Вот и славно, тем более скоро Яромир подойдет, справитесь!

Не успел барон фон Шлотерштайн опомниться, как за дамами захлопнулась дверь, причем к ним присоединилась и молоденькая служанка, а он остался один на один с четверьмя непоседами. На минуту ему стало страшно, но он собрал все свое мужество и храбро приступил к делу. Следуя четким предписаниям Катерины, он попытался накормить Лизиного братишку манной кашей. По его детским воспоминаниям это было что-то не слишком съедобное, и он искренне жалел Лизу, которой приходилось это есть довольно часто. Но возможно для маленьких детей это то, что надо.

Антон смиренно сидел у него на коленях и следил за ложкой невинными голубыми глазами. Он охотно открыл рот, однако через минуту с возмущением выплюнул все обратно. Еще через несколько попыток манная каша была на столе, на красивых обоях с цветочками и даже на потолке, а малыш очаровательно улыбался и возил пальцем по тарелке.

— Ну, возможно ты просто еще не голоден! — Рюдигер посадил ребенка на мягкий теплый ковер, где его дети пытались поделить игрушки, и огляделся в поисках маленького оборотня.

Дотянувшись с обитого кожей дивана до стола, Марк сумел добраться до конторских книг Яна и теперь, сосредоточенно сопя, выдирал одну страницу за другой. Рассерженный Рюг отобрал, то что осталось от документов, шлепнул негодника и отправил к остальным на ковер. Он обессиленно рухнул в кресло, глаза сами закрылись, но вдруг тишину прорезал дикий вопль.

Орала его любимая принцесса. Антон упорно тянул на себя деревянную лошадку, Ульрика была сильнее и явно одерживала верх, но для верности сопровождала их соревнование надсадным криком. Тяжело вздохнув, Рюг встал с кресла и поспешил разнять драчунов. Неожиданно он понял, что его жестоко укусили. Причем не его отпрыски, и не маленький оборотень, а братишка Лизы, у которого было всего четыре передних зуба.

Тут вдруг зазвонил колокольчик на входной двери. Мстительно подумав, что Яромир как раз подоспел вовремя, барон подхватил одной рукой Марка и бросился отпирать дверь.

На пороге стояла бабка Настя и с подозрением разглядывала внучкиного мужа, взъерошенного и заляпанного манной кашей с ног до головы, с неуспевшими зажить следами укуса на левой руке и с ребенком под мышкой. Барон фон Шлотерштайн с чувством произнес:

— Бабушка, милая, как я рад вас видеть!

Марк тоже радостно засмеялся, и Рюдигер почувствовал, что его рубашка и штаны стали горячими и мокрыми.

Через час стены и пол гостиной были отчищены от манной каши, чистые, умытые и причесанные маленькие разбойники и Рюдигер жевали бутерброды с ветчиной, а бабка Настя гордо восседала во главе стола и лукаво поглядывала на всю компанию.

Яромир появился почти одновременно с дамами. Рюдигер с досадой бросил ему вместо приветствия:

— Ты что от самого Златограда пешком топаешь?

Удивленный Яр поинтересовался:

— Я пропустил что-то интересное?

— О, ты даже не представляешь, насколько!

Когда наконец все покупки были рассмотрены, все наряды примеряны, а мужчины устали говорить модницам комплименты, Яр попросил тишины и торжественно объявил:

— Мне поручено передать важное послание! — и торжественно вручил Рюгу конверт. Тот нарочно медленно открыл его и погрузился в чтение. Лиза пыталась взглянуть на письмо, но он ловко загораживал листок. Выдержав паузу, он торжественно объявил:

— Ее королевское Высочество принцесса Шарлотта выходит замуж, и мы с тобой, Лизхен, входим в число приглашенных на свадьбу!

Это известие внесло смятение в умы старшего поколения. Мария призывала невестку немедленно обновить гардероб, а старые платья попросту сжечь. Так же она принялась усиленно обучать Лизу хорошим манерам, беспрестанно твердя, что молодежь совсем одичала в этих своих Куличках. Неожиданно ей пришла мысль отправить вместе с ними Анну. Девушке уже семнадцать, самый опасный возраст. Того гляди, влюбится в какого-нибудь свинопаса, или, еще хуже, убежит из дома с каким-нибудь наемником без рода, без

племени. Ну примерно, как сама Мария в эти годы, взяла и влюбилась чуть ли не в первого встречного. Хорошо еще, что первый встречный оказался бароном фон Шлотерштайном, а не грабителем с большой дороги. Нет, нет, она ни о чем не жалеет, но лучше обо всем позаботиться заранее, чем доводить до крайности.

Анну мысль о путешествии в столицу привела в дикий восторг. Наконец-то она увидит хоть что-то новое. Ведь редко кому удается побывать на королевской свадьбе. В глубине души она мечтала встретить свою судьбу, ей хотелось настоящей любви. Ну чтобы, как пожар или наводнение, как у родителей или у Рюга с Лизой. А где же в Темнолесье такая любовь! Где настоящая жизнь, приключения, испытания и все такое? Лиза, послушав девушку, рассмеялась:

— Приключения быстро утомляют. Вот мое настоящее приключение! — она прижала к себе детей. Кстати, сына и дочь они решили взять с собой. Ведь Клодия и Яромир возят с собой своего малыша из столицы в Темнолесье и обратно. Обе бабушки пришли в ужас, но Лотар спокойно заметил, что цыгане всегда возят своих детей с собой, и все нормально. Такое сравнение привело в ужас и Марию, которая не удержалась от язвительных замечаний в адрес мужа, и Катерину, но Лиза осталась непреклонна. Без детей она никуда не поедет, с собой она возьмет Лану, на нее всегда можно положиться.

Теперь Рюдигер и Лиза рассматривали собравшуюся в дальний путь дикарку и старались не рассмеяться. Одежда девушки представляла собой странную смесь обычного наряда лесных людей и охотничьего костюма. На ногах были замшевые штаны и мокасины, сверху меховая безрукавка, жутковатая прическа с костяными украшениями, нож, топор, правда не каменный, а самый обычный, лук со стрелами. На лицо Лана нанесла боевую раскраску, кажется она ничего не забыла и не могла понять, почему они улыбаются.

Наконец Рюдигер взхлохматил пятерней волосы и дипломатично заметил:

— Нет, выглядит конечно впечатляюще, хотя и несколько отличается от последней моды. Ты вообще куда собралась-на войну или на свадьбу?

Лана гордо ответила:

— Вы доверяете мне своих детей, я собралась их охранять!

Лиза не выдержала:

— Нет, так дело не пойдет! Нас из-за тебя к столице и близко не подпустят. Всю эту красоту придется оставить дома, пойдем, я помогу тебе собраться!

Примерно через час из комнаты показались красная измученная Лиза и незнакомая девушка в скромном, но не скрывающем ее красоты, голубом платье. Рыжая грива превратилась в аккуратную косу. Только по сердитому взгляду голубых глаз можно было понять, что это все та же девица. Чисто умытое лицо горело от возмущения, она была готова сквозь землю провалиться в этом платье. Но все решили, что сейчас она действительно выглядит, как настоящая няня детей из хорошей семьи, хотя и держится слишком гордо.

Златоград казалось полностью оправдывал свое название. К королевской свадьбе здесь все блестело и сияло. Все главные улицы поражали чистотой и свежестью красок, даже булыжники на каменных мостовых казались на удивление новыми и чистыми. Небольшие лавки и мастерские ремесленников были украшены живыми цветами. Люди были на удивление приветливыми, казалось, что все ожидают от этого события важных перемен к лучшему не только для страны, но и для каждого ее жителя.

Рюдигер и Лиза оказались гостями в большом доме Яромира и Клодии. Поначалу они хотели снять дом, но Яромир и слышать не захотел об этом. В их доме все равно слишком много места, так что они могут занимать три комнаты, и для слуг и охраны место найдется.

Клодия наслаждалась ролью хозяйки большого дома. Во всем от обивки стен до паркета на полу чувствовалась ее рука. Лиза поинтересовалась, как отнеслась мать Яромира к невестке из Темнолесья. Молодая женщина улыбнулась:

— О, она была так рада помириться с сыном, что даже не интересовалась моим происхождением. Она пока не знает, что я не совсем человек.

Рюдигер, внимательно изучающий оружие, украшающее стену, заметил:

— Лучше бы все-таки поставить ее в известность, а то приедет погостить к вам в полнолуние, и выйдет ночью в сад воздухом подышать! Или заберет к себе Марка на пару дней...

Яромир задумался:

— Возможно, ты прав, но как бы это сделать поделикатнее, матушка у меня конечно не суеверная трусиха, но к такому надо привыкнуть!

Клодия сердито сверкнула на мужа глазами, но промолчала.

Двухэтажный особняк, в котором жил Яр с семейством, располагался в центре города. Дом окружал большой сад с ухоженными клумбами и уютными беседками. Вся эта красота скрывалась за высокой каменной оградой, но все же с балкона было прекрасно видно, что происходит на улице. Златоград был заполнен народом, и люди все прибывали, Казалось, здесь собралась почти вся Алдания. Уже невозможно было найти не только дом, но и комнату, и Лиза подумала, что приглашение Яромира было просто спасением.

В комнату вбежала взволнованная Анна:

— К вам гости, там карета подъехала!

Следом за ней, почти наступая на пятки лакею, спешили Римар и Элина. Увидев жену Римара, все присутствующие дамы ощутили легкий укол зависти. Элина была само совершенство. Ее нежная красота удивительно сочеталась с удачно выбранным нарядом.

Во взгляде Римара на жену были видны обожание и гордость. Он был в парадном мундире, и судя по манерам и поведению, наконец-то перестал ощущать себя неудачником.

Неожиданно послышался грохот, возмущенный голос слуги, кто-то застучал каблуками по лестнице, и следом за графом Забельским с супругой в гостинную влетел Важек. Одетый в бархатный коричневый камзол с желтыми вставками и такой же берет, он выглядел настоящим щеголем.

Наконец первые восторги встречи улеглись, но друзья никак не могли наговориться. Элина окинула оценивающим взглядом Анну:

— Значит, Рюдигер, ты привез с собой сестру. Разумное решение! Здесь сейчас собрались представители всех знатных семейств Алдании, возможно удастся устроить ее судьбу. Конечно, ее одежда и манеры слишком провинциальны, но я возможно смогу помочь!

Бедная Анна покраснела как рак и уткнулась носом в тарелку. Яромир заступился за девушку:

— Да ведь в этом вся ее прелесть! Красивая, как лесной цветок, и совершенно неиспорченная этими вашими манерами! Нет, Элина, умоляю, не надо ничего портить!

Анна взглянула на него с благодарностью, Клодия успокаивающе взяла ее за руку и шепнула:

— Не обращай внимания, она известная зануда, но в душе добрая!

Между тем всеобщее внимание переключилось на Важека:

— Мы думали, ты уже давно профессор, а ты, оказывается, вертишься при дворе. Что случилось, почему ты охладел к наукам?

Важек слегка смутился:

— Ну я поначалу решил изучать медицину, и все шло неплохо, но оказалось, что я совсем не выношу вида крови, просто теряю сознание! К тому же Академия чем-то напоминает монастырь, также далека от мира, а я всегда старался быть в курсе всех последних событий! В общем мы с отцом серьезно поговорили, и теперь я офицер при Посольстве. Возможно, скоро уеду в какую-нибудь далекую страну.

— И у тебя по-прежнему нет девушки! — подвел итог Рюдигер.

— Ну значит я еще не нашел свою половинку! — несколько не обиделся Важек.

Двери гостиной бесшумно приоткрылись, пропуская Лану. Не обращая внимания на гостей, девушка подошла к Лизе и что-то ей прошептала. Лиза поспешила за ней. Важек проводил их глазами.

— Интересная у вас прислуга, — заметил он.

Рюдигер улыбнулся:

— Она не служанка, а скорее телохранительница. Жуткая гордячка, дочь вождя дикого племени, кстати вампирша, если еще не заметил!

— Дикого племени! Расскажешь? — в глазах Важека зажегся неподдельный интерес. Да и все остальные хотели послушать эту историю. Друзья засиделись до глубокой ночи, все никак не могли наговориться.

Тонкости придворного этикета

В день торжества на улицах Златограда было не протолкнуться. Чтобы карета с новобрачными могла проехать от церкви, где происходило венчание, до королевского дворца, толпу аккуратно, но решительно раздвигали охранники принцессы в парадной форме.

Принцесса Шарлотта обзавелась отрядом телохранителей, Все юноши были высокими и стройными, красивые молодые лица были серьезными. Они были всецело преданны своей госпоже. Среди них не было ни одного нормального человека, все принадлежали к влиятельным семьям из восточных провинций.

В самом дворце было также многолюдно, как и на улицах. Для торжества был выбран один из самых красивых залов. Потолок украшали хрустальные люстры со множеством свечей,

Вдоль левой стены были высокие, почти до потолка, окна. В отделке зала преобладал золотой цвет. Потолок был искусно расписан сценами из античных времен.

Принцесса выходила замуж за принца Станислава, шестого сына короля соседней Веславии. Молодой человек был довольно красив, высокий и темноволосый он хорошо смотрелся рядом с блондинкой Шарлоттой. Принц не имел вредных привычек и был человеком довольно мягким.

Он был бесконечно далек от права на отцовский трон и поначалу надеялся, что со временем, став мужем королевы, он будет фактически королем. Но поближе узнав свою будущую жену, он понял, что этим надеждам не суждено сбыться. Шарлотта не собиралась уступать право на трон никому. Впрочем некоторые разногласия не мешали им сейчас лучезарно улыбаться многочисленным гостям и принимать поздравления.

Здесь собрались как жители столицы и крупных городов, так и провинциалы. Барон фон Шлотерштайн с женой с удивлением разглядывали пестро одетую публику. Последняя столичная мода вызвала у Лизы приступ нервного смеха. Мужчины, одетые в узкие штаны, скорее напоминающие чулки, и яркие камзолы, приталенные с пышными рукавами, но расширяющиеся к низу наподобие юбки, при этом сохраняющие важный и гордый вид, выглядели, мягко говоря, забавно. Камзол ее мужа из синего бархата безнадежно вышел из моды, но сидел на нем безукоризненно. Его стройная высокая фигура притягивала женские взгляды. Наряды дам также поражали своим разнообразием. Но Лиза в платье персикового цвета и Анна, сменившая свой любимый красный на более подходящий юной особе небесно-голубой, были очаровательны и ничуть не уступали придворным модницам.

Рюдигер с удивлением понял, что среди гостей немало вампиров, и оборотней. Не все из них приехали из восточных провинций, некоторые были столичными жителями. Кто-то по обычаю богатых людей зиму проводил в Златограде, на лето отправляясь в родные места. некоторые были ему знакомы и охотно обменивались с ним приветствиями, но кое-кто поглядывал на провинциала с надменным превосходством.

Вдоль стен располагались длинные столы, заставленные всевозможными вкусностями. Королевские повара сотворили настоящие чудеса. Лиза, окинув взглядом эту красоту,

подумала, что обязательно надо навестить госпожу Магду.

Король Максимилиан Третий занял свое место рядом с дочерью. Он старался держаться весело и беззаботно, но это было совсем нелегко. В последнее время у него было немало забот. Среди иностранных гостей не было послов ни Фрисланда, ни Готхейма, двух западных соседей Алдании. Эти страны в прошлом часто покушались на приграничные земли. К тому недавно вернувшийся из Готхейма шпион принес тревожное сообщение, что у западной границы собралось двадцатитысячное войско. А высшие священослужители этих стран не раз высказывались о том, что христианство в Алдании попахивает откровенной ересью, и если власть не хочет вернуть страну к истинной вере, то надо это сделать с помощью силы.

Он с тревогой изучал представителей знатных семейств, все ли встанут под его знамена, сколько людей сможет привести с собой каждый из них? Взгляд короля коснулся нескольких представителей моравской знати, оживленно беседовавших между собой. Окажут ли старые кланы пьющих кровь и бегущих в ночи ему поддержку?

Впрочем в случае победы противника им грозит полное истребление, так что в нелюдях он может не сомневаться. Заметив удивленно-испуганный взгляд принцессы, он улыбнулся ей и поспешил отвлечься от тяжелых раздумий. Надо попытаться забыть обо всем и веселиться, ведь такое событие, как свадьба единственной дочери, случается один раз в жизни!

Еще за столом Лиза ощутила на себе чей-то внимательный взгляд. Светловолосый красавец с надменным выражением бледного лица пристально смотрел в ее сторону. Она

сердито свела брови, но проследив за его взглядом, поняла, что внимание молодого вампира привлекла Анна. Девушка тоже заметила это и сильно покраснев, отвела взгляд.

Лиза, почувствовав себя в роли опытной и взрослой особы, ответственной за репутацию юной девицы, принялась рассматривать тот угол стола, который заняли молодые аристократы из столичных семей. С легким возмущением она признала, что природа щедро наградила эти опасные создания редкой красотой. Все они имели правильные, четкие черты лица, яркие глаза и были хорошо сложены. В оживленном разговоре то один, то другой показывали острые белые зубы. Несмотря на изобилие роскошного стола, они почти ничего не ели, что по мнению Лизы, хорошо знакомой с этой породой, было по меньшей мере странно.

Она обернулась к мужу, но он как раз вонзил клыки в хороший кусок жареного мяса и не мог ей ответить, и ей пришлось распросить о молодом вампире Элину.

— О, это единственный сын старого графа Розенберга. Их семья очень богата, род очень древний, как говорят, они знают всех своих предков даже до Черной звезды. Эдгар верховодит компанией таких же богатых бездельников. Уж не знаю, чем они занимаются,

Но вечерами, издали завидев их, люди стараются свернуть в другую сторону. Чего хорошего ждать от вампиров! Ох, Лиза милая, прости, я не хотела тебя обидеть!

— Ничего, мы в столице уже не в первый раз, привыкаем потихоньку! — закончивший с едой Рюдигер ехидно улыбнулся Элине, ослепительно сверкнув зубами. Он слышал их разговор от слова до слова и решил тоже быть повнимательнее к этому Эдгару Розенбергу.

Во время бала Лиза потеряла молодого нахала из виду и почти позабыла о нем. Здесь царил атмосфера всеобщего флирта. Остановившись на мгновение около стайки нарядных дам, она с удивлением поняла, что они обсуждают ее мужа.

— Вон тот, высокий с черными волосами! Какие красавцы есть в провинции! Я слышала, что эти нелюди прекрасные любовники! — восторженно воскликнула одна из них.

— Но он похоже не один, с ним сразу две дамы, — заметила ее подруга.

Мгновенно вскипевшая Лиза обернулась к болтушкам:

— Вы имели наглость говорить о моем муже. Только попробуйте приблизиться к нему, и ни один мужчина не взглянет на вас без жалости!

Оказавшаяся рядом Элина пожурела подругу:

— Милая, но это же грубо и бестактно!

— Но зато предельно ясно! — отрезала Лиза. — Это что королевский двор или веселый дом?

Элина грустно вздохнула:

— Ну, если соблюдать определенные приличия, то возможно почти все!

Возмущенная баронесса произнесла:

— Ну со мной такие штучки не пройдут, плевать я хотела на приличия! Мы в Темнолесье называем вещи своими именами, так что пусть знают, со мной шутки плохи!

Элина улыбнулась и подумала, что Лиза не слишком изменилась. Под ангельской внешностью скрывалась взбешенная фурия.

Надо сказать, что подозрения молодой женщины имели под собой основания. Барон фон Шлотерштайн уже не раз подвергался настойчивым атакам столичных дам. Глядя в его синие глаза, они забывали последние правила приличия, и совершали странные поступки.

Несколько раз к нему слишком сильно прижимались, заставляя краснеть. Рядом с ним вдруг начала терять сознание неизвестная красавица. Удивленный Рюдигер еле успел подхватить бедняжку, она слабо улыбнулась ему, но под свирепым взглядом Лизы быстро пришла в себя. Количество упавших рядом с ним и возвращенных хозяйкам платков и вееров превысило разумные пределы. Глядя, как мрачнеет красивое лицо его жены, он потихоньку начал волноваться. В гневе Лизхен ничуть не уступала его матери.

Однако вскоре их роли слегка переменились. Цветущую красавицу из провинции наперебой приглашали танцевать. Не обращая внимания на уловки столичных искательниц острых ощущений, Рюдигер все сильнее хмурил красивые брови, глядя, как его жена кружится в танце.

Между тем Анна была готова расплакаться. Среди шумного веселого торжества она была совершенно одна. Клодия и Элина танцевали с мужьями. Ее брат сердито наблюдал за Лизой, танцующей с бойким придворным кавалером, а на нее никто не обращал внимания. Молодые люди ее лет предпочитали любоваться хорошенькой вампиршей издали, ни один из них не решился пригласить ее на танец. Анна опустила вниз красивые глаза, окончательно утратив веру в свою привлекательность, как вдруг услышала:

— Госпожа, может вы не откажете мне в танце?

Перед ней стоял высокий светловолосый красавец в расшитом золотом камзоле. Он почти-тельно поклонился и с улыбкой представился:

— Мое имя Эдгар Розенберг!

Анна взглянула в яркие небесно-голубые глаза и поняла, что пропала.

Лиза рассеянно отвечала на настойчивые распросы своего кавалера. Граф Тадеуш Ставицкий был довольно привлекательным мужчиной. Его темные волосы были завиты и напомажены, а живые темные глаза внимательно изучали прекрасную баронессу. Но она слушала его плохо и напряженно смотрела на черноволосого вампира, который беседовал с элегантно одетой бледной дамой.

— Да вы прямо глаз не сводите с этого нелюдя! Он вам знаком? — удивился граф.

— Еще бы, это мой муж, интересно о чем они так разговорились? — сердито ответила она.

После этого замечания Тадеуш с почтением проводил ее на место, с опаской взглянув на вампира, и растворился в толпе.

Рюдигер представил жену, своей дальней родственнице. Та окинула Лизу презрительным взглядом. Она всегда считала смешанные браки ужасной глупостью, а ведь эта провинциалка и вовсе чуть ли не простолюдинка! Лиза не осталась в долгу, и одарив гордычку взглядом, способным поджечь охапку хвороста, сказала, что очень рада знакомству. Еле дождавшись, когда гордая аристократка покинет их, Рюдигер сжал руку жены:

— Ну хватит, все остальные танцы принадлежат только мне!

В это время Анна не пропускала ни одного танца, но граф Розенберг так и не соизволил представиться ее брату. Молодой вампир был примерно одних лет с Рюгом. Узнав, что юная красавица носит имя баронессы фон Шлотерштайн, он слегка презрительно скривил губы. Похож, этот факт сильно снизил привлекательность девушки в его глазах. Это несколько удивило Анну, ведь она привыкла всегда гордиться своим происхождением. Но боясь разрушить призрак своей первой любви, она не решалась спросить, что же не так с ее именем.

Время близилось к полуночи, принцесса Шарлотта с мужем только что покинули гостей, но праздник был в самом разгаре. Яр и Клодия, устав от бесконечных танцев, присели передохнуть. Вскоре к ним присоединились и Рюг с Лизой. Рюдигер внезапно понял, что умирает от голода. Его заявление вызвало откровенный смех Яромира и понимающую улыбку Клодии.

— Похоже, ты стал лопать еще больше, ну да, ведь ты здорово вырос! — съязвил Яромир.

— А что такого, эти танцы ужасно утомляют, — ничуть не смутился Рюг, придвигая к себе блюдо с жареными перепелами. Но перекусить ему не удалось. Лиза тревожно рассматривала кружащиеся пары.

— Я нигде не вижу Анны. Она все время была с этим Розенбергом, но сейчас они оба как сквозь землю провалились!

Рюдигер помрачнел:

— Как это сквозь землю провалились! Надо с этим разобраться. Этот нахал мне сразу не понравился! Почему он не представился как полагается, не попросил разрешения пригласить мою сестру?

Яромиру хотелось сказать другу, что у него слишком устаревшие взгляды, и он чересчур строг к девушке, но увидев знакомое выражение гнева на красивом бледном лице Рюга, он передумал. Разговаривать с вампиром сейчас было совершенно бессмысленно. Он напоминал быка, увидевшего красную тряпку, и не стоило даже пытаться его остановить.

Отыскать парочку среди толпы нарядных гостей оказалось делом не простым. Яромир и Лиза то и дело срывались с места, заведя издали стройного блондина с изящной черноволосой дамой, но всякий раз ошибались. Зато Рюг и Клодия больше полагались на природные инстинкты. Хотя запах девушки было трудно выделить среди множества других, но Рюдигер все же уверенно двигался к цели. Зал для торжества переходил в широкий коридор. С обеих сторон его стены представляли ряд высоких арок. Следуя своему чутью, барон свернул в одну из них и очутился на просторной террасе. Она была заполнена

необычными цветами с резким ароматом и экзотическими растениями. Небольшие деревца были украшены бумажными фонариками. Этот уголок живой природы ограждали лепные перила. Внизу был дворцовый парк, а над головой мерцали яркие звезды.

Анна стояла на краю террасы и восхищенно смотрела в черный бархат неба. Эта ночь казалась ей самой лучшей в жизни. В полумраке ярко блестели ее глаза и изумруды, украшавшие высокую прическу. Ее спутник был рядом, его рука опустилась ей на плечо.

— Здесь так красиво, — вздохнула девушка, — но не пора ли нам вернуться в зал? Мои близкие будут беспокоиться. Разве ты не хочешь с ними познакомиться?

Эдгар совсем не горел желанием знакомиться с этим деревенским невеждой и целовать руку его жене, которая по слухам была обычным человеком, и даже не знатного рода. Следуя доводам рассудка, надо было давно проводить эту наивную девицу на место,

Вместо этого он вдруг повернул Анну к себе и грубо и настойчиво обжег ее губы поцелуем. Анна чуть не задохнулась от удивления. Эдгар вел себя вовсе не как робкий и нежный влюбленный, а как наемник в захваченном городе или как господин со своей рабыней!

Она сделала попытку освободиться, но похоже ее бунт возымел обратное действие. Он только сильнее сжал ее руки, сделав ей больно. Кажется, этот негодяй совершенно не привык считаться с мнением других, особенно женщин! Возмущенное самолюбие и сословная гордость захлестнули Анну. Как смеет он так поступать с ней! Она баронесса фон Шлотерштайн, к тому же даже последняя нищенка не должна терпеть подобное!

Проклиная моду на длинные тяжелые платья, девушка изловчилась и с силой заехала наглицу коленом между ног. Граф охнул, грубо выругался и отпустил ее.

Самым разумным было бежать со всех ног, но Анна была не из тех, кто отступает. Решительно взглянув в красивые голубые глаза, словно пытаясь найти там хотя бы остатки совести, девушка гневно спросила:

— Но зачем, почему ты так поступаешь со мной? Я думала, что нравлюсь тебе...

Эдгар уже очнулся от минутного наваждения и проклинал себя за идиотский поступок. Потерять голову от страсти в королевском дворце, в нескольких шагах от родных этой дурочки и дворцовой стражи. Во всем виновата изумительная красота глупой девчонки! Вот если бы они встретились в другом месте, она бы сполна заплатила за свою дерзость!

— Ох, ты так же наивна и глупа, как и все в вашем роду! — презрительно бросил он Анне.

— Извольте объясниться господин граф, чем же вам не по нраву древний род фон Шлотерштайнов?

На плечо Эдгара опустилась тяжелая рука, и обернувшись, он оказался лицом к лицу со старшим братом юной красотки. Они были одного роста, но тем не менее Рюдигер казался выше и сильнее, висевшая у него на боку шпага в простых ножнах была не украшенной драгоценными камнями игрушкой, а смертоносным оружием. Но Эдгар уже не мог остановиться:

— Вы слишком глупы и доверчивы, веками принимаете все за чистую монету! Слишком доверяете людям, проливаете кровь в их войнах, верные слуги короля! Дошло до того, что вы стали вступать с ними в браки! Это просто позор, оскорбление для всех старых кланов!

На красивом лице барона не дрогнул ни один мускул. С ледяным спокойствием он произнес:

— Мы всегда были верными вассалами короны. Это самое малое из того, чем мы можем отплатить за право спокойно жить на этой земле. Или ты не знаешь, что происходит с пьющими кровь в соседних странах? Что касается твоих слов о смешанных браках, то смею заметить, что ты, как никогда, близок к смерти. Можешь назвать место и время, и мы поговорим об этом подробнее.

Граф Розенберг наконец понял, что зашел слишком далеко. От этого деревенского простофили исходила смертельная опасность. Чтобы поставить на место болтливого нахала, ему не обязательно даже вынимать шпагу из ножен. Если верить всему, что говорят про воспитанника Иоганна Кранца, то он вполне может лишить жизни голыми руками.

— О, прошу прощения, господин барон, вы неверно истолковали мои слова. Я ничего не имею против вашего выбора спутницы жизни. Просто я предпочитаю искать свою половинку среди чистокровных! Кстати, я очарован вашей сестрой!

Шпага вылетела из ножен так быстро, как будто жила своей жизнью. Ее острие уперлось в расшитый золотом камзол как раз напротив сердца. С трудом сдерживаемый гнев вырвался наружу, растопив ледяную маску безразличия.

— Если ты посмеешь хотя бы взглянуть в сторону моей сестры, то можешь выбирать себе место в фамильном склепе! Я не шучу! — рассерженный Рюг был очень убедителен. Граф

поспешил исчезнуть. Из темноты коридора донеслось:

— Ты еще пожалеешь об этом, деревенщина!

Рюдигер вернул оружие в ножны и вздохнул:

— Сколько на свете всякого дерьма, считающего себя лучше других! Анна, с тобой все в порядке? Если он тебя обидел...

Красивые вишневые губы вдруг искривились, темные глаза наполнились слезами, носик сморщился. Анна напоминала обиженного ребенка, она уткнулась в плечо брата и горько расплакалась.

— Рюг, увези меня отсюда, я хочу домой!

Он успокаивающе погладил ее по голове:

— Конечно, сейчас только отыщем Лизхен и уедем!

Вдруг его глаза наткнулись на что-то белое прямо под ногами. Это оказался клочок бумаги на котором неровным торопливым почерком было нацарапано: «Завтра после полуночи в Башне Проклятых».

Наконец добравшаяся до террасы Лиза с удивлением заметила, как ее муж подобрал что-то с земли и спрятал в карман. Вернувшись домой и еле дождавшись, когда они избавятся от бальных нарядов, она быстро проверила карманы его камзола и с удивлением нашла там записку. Эти несколько слов на обрывке бумаги лишили ее спокойствия. Перекрестив спящих детей, она потушила свечу и отправилась к себе. Притворившись спящей, она не отвечала на настойчивые ласки Рюга. Наконец он вздохнул, и обняв ее, успокоился. Его дыхание стало тихим и ровным, она поняла, что он крепко спит. Ей же совершенно расхотелось спать. Она поняла, что не сможет жить спокойно, пока не разберется, что происходит в Башне Проклятых после полуночи.

Секрет Башни Проклятых

На следующий день Рюдигер был рассеян и неразговорчив. Он отвечал невпопад, как будто был погружен в свои мысли, и Лиза только еще больше укрепилась в своих подозрениях. Почему он ничего не говорит ей об этой записке? Что там такого, о чем ей не положено знать? Она никогда не сомневалась в нем, и то, что у него есть какие-то тайны, просто разрывало Лизе сердце!

Анна встала поздно и всем своим бледным и грустным видом напоминала печальное привидение. Взглянув на девушку, Лиза в сердцах подумала, что попадись ей этот Розенберг под горячую руку, он бы неделю рот открыть стеснялся! Словно чувствуя ее настроение, дети капризничали и отказывались засыпать днем. Она отчаялась уложить их. В конце концов крепче будут спать ночью, подумала она и решила вывести их в сад на прогулку.

Между тем Рюдигер и не подозревал, что случайно подобранная им записка причинила такое беспокойство его жене. Он снова вспомнил все события прошлой ночи. Было в поведении этого нахала что-то настораживающее. Он вел себя так, как будто был пьян. Однако Рюг не уловил ничего похожего на вино в его запахе... Но кажется, ему стали понятны причины такого поведения! Этому напрашивалось только одно объяснение, но оно было слишком невероятным. Свежая кровь... Те, кто всему на свете предпочитает кровь еще живого существа, постепенно становятся рабами этой опасной привычки, часто ведут себя вызывающе, а порой опасно и непредсказуемо. И за столом их компания ни к чему не притронулась. Подобные вещи хороши изредка на охоте в узком кругу близких или когда нужно спасти жизнь или залечить рану. Никто не станет злоупотреблять этим, чтобы потерять свое доброе имя и стать изгоем.

Неужели они могли вести себя так прямо в королевском дворце, ведь это ставило под удар не только их самих, но и всех им подобных.

Теперь Рюдигер понял, что он просто обязан побывать в Башне Проклятых и с самого утра донимал распросами Яромира. Они сидели в небольшой красивой беседке, стены которой были увиты лианами с крупными голубыми цветами. Удивленный Яр старательно пытался вспомнить все, что ему известно об этом мрачном месте. В двух шагах от беседки за самшитовым кустом с блестящими листочками их внимательно слушала Лиза.

— Да я и сам знаю об этом понаслышке. Старая башня на краю города... Ее все обходят стороной. Иногда в безлунные ночи оттуда раздаются жуткие вопли. Однажды там решил переночевать один бродяга, утром его нашли мертвым у дверей башни. На теле не было ни ран, ни увечий, но на лице мертвеца застыл такой ужас...

Рассказывают, что когда-то башня принадлежала чернокнижнику. У него была юная красивая жена, которая ужасно скучала среди пыльных книг и магических приспособлений. И пока ее муж пытался проникнуть в тайны тьмы, она завела роман с молодым слугою. Обманутый муж призвал на помощь неведомые силы, и жуткие создания утащили незадачливых любовников прямо в преисподнюю. Но сам он сошел с ума и до самой своей смерти бродил по городским улицам, а умер у ворот башни. Во всяком случае так говорят.

— Слишком жутко, чтобы быть правдой, — усмехнулся Рюдигер.

— Вот и Ивар говорит тоже самое. Он считает, что эти сказки на руку всяким негодьям, которые используют заброшенную башню для разных черных дел.

— Ивар? Надо бы с ним повидаться! Как у него дела?

— О, у него все замечательно. Они с Дариной купили большой дом, у них две дочери, близнецы Ирма и Агнешка, одна вампир, другая оборотень. Наш командир на него не нарадуется. — Яромир попытался скрыть улыбку, — на днях мне рассказывал, как он удачно добыл ценные документы у фрисландского посла и при этом еще нашел потерянное ожерелье одной знатной дамы.

— Нашел? — изумился Рюдигер.

— Ну да, — хохотнул Яр, — представь, как только наш дорогой полковник спросил его, не видел ли он случайно пропавшего украшения, как этот хитрец вынул его из кармана, да еще ворчал при этом, дескать навешают на себя драгоценностей ценой чуть ли не в королевский дворец и совершенно за ними не смотрят. А когда я спросил его, не стоит ли быть поскромнее, он ответил, что у него подрастают две дочери, и он просто обязан подумать об их будущем!

Отсмеявшись вместе с Яромиром, Рюдигер заметил:

— Вообще-то его можно понять, у него было тяжелое детство...

— Да я и не осуждаю. Ведь не последний же кусок хлеба он стянул у этой герцогини!

Подслушанный разговор не принес Лизе спокойствия, целый день она была сама не своя. Клодия и Лана по очереди пытались выяснить, что же ее тревожит, но она объясняла все тем, что слишком устала на празднике. Наконец она не выдержала и прямо спросила у мужа, что он может сказать об этой записке. Голос у нее дрогнул, серые глаза подозрительно блестели, она напряженно смотрела на Рюга, ожидая ответа. Удивленный и расстроенный тем, что причинил любимой столько волнений, он честно рассказал все о своих подозрениях и о Башне Проклятых. Какой-то миг она испытывала огромное облегчение от того, что все ее страхи и подозрения оказались вымыслом. Рюдигер ей доверяет, он и не думал ничего скрывать. Но вскоре в сердце опять закралась тревога, а не опасно ли его любопытство, не таит ли в себе угрозу эта Башня Проклятых?

— Но Рюг, ради Бога ты же не собираешься следить за ним? Не стоит с ним связываться, я очень тебя прошу!

— Неужели ты считаешь, что я отступлю перед этим ничтожеством? Вдруг они затевают там что-то опасное? — Рюдигер с трудом сдерживал охвативший его гнев, снова вспоминая нелепые насмешки негодяя.

Лиза тревожно посмотрела на вертикальную черту между бровями и потемневшие синие глаза. Она обвила руки вокруг его шеи и сказала как можно мягче:

— О, я не сомневаюсь, что ты не отступишь, ведь в честном бою он тебе не соперник! Но его семья очень богата и влиятельна, они могут купить почти все и всех.

— И это говорит та, которая недолго думая, разбила нос королевскому племяннику несколько лет назад? — он невольно улыбнулся.

— Ты уже поставил этого наглеца в глупое положение, ограничишься этим! — мягко попросила Лиза.

— Боюсь только, что он не ограничится, трусы мстительны и злопамятны... — вздохнул Рюдигер, забыв о своей вспышке. Опасная близость любимой женщины не давала думать ни о чем другом. Не слишком понимая, что делает, он дотронулся до светлых кудрей, еще

сохранившихся после бала, и незаметно вытащил шпильку из прически. Волосы тут же рассыпались золотым дождем по ее плечам, тревожно приоткрытые губы манили к себе, словно распустившийся цветок, и он ответил на все остальные незаданные вопросы и невысказанные опасения долгим, как ночь, поцелуем.

Несмотря на громко стучащее сердце, молодая женщина все же вспомнила о том, что они не на седьмом небе, а всего лишь в гостях у друзей, и поспешила задернуть шторы.

Когда его жена, счастливая и совершенно обессиленная, крепко уснула, барон фон Шлотерштайн взглянул на часы. До полуночи еще оставалось чуть больше четверти часа.

Взглянув на безмятежно спящую Лизу, чье прекрасное лицо во сне было таким же невинным, как у ребенка, Рюг на мгновение испытал муки совести, честно ли он поступит, отправившись один к загадочной башне. Но он остро чувствовал непонятную угрозу, нависшую над всеми, кто ему дорог, и не собирался ждать, когда кто-то или что-то ударит первым. Быстро и бесшумно одевшись, прихватив с собой шпагу и кинжал, он раскрыл окно и спустился в сад. Через миг он уже спешил по ночным улицам на край города.

Не успел барон еще перелезть через ограду, как его жена открыла глаза, быстро выбралась из постели и принялась одеваться. Мельком взглянув в зеркало, она осталась довольна. Ее можно было принять за стройного юношу, накидка с капюшоном скрывала золотую косу и высокую грудь. Костюм дополнила самая настоящая шпага.

Мало кто догадывался об этом, но молодая женщина в совершенстве владела этим оружием. В свое время Иоганн Кранц потратил немало времени на обучение упрямой девчонки, рискуя вызвать нешуточный гнев бабки Насти и своей супруги. Предложив обучать воинскому искусству не только своего крестника, но и его друзей, он никак не ожидал, что внучка скандальной соседки тут же ухватится за это предложение. Однако старый солдат привык держать слово, и вскоре Лиза фехтовала не хуже королевских гвардейцев, к тому же могла защитить свою жизнь и честь любым подручным средством. Она затушила свечи и распахнув окно, не задумываясь, повторила путь мужа.

Ночное небо было на удивление чистым, луна ярко освещала дома и улицы. Ночь хороша не только для грез и размышлений, она лучшая подруга любовников, заговорщиков, воров и наемных убийц. Неразборчивая, как продажная девка, она никому не отказывает в своей защите, любую тайну спрячет под своим черным покрывалом. Но есть у нее и свои фавориты.

Ночная тьма охотно накрывает своими крыльями пьющих кровь и бегущих в ночи, когда они, много лет живущие почти как люди, обращаются к ней за помощью. Ведь во времена Черной Звезды на земле царила вечная ночь, и только они смогли выжить среди холода и мрака.

Лиза с удивлением замечала на темных улицах оживленные компании. То и дело в темноте вспыхивали и гасли угольки чьих-то глаз. Как же она не подумала, ведь в Златограде сейчас полным полно нелюдей. Чуть ли не половина Алдании съехалась на свадьбу принцессы. Она вжалась в проем стены, пропуская веселую группу молодежи явно нечеловеческого происхождения. Чем-то напоминает родное Темнолесье в Рождественскую ночь. Впрочем, ближе к окраине на улицах стало пусто и жутко. Лиза уже пожалела, что не насыпала в карманы Рюга гороха, преварительно их продыривив, но вдруг чуть ли не носом уткнулась в полуразвалившуюся каменную ограду, за которой высилась Башня Проклятых.

За оградой раньше был сад. Теперь он превратился в непролазные дебри, состоящие из

терновника, чертополоха и репейника. С трудом продравшись сквозь колючие заросли, злой и исцарапанный, Рюдигер рассматривал городскую легенду.

Башня состояла из трех частей. Широкая в основании, устремляясь в небеса, она делалась тоньше и стройнее. Каждая часть заканчивалась небольшой верандой, с железной оградой вокруг. На каждой из них были небольшие окошки. Из верхних окон, под самым куполом с острым шпилем был виден свет.

Барон перекрестился и шагнул в мрачно чернеющий дверной проем. Внутри не слишком хорошо пахло, откуда-то снизу тянуло сыростью. Винтовая лестница как будто начиналась где-то далеко под землей. Кругом громоздились кучи мусора и нечистот, и Рюг старался внимательно смотреть под ноги. Наконец он добрался до верхнего этажа.

Перед ним была довольно хорошо сохранившаяся дверь. Лестница разделяясь на две части, вела на веранду. Недолго думая, он повернул вправо. Из окон лился слабый свет и доносились обрывки разговора. Он осторожно заглянул туда.

Комната была заполнена народом. Рюдигер узнал своего противника и многих других из компании богатой молодежи. Некоторые были ему незнакомы. В середине комнаты, небрежно развалившись в кресле, сидел мужчина средних лет. Вся молодежь ловила каждое его слово. Рюг прислушался и прост остолбенел. Такого он еще не слышал!

— Горько видеть, что мы, пьющие кровь, потеряли свое бывшее могущество и власть. Мы, которые, всегда были совершеннее людей, этих слабых и ничтожных созданий, ушли в тень, стали жить по людским законам, подражать им во всем, даже приняли их веру. Наши бывшие рабы охотно пользуются нами. Некоторые из нас так наивны и глупы, что по первому зову готовы рисковать своей жизнью ради короны и в упор не замечают насмешек и презрения.

Барон фон Шлотерштайн был уверен, что прекрасно знает историю Алдании с самых темных веков и по сей день, но вскоре он поразился еще больше.

— Они относятся к людям, как к равным себе, наивно следуют глупым христианским заповедям, вступают с ними в браки, нарушая священную чистоту крови. Забыв свою сущность, питаются обычной человеческой едой, ведя себя подобно животным, ибо только свежая кровь может утолить вечный голод, терзающий нас!

Рюдигер чуть не выругался вслух, надо же было до такого додуматься. Вечный голод, да что эти избалованные сопляки об этом знают!

Между тем горячая речь неизвестного имела большой успех среди слушателей. Послышались одобрительные возгласы, а кто-то даже захлопал в ладоши. Оратор переждал бурные восторги и продолжил:

— Я вижу перед собой тех, кому небезразлична судьба нашего народа. Отрадно видеть что современная молодежь не хочет сидеть, сложа руки, и готова на решительные действия!

Но прежде чем мы обсудим эти решительные действия, мы все должны дать клятву, которая свяжет нас навечно, обратной дороги ни у кого уже не будет! Все ли готовы к этому?

Послышались возмущенные возгласы, что здесь нет трусов. Кажется, Эдгар Розенберг орал громче всех. Рюдигер с трудом выносил доносившийся из окна жуткий запах, наверно в этой башне и в самом деле кто-то или что-то простился с жизнью, причем совсем недавно. Интересно, подумал он, как же они это терпят. Ведь вампиры чувствуют запахи намного острее людей.

Мужчина в кресле поднял руку, призывая к тишине, и трижды хлопнул в ладоши. Рюг постарался рассмотреть его получше. Черные волосы, властное лицо с резким профилем, в

разговоре и в движениях проглядывает привычка повелевать. Дорогое платье несколько устаревшего фасона и запах, тошнотворный сладковатый запах трупа... Не может быть, неужели еще один вечно живущий? Говорят, что они могут подчинять себе заблудшие души, навязывать свою волю. Правда, с ним этот фокус не прошел, от крестного знамения эти жуткие существа шарахаются, как от раскаленного железа. Но похоже все, кто здесь находится, легкая добыча...

В стене отворилась потайная дверь, и появился невысокий человек, державший за руку женщину в длинном плаще с накинутым на голову капюшоном. К удивлению Рюга вновь прибывший был обычным человеком, но не проявлял никаких признаков страха среди такой компании. Он почтительно склонился перед вечно живущим:

— Господин, я привел ее, как вы приказывали!

Как только он произнес это, Рюдигер вдруг узнал в нем Магнуса, фрисландского торговца, заблудившегося в лесу и чуть не утонувшего на Чертовых окошках. Что он здесь делает? Уж точно не торгует дешевыми безделушками, которые показывал у него в замке.

— Люди, обычные люди, они здесь зачем? — послышался удивленный шепот. Вечно живущий

усмехнулся, в полумраке сверкнули острые зубы.

— Они иногда могут быть полезны, как слуги или как еда.

На лице Магнуса промелькнуло беспокойство, и он слегка отступил назад. Он давно уже избавился от страха перед нелюдями и думал о них с некоторым презрительным превосходством. К своему удивлению, пытаясь найти недовольных существующими порядками, он нашел их именно среди вампиров. Не слишком умные представители золотой молодежи мечтали о государстве, в котором пьющим кровь принадлежала бы вся власть и привилегии. Все это было для Магнуса привычным, даже рутинным делом, но живой мертвец, мечтающий о власти, все же вызывал у него необъяснимый холодный ужас.

Вечно живущий окинул всех строгим взглядом и продолжил:

— Все, кто даст клятву этой ночью, уже не смогут ее нарушить, не потеряв свою жизнь. Кто из вас знает, что такое кровь человека?

Вдруг стало очень тихо, все испуганно замолчали, мгновенно придя в себя и начиная понимать, во что они ввязываются.

Их предводитель снял капюшон с женщины, все это время не проронившей ни звука, и все увидели юную девушку, почти ребенка, доверчиво смотревшую вокруг большими карими глазами. Вечно живущий провел рукой с длинными ногтями по ее волосам и ласково спросил:

— Дитя мое, ты ведь не боишься меня?

Девчушка посмотрела на него с собачьей преданностью и тихо ответила:

— Нет, господин. Вы спасли мне жизнь, когда я умирала от голода, дали мне крышу над головой, ради вас я готова на все.

— Что ж, милая Ванда, сейчас тебе представится такой случай, — он вонзил взгляд своих темных с красным отблеском глаз в лицо девчушки, и она покорно ответила:

— Я готова, все, что прикажете, господин.

Вампир взял ее руку и откинул длинный рукав платья, обнажив запястье.

— Ее кровь скрепит нашу клятву!

Вдруг послышался испуганный голос откуда-то сзади:

— Но ведь она умрет!

Вечно живущий равнодушно ответил:

— Ее жизнь была такова, что пожалуй лучше умереть! — и показав немаленькие клыки, собрался впиться в узкое запястье.

Вдруг он коротко вскрикнул от боли и выпрямился, в плече у него торчал кинжал. В правое окно, выбив остатки стекла, с шумом и треском ввалился Рюдигер фон Шлотерштайн. В глазах у него потемнело от гнева, он совсем забыл о своем намерении только разведать обстановку, и был готов в одиночку разнести тут все вдребезги.

— Отойди от нее, ты, мертвая скотина! — Рюг направил шпагу на вечно живущего, тот с нехорошей улыбкой шагнул к нему и вдруг остановился, получив еще один нож в спину.

— Всем стоять на месте. Именем короля, вы арестованы! — раздался смутно знакомый голос, и из левого окна ловко выскочил Ивар. Среди собравшихся началась откровенная паника, все заметались, ища выход из тесной комнатухи. Девушка вдруг испуганно вскринула и потеряла сознание. Магнус воспользовался всеобщей неразберихой и растолкав растерянных вампиров, исчез за дверью.

Вечно живущий кажется был ужасно зол, но ничуть не напуган. Он обвел Ивара и Рюга зловещим горящим взглядом, пытаясь подавить их волю:

— Да что такое этот ваш король, отступники, жалкие предатели! Раньше вечно живущие правили вами, нам поклонялись словно богам.

Он совершенно спокойно выдернул нож из плеча и с отвращением отшвырнул куда-то за спину, схватил Рюга за руку и стал медленно ее выкручивать. Рюдигер, стиснув зубы, пытался сопротивляться, его кости уже начали трещать, как вдруг его жуткий противник разжав руки, упал лицом вниз. В спине у него торчала деревянная ножка от стула, над ним стоял Ивар, зажимая нос от отвратительного запаха. Наконец он глубоко вздохнул и с отвращением плюнул себе под ноги:

— Чтобы мною правил мертвец, такому никогда не бывать!

Старая дверь со скрипом распахнулась, в нее влетел Магнус и, тоненько взвизгнув, приземлился на грязный пол. следом за ним в комнату шагнула дама в мужском наряде. Барон с удивлением узнал в ней свою жену. Ловко подставив подножку одному из пытавшихся сбежать, Лиза какое-то мгновение изучала Ивара. Бывший вор и наемник почти не изменился, все тот же наглый взгляд ярких зеленых глаз, самоуверенность и дерзкая острозубая улыбка. Заметив ее он, слегка склонил голову в знак приветствия и повернулся к барону:

— Рюдигер, скажи, а ты не пробовал ее привязывать? Говорят, помогает.

Удовлетворенно заметив, как молодая женщина покраснела от гнева, он примирительно поднял руки:

— Я пошутил, не убивайте меня! Госпожа баронесса, вы как всегда прекрасны!

Между тем комната быстро заполнялась королевскими солдатами, среди которых к удивлению Рюдигера не было ни одного человека. Перехватив его взгляд, Ивар понимающе улыбнулся:

— Этих ребят я сам отбирал.

Рюдигер сердито взглянул на жену:

— Лизхен, но зачем ты отправилась сюда? Ведь это очень опасно!

— Прости, но после того как ты в одиночку бросился в Башню Проклятых, имеющую такую мрачную славу, я просто не смогла спокойно оставаться дома! — Лиза опустила глаза и подергала мужа за рукав. Он вздохнул и сжал ее руку:

— Пожалуй, пытаюсь уберечь тебя, я слегка перестарался! Впредь клянусь всегда делиться с тобой своими планами!

Неудавшиеся заговорщики пытались сопротивляться, но многие носили оружие только для престижа и имели весьма смутное представление о фехтовании. Однако некоторым удалось сбежать. Подвал башни превращался в подземный ход, который уходил за городские стены. Граф Розенберг с ужасом уставился на кучку пепла, оставшуюся от вечно живущего.

— Это же был сам Рагнар Темный, он прожил лет пятьсот, не меньше.

Лиза потрогала носком сапога еще дымившийся пепел и фыркнула:

— Прожить пятьсот лет и умереть от ножки стула.

Рюдигер с презрением поглядел на Эдгара и его дружков, связанные и избитые, они вызывали лишь жалость и отвращение.

— Что он вам, олухам, проповедывал. Вечный голод, вы что не знаете, что это? В старое время в наши края не раз навевалась чума. Люди почти всегда умирали, подхватив смертельную заразу. Вампиры и оборотни были более выносливы и живучи, но и они часто становились жертвами чумы. Черная смерть набрасывалась на них с такой же жадностью, как и на людей, но вскоре понимала, что этот кусок ей не по зубам, и отступала.

Почти все заболевшие выживали, но не все сохраняли рассудок. Кое-кто из переболевших сходил с ума. Он все время ощущал жуткий голод, заглушить который можно было по мнению сумасшедшего лишь свежей кровью, причем неважно чьей. Они становились опаснее диких зверей, и от них спешили скорее избавиться. Причем, чтобы смыть позор со своей семьи, сделать это должны были самые близкие помешанного. Вот что такое проклятие вечного голода для нас, и вы добровольно чуть не навлекли его на себя!

— А я думал, что это, когда все время жрать хочется, когда тебе семь лет, и за еду ты готов на что угодно! Например, залезть в богатый дом и обчистить там все прямо при спящих хозяевах. Получив за это пару оплеух, что бы в следующий раз был пошустрее, и в зависимости от добычи или бифштекс с кровью или тарелку скверной похлебки. — грустно сказал Ивар, поднимая так и не пришедшую в себя Ванду с пола. — Надо сказать, мои наставники любили награждать меня пинками и подзатыльниками, но вскоре я начал быстро расти, и они вдруг стали предельно вежливы. Но по сравнению с этим господином они образец милосердия! Это надо же до такого додуматься, чтобы накормить, приютить, а потом хладнокровно убить... — он еще раз сердито плюнул в остывший пепел.

Издали донесся бой часов на ратуше. Тайный агент короля тревожно обернулся к Рюгу и Лизе:

— Вот черт, уже три часа ночи. Может, прирежем их по быстрому, все равно они закончен-

ные мерзавцы, и по домам. Ведь твоя Лизхен уже здесь, и тебе не надо ей ничего объяснять, а Дарина просто звереет, если я задержусь на службе!

Лизу несколько покорило решение прирезать негодяев, принятое с такой легкостью, и она хотела возразить, но Рюдигер слегка сжал ее руку и согласно кивнул:

— Нехорошо заставлять женщину волноваться, а что касается всех этих сопливых заговорщиков, то вряд ли они могут быть чем-либо полезны, их действительно лучше уничтожить, чтобы свои семьи не позорили! Рагнар Темный теперь уже окончательно окочурился, и поди догадайся, о каких решительных действиях он хотел поговорить с ними!

Ненароком Рюг наступил на руку Магнуса, замершего без движений на грязном полу в надежде, что о нем забудут. Под сапогом барона пальцы хрустнули, и шпион жалобно

вскрикнул. Рюг поглядел себе под ноги:

— Начнем-ка пожалуй с этого!

Магнус в ужасе обнял его за ногу, оросив пыльный сапог слезами и даже поцеловав пару раз:

— Нет, пожалуйста, господин барон, разве вы меня не узнали? Я расскажу все, что мне известно, только сохраните мне жизнь!

Рюдигер удивился:

— Какой интерес в этом у мелкого торговца?

— О, я всего лишь выполняю поручение важных господ! Если бы ваши восточные области ушли из под власти короны, то это было бы на руку определенным кругам во Фрисланде,

Да и Готхейм не станет возражать против разделения Алдании. Осталось только посеять крамольные мысли среди молодежи...

Ивар вдруг зло пнул ногой одного из пленников.

— Уйти из под власти короны... Да если вам так хочется сдохнуть, купите серебрянных стрел и перестреляйте друг друга! Вы знаете, что делают с такими, как мы, в Фрисланде и Готхейме? Лично я только здесь понял, что значит просто нормально жить, не опасаясь, что в любой момент безумные фанатики могут спалить дом и убить близких! Пожалуй, тебе стоит познакомиться с господином полковником!

— Похоже, Рюдигер фон Шлотерштайн, тебе придется вернуться к военной службе гораздо раньше, чем ты надеялся. — вздохнул Генрих фон Зальц, когда фрисландского лазутчика вывели из его кабинета. — Вся эта история говорит только о том, что наши западные соседи хотят войны. Мне бы не хотелось вас расстраивать, тем более сейчас, когда все только и обсуждают свадьбу ее Высочества, но война-это всего лишь вопрос времени.

Старший граф Розенберг и еще пятеро представителей старых кланов с надеждой смотрели на Рюга и Ивара.

— Господин барон, мы просто умоляем вас не предавать все это огласке. Наши дети попали под плохое влияние, но они уже осознали свои ошибки и будут находиться под строжайшим надзором. Надеюсь, что лично вы не держите на моего сына зла, и между нашими семьями не будет кровной вражды.

Рюдигер заверил старого вампира, что в его планы совсем не входит растрезвонить на всю Алданию об этой нелепой истории, а о кровной вражде вообще не может быть речи. Ивар, одетый в свой лучший костюм, выглядел самым настоящим аристократом. Графа он слушал плохо, зато с неподдельным интересом разглядывал стоящие перед ними старинные кубки, сделанные похоже из чистого золота. Рюдигер заметил, куда направлен взгляд приятеля, и тихонько наступил ему на ногу. Не хватало еще, что бы после их ухода пропало что-нибудь ценное!

Один присутствующих, важный господин лет пятидесяти, пронзив Рюга острыми иглами темных глаз, произнес:

— О, достаточно одного вашего слова, чтобы снять камень с моей души! Ваша принадлежность к славному роду фон Шлотерштайнов исключает любой обман. Но ваш друг. Сможет ли он надежно хранить эту тайну? К какой семье он принадлежит, надеюсь, он благородного происхождения?

Ивар вдруг потерял всякий интерес к золотой посуде и с тревогой окинул взглядом

просторный кабинет. Вот уж точно говорят, с кем поведешься, того и наберешься! Благодаря Рюгу с его наивными понятиями о чести и благородстве они попали в настоящее змеиное гнездо! Сейчас эти высокородные господа решат, что самой надежной гарантией сохранения тайны будет не честное слово барона фон Шлотерштайна, а серебрянный нож под ребра! Вон за дверями двадцать стражников и все нелюди! Ну хотя бы оценили неплохо! По десять на одного, и на том спасибо! Он сжал рукой эфес шпаги, готовый хоть сейчас вступить в бой. Но Рюг, взглянув ему в глаза, отрицательно покачал головой.

— Его семья была богата и влиятельна, да ведь благородное происхождение видно издавека, — равнодушно ответил барон.

Все присутствующие согласно закивали, ведь глядя на зеленоглазого красавца в богатом наряде, никто не поверил бы, что он не один год зарабатывал на жизнь ночными кражами. Между тем Рюдигер тоже ощутил некоторую фальшь в поведении радушных хозяев, и подумал, что пора бы им и откланяться.

В дверь кабинета постучали, и появился лакей с подносом, на котором были бутылка из темного стекла и бокалы по числу присутствующих. Хозяин особняка быстро наполнил бокалы и предложил выпить за их соглашение. Ивар нахмурился, не зарежут, так отравят, и с недоверием взял бокал, как вдруг в дверь снова постучали. Встревоженный слуга что-то тихо говорил удивленному графу. Ивар уловил только отдельные фразы — капитан королевской гвардии, требует впустить, немедленно... Рюг выглянул в окно, напротив дома стояла карета, из окошка выглядывали Лизхен и Клодия, Яромир, Римар и застывший в напряженном ожидании отряд королевской гвардии парадных мундирах. Яр не сводил глаз ворот особняка, готовые если надо, взять их штурмом.

Дверца кареты распахнулась, из нее шустро выбралась еще одна дама, Ивар узнал ее и от неожиданности чуть не присел в обитое бархатом кресло! Это была Дарина. Бывшая хозяйка таверны была одета не хуже знатных дам, она с такой тревогой глядела на окна дома, что у него потеплело на сердце. Граф Розенберг с сожалением произнес:

— У наших гостей неотложные дела, я не смею их больше задерживать! Надеюсь, мы прекрасно поняли друг друга!

С нескрываемым облегчением они покинули владения Розенбергов. Как только они оказались за воротами, их тут же атаковали Дарина и Лиза. Ивар, обнимая одной рукой заплаканную жену, с чувством пожал руку Яромира:

— Ох, дружище ты нас так выручил! Если бы не твоя дальновидность, валяться бы нам обоим в сточной канаве позади дома!

Яр слегка смутился:

— Честно говоря, я и не думал, что простой визит вежливости может быть так опасен! Но Лизавета настояла. Ты бы только слышал, как она срамила этих Розенбергов, в общем скажите спасибо женской интуиции. Кстати, они могут попытаться заставить замолчать вас чужими руками.

Рюдигер и Ивар переглянулись. Бывший вор усмехнулся:

— Вряд ли в Златограде найдется кто-то, кто попытается убить меня. Им придется сильно потратиться, чтобы найти такого смельчака!

Дарина сердито посмотрела на него:

— Не смей шутить такими вещами, будь осторожен, ты теперь не сам по себе, не забывай!-

Ивар уныло вздохнул:

— Конечно, дорогая, ты только не волнуйся так!

Гром среди ясного неба

В эту ночь Лизе вдруг приснился странный тревожный сон. Надо сказать, последние несколько лет она вообще не видела снов. Замужество ее оказалось на редкость счастливым, несмотря на предсказания местных сплетников, что через пару месяцев после свадьбы от нее только бледная тень останется. Злые языки давно замолчали, теперь все с завистью шептались о том, как удачно Яну Кречету удалось пристроить дочку.

Ее дети требовали несколько больше внимания, чем обычные человеческие малыши, а Рюдигер был не только заботливым и нежным мужем, но и замечательным любовником. Все это отнимало у нее немало сил, и Лиза засыпала, только коснувшись подушки. На сны никаких сил просто не оставалось. Да и ни к чему они, если жизнь оказалась лучше самого заветного сна.

Но в эту ночь в мире что-то поменялось. Небо темное, хмурое, готовое обрушиться на землю холодные струи ливня, ветер, злой, порывистый, срывает последние листья с деревьев, хлещет ее по щекам, рвет волосы. Они стоят во дворе замка, Рюг в дорожной одежде, из под куртки видна темная сталь. Лицо его непривычно строгое, холодное, он совсем не похож на того мальчишку, которым был еще недавно. Сильно сжав ее ладонь, он внезапно отпускает ее и начинает быстро удаляться.

Вот уже его почти не видно на длинной дороге, которая упирается в темное, такое недоброе осеннее небо. Выбежав за ворота, она в отчаянии опускается на колени в липкую черную грязь, и в это мгновение на нее обрушиваются ледяные потоки ливня...

Она проснулась, стуча зубами от холода, одеяло слетело на пол, ночи уже были холодными, не мешало бы камин затопить. Словно почувствовав ее тревогу, Рюдигер неожиданно проснулся. Он внимательно посмотрел на покрасневшие глаза жены, тут же рассекретив ее неуклюжие попытки скрыть тревожные мысли. Закутав в одеяло, как ребенка, он прижал ее к себе.

— Ну что ты, милая! Плохое что-то приснилось? Я никому не позволю портить тебе настроение! Мы вообще-то сюда развлекаться приехали, а не слезы лить! Вот и Анна что-то совсем загрустила. А ведь сегодня в городе праздник! Народное гулянье в честь свадьбы ее Высочества! Циркачи, шуты, музыканты, бесплатное угощение, и без торговцев всякой ерундой не обойдется! Яр и Клодия хотели обязательно сходить, да и детей можно взять, Александру уже все интересно, он не младенец, Лана я думаю, не откажется прогуляться.

Лиза фыркнула, забыв о кошмарах:

— Конечно, особенно если Важек тоже там будет. А он обязательно явится, не сомневайся!

— Что, ты хочешь сказать, Важек равнодушен к Лане? Да брось, не может быть! — Рюдигер выглядел несколько озадаченным.

— И не только Важек, наша воительница тоже сама на себя не похожа, — улыbnулась Лиза.

Действительно, стоило Важеку появиться на пороге, как девушка начинала краснеть,

смущаться и из рук у нее все валилось в буквальном смысле. Лизу несколько удивил ее выбор, ей всегда казалось, что дикарку должен покорить какой-нибудь настоящий мужчина, но никак не хрупкий, похожий на мальчишку Важек. Впрочем, сердцу не прикажешь, и она бы была только рада, если бы у парочки все сладилось.

На главной площади Златограда было легко потеряться. Горожане и приезжие ловили последние лучи осеннего солнышка. Кругом был смех, не слишком приличные шутки и озорные песенки. Элина, между прочим, отказалась составить им компанию, сославшись на головную боль. Но как съязвила Клодия, скорее всего просто побоялась испортить репутацию знатной дамы, гуляя среди простонародья.

Лиза и Клодия, прихватив с собой Анну и, наплевав на все приличия, развлекались на полную катушку. Хохотали над шутками бродячих артистов, удивлялись ловкости акробатов и жонглеров, с удовольствием ели купленные с лотка торговли пирожки, и даже намеки Яра о том, из чего сделана их начинка, не портили им аппетита.

Анна старательно смеялась вместе со всеми, но глаза девушки оставались грустными. Она старалась уделять как можно больше внимания племяннику, видимо решив, что остальные представители мужского пола не стоят ее внимания.

Яромир и Важек утащили слабо сопротивляющегося Рюга выпить по кружечке пива. Анна и Лана вместе с малышами восторженно наблюдали за ручным медвежонком. Лиза уже хотела к ним присоединиться, как вдруг Клодия остановила ее.

— Подруга, а ведь за нами следят! — она, хитро улыбнувшись, показала на другую сторону улицы. Лиза сердито посмотрела туда, ожидая увидеть каких-нибудь темных личностей, но там стоял только стройный паренек в бархатном голубом камзоле с белыми вставками.

Золотые кудри украшал берет, висевшая на боку шпага была самым настоящим, а не бутафорским оружием. Судя по одежде, это был один из телохранителей Ее Высочества.

— И чего это он на нас так уставился? — удивилась она.

Клодия засмеялась:

— Да он уже давно нам на пятки наступает, только лично мы нужны ему, как снег в июле!

Он похоже в Анну втрескался по самые уши, только подойти стесняется. И почему эти вампиры все как один такие красавчики! Ну пойдем, а то засмущаем мальчишку, и он так и не решится к ней подойти.

К оставшемуся в одиночестве юноше подошел товарищ в таком же костюме. Он был повыше ростом и шире в плечах, под темными, почти сходящимися на переносице бровями блестели серые глаза. Он поправил берет на прямых темных волосах и как-то по звериному принюхался:

— Вот уж не думал, что тебе нравятся замужние дамы. Причем судя по запаху, замужем она за вампиром, и детей у них не меньше двух! Сам знаешь, ваши ужасно ревнивы и вспыльчивы. Тебе что нужны неприятности!

— Томаш, ну почему ты такой насмешник! Я просто хотел узнать о той красавице, ну помнишь, я еще на балу ее тебе показывал. — молодой человек слегка смутился, красивое бледное лицо вдруг стало чуть ли не свекольным.

— Ну так подойди к ней и познакомься, я уже устал слушать, как ты чуть не до утра ворочаешься и вздыхаешь, ну же, будь мужчиной! — оборотень уверенно развернул приятеля

и подтолкнул в ту сторону, где затерялся в шумной толпе предмет его грез.

Анна задержалась у лотка с дешевыми украшениями. Латунные кольца и серьги с цветными стекляшками выглядели очень привлекательно, и хотя у нее было полно настоящих драгоценностей, она бы не отказалась вот от тех сережек с зелеными камушками. Перехватив покрепче правой рукой Александра, смотревшего на латунные побрякушки с презрением настоящего мужчины, она опустила руку в карман в поисках мешочка с монетами, но там было подозрительно пусто. Кажется, у нее стянули кошелек!

— Что поделать, мой принц, нас только что обокрали! — она поставила мальчика на землю.

— Ничего, обойдусь и без этих сережек, пойдем к твоим родителям!

Пожилой ремесленник с сочувствием поглядел на хорошенькую вампиршу.

— Здесь город, а не деревня, надо быть повнимательнее!

— Может, я смогу вам чемнибудь помочь! — прямо перед ней стоял стройный юноша в голубом камзоле. Золотые волосы делали его похожим на сказочного принца, красивое, почти девичье лицо горело от смущения.

Старый торговец заметил острые клыки и с возмущением подумал, что скоро нелюди

В Златограде будут на каждом шагу. Между тем парень проверил свои карманы, но обнаружил только большую дыру в одном из них. Он покраснел еще больше:

— Кажется, меня тоже обчистили!

Анне стало жалко незнакомца, и она ободряюще улыбнулась:

— Ну, как говорит одна моя знакомая, спасибо Господу, что это всего лишь деньги!

— О, госпожа, спасибо за сочувствие! Я, честно сказать, давно очарован вашей красотой, и если вы не против, то хотел бы с познакомиться с вами и вашей семьей!

Анна с трудом сдержала улыбку:

— Может ты все же будешь говорить нормально! Меня зовут Анна, а этот юный господин мой племянник Алекс.

Юноша присел на корточки и протянул малышу руку:

— Очень рад, меня зовут Дитрих, я из охраны Ее Высочества. Вообще-то я из провинции, из Медвежьего дола. Маленький такой городок...

Александр с интересом дернул за яркое перо, украшавшее берет. Анна всплеснула руками:

— Так мы почти соседи...

Прислонившись к гранитному пьедесталу памятника основателя города, они никак не могли наговориться. С другой стороны монумента переминались с ноги на ногу Лиза с Рюгом, и Клодия с Яромиром. Важек с Ланой отправились поглядеть, как соревнуются меткие стрелки из лука.

— Может уже хватит, — вздохнула Лиза, с тревогой глядевшая на сына, который оставил берет в покое и теперь пытался открутить хотя бы одну пуговицу на камзоле парня. Ульрика, утомленная прогулкой, дремала на руках отца. — Мы уже все про него знаем, как зовут, сколько лет, а раз он из Медвежьего дола, то моя тетя Иванна добавит такие подробности, о которых он и не подозревает.

— Правильно, Лизхен, — поддержал ее Рюдигер, — пока они любезничают, можно с голоду помереть. Пора поискать какую-нибудь таверну!

— Ты это что серьезно? — засмеялся Яромир, — После всех пирожков, жареных колбасок и закуски к пиву, которую вообще-то подали на троих, а слопал почти всю ты один!

Клодия сердито поглядела на мужа:

— Я тоже ужасно голодна!

— Ну и дела! — возмутился тот, — Лизавета, и как они еще нас не сожрали, не понимаю!

— Их просто надо вовремя кормить, — Лиза осторожно приняла девочку из рук мужа. — Ну, старший брат, иди знакомься с парнем, только не напугай, будь помягче!-

— Не волнуйся, милая, ты же знаешь, я сама вежливость, особенно голодный! — Рюдигер

Неожиданно появился из-за угла постамента, слегка смутив парочку. Но кажется, они с юношей нашли общий язык и даже пожали друг другу руки.

Между тем на главной площади происходило что-то непонятное. Шумную веселую толпу раздвинул отряд городской стражи. Жонглеров и акробатов в ярких костюмах как ветром сдуло с широкого деревянного помоста. Туда медленно взобрался глава города, поднял руку, призывая к тишине и заговорил. Постепенно на площади воцарилась мертвая тишина, люди молча переглядывались друг с другом, не желая верить услышанному.

Лиза слышала только несколько первых слов, и поняв их смысл, впала в такое же оцепенение. Готхейм в союзе с Фрисландией объявил войну Алдании... Кажется, пришел конец привычной спокойной жизни. Она взглянула на мужа. Его лицо было серьезным и решительным, он всегда был готов к тому, что стране может понадобиться его шпага и жизнь, его воспитали для этого. Он совершенно спокоен, так почему же ей так больно дышать, как будто кто-то сжал в кулаке сердце.

Дома их ждал сюрприз. Старший барон, не дождавшись их возвращения, отбыл в действующую армию, оставив письмо для сына и безутешную супругу. Мария ходила тихая, с покрасневшими глазами. Ее молодость пришлась на спокойные мирные годы, и она никогда не разлучалась с мужем надолго. Мысли о том, что и сыну теперь придется отправиться на встречу неизвестности, как-то сразу состарили ее, яркая красота потускнела. Прислуга удивлялась ее кротости и спокойствию, вся посуда была пока в целости и сохранности. Анна, только что встретившая свое счастье и тут же проводившая его на войну, пыталась утешить мать, но получалось это у нее неважно.

В Куличках все было по-старому. Настасья держалась бодро и, как всегда, за словом в карман не лезла. В замке и деревне был относительный порядок, но во всем ощущалась какая-то напряженность, затишье перед бурей.

Иоганн стал мрачным и неразговорчивым. Даже ехидные замечания тетушки Крины не могли вывести его из себя. Перед отъездом Лотар побывал в Куличках и проговорил с ним всю ночь. Старый солдат вдруг вспомнил, как двадцать с лишним лет назад молодой барон доставил немало хлопот ему, да и всему городку Темнолесье.

После загадочной смерти его родителей, которых нашли убитыми возле старого замка, парень словно с цепи сорвался. Девушки всех сортов и сословий вздыхали о дерзком красавчике с острыми клыками, а их отцы и братья мечтали посадить его на кол. Кроме того из конюшен уважаемых горожан пропадали лучшие кони. Не спасала никакая охрана и хитрые запоры.

Парень водил дружбу с цыганами, среди которых выросла его мать, госпожа Изабелла. Жадные родственники подкинули девочку цыганам, чтобы не делиться наследством. Ее права были давно восстановлены, доброе имя возвращено, но даже став хозяйкой замка,

гордая красotka, могла, поругавшись с мужем, прихватить сына и отправиться в табор. Так что у молодого барона было там немало приятелей, которые без зазрения совести пользовались его быстротой, силой и ловкостью. Лотар являлся под утро в лучших вампирских традициях, целый день спал, как убитый, и под вечер отправлялся на поиски новых приключений. Между тем замок и принадлежавшие роду фон Шлотерштайнов земли требовали внимания.

Прочитав письмо старшего барона, в котором тот настоятельно просил верного друга присмотреть за сыном в случае его смерти, Иоганн Кранц вздохнул и принялся действовать. По отечески съездив едва проснувшегося Лотару по уху, он объявил слегка обалдевшему парню, что завтра тот отправляется на службу в королевскую гвардию. Его задача служить честно и имя отца не позорить, а он, Иоганн Кранц, присмотрит пока за порядком здесь, как сумеет. Он вручил Лотару письмо на имя своего старого товарища по оружию, Генриха фон Зальца, которое с великим трудом написал прошлой ночью. Перо плохо слушалось рук, которые привыкли больше к железу, и буквы выходили корявые, но слова из них складывались искренние и убедительные. Там он просил относиться к юноше поостроже, но все же не забывать, что тот недавно потерял родителей и еще не оправился от этого.

Надо сказать, что присмотреть за порядком на деле оказалось куда труднее, чем на словах. На вопросы Иоганна, почему протекает крыша, почему охране не заплатили в прошлом месяце, отчего наконец в том странном блюде, что подали на обед, только кости и нет никаких следов мяса, скользкий как угорь, управляющий находил самые правдоподобные ответы. В этом году был неурожай, овес не уродился, да и репа тоже, крестьяне терпят убытки, оброк почти никто не заплатил вовремя, так что приходится экономить ну буквально на всем, и починку крыши придется отложить до лучших времен.

Однако жители деревеньки все как один с возмущением жаловались, что не успели заплатить один раз, как с них уже требуют повторной платы. Вернувшись из Куличек, Иоганн к великому удовольствию всей прислуги слегка встряхнул управляющего за ворот и пообещал сварить суп из него самого, если он не вернет все деньги, осевшие в его карманах. Тем более, что всех, кто находится в замке, все равно надо чем-то кормить, и если не найдется ничего другого... Вот один раз ему пришлось пережить шестимесячную осаду, так под конец еды почти не осталось.

Крина зажала рот рукой и выбежала из зала, чтобы не расхохотаться. Но господину Нелижскому было явно не до смеха. Управляющий родился и вырос в Темнолесье, и нелюдями его было не удивить, тем более что покойный барон Артур был довольно мягким и спокойным, хотя конечно мог иногда и кулаком по столу стукнуть, и клыки показать. Но он был благородного происхождения и сильно в хозяйственные вопросы не вникал, да и военная служба отнимала у него немало времени. Сейчас же, глядя в светлые, почти прозрачные глаза этого головореза, управляющий поверил каждому слову. Кто же его знает, упыря проклятого, да еще наемника, к чему он там на войне привык на самом деле?

Деньги немедленно нашлись, господин Нелижский вылетел из замка, как пробка из бутылки игристого вина. Иоганн не отказал себе в удовольствии дать бывшему управляющему хорошего пинка, и часть пути тот преодолел как на крыльях.

Вообще тот год Иоганн Кранц вспоминал, как самый тяжелый в своей жизни. Чтобы честно выполнить обещание и привести все в порядок, ему пришлось вникать в самые разные хозяйственные дела и возиться с бумагами, что было хуже всего.

Но прошло чуть больше года, и холодной зимней ночью Лотар явился в родной дом с хорошенькой девицей, бойко трещавшей по румынски и смешно коверкающей местное наречие. Хотя красавица поначалу держалась скромно и даже робко, Иоганн сразу понял, что девица не из простых. Когда же до Темнолесья дошли слухи о том, что у князя Валахии, приехавшего в Златоград с посольством, похитили любимую дочь, он и вовсе загрустил. Парень совсем не думает, что делает, теперь надо ждать еще больших неприятностей. Но жена вдруг сказала, что кажется теперь все проблемы закончились, мальчик в хороших руках, а им ничто не мешает построить дом в деревне, потому что она сыта этим каменным мешком по горло.

И действительно, и замок, и сам Лотар были в полном порядке. Через положенное время на свет появился хорошенький младенец, которого нарекли старинным именем, и Иоганна уговорили стать его крестным. Кажется все это было совсем недавно, но малыш уже вырос и отправляется на войну, так неужели только ему придется остаться дома?

Лиза последние дни жила, как во сне. Наверное, так чувствует себя приговоренный к смертной казни преступник. Он еще живет обычной жизнью, спит, ест и дышит, но уже прекрасно знает, сколько ему осталось. Дни таяли, как снег на весеннем солнце, и вот уже сталась одна ночь, всего одна, завтра он покинет ее, и кто знает, вернется ли...

Поздним вечером, когда все в замке уже спали, Рюдигер вдруг заставил ее выбраться из постели и подвел к висевшей на стене иконе, подарку Катерины им на свадьбу.

— Лизхен поклянись мне здесь и сейчас, перед святым образом, — торжественно начал он.

— В чем я должна поклясться, — она слегка испугалась его серьезности.

— В том, что пока не закончится эта проклятая война, ты не покинешь родной дом, и никуда дальше Темнолесья не уедешь! Пожалуйста, поклянись, чтобы я был спокоен за тебя и за детей!

Вздыхнув, она слово в слово повторила, то что он просил, и поцеловала оклад иконы. Пречистая Дева с грустным пониманием глядела на молодую женщину, которой предстояло испытание, такое обычное для женской доли, и такое невыносимое для любящего сердца.

Дослушав последние слова, Рюдигер удовлетворенно вздохнул:

— Теперь мне как-то сразу легче дышится. Но все же обещаю тебе не выбегать раздетой на улицу и одеваться теплее, ведь впереди зима! И не разрешай детям есть сосульки, и сама не ешь.

Она вдруг поняла, что он тихонько смеется, но серьезно сказала:

— Я сделаю все, о чем ни попросишь, но ты обещаю здесь и сейчас, что вернешься к нам, слышишь!

Он обнял ее так, что чуть кости не хрустнули, и пристально посмотрел в глаза:

— Клянусь, я даже с того света вернусь, если ты ждешь!

Рано утром она встала проводить его. Они заглянули в детскую, к их удивлению малыши не спали, Ульрика вцепилась в отца мертвой хваткой, ее ротик опасно кривился, грозя перебудить громким ревом не только весь замок, но и деревню. Рюг присел на корточки перед выбравшимся из кровати сыном и серьезно сказал:

— Ну что сынок, ты остаешься единственным мужчиной в этом бабьем царстве. Пригляды-

вай за матерью и сестренкой, не давай в обиду. Я на тебя надеюсь, ты уже совсем

большой!

Мальчик вдруг порывисто обнял его, и Рюдигер понял, что еще немного, и он сам разрыдается. В последний раз обняв жену, он поспешил выйти на улицу. Ну, вот и все, сейчас он уедет, кто знает, когда они еще увидятся...

Несколько мгновений она стояла, как во сне, затем кинулась следом. Выбежав во двор замка, она бросилась мужу на шею, ощутив под его одеждой жесткую сталь. Его люди, седлавшие коней, поспешили отвернуться. Несмотря на утро, небо было темным почти, черным. Холодный ветер с остервенением набрасывался на деревья, срывал черепицу с крыш, плащи и шапки с отчаянных путников, рискнувших покинуть дом в такую непогоду.

Она всмотрелась в его лицо, пытаясь оставить в памяти навсегда, и вдруг не узнала его. В нем не осталось ни тени прежнего Рюга, доброго, слегка простодушного и сентиментального. Перед ней стоял один из тех, чьих предков короли ценили как сильных и безжалостных воинов, наводивших ужас на врагов и всегда готовых пожертвовать жизнью ради короны. Красивое лицо стало суровым и мрачным, порыв ветра растрепал черные волосы, на фоне темного неба он напоминал ангела мщения. В синих глазах вдруг мелькнула скрытая боль, он сжал ее руки, коснулся губами, осторожно отстранил ее и быстро вскочил в седло. Словно призраки, всадники покинули двор и растаяли вдаль.

Выбежав за ворота, она упала на колени в липкую черную грязь и наконец дала волю слезам. С неба вдруг хлынул холодный осенний ливень, откуда-то сверху раздавалось воронье карканье, не прерывающееся даже под дождем. Вдруг недобрый вестник замолчал и свалился к ее ногам, насквозь прошитый железной стрелой. Из ворот выбежала Лана, державшая в руках арбалет. Она молча помогла Лизе встать и увела ее домой.

Проскакав целый день под проливным дождем, вскоре сменившимся мокрым снегом, барон фон Шлотерштайн и его люди пытались отогреться и высушить одежду на небольшом постоялом дворе. В это время года редко кто пускается в путешествия, и хозяин обрадовался целому отряду постояльцев, хотя вскоре забеспокоился, хватит ли его запасов, чтобы накормить щелкающую зубами разношерстную компанию людей и нелюдей.

Рюдигер расплатился за ужин и хотел уже подняться в свою комнату, как вдруг дверь распахнулась, и на пороге появился еще один поздний гость. Чтобы войти в таверну, ему пришлось нагнуться, Он снял насквозь промокший плащ и широко улыбнулся, показав острые клыки:

— Я уж думал, что не сумею вас догнать, тем более по такой погоде!

— Дядюшка Иоганн, ты откуда взялся? — Рюдигер от всей души обнял своего крестного и учителя, хотя и был несказанно удивлен.

Старый солдат устроился поближе к огню. С его появлением в зале стало как-то тесно. Лавки и стол казались рассчитанными на детей. Он насмешливо посмотрел на Рюга:

— Да что-то я дома засиделся. В свое время мне приходилось воевать и с фризами, и с готхеймцами, и я еще не забыл, как это делается!

Рюдигер изумился:

— Как же тетушка Крина тебя отпустила? Вот наверное шуму то было, на все Кулички!

Иоганн неожиданно смутился:

— Ну, я просто оставил ей письмо, так что шумно там было уже после моего отъезда.

Настасья с тревогой всматривалась в лицо внучки. Молодая женщина выглядела здоровой, но вела себя как-то отстраненно, вот уже больше часа они болтали о всякой всячине на маленькой теплой кухне, но за это время Лиза ни разу не улыбнулась. Вдруг в

избу влетела её соседка Крина и обессиленно опустилась на лавку у стены. Обычно чистая и опрятная, вампирша была сама не своя. Черные с проседью волосы были растрепаны, передник повязан не той стороной.

Лиза наконец вышла из своего оцепенения и удивленно спросила:

— Тетушка Крина, да что случилось, вы на себя не похожи!

— Иоганн уехал! Как мальчишка, удрал на войну! А ведь он уже не тот, каким был раньше, даже простые царapiны заживают так же долго, как у людей! — знахарка всхлипнула и вытерла мокрые глаза.

Ну полно плакать, — бабка Настя попыталась ее успокоить, подумав про себя, что Иоганна Кранца еще рано считать старым и немощным. Вот хоть в начале лета у Марека бык с привязи сорвался, носился по всей деревне, пока Иоганн не вышел за ворота, решив зачем-то дойти до кузнеца. Хватило одного удара его кулака, чтобы неразумное животное осознало свои ошибки.

Однако Лиза вдруг обняла Крину, и они дружно зарыдали в голос.

— Да что вы разревелись, словно дети малые, ничего с вашими упырями не случится, — возмутилась Настасья, — нечего быть раньше времени!

По своему опыту она знала, что жалость и слова утешения вызовут еще больший поток слез, хотя прекрасно понимала и внучку, и соседку. Ведь ее муж погиб в прошлую войну, и она осталась еще молодой вдовой с двумя детьми на руках.

Дороги войны

Война шла уже второй месяц, но для их отряда пока все ограничивалось короткими стычками. Вот уже вторую неделю они торчали в маленькой приграничной деревеньке, ожидая подхода основных сил. Яромир проснулся от того, что чья-то рука погладив по волосам, крепко обняла его, кажется его назвали Лизхен. Он возмущенно освободился от объятий и сердито напустился на Рюга, с которым вчера им пришлось разделить кровать:

— Какая я тебе к черту Лизхен! Ещ и обниматься лезет! Ведь ты так обнимешь, что ребра треснут!

Покрасневший от стыда как рак, вампир быстро метнулся на другую сторону кровати:

— Да ведь ко мне волчицы по ночам не бегают, вот и приснилось всякое!

Теперь уже Яромир возмущенно оправдывался:

— Какие еще волчицы, да ты в своем уме, ведь до Темнолесья неделя пути!

Иоганн спустил с печки длинные ноги:

— Я тоже видел вчера волчьи следы на снегу за амбаром. Ну раз это не к тебе гостья прибежала, то надо выбраться на охоту. Скоро зима, волчья шкура не помешает!

Яр мигом выскочил из кровати:

— Нет, пожалуйста, не надо! Это действительно была Клодия, у нее тетка тут в соседнем городе! Вот она и прибежала повидаться...

Иоганн успокоил его:

— Да пошутил я насчет охоты, тем более и шкуры осенью у них никуда не годятся.

— Везет же тебе, — протянул Римар с лавки, служившей ему постелью. — А нам еще долго своих не увидеть!

Высокий худощавый мужчина с мрачным отрешенным лицом был одет во все черное. Его глаза были устремлены в какие-то неведомые дали, которые казалось, открывались сразу за стеной крестьянской избы, топившейся по-черному. Двое молодых людей, судя по форме, офицеров армии Готхейма, заканчивали поздний ужин. На столе тускло горела свеча, из последних сил освещая унылую обстановку. Разлив по кружкам остатки вина, один из юношей обратился к их старшему товарищу:

— Скажите господин Мейер, ведь мы теперь на земле вероотступников, которые вступили в союз с порождениями тьмы, так ли они опасны, как говорят о них? Можно ли справиться с ними с помощью обычного оружия, или всех нас подстерегает здесь на каждом шагу смертельная опасность?

Человек в черном очнулся от своих мыслей и усмехнулся словам парня.

— Ну я думаю, что не все так уж безнадежно. — Он достал из кармана и бросил на стол странное украшение. — Вот, посмотрите, это я сделал лет двадцать назад, когда только стал инквизитором.

Ожерелье было сделано из странных острых камней, нет, это были не камни, а зубы. Молодые люди удивленно переглянулись, не понимая, зачем посланец святой инквизиции показал им этот странный предмет. Господин Мейер подтвердил их догадки:

— Да это сделано из зубов, точнее из вампирских клыков. Так сказать, военные трофеи.

Так что убивать эту нечисть очень даже можно. Только надо не медлить и не раздумывать, иначе придет уже их черед собирать трофеи!

Всадники приближались. Небольшому отряду королевских гвардейцев было некогда занимать выгодные позиции, придется принять неравный бой. Основные силы где-то заплутали, и теперь готхеймцы просто сметут их, как лавина. Яромир мрачно подумал, что видно придется умереть в самом начале войны, но свою жизнь он продаст недешево.

На левом краю деревни Рюг с десятком своих людей уже встретили конников острыми пиками. Раненые лошади сбрасывали седоков, вставали на дыбы, били нападавших копытами. Враги были уверены в быстрой победе, ведь их намного больше. Но вскоре они поняли, что жестоко просчитались. Отбросив пику, вампир выхватил свой клинок со слегка изогнутым лезвием и кинулся в бой. Его небольшой отряд, услышав запах первой пролитой крови, превратился из обороняющихся в нападавших. Звенела сталь, на снегу ярко алели пятна крови, бой рассыпался на отдельные поединки.

Расправившись с двумя готхеймцами, Рюдигер скрестил фальшион с мрачным коренастым бойцом. Тот сражался умело, с ненавистью глядя на вампира в залитом чужой кровью полушубке, накинутом поверх легкой кольчуги. Лицо нелюдя было каким-то отрешенным, словно весь этот кровавый кошмар боя дарил ему высшее наслаждение. Отбив серию ударов, он ловко сделал обманный выпад и неожиданно воткнул клинок в основание шеи, единственное незащищенное латами место. Его противник захлебнулся кровью и упал на землю. Подхватив с земли чью-то пику, Рюг встретил ей бежавшего к нему навстречу готхеймца, Проткнув его насквозь, он развернулся и нанес удар очередному противнику.

Молодой офицер в зеленом кафтане с надетой под него кирасой смотрел на барона, словно на выходца из преисподней. Он не ожидал, что ему придется в первом же бою встретиться с теми, кого инквизиция называла порождениями тьмы и призывала нещадно истреблять. Однако то, что происходило с его отрядом, заставляло сомневаться в словах господина Мейера. Проклятые нелюди просто методично вырезали вражеских солдат.

Столкнувшись с ожившим кошмаром из легенд, готхеймцы дрогнули и побежали. Рюдигер очнулся от наваждения и поспешил на помощь Яру, который с с небольшой кучкой бойцов с трудом держался на пригорке в центре деревеньки.

Неподалеку он с удивлением увидел Иоганна, который без остановки махал своим знаменитым фламбергом. Около него росла гора убитых, которых можно было складывать в поленницу. Враги не оставляли попыток справиться с отчаянным бойцом-одиночкой,

Но бывший наемник только хищно улыбался, демонстрируя по молодому острые и белые зубы и радуясь знакомой обстановке жаркого боя. Рюдигер сердито отметил про себя, что не увидел на нем кольчуги.

Яромир весело хлопнул подоспевшего на помощь друга по плечу:

— Ты как раз вовремя, умрем вместе! Сейчас подоспеют арбалетчики, против стрел и вам не устоять! Посмотри туда! С такой силой нам точно не справиться!

Из-за леса по дороге к ним приближалась стройная колонна вооруженных людей. Вдруг Рюдигер взгляделся повнимательней и радостно заорал:

— Ну нет, умирать нам еще рано, это же наши, генерал Валенберг со своей армией.

Вовремя подоспевшая подмога решила исход сражения. Отряд королевских гвардейцев, к которому присоединился и барон фон Шлотерштайн со своими людьми, и знаменитый в свое время Иоганн Кранц, пережил этот бой почти без потерь. Они потеряли всего двоих, пятеро были легко ранены.

Рюдигер обиженно выговаривал Иоганну, как глупо сражаться без кольчуги и лезть по обыкновению в самое пекло. Наемник выглядел уставшим, как после тяжелой работы, и немного грустно улыбаясь, слушал, как кипятится его крестник. Дождавшись, когда тот остановился, чтобы набрать побольше воздуха и продолжить, Иоганн осторожно заметил:

— Я как будто и не уезжал из дома. Такое чувство, будто это Крина распекает меня последними словами!

Подошедший Римар сказал:

— Она бы здесь точно нашла себе занятие. Кто-то должен заботиться о раненых! — его рука была наспех перевязана, лицо морщилось от боли.

— Ну, здесь вы можете положиться на меня! — услышав знакомый голос, все обернулись и увидели Важека. Обнявшись с друзьями, он радостно сообщил, что приписан к штабу главнокомандующего, как офицер посольской службы и переводчик.

— Но я ведь два с половиной года изучал медицину, так что показывай руку, я в этом кое-что смыслю! — обратился он к Римару. Яр удивленно поинтересовался:

— И что, теперь ты не боишься крови?

Важек только отрицательно помотал головой, он как раз накладывал новую повязку на рану друга. Закончив, он радостно воскликнул:

— Наконец мы вместе! — и все охотно с ним согласились.

Армия Валенберга вошла в Люблин. Надо было не допустить врагов в этот большой богатый город, стоявший на пересечении торговых путей. Если готхеймцы смогут захватить его, это будет большой потерей. Однако жители города встретили своих защитников настороженно. Ведь такую толпу здоровых мужчин надо где-то разместить и чем-то накормить, и все это ложилось на плечи городского совета и местных жителей.

Королевские гвардейцы с интересом рассматривали чужой город. Здесь было немало красивых каменных зданий, улицы были широкими и чистыми, а люди вели себя с удивительным достоинством, если не сказать гордо. Горожанки с любопытством глазели на Стерха и Терна, которые расстались со своими живописными костюмами лесных охотников, но оставили длинные волосы, заплетенные в две косы. Заметив на себе девичьи взгляды, оба дикаря иногда приветливо улыбались, показывая клыки и заставляя тем самым дам визжать с притворным ужасом. Здесь на западных границах жители Моравских гор казались чем-то необычным.

Римар решил немного подразнить Рюга и заметил:

— А ведь где-то здесь Михал живет. Он тебе чуть ли не родственник, деловой партнер твоего тестя, может заглянем в гости, посидим, вспомним прошлое?-

Рюдигер в ответ только скрипнул зубами, бывший поклонник Лизы не вызывал у него теплых чувств:

— Или ты не знаешь поговорку, что кто прошлое помянет...Нет уж, я лично по нему совсем не соскучился, да думаю, что и он тоже.

Римар примиряюще поднял руки:

— Ну не хочешь, так и не надо, я ведь просто предложил.

Выйдя на улицу, где уже было совсем темно и почти по-зимнему холодно, Рюдигер взглянул на зажигающиеся одну за другой звезды, и вдруг подумал о доме. Там горят свечи, тепло, уютно, звенят детские голоса, и, может быть, женщина со светлой косою также смотрит из окна в темное осеннее небо, пытаясь разглядеть далекие звезды.

Неожиданно он услышал слабый крик. Кричали совсем слабо, из последних сил, но

кажется это был призыв о помощи. Обогнув большое старое здание, которое когда-то было тюрьмой, потом казармой, и теперь их временным пристанищем, он попал во внутренний двор. Кричали в одном из деревянных сараев. Рюдигер бегом бросился туда, вышиб хлипкую дверь одним ударом ноги, и глазам его открылась отвратительная сцена.

На соломе извивалась, тщетно пытаясь вырваться, молодая женщина, судя по одежде, прислуга на кухне. Ее удерживали двое здоровых парней, а третий, грязно ругаясь расстегивал ремень. Висевший на стене масляный фонарь тускло освещал это безобразие.

Рюг с возмущением разглядел на всех троих военную форму. Мерзавцы ошарашенно глядели на вампира, так не вовремя прервавшего их развлечение. Стоявший к нему спиной насильник обернулся и удивленно произнес:

— Ты что заблудился? Шагай отсюда, пока цел, да держи язык за зубами!

Барон фон Шлотерштайн рассмеялся:

— Хороший совет, но я предпочту остаться!

Нахал наконец понял, кому он посоветовал держать язык за зубами, разглядев острые клыки и блестящие в темноте глаза. Он попытался выскочить из сарая, но получив удар в челюсть, отлетел в угол. Двое других оставили свою жертву и выхватили ножи.

— Не подходи, слышишь ты, нечисть богомерзкая! — крикнул один из них, пытаясь спрятать страх за ругательствами. Вампир взглянул на него с интересом и направился прямо к нему, перед этим быстрым ударом по колену сломав ногу его приятелю. Схватив не в меру болтливого негодяя за руку, он с силой повернул запястье, кости хрустнули, нож упал.

Девушка, забившись в угол, казалось оцепенела от ужаса, не понимая, чего ожидать от своего неожиданного спасителя. Рюдигер отпустил сломанную руку, и насильник сполз по стенке сарая, видимо потеряв сознание от боли и страха. Он с жалостью взглянул на девчонку, чьи голубые глаза были мокрыми, курносый носик покраснел, но от пережитого ужаса она только судорожно всхлипывала, не решаясь заплакать.

— Надеюсь, они не успели ничего сделать. Беги скорей отсюда, а то замерзнешь!

Дважды повторять было не надо. Подобрав помятые юбки, она стрелой пролетела мимо удивленного вампира. Рюдигер потушил фонарь, чтобы не дай Бог, не случилось пожара, и вернулся к своим людям. Он старался ступать бесшумно, но Яромир все же проснулся:

— Куда тебя носило так поздно?

— Да так, захотелось воздухом подышать, — тихо прошептал Рюг. Небольшая потасовка избавила его от грустных мыслей, и он быстро уснул.

На следующий день в казарме царило странное оживление. Слегка озадаченный всеобщей суетой Рюдигер поинтересовался, что происходит. Прибежавший из главного штаба Важек оживленно делился новостями:

— Как, разве ты ничего не знаешь? Кто-то жестоко избил кузена самого Валенберга и двух его приятелей. Говорят, что этот негодяй был вампиром. Они просто чудом остались живы! Генерал приказал во чтобы то ни стало найти злоумышленника.

Рюдигер проворчал себе под нос:

— Чудом остались живы, подумаешь. А что они втроем хотели надругаться над девчонкой,

Это значит не считается?

Важек поднял удивленные глаза на друга:

— Так это был ты! Послушай, тебе лучше сейчас никому на глаза не показываться!

— Да нет, я напротив хотел бы поставить командование в известность, чем занимаются

некоторые из его офицеров!

Стоявшие рядом Римар и Яр хором заявили, что Рюг видно головой вчера стукнулся, и попытались затолкать его в обратную дверь казармы. Но было уже поздно. Рядом с ними появились пятеро солдат под предводительством важного офицера в чине сержанта. Вместе с ними был один из вчерашних негодяев, судя по распухшему, местами синему лицу и отсутствию двух передних зубов. Он ткнул рукой в барона:

— Это был он, совершенно точно!

Сержант предельно вежливо обратился к Рюгу:

— Вы задержаны до выяснения всех обстоятельств! Пожалуйста, прошу не оказывать сопротивления и пройти с нами!

Главный штаб расположился в двухэтажном особняке, принадлежащем главе города. Украшенное на входе колоннами, окруженное роскошным садом, здание охраняли замерзшие и от того еще более мрачные часовые. Они пропустили конвой с задержанным, но скрестили алебарды перед Яром, Римаром и Важеком. Никакие уговоры и ругательства не могли заставить их впустить друзей в штаб. Возмущенный тем, что с ним, капитаном королевской гвардии, совершенно не считаются, Яромир в бешенстве сжал кулаки.

— Что, не хотят пускать? — услышал он низкий, чуть хриплый голос. Позади них, скрестив руки на груди, стоял Иоганн Кранц.

— Наверное, вы просто невежливо попросили, — он с интересом поглядел на охранников.

— Приказ господина главнокомандующего — не допускать в штаб посторонних! — начина слегка нервничать, ответил один из них. Что-то не нравился ему этот совершенно седой верзила с холодными глазами.

— Солдаты его армии не могут быть посторонними, — отчеканил Иоганн, раздвигая обалдевших часовых. — Ребята, заходите!

Генерал Валенберг отдавал распоряжения и выслушивал рапорты подчиненных в большой богато обставленной комнате, ранее бывшей в доме бургомистра гостинной. Среднего роста, худощавый и подвижный, он был еще не стар, в темных густых волосах почти не было седины. Небольшие карие глаза казалось, видели собеседника насквозь, тонкие губы почти никогда не улыбались.

Сейчас он был мрачнее тучи. Вся эта история с его кузеном была совершенно некстати. Сам генерал относился к нелюдям, как к неизбежному злу. Он совершенно не считал их равными себе, в глубине души презирая и слегка побаиваясь. Но надо смотреть правде в глаза, на войне они просто незаменимы. В его войске их едва ли не больше трети. Благодаря им, Алдания до сих пор остается самостоятельным государством, успешно справляясь с попытками воинственных соседей присоединить к себе небольшое королевство. Он совсем не хотел портить с ними отношения, но это удалось его кузену.

Генерал был уверен, что без женской юбки в этой темной истории не обошлось. Теперь он стоял перед выбором, то ли сохранить честь своей семьи, то ли не портить отношения со старыми кланами, многие из которых встали под его знамена. Он уныло посмотрел на стоящего перед ним вампира, виновного в нанесении тяжких увечий его родственнику. Слишком спокойно и гордо держится, все эти кровососы, кого не копни, старинного рода, даже на него самого, графа Валенберга, поглядывают свысока. Охрану совершенно не замечает, впрочем, он прав, что они могут сделать против него, вздумай он сопротивляться.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Ваше имя и звание? — недовольно спросил он.

— Рюдигер фон Шлотерштайн, имею честь служить в первой роте королевских гвардейцев, — достоинством ответил задержанный.

— Что же ты не поделил с вот этими господами? — господин Валенберг показал на троих потерпевших. — Может, объяснишь в чем дело? Мы все ждем! — его адъютанты согласно закивали.

— Я вступился за честь женщины, а эти трое, скажу прямо, вели себя по-скотски. Офицеры армии его величества не должны позволять себе подобных вещей. Если так пойдет дальше, то люди сами откроют ворота захватчикам!

— Рудольф, это правда? — генерал обратился к своему родственнику. Тот с ненавистью взглянул на Рюга подбитым глазом, совсем обнаглели эти нелюди, и хмуро огрызнулся:

— Да какая честь может быть у этой посудомойки! Ну хотели развлечься немного, и что с того!

Один из адъютантов главнокомандующего с укором обратился к вампиру:

— Неужели нельзя было проявить какое-то понимание, решить дело мирно, ведь время военное, трудно без женского общества!

Рюдигер покраснел от возмущения:

— Что за глупость! Да мои люди за это время ни одной курицы не украли, ни одной крестьянки не обидели. Они парни простые, но у них есть совесть в отличие от некоторых!

Действительно, вчерашние деревенские парни оставили дома жен и невест, а бывшие дикари имели на этот счет еще более строгие понятия. Невезучий похититель Лизы, Терн, завел семью одним из первых. Стерх долго пытался добиться взаимности Ланы, но поняв, что это бесполезно, нашел себе девушку в замке Лотара.

— Да какое тут может быть понимание! Мальчик слишком мягко с ними обошелся, надо было отрезать все лишнее, на войне с такими разговор короткий! — загремел на весь зал голос Иоганна, следом за ним появились Яромир, Римар и Важек.

— Наш друг всегда поступает по справедливости! — заявил Римар. — Они наверняка получили по заслугам! — он вдруг растерянно замолчал, сам поразившись своей смелости. Яромир поддержал его:

— Мы без Рюга с места не сдвинемся, разделим с ним любое наказание, если вы считаете,

что за благородный и смелый поступок надо наказывать! — его зеленые глаза смело выдержали пристальный взгляд Валенберга.

— Если что, то и девица нашлась. Она подробно описала своих обидчиков, и если надо, с радостью их опознает! — Важек времени даром не терял, во всеобщей суете он сумел найти и распросить девушку о событиях прошлого вечера.

Дежурный офицер просто потерял дар речи от такой наглости:

— Да как вы сюда прошли, кто вы вообще такие?

В дверь осторожно заглянул один из стражников:

— Ваша светлость, я пытался их остановить! — в руках он растерянно сжимал обломок алебарды, заметив, что Иоганн смотрит в его сторону, он шустро исчез за дверью.

— Мы ваши солдаты, господин генерал, и верим в вашу справедливость! — Иоганн Кранц смиренно склонил голову, и вся остальная компания последовала его примеру.

Валенберг задумался. Кузен Рудольф выставил себя полным идиотом, и примерно наказать надо бы его с дружками, а не этого Шлотерштайна. Кстати, знакомая фамилия.

Вроде бы недавно его отряд проявил завидную стойкость и отвагу, сдерживая почти вдвое превосходящие силы готхеймцев. Конечно, он слишком дерзко себя ведет, но возможно вражеский клинок или стрела из арбалета еще научат его хорошим манерам.

Вдруг в дверь постучали, и адъютант передал главнокомандующему конверт. Генерал сорвал печать и начал читать, лицо стало хмурым. Вернувшийся лазутчик вервольф сообщил, что пятитысячная армия врага приближается к городу, и буквально через день будет у его стен. Он еще раз взглянул на всех, кто находился в комнате:

— Господа, нас всех ждут более серьезные дела, чем это недоразумение. Барон фон Шлотерштайн, прошу вас сохранить вашу горячность для наших врагов и кстати, рад видеть, что у вас такие верные друзья! Все свободны, кроме тебя, Руди, нам надо серьезно поговорить!

Первая победа

Вокруг города закипела работа. Всего за сутки в еще не успевшую промерзнуть землю вбили колья, вырыли канавы, чтобы хоть немного сдержать вражескую конницу. Все заняли свои позиции и были готовы встретить неожиданных гостей. Яромир вдруг подумал, что если хоть на мгновение зарыться лицом в каштановые кудри, почему — то все время пахнущие лесом, и заглянуть в янтарные глаза любимой, то ему было бы легче смотреть в лицо неизвестности. Его отряд, соединенный вместе с отборной пехотой армии Валенберга, должен был принять на себя первый и наверняка самый сильный удар.

Рюдигер, поживаясь, подошел к своим людям, утренний холод пробирал до самых костей. Стерх протянул ему кружку с дымящейся кровью, что в условиях похода бывало нечасто. Рюг удивленно спросил:

— Что это значит?

— Одним конем меньше, — пожал плечами дикарь. Иоганн серьезно сказал:

— Дело будет жарким, всем нужны силы, так что пей. Постарайся зря не рисковать, ты не только за себя, но и за своих людей в ответе.

— Я мог бы то же самое повторить тебе, если бы только знал, что ты слушаешь! — усмехнулся Рюг-Но все же береги себя, все берегите, ведь дома нас ждут.

Вдруг послышались крики дозорных, противник приближался. Все заняли свои места. Яр оглянулся на друзей, сжимающих в руках пики. Римар отвел глаза от дороги, по которой медленно, словно гигантская змея, ползла готхеймская армия, и вдруг сказал смущенным тоном:

— Рюг, у тебя все губы в крови, ты бы утерся, — и протянул другу белоснежный платок.

Тот рассеянно размазал кровь по щекам ладонью, не замечая предложенного платка и не сводя глаз с приближающегося противника.

Вот уже можно различить фигурки людей, вот слышно их воинственные крики и даже можно понять обидные оскорбительные фразы, ведь язык Готхейма не слишком отличается от одного из диалектов немецкого, который в ходу в Алдании. Вот уже одетые в кольчуги и слегка напоминающие ведра шлемы всадники стремительно приближаются, готовые смять и растоптать врага, подтвердив свою славу непобедимых воинов. И действительно, почти никогда не терпели они поражения, вот только небольшая Алдания не раз вышвыривала зарвавшихся соседей обратно, на свои земли.

Вдруг всадники остановили бег, засыпанные тучей стрел, свистевших в воздухе. Кто-то, коротко вскрикнув, свалился на землю, ржали раненые лошади, сбрасывая своих хозяев. Но вскоре готхеймцы ответили такой же тучей стрел, а конница врезалась в оцетинившуюся копьями пехоту. Всадников стаскивали с коней, острые пики калечили лошадей, но опытные бойцы уверенно расчищали путь к воротам города. Следом за конницей волной накатили закованные в латы воины. Со страшным лязгом сшибались мечи, боевые топоры прорубали доспехи, очень скоро поле под городскими стенами стало напоминать ад на земле.

«Черт возьми, да как же их много!» — подумал Яр, с усилием выдернув палаш из

поверженного врага. Он уже давно потерял счет времени и также не считал, сколько готхеймцев отправил на тот свет. Он совершенно не ощущал ни усталости, ни страха, только ненависть к тем, кто решил, что его страна не должна существовать, а его жена и ребенок-опасные создания, не имеющие права на жизнь.

Но все же у Валенберга должен быть какой-то план, иначе все просто погибнут, пусть с честью, но все же напрасно. Внезапно перед ним возник огромный воин в закрытом шлеме. Высокий и крепкий, Яр казался мальчишкой перед этим великаном. Враг с размаха обрушил на гвардейца жуткого вида секиру, тот еле успел увернуться, попытался достать противника клинком, но не успел. Его оружие, жалобно звякнув, разлетелось пополам от мощного удара. Великан занес над ним секиру, больше напоминавшую топор палача, из под шлема глухо прогрохотало:

— Готовься к смерти!-

— Пошел ты к черту! — выругался Яромир, подумав, что вот все и закончилось, по крайней мере для него. Вдруг враг выронил секиру и опустился на колени. Из его груди, пробив доспехи, на две ладони торчало волнистое лезвие пламенеющего меча. Иоганн Кранц резко вынул фламберг из мертвого тела, и великан, гремя железом, тяжело упал прямо под ноги Яру.

Вампир поднял с земли чей-то клинок и протянул гвардейцу. Не успел тот ничего сказать, как на них набросились еще пятеро. Казалось, это никогда не закончится, небо затянуло тучами, сражающиеся воины напоминали призраков.

Вдруг, когда защитники города почти обессилели, с правой стороны появились всадники, одетые в красное, над ними развевался флаг Алдании, золотой волк, бегущий по красному полю. Опытный полководец, Валенберг, не бросил в бой сразу все силы, а оставил значительную часть в резерве. Теперь они окружили захватчиков и теснили их к текущей слева от города широкой реке, Лабе.

Рюдигера целиком захватило происходящее. Это было его первое большое сражение, и ему было трудно справиться с охватившим его восторгом и азартом. Быстрый как молния, он легко ускользал от чужих мечей, и наносил неуловимый удар, ставящий точку в поединке. Его люди также не замечали легких ранений, отбивая уже третью волну нападавших.

Но вот Рюга атаковали сразу двое, он с улыбкой, вызвавшей нервную дрожь у врагов, принял вызов, успевая отбивать удары справа и слева. Как бы невзначай его фальшион скользнул, по бедру противника, задев артерию, и тот стал медленно падать, истекая кровью. Рюдигер отклонился от направленного на него меча второго воина, и резко выпрямившись, вдруг воткнул левой рукой кинжал в живот готхеймцу, пробив легкую кольчугу. Из рта вместо последнего крика хлынула почти черная кровь, Рюг выдернул кинжал из уже мертвого противника, и не глядя, как тот падает вниз лицом, уже скрестил клинок с еще одним смельчаком, желающим поиграть со смертью.

Яромир взглянул на потемневшее небо, над полем битвы плыла почти прозрачная женская фигура, вдруг на мгновение она стала более четкой, и он ясно разглядел белое платье, длинные темные волосы и жуткий оскал скелета, в пустых глазницах чернела тьма. В ужасе он опустил глаза вниз. Иоганн, заметив его взгляд, сказал:

— Да уж, порадовали ее сегодня. Но лучше не смотри туда!

Почти не глядя, он метнул нож, и воин, заносивший меч над головой Яра, упал с пробитым сердцем.

Увлеченный боем Рюг не заметил, как вокруг него сомкнулось кольцо врагов. Направив на вампира длинные копья, они держали его на расстоянии, как опасного дикого зверя. Рюдигер скрипнул зубами, в бессильной ярости окинув взглядом окруживших его солдат. Вдруг они расступились, пропуская в круг человека в черной накидке с крестом, надетой поверх кольчуги.

— Господин Мейер, осторожнее, он слишком опасен!

Представитель инквизиции с отвращением смотрел на барона фон Шлотерштайна, который замер, сжимая в правой руке рукоять клинка, но был готов в любой момент нанести смертельный удар любому, кто рискнет подойти ближе. Его одежда и кольчуга были забрызганы чужой кровью, синие глаза блестели от волнения. Георг Мейер подумал, что запах крови лишает эти жалкие создания последних остатков разума. Он обратился к солдатам, напряженно сжимавшим копья:

— Эти выродки не так уж неуязвимы. Их вполне можно убивать, перед этим научив смирению!

Краска бросилась Рюгу в лицо. Свирепо раздувая ноздри, он поднял потемневшие синие глаза на инквизитора:

— Так подойди ближе, если так торопишься умереть!

— Мне достаточно и трех шагов, — усмехнулся тот, в руках он держал длинный кнут, наподобие пастушеского, который почти наполовину был из серебрянной проволоки. Заканчивался он острым серебрянным трехгранником. Серебро заблестело от одинокого луча солнца, пробившегося сквозь тучи, и Рюг невольно зажмурился.

— Что, не нравится, упыриное отродье? А если еще и так?

Кнут взвился в воздухе и хлестко ожег вампира по лицу, оставив на щеке алый след. Следующий удар пришелся по рукам, он едва не выронил оружие. Окружавшие его солдаты посмеивались, инквизитор презрительно улыбался:

— Что, нечисть, и на тебя нашлась управа?

Стиснув зубы, не обращая внимания на боль и оскорбления, левой рукой Рюдигер ловко подставил под удар кинжал, несколько раз успев накрутить на него хлыст. Теперь он и господин Мейер были надежно связаны. С силой потянув связавший их кнут к себе, Рюдигер одним ударом отсек инквизитору кисть руки. От неожиданности тот чуть не налетел на копьё одного из своих солдат.

— Наверное те, кого ты учил смирению, были хорошо связаны! — Рюдигер с отвращением плюнул на господина Мейера, побледневшего от боли и страха не хуже вампира.

— Убейте его, ну что же вы медлите! — крикнул из последних сил теряющий сознание инквизитор. Но барон фон Шлотерштайн вовсе не собирался продавать свою жизнь слишком дешево. Быстрым, еле заметным движением он бросил кинжал в одного из копейщиков, выронив оружие, тот прижал руки к залитому кровью лицу. Воспользовавшись всеобщим замешательством, Рюг кинулся в образовавшуюся щель, надеясь, что его не насадят на копьё, как цыпленка на вертел.

Но к его удивлению, враги не собирались его преследовать. Один из них упал на спину, в голове, пробив шлем, торчал небольшой топор. Совсем рядом раздался крик совы, непонятно откуда взявшейся на поле битвы, и Рюдигер с облегчением понял, что его люди пришли на помощь. Следом коротко пропели несколько стрел, и уцелевшие враги спешно бежали. Рюг с удивлением заметил среди своих головорезов Важека с арбалетом в руках. Ни

одна из его стрел не пролетела мимо цели. Видимо знакомство с Ланой чудесным образом преобразило его.

Яромир огляделся вокруг и, заметив человека в черном, лежащего без сознания, вдруг с ненавистью произнес:

— Он еще дышит, не стоит оставлять эту мразь в живых!

Его друзья переглянулись, ведь отчаянный и бесшабашный Яромир никогда не отличался мстительной жестокостью. Но видно мрачные рассказы о том, что творят так называемые служители церкви с нелюдьми, попавшими к ним в руки, запали ему в душу. Рюдигер, уже отошедший от охватившего его азарта и возбуждения, равнодушно сказал:

— И без нас подойдет, не стоит пачкаться! — но повернувшись в сторону раненого, увидел, что тот исчез. Стерх вернул свой топор на место, и с удивлением взглянул на отрезанную руку.

— Правая! Ты заимел кровного врага! Поверь, без одной руки он будет еще опаснее!

— Отсюда вывод: хороший инквизитор- мертвый инквизитор! — весело подытожил Важек.

В низине у реки часть вражеской армии, отрезанная от своих, была жестоко перебита. Уцелевшие отряды готхеймцев спешно отступали от города, этот лакомый кусок оказался им не по зубам. Рюдигер огляделся вокруг. Первый снег растаял, и земля под ногами превратилась в месиво, густо политое кровью. То тут, то там лежали убитые. Среди них иногда попадались люди в черных накидках с крестами, видимо против Алдании действительно затевался чуть ли не крестовый поход. Их объявили врагами всего христианского мира, чтобы под шумок прибрать к рукам их страну. Вода в реке стала красноватой, хотя возможно это вечернее солнце придавало ей такой оттенок.

Он вдруг почувствовал страшную усталость и сильный голод. Его друзья тоже выглядели изможденными, но на их бледных, испачканных кровью и грязью лицах была радость от первой победы. Вдруг он уловил в воздухе еле заметный свист, не задумываясь, повернулся лицом к Римару и толкнул его вперед. Потеряв равновесие, они упали в грязь. Двое парней из Куличек рванули вперед, и вскоре послышался короткий крик, неизвестный стрелок простился с жизнью.

— Ты что, в уме повредился? — придавленный к земле Римар пытался выбраться из под рухнувшего на него вампира. — Слишком тяжелый, может все же стоит есть поменьше!

— Он всего лишь жизнь тебе спас, не возмущайся, — серьезно ответил Яромир. Вдвоем с Иоганном они осторожно подняли Рюга, в спине у него торчал арбалетный болт.

— Если бы не Рюг, тебе конец.

Испуганный Римар кинулся к другу:

— Но как же, ведь ты же серьезно ранен?

Тот слабо, через силу улыбнулся:

— Ну для меня это не смертельно, а вот если с тобой что-нибудь случится, меня твоя Элина прикончит. Она обещала, и знаешь, несмотря на то, что она вся такая хрупкая и нежная, я ей как-то сразу поверил!

На самом деле дочь бывшего королевского советника, справившись со своим отвращением к вампирам, рыдая, умоляла барона фон Шлотерштайна присмотреть за ее мужем. Не выносивший женских слез, Рюдигер поклялся ей, что сделает все, что в его силах, а остальное зависит от Бога. Как будто он и так не готов всегда прийти на помощь своим

друзьям.

Иоганн резко выдернул стрелу, Рюг не успел даже охнуть.

— Ничего страшного, поешь, поспишь, утром будешь, как новый, Я в твоём возрасте не обращал на такие пустяки внимания. — за преувеличенно бодрыми словами старый солдат пытался спрятать своё беспокойство. Кто же их знает этих готхеймцев, что у них на уме? Время сейчас подлое, это раньше все делалось честно по единым законам. А теперь Бога чуть ли не через слово поминают, а сами готовы на любую гадость, хоть серебрянную стрелу в арбалет вставить, а то и вовсе отравой смазать!

Но все действительно обошлось. Утром Рюдигер даже и не вспомнил о ране, хотя удивленный Важек пытался отыскать на его спине хотя бы шрам.

— Эх, если бы понять, что вас так быстро исцеляет! Это было бы новое слово в медицине! — мечтательно заявил он. Рюдигер быстро натянул рубашку, скрывая рельефные мышцы:

— Хватит на меня пялиться, я не девица! К тому же холод тут просто собачий!

Действительно, поздняя осень в этом году была на удивление холодной, а каменное здание бывшей тюрьмы прогревалось из рук вон плохо. Вода в ведре по утрам покрывалась льдом, и надо было немало смелости, чтобы просто умыться. Впрочем они должны были скоро покинуть славный город Люблин и отправиться ближе к западным границам, чтобы окончательно выбить врага из страны.

Георг Мейер поклялся любыми способами уничтожить вампира, который лишил его кисти правой руки. Он ненавидел эти странные создания за то, что если вдуматься, то они действительно в чём-то превосходили людей. Более того, даже попавшие в цепкие лапы его коллег, подвергаемые пыткам, многие отказывались признавать себя безбожными порождениями ада, и нагло заявляли, что они тоже люди, только им пришлось измениться, чтобы выжить. Потомки выживших в страшном мире под лучами Черной звезды не были малодушными и не цеплялись за жизнь, но также, как обычные люди, были готовы на многое ради своих близких. Вскоре их почти не осталось в Готхейме, и они унесли с собой свои тайны.

Многие бы хотели узнать секрет их силы и выносливости, заживления ран и устойчивости ко многим страшным болезням, хотя и причисляли их к нечисти. Но Георг Мейер был уверен, что мир без пьющих кровь и бегущих в ночи станет намного лучше и безопасней, и искренне удивлялся беспечности как королевской династии, так и рядовых жителей Алдании, признавших этих монстров равными себе и спокойно живущих рядом с ними.

С помощью своих агентов, еще уцелевших в Люблине, он, потратив немало времени и золотых монет, узнал имя негодяя, посмевшегося бросить ему вызов. Он был уверен, что судьба еще столкнет их лицом к лицу, и серебро и раскаленное железо еще смогут научить этого негодяя покорности и смирению, а в его четки для ровного счета добавится еще пара вампирских клыков.

Зима сковала реки льдом, засыпала леса и поля, города и деревеньки пушистым, искрящимся снегом. Все вокруг казалось нарядным и праздничным и напоминало о грядущем Рождестве. С наступлением зимних холодов военные действия временно прекратились, и даже граф Валенберг отбыл в Златоград, оставив свою армию в небольшом приграничном городишке.

Римар проснулся среди ночи и долго лежал, глядя в темноту. Что за тоска встречать Рождество вдали от дома. Чего бы он только не отдал за то, чтобы шагнуть на порог родного дома, закружить на руках красавицу жену, вызвав стыдливый румянец на ее фарфоровом личике от такого нарушения приличий, и прижать к сердцу маленькую озорницу дочку. Эльвире уже два с половиной года, наверное вовсю болтает, хорошенькая, как ангелочек, хотя Элина и считает, что ангелы более послушны и усидчивы.

Взглянув в угол комнаты, он увидел пару горящих глаз. Рюг сидел на кровати, подтянув колени к подбородку и обхватив их руками. Заметив, что Римар не спит, он спросил:

— Что тоже по дому скучаешь? Хоть бы украдкой взглянуть, как они там без нас!

— Элина печет на Рождество такие чудесные коврижки! — Римар так и остался сластенной, — сама, слугам она это таинство не доверяет! А какой штрудель у нее получается, просто во рту тает!

Разговор о разных рождественских вкусностях вызвал живейший отклик. С наступлением холодов голод давал знать о себе сильнее, а расходы на содержание армии несколько урезали, что сразу сказалось на их кормежке.

— А Клодия готовит гуся с яблоками, Мы с Марком все время таскаем у нее яблоки, она делает вид, что жутко сердится, — присоединился к разговору Яр и вдруг замолчал, грустно вздохнув.

— А у моей матушки коронное блюдо — свинина в сметане с кнедликами, — мечтательно произнес Важек, который тоже не спал, — ну и утка с кислой капустой тоже неплохо получается.

— Терпеть не могу кислую капусту, — неожиданно сердито заявил Рюдигер, — зато Лизхен ее просто обожает. Наверное с бабкой Настей уже насолили столько, что до второго пришествия хватит! — нет, его жена готовила просто замечательно, могла и пироги не хуже Настасьи настряпать, и окорок запечь, а у свекрови научилась готовить гуляш с острым перцем, но даже если бы она встретила его кислой капустой с черным хлебом, он был бы рад и счастлив, лишь бы только увидеть ее и детей.

— Неужели мы застрянем в этом Карлсберге на всю зиму? Эй, крестный, я же знаю, что ты не спишь, что ты про это думаешь?

— Уснешь тут с вами! — проворчал Иоганн Кранц из под одеяла. — Я думаю, что до весны ничего не будет. Молниеносной войны у готхеймцев не получилось, но и мир заключать они не спешат, и пожалуй попытают счастья еще раз, когда потеплеет. Ты хотел узнать

Мое мнение об этом, или о том, стоит ли скакать через всю страну, что пробыть дома от силы три дня?

Пристыженный Рюг молчал, и Иоганн продолжил:

— Я думаю, что стоит, конечно, это полная глупость и безрассудство, но и ведь и наши командиры не собираются сидеть в праздник в этой глуши. Так что собираемся домой,

Тем более что Крина к Рождеству такую домашнюю колбасу готовит, какой нигде не попробуешь! Рюг не даст соврать, правда!

Важный седой генерал, которого командующий оставил своим заместителем, услышав просьбу отпустить домой на побывку целый отряд, задумался и сначала хотел ответить отказом. Несмотря на прекращение военных действий не стоило расслабляться, и оставлять приграничные земли без защиты. Но взгляд его упал на распоряжение из столицы, где настоятельно советовали экономнее расходовать средства. Легко им там в Златограде

выдумывать подобные идиотские указы, а у него под началом пять тысяч солдат, из которых, наверное, больше трети нелюди, а их сухарями с чаем не накормишь, тем более зимой. Горожане волнуются, кажется боятся жителей восточных провинций не меньше, чем готхеймцев. Если что и случится, то вся ответственность на нем. Так что пусть едут домой, чем здесь зубами от голода и холода щелкать.

Удар в спину

Постоялый двор «Дикий кот» напоминал сказочный терем, в котором жил старый чародей, управляющий зимними холодами и вьюгами, про которого не раз рассказывала притихшим ребятишкам бабка Настя. Стоящий почти посредине глухого леса он выглядел новым и крепким. Наличники на окнах кудрявились затейливым кружевом, из трубы струился дымок, крыльцо желтело новыми досками. В ближней деревеньке наотрез отказались пустить на ночлег их не совсем обычную компанию, но охотно рассказали, как добраться сюда. Внутри тоже все радовало глаз чистотой и порядком, полы были чисто выметены и не скрипели, на столах белоснежные скатерти, а на одной из стен висела шкура невиданного зверя, серебристая с голубым отливом. Его морда напоминала кошачью, только в этой пасти могла поместиться голова человека.

Яромир тихонько толкнул Рюга:

— Тебе это ничего не напоминает?

Тот удивленно ахнул:

— И у кого только рука поднялась на такое чудо?

— Интересно, как удалось справиться с такой киской? — изумился Важек. Стерх переглянулся с Терном и пожал плечами. В их охотничьи ловушки иногда попадали такие красавцы, ничего удивительного лесные охотники в этом не видели.

— Эта шкура досталась прежнему хозяину от его деда. В здешних лесах можно встретить еще и не такое! — незаметно появившийся хозяин гостиницы подошел к ним сзади. Возраст его определить было затруднительно, волосы были наполовину седыми, но взгляд серо-голубых глаз был по-молодому цепким и любопытным. Широкие плечи и военная выправка выдавали в нем бывшего солдата.

— А вы от границы едете? И под Люблином пришлось сражаться? — он с живым интересом и

без малейшего страха рассматривал вооруженную компанию.

— Да, пришлось, от начала до конца. Жаркое было дело, — спокойно ответил Иоганн, взглянув хозяину прямо в глаза.

Тот, не смутившись, продолжил:

— Говорят, что к концу битвы готхеймцев чуть ли не живьем ели!

Рюдигер вскипел от возмущения, его люди нахмурились, а Яромир сердито заявил:

— Таковую нелепицу могут придумать только трусы, которые давно забыли, как держать в руках оружие. Наша победа была честной, ведь врагов было на треть больше, и земля у города полита и нашей кровью.

Друзья заулыбались, радуясь достойному ответу, весело хлопая Яра по плечам. А Иоганн ехидно поинтересовался:

— А ты что в лесу спрятался, вроде еще не слишком стар, да и служба солдатская знакома тебе не понаслышке?

Тот неопределенно пожал плечами и примирительным тоном ответил:

— Даже слишком знакома, надоело рисковать своей шкурой ради чужой выгоды. Хочется хоть под конец жизни пожить спокойно. Если вам нужны крыша и еда, то милости прошу! Я солдат не обижу, лишнего с вас не возьму, — он повернулся и слегка прихрамывая, стал подниматься по лестнице. Яромиру стало стыдно за свои резкие слова, и он опустил глаза, но Рюг прошипел сквозь зубы:

— Мне он все равно почему-то не нравится!

Кроме странноватого хозяина здесь были еще две женщины, пожилая толстуха в засаленном переднике и молодая бабенка с испуганными глазами. Дверь со скрипом приоткрылась, и зашел туповатый на вид молодой парень с охапкой дров. Скоро от покрытой причудливыми изразцами печки волнами стало расходиться тепло, даже не верилось, что снаружи за бревенчатыми стенами снег и холод. Рюдигер снял шапку и овчинный полушубок, положил к себе на колени ножны с клинком, и прислонившись спиной к раскаленной печке, незаметно задремал. Почти все в ожидании ужина последовали его примеру, только Стефан, средний сын деревенского кузнеца, никак не мог расслабиться, его волчье чутье просто кричало, что здесь не все так просто. Ощущение приближающейся опасности витало в воздухе.

Георг Мейер еще раз взглянул на карту, Нарисованная чернилами на куске телячьей кожи, она слегка выцвела от времени, но все же у него не было оснований ей не верить. Слишком многих усилий пришлось ему потратить, чтобы заполучить ее. И пока все шло гладко. Он послал одного из своих людей вперед разведать дорогу. Внутри у него все дрожало от нетерпения. Еще немного, и то, к чему он так стремится, будет в его руках. Тайные знания, секрет невиданной силы и мощи, возможно секрет вечной жизни, о, там можно отыскать ответы на многие вопросы, испокон веков мучающие людей!

В лесу было слишком много снега, и оставив лошадей, им пришлось встать на лыжи, и идти вдоль левого берега реки. Наконец у подножия горы один из его людей заметил ветхое строение. Внутри избы, напротив входа находилась еще одна дверь. Тяжелая и плотная, обшитая широкими полосами металла, она не поддавалась прищельцам, но Георг Мейер вынул из-за пазухи ключ и протянул одному из братьев. Ключ с некоторым усилием был вставлен в замочную скважину, начал со скрипом поворачиваться, но вдруг застрял на половине пути. Брат Андреас развел руками, которыми иногда гнул подковы на спор, но Мейер велел ему продолжать, сам же начал читать вслух заклинание. Под странные певучие слова ключ легко повернулся, внутри раздался громкий щелчок, и дверь резко распахнулась, чуть не сбив с ног удивленного Андреаса.

За дверью были каменные ступени, ведущие глубоко вниз, прямо в непроглядную тьму. Оттуда потянуло каким-то потусторонним сквозняком. Все на мгновение отпрянули, почувствовав необъяснимый страх, но главный инквизитор приказал, не тратя времени, зажечь факелы, и без колебаний шагнул вниз, остальные, скрепя сердце, последовали за ним.

Шаг за шагом погружались они все глубже, наконец спуск кончился, и далее шел бесконечный коридор. Дрожащий свет факелов выхватывал из темноты причудливые кристаллы, гроздьями свисавшие с потолка пещеры, угрожавшие пробить острием чью-нибудь голову. Такие же соцветия тянулись вверх с пола, распускаясь загадочными цветами, и переливаясь в отсветах огня всеми оттенками от алого до лилового. Вскоре они попали в большую пещеру, где фантастическими глыбами застыли струи и потоки воды, скованные морозом.

Испуганные люди старались держаться ближе друг другу, разглядывая свои отражения в ледяных зеркалах. Многим виделись странные темные фигуры рядом с собственными и слышались странные шорохи за спиной. Но господин Мейер, казалось, не знал, что такое страх.

— Не спите на ходу, пошевеливайтесь! То, ради чего мы сюда спустились, находится за ледяным залом, если верить старинному манускрипту!

Подгоняемые необъяснимым ужасом двадцать монахов, которых было бы правильнее назвать воинами, покинули ледяной грот. Юрген, шедший последним, оглянулся и тут же пожалел об этом. Он ясно увидел черную тень, мелькнувшую среди ледяных глыб. Стараясь не думать об этом, он поспешил за остальными.

Наконец их путь закончился у вырубленной в скальной породе ниши, в середине которой покоилась широкая плита из черного камня с углублением посередине. От нее, словно лучи от звезды или лепестки от цветка, расходились пять узких плит прямоугольной формы. На каждой лежали потемневшие от времени человеческие кости, судя по размерам, принадлежавшие то ли женщинам, то ли подросткам. Слуги инквизиции суетливо крестились и шептали первые молитвы, которые приходили на ум.

Но их предводитель спокойно сверился с картой и заявил:

— Все сходится, это алтарь для жертвоприношений, то, что нам нужно, должно быть здесь!

Вы двое, попробуйте отодвинуть этот камень, — рукой в черной кожаной перчатке он указал на стоящую позади алтаря высокую плиту почти правильной формы, покрытую странным надписями на давно забытом языке.

За ней оказалась дверь из блестящего неизвестного металла, железо давно бы проржавело от времени. Снабженная сложными запорами она однако оказалась открытой. За дверью в небольшой комнатке на полу лежали два скелета. Очевидно, они пытались покинуть комнату, но нечто настигло их прямо здесь. На небольшом столике стоял странного вида сундучок, сделанный из свинца. Господин Мейер проделал какие-то манипуляции с крышкой, и издав звонкий щелчок, она откинулась назад. Внутри он увидел блестящий цилиндр, довольно горячий на ощупь.

Заметив, что Андреас с любопытством смотрит на его действия, Георг Мейер быстро захлопнул сундучок, оказавшийся на редкость тяжелым и отдал приказ:

— А теперь убираемся отсюда побыстрее!

Когда они уже поднимались по бесконечной каменной лестнице, уводившей их прочь из подземного мира, многие из них слышали рядом тихий неразборчивый шепот и холодный ветерок вдруг, касаясь лица, пролетал мимо. Но вот наконец последняя дверь была захлопнута, и все с великой радостью вздохнули. Однако вскоре они поняли, что не все вернулись назад. Исчезли двое, Юрген и Макс, они замыкали отряд, и их пропажу сразу никто не заметил. Однако главный инквизитор равнодушно заметил:

— Всего двое! Мы легко отделались. Если кто хочет их поискать, то пожалуйста. Но мы ждать не будем! К тому же, если верить старым легендам, они уже давно мертвы! Так что вперед, надо выбраться из леса до темноты!

Хозяин таверны упорно доказывал странному монаху в черной рясе, одетой поверх кольчуги, что вряд ли у него найдется место еще для восемнадцати человек. Монах говорил со странным акцентом, но все время упоминал Михеля Красивого. Этот известный в своей

среди ловкий контрабандист получил такое прозвище за жуткого вида шрам, пересекавший его лицо от глаза до подбородка. Бывший солдат был многим обязан Михелю, но отчего-то не желал помогать неприятному святоше. Наконец он сдался, но честно предупредил, что будет тесновато, так как у него уже есть десять постояльцев.

— Ничего, мы, слуги господ, привыкли довольствоваться малым, — смиренно ответил инквизитор и вдруг замолчал на полуслове, уставившись на одного из сидевших за длинным деревянным столом. Георг Мейер с удивлением узнал своего злейшего врага.

Высокий парень с черными волнистыми волосами, доходившими почти до плеч, дремал, прислонившись спиной к печи. Под темно-зеленым камзолом была видна кольчуга, странный, чуть изогнутый меч почти выскользнул из руки. Он чему-то улыбался во сне, уголки красивых губ чуть заметно приподнялись, ладонь вовремя сжала почти падающий клинок, который лишил инквизитора кисти правой руки. Этот чертов кровосос дрых, как человек с чистой совестью, и у господина Мейера просто зачесалась уцелевшая рука воткнуть ему в сердце осиновый кол. Но он заметил, что сидевший рядом хмурый лохматый детина с трехдневной щетиной на лице не сводит с него пристального взгляда желтых глаз. Угадав в нем оборотня, Георг Мейер поспешил отвернуться.»Ничего, вы свое получите, и очень скоро!»-подумал он.

Яромир проснулся посреди ночи и тут же закашлялся от едкого дыма. Где-то внизу разгорался пожар, еще немного, и «Дикий кот» станет для них братской могилой. Он растолкал сладко спящих друзей, правда с Рюгом пришлось повозиться. Барон упорно не желал возвращаться из страны сновидений и только натягивал одеяло на голову. Рассерженные Римар и Яр сдернули одеяло и безжалостно надавали ему пощечин.

Явившаяся ему во сне Лизхен вдруг прекратила нежные ласки и поцелуи, и принялась лупить его по щекам, сердито выкривая:

— Ты же обещал вернуться! Просыпайся!

Рука у любимой оказалась не по-женски тяжелая, и он с трудом, но все же открыл глаза, с удивлением увидев над собой друзей. Те на всякий случай отступили назад, не желая получить по морде за свой благородный поступок. Но вампир услышал запах дыма и быстро вскочил на ноги.

Разбудив остальных, они спустились вниз. Постоялый двор был надежно заперт снаружи, и даже окна накрепко забиты. Обе женщины испуганно визжали на одной очень противной ноте, снаружи трещал огонь, летели искры, дышать было почти нечем. Хозяин выглядел совершенно потерянным, Иоганн Кранц опустил тяжелую руку ему на плечо:

— Ну-ка признавайся, какими делами ты тут занимаешься! Постояльцев в такой глуши немного, а дела у тебя идут лучше некуда! Кто были вчерашние гости?

Трактирщик попытался освободиться от железной хватки, но поняв бесполезность своих усилий, тяжело вздохнул:

— Ну я оказываю услуги старым приятелям, сбываю краденое или беру на хранение. А эти странные монахи говорили с явным готхеймским акцентом, но ссылались на человека, которому я многим обязан.

Тем временем огонь уже пробрался внутрь, легко взбежал по лестнице и хозяйничал на втором этаже. Еще немного, и на них обрушатся деревянные перекрытия.

— Может все же отпустишь меня, я знаю, как отсюда выбраться, только быстрее, а то

будет поздно!

Посредине кухни в полу обнаружился подземный ход, через который они выбрались наружу. Перепачканные копотью, в предрассветных сумерках появляющиеся из подземного хода, они напоминали компанию чертей, решивших выбраться из преисподней и погулять перед Рождеством по белому свету.

Постоялый двор, так похожий на сказочный терем, был полностью охвачен огнем. Хозяин, не в силах отвести глаза от страшного зрелища, обреченно смотрел, как рухнули стены первого этажа, и все строение, сложившись, как карточный домик, превратилось в груды пылающих обломков.

— Я все потерял, у меня ничего не осталось, — устало произнес он. — Видно придется провести остаток жизни в нищете.

— У тебя осталась сама жизнь, а это уже немало. — пожал плечами Иоганн.

— Тебе не понять, что значит потерять с таким трудом нажитое, — возразил трактирщик, — кроме этого жуткого меча, — он покосился на фламберг, — ты ничего, похоже не имеешь!

Старый наемник усмехнулся:

— Может и так, но я всегда хранил верность своему слову и своим друзьям. Не все, знаешь ли можно измерить звонкой монетой!

Трактирщик только махнул рукой, вид у него был жалкий.

В спешке покинув трактир, они успели схватить лишь оружие и кое-что из одежды. Никто не успел надеть доспехи, а многие и шапки не прихватили. А между тем мороз ночью был нешуточный. Женщины, обнявшись и закутавшись в одеяло, тихо всхлипывали. От холода их лица стали какого-то синеватого оттенка, и Стефан с Марекком, не сговариваясь, отдали им свои полушубки, отшучиваясь, что волкам мороз не так уж и страшен.

Рюдигер вспомнил о лошадях, но конюшня также сгорела, а неподалеку от нее на снегу лежал незадачливый работник с перерезанным горлом. Похоже, что готхеймцы увели их лошадей. В отчаянии он пнул ногой по обгоревшему бревну:

— Повстречать бы этих святых людей на узкой дорожке, да ведь я даже не запомнил их толком!

Римар тихо ответил:

— Похоже, твои желания имеют свойство исполняться. Посмотри вокруг!

Вокруг еще дымившегося пожарища, словно призраки, появились силуэты всадников. Один из них выехал вперед, и Рюдигер ясно разглядел худое лицо с каким-то брезгливым выражением, узкие губы и черную накидку с крестом под плащом. Он вдруг узнал того, чью руку отсек его меч. Барон фон Шлотерштайн гневно спросил:

— Что вы разносите здесь, готхеймские псы? Вас только и хватает, чтобы шпионить и наносить удары в спину, от честного боя вы бежите. как черт от ладана!

Перемазанный сажей с взлохмаченной головой и ярко блестящими в полумраке глазами, он сам напоминал этого черта, но его слова, в которых был неприкрытый вызов, задели самолюбие Георга Мейера. Он легко спрыгнул с седла и с гордым презрением заявил:

— Я никому не доверю отрезать твою глупую голову, сам разделаюсь с тобой, своими руками!

— Рукой, — поправил Римар, приученный Элиной к порядку во всем. Это невинное замечание

Окончательно разозлило инквизитора, и он встал в стойку напротив вампира. Рюдигер

слегка растерялся, не понимая, как драться с калеккой. Но тот нажал что-то здоровой рукой на блестящем наручнике, прикрывавшем запястье, и оттуда выскочил узкий клинок, казавшийся продолжением руки. Длиной почти с полторный меч он был покрыт серебром и являл собой грозное оружие. Инквизитор уверенно атаковал Рюга, и тот должен был признать, что его противник боец не из последних.

Увидев, что их предводитель вступил в бой, его люди последовали его примеру. Видимо инквизиция серьезно отнеслась к этому походу. В отряде были только лучшие испытанные бойцы, долгие месяцы в них пытались развить скорость и выносливость, почти у всех оружие было покрыто серебром. Вскоре на снегу под медленно светлеющим небом разыгралась жестокая схватка. Люди Мейера знали, что любая оплошность тут же будет стоить им жизни, несмотря на все их умения и серебро на клинках, и сражались, как ненормальные.

Яр и Римар вместе держали оборону и всерьез переживали за Важека. Но тот сражался вполне достойно, и кажется сумел сделать свой небольшой рост своим преимуществом. Каждую свободную минуту парень посвящал тренировкам, и каждый из его друзей мог бы назвать себя его учителем. Теперь же он доказал, что не зря испытывал их терпение и отнимал время.

Со всех сторон летели взаимные оскорбления, на многочисленных тренировках монахи-воины усвоили, что нелюди слишком вспыльчивы, их гораздо легче оскорбить и вывести из себя, чем обычных людей, и теперь не стеснялись в выражениях. Молодежь действительно с яростью бросалась на врагов, просто скрипя зубами от бешенства, но Иоганна подобные выходки не трогали. С холодным равнодушием, не утруждая себя ответами, он укоротил одного из остряков на голову, другого почти ровно разделил пополам, и теперь встретился с третьим, почти равным противником.

— Мне не помешает шкура вервольфа! Надеюсь, у тебя нет блох, деревенщина! — противник Стефана был молодым, но слишком наглым и самоуверенным. Он видел, что его нападки почти достигли своей цели, его соперник был просто взбешен и ослабил внимание.

— И как же ты собрался ее получить? — прорычал оборотень, он испытывал огромное желание обернуться и вцепиться в глотку болтливому нахалу. Но одним из первейших правил, которое он усвоил, было то, что драться с врагами надо в человеческом облики и обычным оружием, а если придется умереть, то человеком, а не зверем. Он с силой нанес удар, но противник ловко отбил его и продолжил:

— Ну если ты не знаешь, я расскажу. Снимать шкуру лучше в полнолуние с еще живого оборотня, а сегодня как раз полная луна!

В глазах у Стефана потемнело, он потерял самообладание, и огромный черный волк прыгнул на соперника, придавив его к земле, Мощные челюсти сомкнулись на горле, легко перекусив кольчужный воротник, и насмешник перестал жить. Но узкий меч пронзил оборотня насквозь, и оба врага лежали на снегу, окрашенном их смешавшейся кровью.

Из-за высоких елей, кажущихся почти черными в предрассветном сумраке, за кровавой бойней наблюдали безмолвные свидетели, темные фигуры легко скользили по снегу, приближаясь к поляне.

Георг Мейер потихоньку выдыхался. Поединок один на один с вампиром был ему явно не по силам. С годами он утратил былую ловкость и уже жалел о глупом решении самому наказать негодяя. Неожиданно его противник ослабил свой натиск и отвлекся. Рюдигер оглянулся на короткое, внезапно оборвавшееся рычание, и в это же время покрытое

серебром лезвие вошло ему в бок, оставив кровавый след на распахнувшейся полушубке. Короткая обжигающая боль быстро отступила, он даже не понял сначала, что ранен.

Пораженный нелепой смертью оборотня, он решил поставить точку в затянувшемся по его мнению поединке и уверенно атаковал Мейера. Засыпав противника ударами, он не давая тому опомниться, нанес быстрый укол в грудь. Но фальшион только прорезал черную ткань накидки и скользнул по кольчуге. Его рука вдруг утратила силу, смеющееся лицо врага расплывалось, в глазах темнело. Рана, нанесенная серебром, не спешила затягиваться, кровь горячим ручьем бежала по ногам, потихоньку отнимая силы и созна-

ние. Его противник довольно заявил:

— Кажется, в мои четки добавится еще пара клыков, признай, нечисть, что тебе конец!

— Да ты бы еще уши отрезал на память, слугитель церкви, — усмехнулся Рюдигер побелевшими губами. Сжав рукоять клинка двумя руками, он с неожиданной силой резко

Воткнул оружие в живот готхеймца. На искаженном болью лице врага мелькнуло удивление, изо рта хлынула кровь, и взгляд погас.

— Доброго пути! Может там тебе поверят, что ты убивал и жег на кострах ради истинной веры...

Сил, чтобы выпащить меч, уже не осталось, ноги вдруг перестали ему подчиняться, сознание затуманилось, и он упал на кровавый снег вместе с мертвым врагом.

Их противники не были уверены в своей победе, и вскоре в них полетели серебрянные стрелы. Иоганн ожесточенно рубился с высоким воином, не уступающем ему в росте и сложении. Огромный двуручный меч с блестящим серебром лезвием с ужасной силой сшибался со знаменитым фламбергом наемника. Казалось, они будут драться до бесконечности, не ощущая усталости. Противнику Иоганна все же не хватало вампирской быстроты и ловкости, и волнистое лезвие меча-пламени словно пилой прошло по его кольчуге, оставляя рваный окровавленный след. Теряя самообладание, он в бешенстве кинулся на врага, нанося беспорядочные сокрушительные удары, но его противник с неожиданной для своего роста ловкостью уворачивался от них. Неожиданно Иоганн замер на месте и чуть пошатнулся. Легко прошив одежду, в его спину воткнулось сразу две стрелы. Третья попала в ногу. Он не успел ответить на удар, и меч врага летел прямо на него. В последний миг он сумел отклониться, но меч все же задел его, прочертив кровавую полосу по ребрам. Однако несмотря на раны, он продолжал драться с прежней яростью, вызывая у своего противника почти суеверный ужас.

Между тем число сражающихся почти сравнялось. Монахи-воины потеряли больше половины своих людей, но все так же были далеки от победы, их командир погиб, и теперь ужас быть убитыми где-то далеко в чужой стране побуждал их драться еще более отчаянно. Яромир не давал своим противникам ни передышки, ни пощады, удивленные его натиском готхеймцы кажется не считали его человеком, удивляясь, почему несколько легких ран, нанесенных серебрянным оружием, не лишили его сил, а сделали только злее.

В очередной раз раскидав налетевших на них врагов, он вдруг увидел Стерха. Лесной охотник лежал ничком на снегу со стрелой в сердце. Вокруг вперемешку валялись окровавленные части, из которых при желании можно было собрать троих слуг инквизиции. Он быстро понял, что стрелы летят с края поляны. Крикнув удивленным друзьям, чтобы продержались еще немного, он скрылся среди деревьев. Выросший в лесу, Яр сумел

бесшумно подобраться к меткому стрелку, и вскоре стрелы полетели в готхеймцев.

Кровавая схватка постепенно заканчивалась, на ногах оставалось только пятеро из чужаков, они еле держались на ногах от ран и усталости и были готовы сдаться на милость победителей. Брат Андреас, вдруг вспомнив о причине их экспедиции, чуть не бегом направился к коню господина Мейера. Сундучок из свинца наверняка имел огромную ценность, не стоило оставлять его без присмотра. Но когда до его цели становилось всего три шага, он вдруг встал, как молнией пораженный. Над поляной бесшумно двигалась фигура в черном балахоне с надвинутым на глаза капюшоном.

Неизвестный легко снял с седла довольно увесистый сундучок и повернул голову к монаху. Андреас еле сдержался, чтобы не закричать. Под капюшоном не было ничего, ни лица, ни глаз, только пустота. Не было видно и рук, державших злосчастную находку.

Таинственный невидимка быстро удалялся в лесную чащу, оставляя на снегу обычные человеческие следы. Губы сами зашептали молитву, поскорее бы убраться из этой непонятой страны, где на каждом шагу чудеса и тайны, в лесах водятся невиданные звери, и чуть ли не в каждой деревне наткнешься на вампира или оборотня, причем с крестом на шее, что уже совсем ни в какие ворота не лезет!

Над темными верхушками деревьев в в посветлевшем небе появилось неяркое зимнее солнце. На забрызганном кровью снегу вокруг черного пятна пожарища лежали убитые, пытались подняться раненые, бесцельно бродили непривязанные лошади. Уцелевших монахов-лазутчиков надежно связали.

— Эй, а где же Рюг? — дрогнувшим голосом воскликнул Важек. Римар обвел взглядом всех бойцов их небольшого отряда, тоже поредевшего после схватки. Рюга среди них не было, как впрочем и Стефана, и отчаянного лесного охотника.

— Неужели и он тоже... — закончить он не решился. Яромир сердито крикнул ему:

— Нет, только не говори ничего! — как будто слова могли изменить участь их друга. Они разбрелись по поляне, но каждый боялся первым увидеть то, о чем не решался сказать вслух.

Рядом с обгоревшими останками «Дикого кота» Яр наткнулся на Иоганна. Старый солдат стоял на коленях, опустил голову и опираясь на меч. Совершенно белые волосы были забрызганы кровью, в широкой спине торчала пара стрел. Снег под ним окрасился алым. Неподалеку лежал последний противник бывшего наемника, а чуть правее остекленевшими глазами удивленно смотрела его голова. Яр осторожно нагнулся к нему, боясь увидеть, что тот, кто под Люблином не один раз спас ему жизнь, мертв, но крестный Рюга вдруг поднял голову и попытался подняться. Яромир и подбежавшие Марек с Бориславом бросились ему на помощь.

— Стрелы надо скорее вытащить! — Борислав уверенно схватился за одну.

— Ну, дядюшка Иоганн, терпите! — он безжалостно, одну за другой, просто выдрал обе стрелы из каленого железа с серебрянными наконечниками. Крови уже не было, третью стрелу из ноги Иоганн Кранц вытащил сам и, выпрямившись, попытался сделать шаг, но нога не слушалась. Проклиная свое бессилие, он жутко выругался, чего раньше за ним не водилось. Он всегда отличался завидной сдержанностью и редко позволял гневу или возмущению вырываться наружу.

Рюгу было холодно. Леденящий холод пронзал его острыми иглами и почти добрался до

сердца. Он подумал, что вероятно уже умер и не торопился открывать глаза, боясь подтвердить свою догадку и увидеть что-нибудь совсем уж страшное. Римар и Важек нашли его лежащим лицом вниз рядом с трупом инквизитора. Их друг был не теплее снега, на котором лежал, на посеревшем лице застыло удивленно-обиженное выражение.

Римар присел рядом и принялся трясти его за плечи, плохо соображая, что делает.

— Нашел время валяться без чувств, хватит притворяться! — слезы мешали ему говорить. Ва-

жек уже хотел остановить его, но пальцы вампира вдруг с ужасной силой сжали руку Римара. Рюдигер неожиданно открыл глаза и обвел друзей каким-то пустым бессмысленным взглядом. Со стороны это выглядело жутковато, но парни радостно завопили:

— Ага, очухался наконец, — и кинулись обнимать беднягу.

Его просто трясло от холода, клыки выбивали барабанную дробь, но сообразив, что он на этом свете и рядом друзья, Рюдигер неуверенно улыбнулся. Опираясь на руки друзей, он встал и с трудом сделал несколько шагов. Голова кружилась, в ушах шумело, но все же он был жив, да и ребята тоже. С облегчением он увидел высокую фигуру своего крестного, но вдруг вспомнил про Стефана, которого знал с детства, и ему стало горько. Хорошие вести он привезет домой на Рождество. Между тем ребята тормозили и обнимали его, бурно выражая свою радость.

— Ты напугал нас, надо же было так удачно покойником прикинуться, но теперь ты вроде

Выглядишь получше. Сам идти сможешь? — спросил Важек.

— Смогу, только очень холодно, и ты странно пахнешь... — он в упор уставился на запекшуюся кровь на изорванном рукаве друга. — Понятно, тебя ранили.

— Да тут всех ранили и не один раз, но у людей раны от серебра напротив заживают быстрее, — беззаботно заявил Важек. — Надо подумать, что с тобой делать.

Подошедший к ним Марек с удивлением взглянул на них, потом неуверенно сказал:

— Вы бы с ним поосторожнее... Он все-таки не человек и потерял много крови, а вы к нему только что целоваться не лезете!

Римар смутился:

— Ну да, Рюг ранен, его перевязать надо и оставить в покое, ну еще костер развести.

Марек потерял терпение и деликатность:

— Да ему кровь нужна и лучше свежая, а от вас ей за сто шагов несет, он может и не сдержаться, неужели непонятно!

Несмотря на слабость и бьющую его дрожь, Рюдигер воспротивился такому заявлению:

— Ох, Марек, мало тебе в детстве от меня досталось! Мы все-таки люди, чтобы там про нас не сочиняли всякие ненормальные, которые из зубов четки делают.

— Ладно, про детство мы с тобой потом поговорим, если они такие храбрые и глупые, то пусть за тобой присмотрят, перевяжут, костер разведут, а мы с братом на охоту, и Терна прихватим, тут похоже лоси есть.

Дохрамавший до них с помощью Яра Иоганн окликнул оборотня:

— Коней не трогать, а то меня на себе до самого дома потащишь!

Охотнички слегка смутились:

— Да мы и не думали вовсе, — и поспешили скрыться среди заснеженных елей.

Их не было казалось целую вечность. Женщины тихо, но непрерывно ревели, пленники сидели тихо, боясь лишней раз напомнить о себе. Рюдигер пару раз терял сознание к ужасу

державшего его за руку Римара, проваливаясь в черную ледяную пропасть, Иоганна начала бить сильная дрожь, он придвинулся поближе к огню. Недалеко от костра лежали Стефан, Стерх и хозяин «Дикого кота», не простивший вероломным постояльцам поджога и решивший отплатить им за это с мечом в руках.

Наконец из леса появились охотники. Втроем они волоком притащили взрослого лося, причем бедный сохатый был еще жив. Терн со знанием дела перерезал горло несчастному животному, раненых тут же напоили еще теплой кровью. Связанные готхеймцы глядели на все это с ужасом, но были рады, что из них не собираются сделать ни завтрак, ни лекарство. Между тем с лося уже сняли шкуру и разделали, над костром на самодельном вертеле уже шипели, дразня запахом, хорошие куски мяса.

Яр посмотрел на Рюга и с облегчением заметил, что кажется жуткое лечение пошло тому на пользу. Он больше не жаловался на смертельный холод, на щеках появился румянец, он почти с прежней силой обнимал друзей, возбужденно выражая им свою признательность, случайно его взгляд упал на убитых, и он резко замолчал, в глазах заблестели слезы. Иоганн похлопал его по плечу:

— Идет война, а на войне, как известно, убивают, причем не самых худших! Привыкнешь потихоньку! — сам он перестал стучать зубами от холода, но чувствовал себя неважно. Наспех перевязанные раны причиняли боль при каждом неловком движении и обещали заживать долго.

Погибших похоронили на местном кладбище, далеко от дома. Их товарищи с остервенением вгрызались лопатами в мерзлую землю, пытаясь загладить горькое чувство утраты и стыда от того, что они живы, а друзьям не повезло. Рюдигер с тоской подумал, что не сможет взглянуть в глаза жене Стефана, у них же сын совсем недавно родился. По лесному охотнику горько заплачет хорошенькая хохотушка с русой косой, впрочем поплакав и повздыхав месяц, другой, она забудет беднягу, и кто-нибудь другой займет место в ее сердечке. Готхеймских шпионов сдали властям, и остаток пути прошел без приключений.

Домашние радости

Лиза почти привыкла к отсутствию мужа. Молодой женщине казалось, что он унес с собой какую-то частичку ее души, как раз ту, которая могла беспечно смеяться и радоваться каждому дню. Внешне она была приветливой и сдержанно-спокойной, она даже улыбалась, но у тех, кто хорошо знал ее, от этой улыбки чуть слезы не наворачивались. Катерина не раз уговаривала дочку поплакать, дескать поревешь, и сразу на сердце полегчает, но плакать Лиза тоже разучилась.

Впрочем, немало времени отнимали хозяйственные заботы, и подрастающие на глазах дети, которые становились все больше похожими на отца. Александр болтал уже довольно понятно, и часто задавал вполне осмысленные вопросы про то, что делает папа на войне, и скоро ли он приедет к ним, не понимая, что своим невинным любопытством причиняет боль матери. В довершение всего Ульрика при этом бросала игрушки и тут же подбегала к ним, вопросительно поднимая на мать синие, точно такие же, как у Рюдигера, глаза. Лиза вздыхала, и обнимая их, повторяла, что он приедет, обязательно приедет, надо только ждать и молиться Богу, и все будет, как раньше...

Несколько раз она получала от него письма, но они были короткими и преувеличенно бодрыми, он старался, чтобы на бумагу не проскользнуло ни капли того кровавого беспощадного ужаса, который окружал их. Еще на целый лист шли коротенькие приветы родным и близким от его отряда, в котором многие не умели ни писать, ни читать.

Тетушка Крина тоже получила пару писем, разбирая корявый почерк своего мужа, она то хмурила брови, то краснела, как девчонка. Затем убрала листок в карман передника и загадочно улыбнулась каким-то своим мыслям. Видимо Иоганн прекрасно понимал, что своим внезапным отъездом он здорово обидел жену и теперь старался как-то загладить свою вину хотя бы в письмах.

Старший барон воевал на севере, на границе с Фрисландией, иногда от него приходили письма, такие же преувеличенно веселые, как и от сына. Верный своему неунывающему характеру, Лотар старался представить войну веселой прогулкой, но его жене за шутками и забавными историями виделись жестокие бои, в которых он наверное не один раз уже был ранен, холодные казармы, никудышная еда. И их мальчику приходится терпеть тоже самое, и так же приукрашивать все в письмах. Мария каждый раз заканчивала это чтение слезами, и Анне приходилось долго ее успокаивать.

Сама девушка теперь тоже с нетерпением ждала вестей не только от родных, но и от своего случайного златоградского знакомого. Перед расставанием юноша признался ей в своих чувствах и надеялся, что когда все закончится, она согласится стать его женой. Они вместе с другом также попали на фрисландскую границу, и у парня были все шансы познакомиться с отцом Анны лично.

Лиза неожиданно для себя сблизилась со свекровью. Она подолгу гостила в замке фон Шлотерштайн вместе с детьми, и вела с Марией долгие беседы, о ужас, сидя за рукоделием. Исколов в кровь все пальцы, она с каким-то остервенелым отчаянием вышивала гладью на шелке алые розы. Марию это занятие несколько не утомляло, она находила его вполне

естественным для знатной дамы, ждущей своего рыцаря, и не догадывалась, какой пыткой было это для ее невестки. Лиза же, решив, что жизнь все равно теперь ее не радует, наказывала себя вполне осознанно. Но сделав последний стежок, она перекусила крепкими зубами алую нитку и подумала, что вряд ли повторит этот подвиг. Тепло простившись со свекровью и обняв загрузившую Анну, которой было ужасно скучно в опустевшем замке, она решила навестить родителей.

Хотя Темнолесье было далеко от западных границ, жители которых почувствовали все ужасы войны на своей шкуре, но и здесь тоже ощущалось ее дыхание. Все вокруг было проникнуто тревожным ожиданием. К вечеру улицы быстро пустели, двери и ставни наглухо запирались, люди стали замкнуты и неприветливы. Все старались сделать припасы на черный день. Несмотря на приближающее Рождество, мало кто заботился о нарядах и подарках. Для купцов и мелких торговцев настали плохие времена.

Отец Лизы тоже терпел немалые убытки. Он здорово потратился, вложив деньги в большую партию товара, и очень надеялся на предпраздничную неделю, но как назло покупателей было ничтожно мало. Ян как раз собирался в торговые ряды, чтобы закрыть лавку и отпустить домой приказчика, когда у дома остановилась карета с гербом фон Шлотерштайнов, и оттуда выбралась его дочь с закутанными в меха маленькими проказниками и их нянькой, молоденькой вампиршей, на редкость красивой, но всегда мрачной и не улыбочивой. Впрочем с детьми она преображалась и иногда смеялась и дурачилась не хуже своих подопечных.

Лиза кинулась обнимать отца, хотя они виделись совсем недавно, он расцеловал ее в горящие на морозе щеки, подхватил довольно визжащих малышей на руки и вернулся в дом. Встревоженная Катерина выглянула из гостиной:

— Ты зачем вернулся, пути не будет!-

— Да ты посмотри только, какие к нам гости! — его жена ахнула, и присев на корточки, стала раздевать внуков.

За ее спиной стоял хитро улыбающийся Антон. Лиза подумала, что теперь эту компанию не уложишь спать до полуночи и подхватила братишку на руки.

— Да ты уже совсем большой парень! Скоро догонишь Алекса, мама, чем вы его только кормите?

— Да уж не тем, чем ты своих, — пробурчал себе под нос Ян, но Лиза сделала вид, что не слышала, и поинтересовалась:

— Папа, а ты куда под вечер собрался, может и я с тобой прогуляюсь?

Яну стало стыдно за свои слова, и он ухватился за это предложение, несмотря на удивленный взгляд Катерины.

Вскоре они уже направлялись по вечерним улочкам городка на главную площадь, где находились торговые ряды. Отец и дочь разговаривали о разных незначительных вещах, вспоминали общих знакомых и забавные случаи из прошлого. Купец с беспокойством заметил, что глаза его девочки остаются серьезными, даже когда она громко хохочет над его шутками. Впрочем, внешне она выглядела вполне благополучно, статная красавица в беличьей шубке и маленькой шапочке из такого же меха. В ушах поблескивали золотые серьги с голубыми камушками, барон фон Шлотерштайн явно не скупился на наряды и украшения для жены.

Но в том, что у нее такие грустные глаза, был виноват только он, пусть только попробует не вернуться с войны! Этот сопливый кровосос обязательно должен вернуться живым и здоровым, иначе... Тут Ян Кречет остановился и от досады плюнул себе под ноги. Иначе что? Не может быть никаких иначе! Чтобы Лиза снова стала сама собой, приходится ему каждое утро поминать в молитвах и ее мужа, хотя он бы ему с удовольствием пожелал на осиноый кол сесть. Это Катерина в зяте души не чаает! Всегда обнимет, расцелует, усадит за стол, он же на еду набрасывается, как будто месяц постился. И внуки уродились такие же, вечно голодные, одно слово, нелюди!

Прошло уже почти четыре года с той поры, как его дочка вышла замуж, но Ян до сих пор не мог смириться с тем, что что ее дети слишком уж похожи на своего отца. Уже в шесть месяцев у них появился полный набор зубов, включая клыки. На завтрак им положено пить кровь с молоком, а от манной каши они нос воротят. Хуже всего было то, что он сам дал на этот брак свое отцовское благословение.

Под эти странные размышления купец не заметил, как они дошли до лавки. Торговые ряды представляли собой множество примыкающих друг к другу невысоких одноэтажных строений, расположившихся по обе стороны главной площади городка. Раньше здесь царил оживление до позднего вечера, особенно в эту немного сказочную предпраздничную неделю. Жители Темнолесья, не слишком торопясь, ходили из одной лавочки в другую, превратив покупки на Рождество в растянутое удовольствие. Теперь, несмотря на то, что еще не стемнело, двери многих лавок были закрыты.

Молоденький приказчик с почтением встретил хозяина, с любопытством поглядывая на красивую даму рядом с ним. Ян коротко спросил его о том, как прошел день, проверил записи в книгах и пересчитал деньги. Пора было закрывать лавку, но вдруг тревожно звякнул колокольчик на двери, и на пороге появились двое. Резко захлопнулась испуганно скрипнувшая дверь, купец с удивлением обернулся к поздним посетителям:

— Господа что-то хотели купить? Унас лучший выбор в городе!

Но один из вошедших резко перебил его:

— Чтобы покупать, нужны деньги, и от них мы как раз не откажемся! Ну-ка, господин купец, несите их сюда, если еще хотите пожить на свете!

Ян чуть не задохнулся от возмущения, взглянув на двух крепких молодцев в потертых кафтанах. Первый нагло ухмылялся щербатым ртом, второй с перебитым носом накрыл ладонью рукоять большого ножа, висевшего на поясе.

— Вы не похожи на немощных калек, такие сильные парни вполне могут заработать на кусок хлеба!

— Да где ее найдешь сейчас, работу! Везде от ворот поворот, да и не привыкли мы, честно говоря, работать, если Бог нас силой не обидел! — бандит вынул нож и подошел к Лизе.

— Снимайте-ка свое золотишко, госпожа баронесса, не упрямытесь! Муженька вашего все равно сейчас нет в городе, для проклятых нелюдей война не хуже праздника, уж чего-чего, а кровушки там в достатке!

Лиза, до этого с недоумением наблюдавшая эту сцену, словно очнулась ото сна и изумленно взглянула на негодяя, которому пришла в голову подобная чушь. У ее отца сердце замерло от ужаса, когда он увидел, что дочери угрожают ножом. В это время тихонько хлопнула дверь, это незаметно ускользнул перепуганный до полусмерти приказчик.

Молодая женщина схватила лежавшую на прилавке толстую конторскую книгу и с

неженской силой резко ударила грабителя по руке. От неожиданности тот выронил нож и тут же застонал от боли. Острый точеный каблук больно впечатался ему между ног.

— Так значит ты не любишь праздники, пусть на войне другие жизнью рискуют, а тебе больше по душе честных людей грабить! — съязвила Лиза. Не давая негодю опомниться, она ударила его в лицо правой рукой, на которой блестело кольцо с голубым камнем, сломав в очередной раз многострадальный нос.

Ее отец, пораженный действиями дочери не меньше, чем дерзким ограблением, все же не растерялся. Легко приподняв стоявший в углу тяжелый сверток сукна, он опустил его на голову второго бандита. От сильного удара в воздух поднялось целое облако пыли, грабитель слегка пошатнулся и рухнул на пол. Не мешкая, Ян огрел по голове и Лизиного противника, который все еще держался за разбитый нос.

В ту же самую минуту в лавку вбежали солдаты городской стражи, приведенные взволнованным приказчиком. Они удивленно разглядывали лежавших на полу грабителей, хмурого хозяина лавки со штукой сукна в сильных руках и безудержно чихающую от поднявшейся пыли нарядную, но немного растрепанную даму.

Когда связанных негодяев увели, Лиза наконец перестала чихать и обратилась к отцу:

— Ну вот видишь, я все-таки не зря с тобой напросилась!

Как ни странно, ее настроение значительно улучшилось после этого приключения, глаза повеселели, из них почти исчезла затаенная печаль. Обрадованный этим, купец все же осторожно поинтересовался:

— Кто же тебя так ловко драться научил?

— Крестный Рюга, дядюшка Иоганн, мы еще детьми были, он говорил, что это всегда в жизни пригодится.

— И надо сказать, он не ошибся. Знаешь, я до сих пор не был уверен, что поступил правильно, разрешив тебе выйти замуж за вампира, но теперь вижу, что вы с ним удивительно друг другу подходите!

— Ну наконец ты это понял, — дочь подхватила его под руку и чуть не бегом потащила к дому.

На следующий день в дом Яна Кречета явился капитан городской стражи с благодарностью от бургомистра за поимку опасных преступников, которые прославились дерзкими ограблениями по всему городу. Стражник с недоумением изучал исподтишка молодую красивую женщину, державшую на руках хорошенькую малышку с темными кудряшками. Неужели это она так разукрасила одного из грабителей, надо сказать, здорового мужика! Девочка у нее на руках неожиданно закапризничала, готовясь зареветь и показывая маленькие, но острые нечеловеческие зубки, и любопытство капитана пропало само собой.

Наполненный предпраздничными хлопотами и детскими проказами день пролетел быстро. Но под вечер в сердце снова незаметно пробралась тревога. Слегка охрипнув от огромного количества сказок и колыбельных, которые пришлось рассказать и спеть, чтобы её сын и дочь наконец уснули, Лиза и сама собралась в кровать. Но подумав о том, что придется опять засыпать в пустой постели, она чуть не разревелась. И Рождество придется встречать без него! Правда, Клодия приехала к родителям на праздники и обещала завтра зайти в гости. Но прежде, чем наступит завтра, придется еще пережить ночь, черную, словно бездонный колодец, доверху наполненную тоскливыми мыслями и кошмарными снами.

Лиза упала на колени перед иконой и принялась горячо молиться:

— Пресвятая Богородица, женская Заступница, пошли мне терпения, чтобы вынести разлуку, пошли мне смирения, чтобы не проклинать свою долю!

Пригляди за моим любимым, пошли ему Ангела-хранителя, сохрани его живым и здоровым, — закончила почти шепотом, — и пожалуйста, помоги нам свидеться! Пусть война закончится, и он вернется!

Сзади послышались легкие, почти бесшумные шаги. Обернувшись, Лиза увидела Лану в ночной сорочке с накинутой на плечи теплой шалью.

— Что же тебе не спится, завтра во весь рот зевать будешь, — улыбнулась она дикарке. Та серьезно спросила, показав на икону:

— А это сильная богиня, которую ты просила защитить мужа?

Лиза ответила ей также серьезно:

— Очень сильная, она всегда помогает, если молишься искренне, и помыслы твои чистые!

Лана вздохнула:

— Однажды я просила богов так сильно, как никогда в жизни! Но они не услышали меня.

Девушка закуталась в шаль, словно стараясь так защититься от горьких воспоминаний. Лиза привлекла ее к себе и погладила по голове, как ребенка.

— Расскажи мне, если хочешь, или поплачь. Тебе будет полегче.

Лана глубоко вздохнула:

— Это было не так давно, прошлой зимой. Мы жили тогда высоко в горах. Зима была холодная, был голод, многие умерли, особенно дети и старики. Моя мать совсем ослабла от голода, она старалась каждый лишний кусок отдать нам с братом. Однажды она пошла в лес за хворостом и не вернулась. Замерзла насмерть.

Той зимой на нас часто нападали Россомахи. Они охотились на соседние племена, как на зверей. Мы были их добычей, их едой, понимаешь? — голос девушки сорвался, глаза наполнились слезами.

Лиза обняла ее за плечи:

— Если тяжело вспоминать, то не рассказывай.

Но дикарка продолжила:

— Нам с Арном было всего пятнадцать зим, но мы уже умели держать в руках оружие. Брата уже называли охотником. Россомахи напали ночью, наши воины хорошо сражались, но мы были слабы от голода, к тому же врагов было больше. Он был еще жив, когда они забрали его. Я до утра стояла на коленях в святилище, прося грозных богов пощадить моего брата. Ведь мы вместе родились и всегда были вместе. Никто не захотел выручать захваченных в плен. Что толку спасать мертвецов. Я пошла одна.

С частокола, окружавшего деревню канибалов, на Лану смотрело почти ее лицо. Они с братом были здорово похожи, из вечного соперничества она старалась и одеваться также, как он. Их почти невозможно было различить, только в последнее время Арн резко вырос, стал выше сестры почти на голову. Теперь эта голова была всем, что осталось от её веселого и отчаянного братишки. В застывших голубых глазах была только ненависть, губы раздвинула страшная улыбка, обнажившая клыки. На других, еще не обклеванных птицами, страшных трофеях застыло выражение ужаса, но девушка могла поклясться, что Арн не попросил своих мучителей о пощаде.

Кругом было подозрительно тихо. После кровавой ночи Россомахи похоже даже не позаботились об охране. Опустив голову брата в сумку из шкур, висевшую на плече, девушка поспешила назад в лес. Когда отчаянно колотившееся сердце немного успокоилось, и она решила, что все позади, за спиной вдруг послышались голоса, треск ломающих веток, скрип снега. Ее стремительно догоняли, трое дикарей с отвратительно размалеванными лицами, одетые в шкуры.

Подумав о том, что будет, если они все же догонят ее, Лана понеслась по глубокому снегу еще быстрее. Россомахи учуяли ее запах, и поняв, что беглец — женщина, прибавили ходу. Добежав до большой сосны, она вдруг остановилась и развернулась лицом к врагам. Они на мгновение остановились, удивленные ее неожиданным поступком.

— Я вам не добыча, не зверь, которого загоняют! Попробуйте-ка это, твари! — выкрикнула она, достав висевший за спиной отцовский лук. Лежавший без памяти Крон, раненый прошлой ночью, не заметил его пропажи. Оскалившись в жутких улыбках, они приближались, отрезая ей пути к отступлению. «Хорошо, что они так близко, попасть проще!»-со странным спокойствием подумала Лана и выпустила первую стрелу.

— Мне повезло, трое остались лежать на снегу. Когда я добралась до своих, на меня смотрели, как на вернувшуюся с того света, за спиной шептали, что я сошла с ума от горя. Тогда я крикнула, что это они сошли с ума, раз позволяют этим зверям убивать себя, что они стали трусливее зайцев, что они ведут себя, как рабы, а не как свободные воины и охотники. Я подняла голову Арна и поклялась отомстить за него. Никто не посмел возразить мне. Все стояли молча, опустив глаза...

Когда на следующую ночь Россомахи вернулись, чтобы проучить нас, то встретили жестокий отпор. Почти всех нападавших перебили и выбросили за ограду деревни, как падаль. Я видела, как они забирали своих мертвецов, наверное, чтобы сожрать...

После этого они не решались нападать на нас в открытую, я же стала охотником, заняв место брата. Я не хотела быть просто женщиной.

Лана с вызовом взглянула на Лизу, как будто та возражала ей. Но она только грустно улыбнулась:

— Ну не так уж плохо быть женщиной...

Но дикарка сердито возразила:

— Нет, плохо. Женщина думает сердцем, она боится потерять тех, кого любит. А я потеряла почти всех, кого любила...

Лиза осторожно взяла ее за руку:

— Не надо бояться любви, если она придет. И тебе надо быть помягче с твоим отцом, вы с ним самые близкие друг для друга, а ему с племянником проще, чем с родной дочерью.

Помолись Пречистой Деве, и все встанет на свои места.

Лана с некоторым испугом взглянула на икону:

— Но ведь у меня нету такого амулета, — она показала на крестик у Лизы на шее, — и я не знаю, как надо...

— Главное, чтобы твои помыслы и желания были чистыми, намерения добрыми, Пречистая Дева услышит тебя и не откажет в помощи! А лучше и понятнее тебе отец Григорий объяснит, если захочешь.

Она мягко подтолкнула девушку, та встала на колени по ее примеру и что-то горячо зашептала. Лиза подошла к окну и, отодвинув занавеску, взгляделась в темноту. Сквозь отверстие в ставнях хорошо было видно крыльцо, засыпанное снегом и ведущую к нему

дорожку, белеющую в лунном свете. На ней чернели чьи-то тени и слабо доносились обрывки разговора. Кому это не спится далеко за полночь, все честные горожане давно дома, за надежными засовами и замками, за наглухо закрытыми ставнями.

Лиза поманила к себе Лану, приглашая взглянуть на это. Внезапно в двери раздался громкий стук, вскоре он повторился, в доме все пришло в движение. К дверям прибежали заспанная служанка почему то с кочергой в руках, ее отец, прихвативший с собой топор. По коридору зашлепали босые ножки детей, которых пыталась призвать к порядку растрепанная и испуганная Катерина. Лиза сняла со стены шпагу, подарок Лотара Яну на день рождения, а Лана, сбегав на кухню, вооружилась разделочным ножом.

Отец Лизы после неудачного ограбления был настроен крайне решительно и грозно спросил незваных гостей, что они забыли в час ночи у него под окнами.

— Господин Кречет, это я Рюдигер, муж вашей дочери, откройте пожалуйста, тут очень холодно! — жалобно донеслось из-за двери. Катерина, рассерженная переполохом среди ночи, строго заявила:

— Шли бы вы отсюда, пока целы, бездельники! Мой зять на границе сражается, пока вы честным людям спать не даете!

За дверью вдруг раздался дружный смех, и кто-то другой воскликнул:

— А ты говорил, что теща тебя любит, как родного!-

— Но, матушка Катерина, это же действительно я, — говоривший был явно растерян и удивлен таким приемом.

Лиза прислушалась, затем быстро сняла тяжелый засов с двери и выглянула в щелку, вскочила в первые попавшиеся под ноги валенки и бросилась на шею к стоящему на крыльце мужу. Он поднял ее на руки и быстро внес в дом:

— Ты что раздетая вылетела, замерзнешь, — и замолчал, не в силах отвести глаз от любимого заплаканного лица. Затем опомнился:

— Мы бы и не стали ломиться посреди ночи, но крестный не оправился еще от ран, и потом

Я как чувствовал, что ты здесь.

Лиза порывисто обняла старого солдата:

— Дядюшка Иоганн, вы ранены! Но ваша жена вас быстро на ноги поставит, будьте уверены!

— Если не пришибет чем-нибудь тяжелым при встрече, — усмехнулся он, — она наверное до сих пор на меня сердита!

Дверь приоткрылась, и в нее просунулась лохматая голова Марека:

— Ну раз вас все-таки впустили и признали за своих, то мы поедем! Страсть, как домой охота!

Ян удивленно посмотрел на оборотня:

— Да куда же вы ночью в такой мороз? Обогрейтесь, поешьте, утром отправляйтесь с Богом!

Но парень широко улыбнулся:

— Нам что ночь, что день, нет большой разницы, а дом почти рядом! Так что спасибо за приглашение, но мы в Кулички!

Катерина расцеловала зятя в холодные от мороза щеки:

— Сынок, ты уж прости меня, не признала сразу! — и отправилась хлопотать на кухню.

Отец Лизы крепко сжал Рюга в медвежьих объятиях:

— Ну теперь у дочки глаза повеселеют. Надолго домой?

— Только на праздники, если не раздавите сейчас, — смеясь, ответил Рюдигер.

Лиза только сейчас заметила плохо замытые пятна крови на его одежде, явно чужую шапку из волчьего меха на темных кудрях, осунувшееся лицо и усталые глаза. Она чуть не задохнулась от любви и жалости, но Рюг, присев на корточки, уже обнимал сына и дочь, шапка тут же переключалась на голову Антона. Ульрика дергала отца за волосы и звонко смеялась. Алекс неожиданно задал вопрос, тревоживший Лизу больше всего:

— Папа, а когда ты насовсем приедешь?

— Скоро сынок, совсем скоро, вот война закончится, и я больше никогда вас не оставлю!

Лиза ни на шаг не отходила от мужа, но Катерина и без ее помощи накрыла на стол, уверенно командуя служанкой и попавшейся ей на глаза Ланой. Ян не без гордости отметил, что его жена в любой ситуации может показать себя хорошей хозяйкой.

За столом к разочарованию Катерины Рюдигер, почти забыв про еду, не сводил глаз с любимой, едва ли не пронося ложку мимо рта. Это было так на него не похоже, что его теща не выдержала:

— Лизавета, ну-ка заставь мужа нормально есть, а то сквозь него уже стены просвечивают!

Лиза фыркнула от смеха и принялась подкладывать ему в тарелку разные вкусности, не забывая и об Иоганне, которому и в самом деле не здоровилось.

Слегка ссутулившийся, бледный, с резким профилем он напоминал нахохлившуюся хищную птицу. Он пытался держаться бодро, но его снова трясло, как в лихорадке, а от вида еды просто тошнило. Он с грустью подумал, что время, когда любые, даже самые опасные раны заживали не дольше, чем за одну ночь, прошло, теперь проклятое серебро еще гуляет в его крови, и возможно сведет его в могилу. Заметив, что он почти ничего не ест, несмотря на ее усилия, Лиза обеспокоенно показала на него Рюгу, и тот помог старику добраться до постели.

Постепенно всеобщее оживление прошло, и все засобирались спать. Детей во второй раз долго укладывать не пришлось, они закрыли глаза, едва коснувшись подушки. Вскоре во всем доме не спали только двое. Им хотелось рассказать друг другу слишком многое, но было страшно прерывать тишину зимней ночи, нарушаемую лишь тихим дыханием спящих малышей. Зато их руки и губы не хотели молчать, почти до рассвета они рассказывали друг другу о том, чем жили в разлуке, Лиза не погасила свечи, ей хотелось как следует рассмотреть мужа. Его стройная и в тоже время сильная фигура с бледной, совершенно нетронутой загаром кожей напоминала античную статую. Невозможно было отыскать на нем и следа от прежних ран, а сам он ни за что о них не расскажет. Вдруг ей привиделась седая прядь в черных волосах, но это был лишь отблеск свечи.

Прижимая к себе наяву ту, которая каждую ночь являлась к нему во сне, исчезая под утро как призрак, вдыхая сладкий запах ее волос, глядя в блестящие от слез глаза и в сотый раз целуя в такие манящие губы, Рюдигер был на седьмом небе от счастья. Неожиданно его сердце вздрогнуло от горькой мысли о грядущей разлуке. В окна уже проникал рассвет, разрушая волшебную сказку ночи. Они же проваливались в сладкий туман сна, крепко обнимая друг друга, словно боясь потерять.

На утро старому наемнику стало лучше, и он решительно засобираился домой. Рюдигер отправился вместе с ним, твердо настояв, что они поедут не верхом, а на сани. Однако, когда сани с ветерком влетели в Кулички, легко скользя мимо засыпанных снегом почти по самые окна изб, и остановились около его дома, Иоганн Кранц явно занервничал.

Его крестник, заметив это, удивленно сказал:

— Не понимаю я тебя дядюшка Иоганн! Никогда ты от опасности не бегал, сколько раз смотрел в лицо смерти, а родной жены, уж извини, просто боишься! Да она тебе слова худого не скажет, будь спокоен!

— Ох, если она разойдется, долго не остановишь, — вздохнул старик, — если ее ненароком обидишь, шумит, ругает, может и запустить чем-нибудь, только успевай уворачиваться, да ты же ее знаешь, а потом заплачет ни с того, ни с чего, горько так, и чувствуешь себя последним негодяем на всем белом свете! Как бы и сейчас сковородкой не встретила! — он с некоторым беспокойством посмотрел на покрытые морозными узорами окна их дома.

Рюдигер с трудом подавил желание рассмеяться, но все же сделал серьезный вид и посоветовал:

— А ты обними ее покрепче, поцелуй, когда рот занят, особо не раскричишься! Помогает, по себе знаю!

Он решительно поднял руку чтобы постучать в дверь, но она вдруг распахнулась сама, и из темного коридора, словно ураган, вылетела тетушка Крина. Бросившись к мужу, она повисла у него на шее, он еле удержался на ногах.

— Живой, слава Богу! — повторяла она сквозь слезы. Иоганн, удерживая ее на весу, погладил свободной рукой по волосам, заметно поседевшим за время его отсутствия:

— А я думал, что ты в меня чем-нибудь потяжелее запустишь! — но жена только счастливо всхлипнула и обняла его покрепче.

Рюдигер улыбнулся:

— Ну вот, все обошлось, я же говорил, что раненных героев не встречают сковородками!

— Рюдигер, малыш! — тетушка Крина повернулась к нему, и Рюгу тоже досталась своя порция нежностей.

— Пойдемте скорей в дом, что же мы стоим на морозе! Так значит тебя все же ранили, — она оценивающе посмотрела на мужа, который пытался шагать, не хромя, но ничего не получалось.

— Серебро? — строго спросила она, и Иоганн, вздохнув, подтвердил ее догадку.

— Ну ничего страшного, если ты до сих пор жив, то все можно поправить, через месяц, другой будешь бегом бегать! — уверенно заявила знахарка, и у Рюдигера polegчало на сердце от ее уверенности.

Наступил Сочельник. В замке фон Шлотерштайнов впервые за много дней было шумно и весело. Всех захватило сказочное ожидание праздника. Анна вместе с крутившимися вокруг нее детьми наряжала елку, пушистую стройную красавицу. От лесной гостьи умопомрачительно пахло хвоей и какой-то праздничной свежестью. Алекс с серьезным видом подавал ей яркие конфеты, завернутые в блестящую бумагу, яблоки и орехи, и маленькие колокольчики, украшенные красными бантиками.

Антон с Ульрикой с восторгом разглядывали красивые деревянные фигурки Марии и Иосифа, младенца Христа в колыбельке и по восточному ярких волхвов. Вертеп, стоящий на

маленьком резном столике, не на шутку привлекал их, и если бы не неусыпный надзор Ланы, они бы давно проверили его на прочность.

Мария ни на шаг не отходила от сына, когда он шагнул к ней навстречу, она чуть не потеряла сознание. Если раньше Рюдигер считал бы подобное внимание обидным и даже смешным, то теперь он терпеливо сносил все ее вздохи и поучения, и сам старался относиться к матери с повышенной нежностью и вниманием. Гордая баронесса сама предложила встретить Святой праздник вместе с родителями невестки. С поистине христианским смирением она настояла на присутствии Лизиной бабушки, а узнав, что Катерина ждет в гости сестру из Медвежьего Дола, с присущей ей горячностью воскликнула:
— О, я буду так рада видеть дорогую Иванну!

Наконец Антон и Ульрика завладели колокольчиками и принялись со звоном бегать вокруг елки. Анна вручила еще один Алексу, завязала себе глаза платком, впрочем оставив маленькую щелочку, и принялась ловить хохочущих проказников. В нежно-зеленом платье с распущенными черными кудрями девушка напоминала лесную фею. Следуя на звон колокольчика, она вдруг наткнулась на кого-то явно не маленького роста. Ее обхватили сильные руки, не давая снять повязку, сквозь маленькую щелку она могла разглядеть только мокрые от растаявшего снега сапоги, короткий полушубок из медвежьего меха с надетой под него кольчужой.

Она попыталась вырваться, одновременно сердито спрашивая, кто же посмел так с ней шутить, если он не отпустит ее сейчас же, то она за себя не ручается, и в подтверждение своих слов со всей силы наступила на сапог незнакомца. Ее немедленно отпустили, и сняв повязку, девушка с удивлением увидела своего златоградского знакомого, Дитриха фон Брауна. Смущенный своим неожиданно дерзким поступком, юноша растерянно опустил руки и еле слышно прошептал:

— С Рождеством! — , залившись краской по самые уши.

— Ну что, дочка, хороший я привез тебе подарочек! Домой он сейчас все равно не успеет, побудет с нами в праздник, а завтра уже в Медвежий Лог к родителям.

Анна повернулась на такой знакомый голос и увидела своего отца. Она бросилась к нему одновременно с Марией, наперебой обнимая и целуя. Удивленный переполохом, к ним спустился Рюдигер. Не сдерживая слез, они прижали друг друга к сердцу.

В полночь весь город собрался в церкви. Здесь было необыкновенно красиво и торжественно. Рюдигер с волнением рассматривал знакомые с детства фрески, с которых строго смотрели ангелы и святые. Торжественное пение, мягкий золотой свет свечей, иконы в богатых окладах, нарядные и серьезные горожане, все это тревожило его чуть ли не до слез, хотя он побывал здесь днем раньше, на исповеди.

Старый священник с радостью встретил молодого барона. Выслушав его взволнованную исповедь и отпустив грехи, отец Григорий еще долго расспрашивал его о войне, призывая беречь свою душу, стараться, чтобы слепая жажда убийства и крови не затопила разум, не вытеснила из души все остальные чувства. По мнению старого священника, давно живущего в Темнолесье и хорошо изучившего пьющих кровь и бегущих в ночи, было не слишком честно привлекать их к войне, играя на дремлющих в каждом из них кровавых инстинктах. Но власть имущие испокон веков считали иначе.

Рюдигер задал давно мучивший его вопрос:

— Святой отец, почему готхеймцы считают нас исчадием ада, настоящим злом? Ведь

это они вторглись на наши земли, и открыто говорят, что мы должны быть уничтожены? Где же справедливость?

— Что тебе ответить на это, сын мой? Они охвачены страшной гордыней, считая себя лучше других, и не менее страшной жадностью, заявив права на приграничные земли. Но Бог поставит их на место, и уж поверь, это место будет совсем не тем, на которое они рассчитывали.

Рюдигер фон Шлотерштайн сильно изменился в последнее время, взрослый сильный мужчина, успевший узнать, что такое война и смерть, почти ничем не напоминал изящного, почти по девически красивого юношу. Ну разве что ресницы остались такими же, неуместно длинными и пушистыми на строгом мужественном лице. Но видно он сумел сохранить в душе веру в добро и справедливость, остался таким же искренним и честным, каким был раньше. Отец Григорий подумал, что редко сейчас встретишь такого достойного человека или нечеловека? Слегка запутавшись в определениях, он устыдился своих мыслей, ведь все мы дети божьи, и все должны стараться быть настоящими людьми в своих делах и помыслах! Бог оценит чистое сердце и добрые дела, а на клыки или хвост и не посмотрит!

Выйдя из исповедальни, он подвел Рюга к стоящей у стены длинной деревянной скамье.

— Послушай, юноша, как ты смотришь на то, чтобы присесть? Я бы хотел рассказать тебе одну историю, тут в двух словах не уложишься. — усевшись поудобнее и не слушая возражений, усадив рядом молодого барона, священник начал рассказ.

— Как тебе наверное известно, славный король Максимилиан Первый почти триста лет назад возвратился из крестового похода, в котором он и наши рыцари показали себя на редкость достойно, поставив нашу маленькую страну в один ряд с могущественными державами. Из святой земли его Величество привез драгоценную реликвию, кубок, вырезанный из цельного изумруда святым отшельником и чудотворцем.

Этот предмет был сам по себе немалой драгоценностью, стоимостью не в одно состояние, но кроме этого, он обладал чудодейственными свойствами. Говорили, что обычная вода, налитая в этот кубок, могла исцелять любые болезни, но главным его достоинством было то, что своей силой он оберегал страну и трон ее властителя от всех напастей.

Даже в королевском дворце было трудно сохранить эту великую драгоценность невредимой, и король отдал ее на хранение твоему славному предку и кстати твоему тезке, Рюдигеру фон Шлотерштайну. Из поколения в поколения твоя семья хранила сокровище, секрет передавался из уст в уста, нередко перед последним вздохом. Отдать его можно было только посланцам короля, которые должны были назвать секретный пароль.

Но видимо тайна стала известна нашим врагам. Последним хранителем кубка был твой дед, Артур фон Шлотерштайн. Возможно, узнавшие тайный пароль, злоумышленники выманили его на встречу, где убили вместе с женой. До сих пор неизвестно, кто лишил их жизни. Зато появились сведения, что драгоценный талисман теперь в Готхейме...

Я слышал, что вместе с тобой вернулся Иоганн Кранц, он был серьезно ранен, но теперь его здоровье не внушает опасений. Надо сказать, в свое время твои родители удивили меня, выбрав этого отчаянного головореза тебе в крестные отцы.

Рюдигер, не сдержавшись, пылко возразил:

— Он был и остается самым лучшим крестным на свете!

— Не горячись по пустякам, я знаю, что ты всегда готов встать на защиту тех, кого любишь. К тому же ты прав, пусть он не самый примерный прихожанин, но по отношению к

тебе его не в чем упрекнуть. Вряд ли он бы возился с тобой больше, если бы ты был его родным сыном! Но речь совсем не об этом. Этот. — отец Григорий замешкался, пытаясь выбрать наиболее безобидное определение для того, кто в совершенстве овладел искусством убивать, и наконец остановился на наемнике, — бывший наемник хорошо знал твоего деда, был его другом.

Поговори с ним, он первый прискакал на место убийства и долго пытался сам разобраться, что к чему, но только все следы обрывались. Если Бог поможет, то к весне вы перейдете границу, и может быть, ты сможешь вернуть реликвию на ее законное место.

Пораженный услышанным, Рюдигер растерянно ответил:

— Я не могу ничего обещать, но если что-то станет мне известно...

Старый священник улыбнулся:

— Ну что ты, я вовсе не требую обещаний, на войне и без этого не просто. Но я почему-то уверен, что судьба кубка как-то связана с вашей семьей, и вернуть его сможет только один из вас.

Теперь же, начисто позабыв о семейных тайнах, он всем сердцем внимал торжественной службе, изредка поглядывая на красивые и строгие лица его жены и матери, и горевшее румянцем хорошенькое личико Анны, без конца обменивающейся улыбками со своим столь неожиданно появившимся поклонником.

За праздничным столом все вдруг ощутили себя одной семьей, несмотря что более разных родственников было трудно придумать. Рождественское угощение радовало своим изобилием и отвечало самым изысканным вкусам. Почетное место занимал молочный поросенок, зажаренный целиком, следом шли утка с яблоками, жареные карпы, свинина на ребрышках с кислой капустой, а также знаменитые на все Кулички домашние колбаски тетушки Крины, и не менее знаменитые пирожки бабки Насти с самой разнообразной начинкой, рождественское печенье тети Ивановны. Лиза внесла в меню некоторые изменения по собственному вкусу, добавив квашенную капусту, моченые яблоки и также широко известные своим качеством Настасьины соленые огурцы. Мария сама испекла хлеб с кровью, такой пекли на праздники у нее на родине. Она не раз пыталась научить этому Лизу, но упрямая невестка отшучивалась:

— Я все равно все испорчу, лучше Анну учите, у нее получится, я уверена.

В остальном все было совершенно обычным, по бокалам разлили подогретое красное вино с пряностями, и торжественно помолвившись, принялись за еду. Отвыкшие в казармах от хорошей домашней еды, голодные мужчины набросились на угощение, грозя в один миг опустошить весь праздничный стол. Женщины старались следовать хорошим манерам, ели аккуратно и неспешно, и только с веселым изумлением поглядывали на пустеющие тарелки.

Вскоре все кругом перемешалось, началась веселая праздничная неразбериха, с нижнего этажа, где был накрыт стол для слуг и охраны, уже доносились песни и громкий хохот.

Всеобщее внимание было приковано к Лотару. Старший барон, не жалея красок и импровизируя на ходу, рассказывал об отчаянной вылазке его отряда в тыл противника, попутно расхваливая смелость и умение сражаться Дитриха фон Брауна.

Рюдигер, с трудом успевая за поворотами отцовской фантазии, улыбнулся про себя. Рассказывать занимательные истории его отец умеет, но солдат он действительно хороший, и храбрости ему не занимать. На самом деле во время этой разведки боем все они чуть не погибли. Их отряд бросили в самое пекло, особо не беспокоясь, удастся ли им выбраться оттуда живыми. Однако они сумели вернуться из деревеньки, где в строгой тайне проходил

военный совет, почти без потерь. Несмотря на окружавшую вражеский штаб огромную армию, они еще взяли в плен одного из адъютантов главнокомандующего и заодно прихватили карту с планом военных действий.

Мария улыбалась и кивала, не вслушиваясь в слова. Она с гордостью смотрела на мужа и сына, одинаково высоких и сильных, красивых строгой мужской красотой, и старалась не думать о том, что вскоре они снова покинут ее.

Ян Кречет, разволновавшись от этой истории, и также от хорошего вина, проклинал фризов и готхеймцев, этих лицемерных святош, из-за которых у честных людей одни убытки. Если так пойдет дальше, горячился он, то каждый возьмется за оружие! При этих словах Лиза с испугом посмотрела на отца, но Лотар поймал ее взгляд и хитро подмигнул ей, мол будь спокойна, мы его никуда не пустим!

Взглянув на часы, Лизина мать принялась уговаривать Антона лечь спать, приговаривая, что все малыши уже давно в кроватках, вот и Уленька сейчас тоже пойдет спать, но Уленька только отрицательно качала хорошенькой головкой и звонко смеялась. Вздохнув, Катерина отступилась, подумав, что после тесного общения с племянниками ее сын совершенно перепутает день с ночью. Но тут Рюг пришел ей на помощь. С некоторым трудом выбравшись из-за стола после обильного ужина, он взял дочку на руки:

— Ну конечно моей принцессе давно пора спать, Алекс, и тебе тоже, пойдём.

В розовом платье, украшенном кружевами, Ульрика действительно была похожа на маленькую принцессу, и вероятно понимая это, гордо посматривала на мальчишек с высоты отцовских рук. Лиза взяла за руки сына и братишку:

— Мама, мы их уложим, ты не волнуйся.

Лизин отец с удовольствием подшучивал над Лотаром:

— Ну что, господин барон, дочка-то выросла, вот и ухажер уже появился. Скоро упадут тебе в ноги, дескать, папенька благослови, и поймешь тогда, как это непросто, отдать свою девочку какому-то чужому мальчишке!

Лотар огляделся вокруг и наконец увидел Анну и Дитриха, увлеченно беседующих друг с другом у окна в дальнем углу зала. Успокоенный, он повернулся к Яну:

— Если и так, я возражать не буду. Парень просто золото, честный, скромный, как девочка, зато в бою просто зверь. Медвежий дол недалеко, не на край света он ее увезет!

Иоганн провалялся пару дней в постели, покорно глотая какие-то горькие и, честно сказать, вонючие травяные отвары, смешанные с кровью, но теперь почти пришел в себя, раны заживали, лихорадка прошла, нога правда еще сильно болела, но зато к нему вернулся прежний аппетит, и он спешил наверстать упущенное за дни болезни. Услышав слова Лотара про Медвежий Лог, он все же оторвался от свиных ребрышек с кислой капустой и заметил:

— А дома у парнишки еще три брата, двое уже женатые, и на всех одна деревенька! Ну да ничего, в тесноте, как говорится, да не в обиде.

Лотар, как ни странно, воспринял это известие с радостью:

— Три брата, говоришь. Ну так я дам Анне в приданое Волчий Лог, и пусть живут с нами!

Мария будет только рада, да и я тоже, чего скрывать. — Вдруг он неожиданно помрачнел:

— Вот только сначала пусть война закончится, тогда можно будет и подумать обо всем. Ян не стал ничего возражать, а просто добавил вина всем в бокалы.

Когда уставшие от праздничной суеты и новых впечатлений дети наконец уснули,

Рюдигер тихонько погасил свечу и поманил жену за собой. Наспех одевшись, они каким-то хитрым потайным ходом выбрались на крепостную стену. Над головой у них были яркие зимние звезды, а перед ними светился окнами весь город. Никто не спал в сказочную рождественскую ночь. Обнявшись, они долго стояли молча, глядя на засыпанные снегом крыши домов и золотые огоньки окон, пока наконец холод не заставил поспешить их домой.

На следующий день их навестили Яр и Клодия, и все вместе отправились в Кулички.

Здесь уже пошло откровенное веселье. Напрочь забыв о приличиях, словно дети, они играли в снежки и валялись в снегу со старыми друзьями, съезжали на санках с крутой горки, и наконец устроили настоящую битву за снежную крепость, разделившись на два лагеря.

Защитники крепости, среди которых были Борислав и Марек, оборонялись с такой яростью, как будто их осаждала вражеская армия. Пребольно получивший в нос снежком

Рюдигер наконец осознал серьезность положения, и его команда ринулась на штурм. В два счета они смяли снежные укрепления, но их противники не хотели сдаваться без боя, веселая забава чуть было не превратилась в настоящую драку, но Анна, увязавшаяся с братом в Кулички, не обращая внимания на сыплющиеся со всех сторон снежки, воткнула в верхушку снежной башни самодельный флаг, звонко крикнув, что город взят и сопротивление бесполезно.

Вечером с удовольствием одаривали гостинцами ряженных, с улыбкой вспоминая смешные моменты из детства.

— Нет, Любава, ты только вспомни, как они с Васькой захотели обязательно быть ангелами! — хохотала Лиза, — как им бабушка-то заявила, что таких хвостатых и зубастых ангелочков она еще не видывала!

— Но ведь им этого показалось мало, нас они решили превратить в чертенят и сажей вымазали, меня матушка потом в семи водах отмыть не могла! Но зато в какую избу не зайдем, еще и колядки петь не начали, хозяева уже от смеха и сказать ничего не могут! — раздумывая Любава поправила выбившуюся из густой косы огненно-рыжую прядку.

— А кстати, где же Васька? Куда это он опять пропал, да еще на самое Рождество? — поинтересовался Рюг, — Без него и веселье только наполовину!

Любава быстро вытерла мокрые глаза:

— Там же, откуда ты явился, на войне. Когда ты уехал, он с неделю поворчал, что с собой ты не стал его брат, потом быстро собрался и поминай, как звали!

— Да как же ты справляешься со всем, с детьми, с хозяйством, с мельницей?

Любава спокойно ответила:

— Ну на то работники есть, я с ними пока справляюсь, слава Богу. И про мельницу я все, что надо, знаю, кто же Ваське все объяснил, да показал, как не я. Лишь бы только живой вернулся, а у меня будет все в порядке. — она сложила руки на пышной груди и строго посмотрела вокруг, но никто и не сомневался в ее способностях.

В последний день перед отъездом Рюдигер попытался расспросить Иоганна о подробностях гибели его деда. Они с Лизой сидели за столом, покрытым чистой льняной скатертью. Было тепло, уютно, немного пахло травами, развешанными по всей кухне, у ног вертелся весьма потрепанный жизнью черный кот по кличке Уголек. Его хитрая круглая

морда была покрыта шрамами, на голове недоставало одного уха. Лиза взяла его на руки, и он оглушающе замурлыкал. Хозяйка налила им по кружке какого-то удивительно полезного травяного чая, почему-то имеющего привкус сена, и вздохнув, присела напротив, рядом с мужем.

Крестный Рюга долго молчал, но никто, даже тетушка Крина, не торопил его. Наконец он заговорил:

— Мне не так легко об этом рассказывать. Ведь это единственный долг в моей жизни, который я не отдал! Я опоздал совсем немного...

Он стоял рядом с развалинами старого замка и растерянно смотрел на еще не успевшие остыть два мертвых тела. Его господин, вернее его друг, вместе с которым они побывали не в одной битве, был мертв. Рука еще сжимала тяжелый клинок с окровавленным лезвием, густая трава была притоптана чужими сапогами и окрашена кровью, кровью обычных людей. Артур фон Шлотерштайн пожалуй стоил трех себе подобных. Иоганн Кранц прошел с ним последнюю войну от начала до конца и знал ему цену, но оборвал его жизнь арбалетный болт. Стреляли чуть ли не в упор, с близкого расстояния. В потускневших синих глазах покойника остался бессильный гнев, и не в силах вынести этот взгляд, Иоганн закрыл ему глаза ладонью.

Обернувшись назад, он скрипнул зубами от сознания, что опоздал и уже ничем никому не поможет. Прислонившись к развалинам, почти как живая, сидела женщина. Она наклонила голову и длинные темные волосы закрывали лицо. Иоганн осторожно откинул их назад. К его облегчению глаза Изабеллы были закрыты, но под левой грудью чернело отверстие от удара стилетом, на алом шелке платья расплывалось темное пятно. Тонкие запястья были туго связаны, под веревками на нежной коже виднелись кровоподтеки. Мертвецов за свою жизнь он видел предостаточно, но такие уж на войне правила, или убьешь ты, или убьют тебя, там не было места жалости и состраданию.

Однако суровый наемник совершенно не выносил, когда при нем жестоко обращались с женщинами. Те из негодяев, которые имели несчастье попасться Иоганну Кранцу под горячую руку, долгое время даже глаза не осмеливались поднять ни на одну женщину, а некоторым из них это и вовсе теперь было не нужно... А сейчас кто-то убил Изабеллу прямо на глазах у мужа. Иоганн почти наяву ощутил ярость и бессильное отчаяние друга в последние мгновения жизни.

Веселая и задорная Изабелла казалась легкомысленной девчонкой, а никак не знатной дамой, хозяйкой настоящего замка и матерью почти взрослого сына. Она знала великое множество песен, грустных и веселых, на любой вкус, плясала не хуже любой танцовщицы, и умела предсказывать будущее на картах и по линиям на ладони. Иногда, чтобы развеять скуку, она охотно гадала женской половине замка, предсказывая только хорошее, и почти все ее предсказания сбывались.

Однажды вечером проходя через двор, он застал ее за таким гаданием. Выразив свое почтение госпоже баронессе, Иоганн хотел пройти мимо, но Изабелла, увидев мрачного неразговорчивого наемника, вдруг загорелась желанием раскинуть карты и для него. Под еле сдерживаемый смех молоденьких служанок она усадила его за низенький, для него почти детский стол, и сведя ровные темные брови, стала сосредоточенно раскладывать карты.

Удивленно уставившись на получившийся расклад, она решительно взяла его за руку и

еще больше нахмурилась. Иоганн равнодушно спросил, что она там увидела, пусть говорит, ему уже ничего не страшно. Изабелла подняла на него глаза удивленного ребенка:

— Если верить картам и линиям руки, то ты давно бы должен быть на том свете, если только кто-то не выкупил твою жизнь ценой своей.

— Нет, только не так. Господи, неужели это правда...но зачем. — только и смог выдавить потрясенный Иоганн.

Незаметно подошедший к ним Артур фон Шлотерштайн положил руку на плечо жены, и она схватилась за нее, ища у мужа поддержки. Баронесса оглянулась на мужа, он ласково улыбнулся ей, и она быстро заговорила, глядя на наемника с нежным состраданием:

— Линии слишком запутаны, ты совсем не ценишь свою жизнь, за которую так дорого заплачено, и слишком часто рискуешь. Но могу сказать, ты проживешь долго и умрешь в своей постели. — верная своей привычке приносить только хорошие вести, Изабелла быстро добавила, — и скоро встретишь ту, которая тебе предназначена!

На этот раз ее предсказание вызвало всеобщий смех, и громче всех смеялся сам Иоганн. Изабелла надула красивые губы, сердито бросив молоденьким служанкам:

— Вы ничего не понимаете в настоящих мужчинах, глупые курицы! А ты, солдат, скоро убедишься, что я права! — она резко встала, и даже не собрав карты, рассерженно поспешила прочь.

Но через неделю барон отправился по долгу службы в соседнюю провинцию, где уже второй месяц бесчинствовали банды опасных мятежников, по размерам не уступавшие небольшой армии. Иоганн поехал вместе с ним. Было жаркое засушливое лето, горели леса, горели деревни, подожженные мятежниками, часто их противниками были обычные крестьяне, вооруженные переделанными косами и ножами, а то и просто дубинами. Измученные последней войной и неурожаем люди охотно верили готхеймским шпионам и винили во всем короля. Запах крови мешался с дымом пожаров, королевских солдат ненавидели, в глаза называя убийцами и кровавыми псами. И среди этого кошмара Иоганн неожиданно встретил женщину, которую не захотел отпускать. Вернее, она не захотела. Красавице было уже за тридцать, когда-то в юности она была замужем за простым крестьянином. Но чума забрала у нее мужа, который был обычным человеком, и еще нерожденного ребенка. С тех пор она жила с семьей своего брата. Пережив чуму, она стала живо интересоваться лечением болезней и постепенно превратилась в настоящую знахарку.

Артур фон Шлотерштайн с удивлением уставился на своего товарища по оружию, обычно холодного и невозмутимого, который явился к нему с черноволосой вампиршей в крестьянской одежде и, волнуясь, заявил, что она поедет с ними. Барон усмехнулся:

— Пожалуй, я скоро поверю, что Изабелла действительно умеет гадать!

— А разве нет? — Иоганн кажется теперь в этом не сомневался.

— Да ведь что удивительного в том, что горничная выйдет замуж за конюха согласно ее предсказанию, это и так всем ясно, а вот например мне она гадать отказывается. Всегда смеется, говорит, что жить мы будем счастливо и умрем в один день, представляешь! Ну разве так гадают!

Но теперь было ясно, что она не ошиблась и в этом. Около полуразвалившейся стены белели пышные соцветия с резким запахом, неизвестно как пробившиеся сквозь заросли крапивы и репейника. Он сосредоточенно искал кругом хоть какие-то следы, оставленные убийцами. Обратив внимания на пышно разросшийся куст, он заметил под ним холодный блеск металла. Нагнувшись, он поднял с земли узкий стилет. На рукоятке было клеймо в

виде бегущего волка, знаменитый знак оружейников Золингена, но неплохо разбирающийся в оружии наемник сразу увидел, что это подделка. Больше ничего найти не удалось, но ведь они не могли уйти далеко, дорога здесь только одна. Дальше за деревней дремучие леса и болота, вряд ли они отправились туда. И в городе не станут задерживаться, но двое из них ранены, он еще сможет их догнать.

Вернувшись в деревню, он быстро собрал людей, приказав перевезти убитых в замок, а сам отправился в погоню. Вскоре он уже стоял на пороге постоянного двора, который был первым на выезде из города. Здесь было немало народу, но он безошибочно определил, кто ему нужен. В темном углу двое мужчин в потрепанной дорожной одежде торопливо ели, иногда тревожно оглядываясь по сторонам. Рука одного из них была наспех перевязана, и запах его крови подтвердил Иоганну, что он не ошибся. Присев за один из свободных столов, он стал наблюдать за ними. Заметив, что они уже собираются расплатиться, он быстро и незаметно вышел на улицу.

Покинув таверну, один из незнакомцев вдруг потерял из виду своего товарища. Только что он был здесь, и вдруг исчез, как сквозь землю провалился. Он позвал его, и тот ответил ему откуда-то из-за угла, приглашая подойти поближе. Завернув за угол, он действительно увидел своего приятеля, припиленного длинным ножом к деревянной стене. В горло ему уперлось острие невиданного меча со странным волнами изогнутым лезвием. Угрожавший мечом незнакомец показался ему настоящим монстром из-за высокого роста и острых вампирских клыков. Верзила еще раз ткнул его мечом и почти спокойно спросил:

— Почему вы убили барона фон Шлотерштайна, и у кого из вас, грязных скотов, поднялась рука на его жену? Я знаю, что ты был там, вся трава заляпана твоей вонючей кровью!

Разбойник понял, что надеяться на милосердие не стоит, и торопливо заговорил:

— Ох, я сразу почувствовал, что ничего хорошего нам эта работа не принесет. Ведь надо быть полным дураком, чтобы похитить женщину благородного происхождения, к тому же вампиршу, чей муж отмечен самим королем и почти полжизни провел на войне. Бросить ему вызов — чистое самоубийство!

— Но ты все же решился, — наемник слегка надавил на меч, и его собеседник сильнее вжался в стену таверны.

— Нам предложили столько, что отказаться было невозможно. Мы должны были только выкрасть баронессу, чтобы обменять ее на нечто, невероятно ценное. Но все пошло не по плану. Получив то, что хотели, они убили женщину....

— Кто они? — Иоганн начал терять остатки терпения.

— Те, кто нас нанял, их было трое. Они говорили со странным акцентом и почти никогда не называли друг друга по именам, только «брат мой», словно монахи.

Иоганн достал свободной рукой найденный у развалин стилет:

— Чья это вещь?

— Старшего из троих. У него светлые волосы и необычное кольцо с треугольным знаком. Послушай, я не знаю, сколько тебе заплатили, но я дам больше. Янека убил барон, бедняга Ганс наткнулся на твой нож, так что им золото ни к чему. Может договоримся как-нибудь?

Негодяй отчаянно торговался на пороге смерти, но Иоганн только пожал плечами:

— Я наемный солдат, а не наемный убийца. Ты помог лишить жизни моего друга и ни в чем неповинную женщину, что же, может палачу в королевской тюрьме ты расскажешь

побольше! Снимай ремень!

Разбойник непонимающе взглянул на вампира, но тот только поторопил его:

— Свяжу тебя, и отправимся в тюрьму.

Вдруг в придорожных кустах что-то зашумело, и разбойник тихо вскрикнул. В его руку немного повыше локтя вонзился стилет, точно такой же, какой нашел Иоганн у развалин.

Лицо негодяя вдруг посинело, он схватился за ворот рубахи, как будто ему стало нечем дышать. Похоже, стилет был отравлен.

— Вот черт! Они убрали всех свидетелей, Лангдорф, епископ из Лангдорфа... — его взгляд вдруг остановился, лицо исказила жуткая гримаса, он в последний раз дернулся и замер.

Ошарашенный случившимся наемник убрал меч, и мертвец сполз на землю. Иоганн бросился к кустам у дороги, но там уже никого не было.

— Вот и все, что мне известно. Лангдорф в Готхейме, недалеко от границы. Вернувшись домой, я надолго застрял в Темнолесье. Сначала похороны, потом с твоим отцом было немало хлопот. Да нет, я пытался что-то разузнать, тебе еще года не было. Да только еле ноги унес из этого Лангдорфа. Вампир в Готхейме — это настоящий смертник. Прошло почти двадцать пять лет. За это время многое изменилось.

Старый солдат опустил голову, ему было нелегко признаться, что он не отомстил за смерть друга. Рюдигер накрыл его руку своей ладонью:

— Я побываю в Лангдорфе, обещаю. Ведь мне известно, ради чего было совершено убийство!

На чужой земле

Катапульта, со свистом раскручивая до предела натянутые веревки, поднялась почти вертикально, обрушив на Рандебург тяжелый каменный снаряд. Следом за ним справа и слева на стены города упали еще два таких же монстра, превращая изящные башни и зубчатые стены в кучу каменных обломков и оставляя от неуспевших отбежать подалеже людей кровавое месиво. Защитники города на минуту содрогнулись от ужаса, но тут же ответили тучей стрел. На головы шустро карабкавшихся по лестницам алданских солдат полетели камни, и даже полилась смола. Некоторые из лестниц удалось опрокинуть, но часть из нападавших уже была наверху. Готхеймцы защищались с отчаянием обреченных, наслышанные о нелюдах в алданском войске, они решили ни за что не сдавать город.

Однако сейчас на стену первыми ворвались именно нелюди, которых традиционно бросали на самые опасные участки и поручали им почти безнадежные задачи. Воины на стене слегка дрогнули перед почти звериной яростью жителей Моравских гор, которые отчаянно бросались на врагов, не думая о их численном превосходстве и не замечая полученных ран.

Еще раз сработали осадные орудия. На этот раз управляющие ими солдаты метили чуть ниже, и справа от ворот в стене образовалась брешь. Еще не успела осесть пыль, как туда уже бросились алданские солдаты. Рандебург был уже фактически взят, но бой продолжался на улицах города. Въехавший через главные ворота с отрядом личной охраны генерал Валенберг быстро понял, что если не остановит своих солдат, то от богатого города ничего не останется. Кроме того, в соседних странах еще долго будут твердить о кровавом беспределе, который устроила алданская армия в первом же взятом городе.

Яромир со своим отрядом ворвался в город одним из первых. Главнокомандующий лично направил часть его полка вместе с людьми барона фон Шлотерштайна на штурм стен. Яромир усмехнулся, высокое доверие графа Валенберга больше походило на желание избавиться от дерзких подчиненных всех одним разом. Впрочем они не только справились с поставленной перед ними задачей, но и остались в живых.

Сигнал к отступлению застал их неразлучную четверку на тесных городских улочках, где продолжался затянувшийся поединок с защитниками города. Одетым в доспехи торговцам и ремесленникам явно не хватало опыта и умения, но их желание защитить родной город с оружием в руках вызывало уважение даже у врагов. Но вот уже Римар и Важек загнали своих противников в тупик, образованный тесно стоящими рядом домами, и те были вынуждены сдаться. Яромиру и Рюгу попались настоящие воины, к тому же их было четверо против двух. Но Яр не зря считался среди гвардейцев одним из лучших фехтовальщиков. Вскоре каменная мостовая уже окрасилась кровью первого из его противников, второй, зажимая левой рукой бок, правой протягивал Яромиру свою пшагу. Он оглянулся на вампира. Рюдигер явно не слышал сигнала горна, да он вообще похоже мало что слышал.

С того момента, как они поднялись на стену, он был полностью захвачен сражением.

Все его внимание было приковано к очередному противнику. С удивительной точностью он уклонялся от ударов и выбирал момент, чтобы ударить самому. С двумя десятками подобных ему головорезов, в обычной жизни простодушных и покладистых деревенских парней, они спустились с крепостной стены на улицы города, оставляя за собой залитые кровью ступени и изрубленные тела.

Теперь на него накнулись двое готхеймцев, и он выбрал более опытного противника. Второй, получив удар ногой в живот, отлетел к стене соседнего дома. Противник Рюга, не желая проигрывать, сжимал тяжелую саблю двумя руками, чтобы достойно выдерживать стремительные сильные удары вампира. Он даже пытался атаковать, но ловко уклонившись от летящего на него клинка, не по-человечески гибкий его соперник сильным и точным ударом вогнал меч меж двух пластинок нагрудных лат, как раз в сердце.

Не успело тело готхеймца упасть на мостовую, как Рюдигер повернулся к оставшемуся противнику. В это время еще раз пропел горн, Яр и Римар окрикнули друга, но он не обращал на них никакого внимания. С жестокой улыбкой он занес фальшион над сидевшим на земле солдатом. С того во время схватки слетел шлем, и он в ужасе уставился на приближающийся к нему фальшион круглыми детскими глазами. Увидев перед собой почти ребенка, Рюдигер сумел сдержать удар, но острый клинок все же отхватил прядку соломенных волос с головы парнишки. Яромир с некоторым опасением опустил ладонь на плечо друга:

— Да уймись ты наконец! Он сдастся, разве не видишь! Мы победили, город наш, хватит крови! Разве ты не слышишь, трубят общий сбор, пошли отсюда.

Стремясь сохранить репутацию Алдании и ее армии незапятнанной, граф Валенберг под страхом смерти запретил грабить и притеснять население Рандебурга. Городской совет выплатил победителям контрибуцию, и перепуганное население постепенно вернулось к своим обычным занятиям. Если не считать развороченной метательными снарядами стены, то город почти не пострадал.

Была середина апреля, кругом цвели фруктовые деревья, так что казалось, что на город опустились облака. Яр, Римар и Важек пребывали в прекрасном настроении, и только Рюдигер был мрачен и неразговорчив. В карманах приятно позвякивали золотые монеты. Наступили теплые весенние деньки, война кажется приближалась к концу. Будущее представлялось друзьям в самом радужном свете, и они совершенно не понимали, что случилось с их другом. Рюдигер иногда мог вспыхнуть от обиды, как сухая трава, но он был отходчив и совершенно не злопамятен. Ребята не могли найти объяснения его унылому виду и плохому настроению.

Большая часть армии Валенберга разместились в палатках возле города. На стенах теперь несли службу алданские часовые. Яромир проверил, чем занимаются его люди, назначил тех, кто отправится на ночное дежурство и вернулся в свое временное жилище. Четверо друзей заняли небольшую комнатку в одном из тесно стоящих, но красивых чистых домиков под черепичными крышами, потеснив семью сапожника. Римар, подвинув стол к небольшому окошку, увлеченно строчил письмо домой. Важек пытался нанести на лист углем лицо девицы с большими удивленными глазами и спутанными кудряшками. Яромир сразу узнал в ней Лану, но Важек, недовольный своим творением снова внес несколько поправок. Рюдигер лежал на кровати, повернувшись к стене, и делал вид, что спит. Яр окликнул его, но тот даже не шевельнулся. Яромир удивленно повернулся к друзьям. Римар оторвался от письма:

— Он с утра такой, почти не разговаривает и даже, представь себе, не ест!

Между тем все было довольно просто. Барона фон Шлотерштайна мучили угрызения совести. Он часто вспоминал слова старого священника о том, что надо стараться не потерять свою душу, надо суметь остаться человеком даже на войне. А он во время штурма города почти не владел собой, чуть не убил безоружного... Рюдигер со стыдом вспомнил совсем еще детские голубые глаза и россыпь веснушек на переносице.

Он почти наяву перенесся на полуразрушенные стены города, снова ощутил сводящий с ума запах чужой крови, горячую, почти обжигающую ладонь рукоять клинка, который уверенно вел его от одного противника к другому, с радостным звоном забирая чужие жизни. Неужели это и есть его настоящее предназначение, его сущность? Значит, те, кто считает их адскими созданиями, безжалостными убийцами, не так уж и не правы?

Рюгу очень хотелось поговорить о б этом, но в тоже время казалось, что товарищи презирают его и возможно, больше не считают равным себе. Ему ужасно не хватало рядом Иоганна. Уж он бы точно смог понять, что за сомнения мучают его крестника, и нашел бы подходящие слова, чтобы снять камень с души. Но старый солдат остался на этот раз дома, и Рюгу приходилось сражаться с тревожными мыслями в одиночку.

Его друзья между тем были не на шутку обеспокоены. Оставив всякую деликатность, они заставили Рюга повернуться к ним.

— Да что с тобой такое, может заболел или отравился чем? Хотя ты второй день на еду не смотришь. -

— Оставьте меня в покое! — вампир попытался накрыть голову подушкой.

— Такое пренебрежение своим здоровьем может быть опасным для окружающих. Вдруг ты подцепил какую сильную заразу, надо тебя осмотреть. Задирай рубаху! — строго скомандовал Важек. Озадаченный его строгим тоном Рюдигер подчинился.

— Так, сыпи вроде бы нет... Ну-ка открой рот пошире, высунь язык! — Важек с видом заправского лекаря приступил к осмотру мнимого больного. Римар и Яр с трудом сохраняли серьезный вид. Рюдигер наконец понял, что его разыгрывают.

— Иди ты к черту, всезнайка! — он резко отстранился от Важека и сердито уселся на кровати, — Со мной все нормально!

— Но что-то тебя все же мучает, а ты не хочешь об этом говорить! Не считаешь нас достойными своего доверия! — возмутился Яромир-Я думал, что мы друзья, на всю жизнь!

— Да, друзья, но только я пожалуй не достоин таких замечательных друзей, я слишком от вас отличаюсь, во время боя просто схожу с ума. — он печально взглянул на ребят грустными синими глазами и шмыгнул носом. Парни переглянулись, еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться.

— Послушай, ты воин, а не монах! — серьезно сказал Яр. — Твои противники не будут думать о милосердии, и если ты хоть на минуту расслабишься, потеряешь жизнь! А нам твоя жизнь очень даже дорога!

— Это здорово, что у тебя доброе сострадательное сердце, но только ты зря считаешь себя виноватым в этом кошмаре. Виноваты те, кто начал войну, не надо брать на себя их грехи!

добавил Римар. — Конечно, нам с тобой в бою не сравниться. Мы еще детям будем рассказывать, что воевали с тобой плечом к плечу!

— Нет, ребята, это для меня честь быть вашим другом! — растроганный их

неожиданной заботой Рюг быстро смахнул непрошенные слезы и обнял друзей.

— По- моему за это стоит выпить! — сделал неожиданный вывод Важек. — Мы ведь еще города толком не видели, наверняка тут есть уютные таверны. Вперед!

Город показался им довольно большим и на удивление чистым. Тесно стоящие друг к другу двух и даже трехэтажные домики имели яркий праздничный вид. У каждого окна был небольшой балкончик с яркими цветами. Фронтоны почти всех домов, включая церковь и ратушу, поднимались вверх небольшими ступенями. На главной площади среди разнообразных лавочек и ремесленных мастерских, расположенных на нижних этажах домов, бросалась в глаза яркая вывеска таверны «Золотой гусь». Парни решительно направились туда, но Рюдигер, подхватив под руки Римара и Яра, резко развернул их, и они оказались у дверей церкви.

Почтительно склонив головы, они шагнули под своды старинного собора. Сегодня был обычный непраздничный день, начало недели, и в храме было тихо. Мягко горели свечи, блестело золото и серебро, украшавшее оклады икон. Храм Рандебурга славился своим органом, но к великому разочарованию Важека сейчас он молчал. Римар разглядывал красочные фрески на потолке и витражи на высоких окнах.

Появившийся из алтаря худой и высокий священник в расшитой золотом ризе с испугом уставился на их красные мундиры и оружие. С трудом скрывая волнение, он спросил, что им угодно, на что один из непрошенных гостей, показав к ужасу святого отца острые белые клыки, вежливо ответил, что они только зашли помолиться и не причинят никакого беспокойства. После этого священник едва ли не потерял дар речи и удивленно смотрел, как нелюдь совершенно привычно осеняет себя крестом, зажигает свечи перед иконами и

дольше своих спутников стоит на коленях перед образом Девы Марии. Когда гвардейцы наконец покинули церковь, оставив в кружке для пожертвований по золотой монете, священник с облегчением вздохнул и поспешил запереть двери храма.

Выйдя из полумрака на дневной свет и вдохнув полной грудью чистый весенний воздух, Яромир довольно расправил плечи.

— Ну что, о душе позаботились, пора и о хлебе насущном подумать!-

Словно в подтверждение его слов в животе у Рюга громко заурчало, друзья громко расхохотались.

— Вперед в «Золотой гусь»! — скомандовал Важек. Внутри таверны было на удивление многолюдно. Многие из горожан заглянули в этот вечер сюда, чтобы за кружкой пива поговорить о последних событиях. Кое-кто из них еще вчера защищал городские стены с оружием в руках, и в адрес занявших город алданских солдат щедро сыпались всевозможные ругательства. Но оживленная беседа была неожиданно прервана появлением четверых королевских гвардейцев.

Друзья, удивляясь странной для подобного места тишине, заняли стол у стены, над которым висели две скрещенные шпаги. Красивая, но очень сердитая девушка в белом накрахмаленном чепце сухо поинтересовалась, что господа будут заказывать. Стараясь не придавать значения пристальным неодобрительным взглядам, Яромир спросил, что из местных блюд она им посоветует. Растянув губы в дежурной улыбке, девица предложила им телятину под белым соусом.

— Что после вчерашнего боя крови больше не хочется? — ехидно крикнул кто-то из

темного угла зала. Верный привычке не оставлять любую дерзость безнаказанной Яр повернулся на голос, но Рюг, решивший учиться терпению, потянул его за рукав.

— Будем снисходительны к побежденным.

Яромир вспомнил указ Валенберга об отношениях с местным населением и уныло кивнул.

Еда оказалась неожиданно вкусной, и вино тоже совсем неплохим, правда порции были слишком большими, и никто, кроме Рюга, с ними не справился. Наконец и он отодвинул пустую тарелку и довольно вздохнул.

— Ну что, теперь все выглядит по другому? — улыбнулся ему Римар.

— Конечно, на сытый желудок жизнь намного приятнее! Неплохо бы узнать бы, как готовить это блюдо, Лизхен была бы рада рецепту.

За окнами уже стемнело, на столах и стенах зажгли свечи, таверна погрузилась в уютный полумрак. Неожиданно к их столу неровной походкой подошел широкоплечий парень в одежде ремесленника. Его слегка качнуло, и стараясь удержать равновесие, он оперся рукой о край стола. Друзья удивленно смотрели на него, стараясь сохранять спокойствие.

— И как вам только еда в глотку лезет, выродки безбожные! Михеля просто в куски изрубили на стене, вот такие, как ты, нелюди! — мутные серые глаза тяжело уставились на вампира. Римар предостерегающе покачал головой, но Рюдигер и не собирался как-то отвечать на оскорбление. К парню подошел более трезвый приятель и попытался его успокоить:

— Питер, не надо, лучше пойдем отсюда!

Но Питер был не настроен быстро сдаваться. Он стукнул кулаком по столу, и бутылка темного стекла упала, заливая белоснежную скатерть остатками красного вина. Яромир уже хотел встать из-за стола, но барон фон Шлотерштайн попытался как-то все уладить:

— Послушай мне жаль твоего друга, но это война. Не мы ее начали. Я тоже терял друзей,

Мне понятно твое горе.

— Да ты же не человек, что ты можешь понять, выродок! — рядом с буяном уже появилось еще трое таких же пьяных и решительно настроенных товарищей. Рюдигер сжал зубы, с трудом сдерживая поднимающийся откуда-то изнутри гнев:

— Я думаю, что не стоит принимать твои слова всерьез, крови и так пролилось достаточно. Благодарю Бога, что остался живым и не искалеченным!

Рука Яра уже сжимала рукоять клинка, Важек быстро окинул таверну взглядом, оценивая количество противников и пути к отступлению. В мерцающем свете свечей сверкнули ножи, но вдруг в таверне появились десять алданских солдат во главе сержантом, вечерний патруль. Невысокий крепкий сержант увидел гвардейцев и решительно направился к ним. Местных буянов как ветром сдуло.

— Вот вы где пропадаете! Генерал срочно требует к себе капитана королевских гвардейцев,

А вы в таверне прохлаждаетесь!

Графу Валенбергу было необходимо срочно доставить важное сообщение в небольшой городок Альтштадт, куда подошла союзная армия короля Веславии. Обеспокоенный напором готхеймцев, к тому же связанный теперь с алданской династией родственными узами,

король Владислав решил поддержать соседей не только на словах, но и на деле.

Действуя вместе, обе армии могут окружить основные силы готхеймцев и возможно решить исход войны. Необходимо только дать знать об этом веславским генералам и сделать это по возможности быстро.

Ломая голову, кому доверить это не слишком сложное, но очень важное поручение, генерал вдруг вспомнил об истории с его кузеном. Необычная четверка друзей, смело стоящая друг за друга и в настоящем бою, и перед грозным главнокомандующим, сумевшая уцелеть при штурме города. Конечно капитан королевских гвардейцев необходим ему здесь на месте, но вот благородный защитник обиженных посудомоек пожалуй неплохо бы справился с этой задачей, тем более всем известно, что ночью вампиры видят не хуже, чем днем.

Через пару часов Рюдигер и Римар уже скакали по ночной дороге. У седла Римара была прикреплена клетка с почтовым голубем. Граф Забельский, проклиная по себя генерала

Валенберга, короля Владислава и необходимость подчиняться самым нелепым по его мнению приказам, отчаянно зевал, рискуя порвать рот. Рюдигер старался не сбиться с пути, зорко всматриваясь в непроглядную тьму и непонятным для Римара образом в ней ориентируясь. Перед его глазами стояла карта, где перед конечной целью их пути, Альтштадтом, был отмечен маленьким крестиком еще один небольшой город, Лангдорф.

Хозяйка Раунштага

Добравшись до конечной цели почти к утру, друзья вызвали немалый переполох среди дремлющих часовых, охраняющих резиденцию словенского главнокомандующего. Их даже поначалу приняли за шпионов, но прибежавший на шум дежурный офицер накричал на своих подчиненных, что только полные дураки могут принять вампира за готхеймского лазутчика. Через минуту они уже стояли перед мрачным заспанным князем Заруцким, который недовольно сломал печать на конверте и сунул свой длинный породистый нос в послание Валенберга. Впрочем вскоре лицо его прояснилось, он бросился к столу, и вскоре почтовый голубь выпорхнул с балкона особняка в еще темное небо, унося ответное послание.

С чувством выполненного долга двое друзей отправились спать. Выспаться толком им не дали, однако не забыли накормить, вручив каждому по котелку пшенной каши с салом. Римар находил это вполне съедобным, Рюдигер же морщил нос, утверждая, что если бы этим кормили алданскую армию, то готхеймцы уже давно были бы в Златограде.

Армия короля Владислава спешно уходила на север, чтобы соединиться с алданцами. Гвардейцы короля с удивлением разглядывали яркие синие с красным мундиры с надетыми сверху кирасами. Нарядная кавалерия просто поразила воображение друзей. Пышные перья венчали шлемы всадников, лошадиные гривы были украшены яркими плюмажами. Сами наездники вели себя по мнению Рюга слишком уж раскованно, посматривая на пехоту свысока, и чем-то напоминали то ли петухов, то ли фазанов.

Ударную силу алданцев составляла тяжело вооруженная пехота, кавалерийские части были в меньшинстве. Отчасти это объяснялось тем, что лошади, чувствуя запах оборотней, иногда отказывались подчиняться. К тому же, в тех отрядах, где нелюдей было большинство, иногда не досчитывались то одного, то другого коня... Впрочем, бывали и исключения. Отец Рюдигера, барон Лотар был прекрасным наездником и отлично разбирался в лошадях. Конный отряд под его командованием на Фрисландской границе прославился дерзкими вылазками в тыл противника.

Вдоволь налюбовавшись на рейтар короля Владислава, друзья отправились догонять своих. Рюдигер потратил немало сил, чтобы уговорить Римара завернуть в Лангдорф. До города оставалось совсем немного. По обе стороны дороги лежали луга, покрытой еще не успевшей запылиться и выгореть на летнем солнце, ярко-зеленой травой, среди которой

Пестрели весенние цветы. Справа вдалеке темнел лес, и смутно виднелись крыши деревеньки, над некоторыми вился дымок. Дорога в этом месте неожиданно поднималась в гору.

Внезапно подувший легкий ветерок заставил барона придержать коня. Он тревожно втянул ноздрями теплый весенний воздух и обернулся к другу:

— Пахнет кровью! Похоже там что-то нехорошее творится! Ты уж будь поосторожнее.

Но Римар гордо покачал головой, растрепав почти такие же черные, как у вампира, волосы:

— Я гвардеец короля, а не малый ребенок! Обойдусь без няньки!

Не успел Рюдигер заверить друга, что нисколько не сомневается ни его в храбрости, ни в умении сражаться, как оба они услышали слабый призыв о помощи.

Не раздумывая, они направили коней вперед. Легко преодолев подъем и спустившись вниз с крутого холма, они увидели слева у дороги компанию вооруженных мужчин в потрепанной одежде. Звонкий женский голос отчаянно призывал на помощь. Еще с вершины холма Рюдигер разглядел, как двое крепких ребят в кожаных куртках пытаются связать отчаянно сопротивляющуюся девушку в красном платье и сером плаще, двое других обыскивают лежащих на земле мертвецов, одного с перерезанным горлом, второго со стрелой в спине.

Последний из разбойников, сложив руки на груди, с улыбкой наслаждается испуганным видом девицы и сыплющимися на его голову проклятиями. Неподалеку бродили потерявшие седоков лошади. Римар с возмущением заявил:

— Ну и мерзавцы! Пока одни на поле боя умирают, другие своих же грабят и убивают.

Ну-ка оставьте женщину в покое, падальщики!

Главарь изумленно обернулся в их сторону и почти радостно воскликнул:

— Ну до чего же приятно встретить в этом чертовом Готхейме соотечественников!

Затем его глаза задержались на минуту на бароне, и он перестал улыбаться. Рюдигер внимательно посмотрел на высокого широкоплечего разбойника с копной темно-русых, давно не знавших стрижки волос и такой же бородой. Из-за плеча главаря грозно выглядывало лезвие секиры. Рюдигер взглянул в светло-карие глаза и окончательно убедился, что перед ними оборотень.

Тот положил правую руку на висевший на поясе то ли небольшой меч, то ли огромный нож и с угрозой обратился к друзьям:

— Вы бы, господа, ехали своей дорогой, не задерживались бы зря! Не хотелось бы замарать меч вашей кровью из-за этой готхеймской шляхи!

— Отпустите ее, и мы не станем вас убивать! — самонадеянно заявил Римар. Его гордость не позволяла отступить и оставить беззащитную жертву в руках негодяев. Девушка в отчаянии воскликнула:

— Прошу вас, помогите! Моя семья очень богата, вы не останетесь без награды!

На лицах державших ее разбойников отразилось сомнение, но их предводитель рассмеялся:

— Никакое золото не помешает нам немного позабавиться с тобой, твоя цена не станет от этого меньше, ведь ты же вдова маркграфа, а не девица.

Рюдигер спрыгнул с коня и потянул клинок из ножен. Оборотень быстро повернулся к нему:

— И ты будешь драться со мной из-за этой шляхи? Да в этой поганой стране днем с огнем не сыщешь подобных нам. Их просто истребили, как опасных диких зверей. Но им показалось, что этого мало. Они начали войну. Ты видно из Моравии. Чистокровный, из древнего рода... Война до вас не добралась, а в приграничных селах, если им попадались такие, как ты и я, эти святоши сжигали их заживо! — он махнул рукой, отгоняя жуткие воспоминания. Черный дым, женские крики и детский плач, отвратительный запах горелой плоти, мерзкие усмешки на надменных лицах инквизиторов в черных накидках и простоватых солдатских физиономиях. Все они вскоре захлебнулись собственной кровью, на себе узнав, что значит настоящая звериная ярость...

— Я не вижу в них людей, нет у меня для них ни пощады, ни милосердия! — оборотень

зло поСмотрел на пленницу, которая гордо вскинув голову, смело встретила его взгляд полными ненависти темными глазами. Гордую аристократку было не так-то просто заставить дрожать от страха.

— Ты потеряешь душу! Остановись, пока еще не поздно! — Рюдигер искренне хотел закончить

дело мирно, но человек-волк решительно достал из-за плеча секиру:

— Уже потерял, ни одна душа не вынесет того, чего мне пришлось насмотреться. Если уж вы решили закончить свою жизнь именно здесь, то я и мои парни с удовольствием вам поможем!

Двое стоявших ближе к ним разбойников, одетые в кожаные доспехи с нашитыми поверх полосками металла и здорово помятые шлемы, неожиданно атаковали Римара. Еще один, оставив пленницу на попечение своего товарища, бросился на Рюга. Но вампир просто вовремя резко выбросил правую руку вперед, и фальшион глубоко вошел в тело неудачника.

Главарь усмехнулся:

— Неправда ли, это слишком легко, даже надоедает со временем! Но я обещаю, что не дам тебе скучать до самой смерти! — он покрепче перехватил свое грозное оружие и стремительно атаковал Рюга. Удары сыпались один за другим, Рюдигер еле успевал уворачиваться. Он прекрасно понимал, что его клинок не выдержит столкновения с секирой оборотня и избрал тактику уклонения от ударов. В какой-то миг ему вдруг показалось, что время замедлилось, и он успел не только увернуться от летящего к нему серебристого полукруга, но и достать противника своим мечом. Острый как бритва клинок рассек кожу доспеха, оборотень на миг остановился.

— Ну что же, неплохо, давно у меня не было достойного противника! — и с удвоенной силой набросился на вампира.

Римар слегка засомневался в своих силах, став объектом внимания сразу двух противников. Вести поединок сразу с двумя соперниками весьма неплохо получалось у Рюга.

И в самом деле, чтобы ловко отбивать удары, сыплющиеся с двух сторон, нужны были действительно нечеловеческая скорость и реакция. Но Римар оценивал свои силы вполне реально и решил немного схитрить. Вскоре один из разбойников тяжело грохнулся вниз лицом, запнувшись о вовремя выставленную вперед ногу. Второй имел весьма смутное представление об искусстве фехтования и полагался больше на грубую силу. Совершенно измотанный ловкими маневрами противника, он теперь только защищался, неловко отбиваясь от свистящего в воздухе клинка гвардейца. Наконец палаш Римара вошел в грудь противника. Быстро выдернув клинок, он обернулся, что встретиться с успевшим подняться на ноги вторым негодяем.

Рассерженный разбойник пытался достать гвардейца коротким мечом с круглой рукоятью, в просторечии именуемым кошкодером. Похоже за плечами негодяя было немало боев, он оказался более опасным соперником, чем его невезучий приятель. Римар стиснул зубы, стараясь не замечать мелких порезов, в изобилии покрывших его рукава.

Оборотень без усталости поднимал и опускал секиру, он был твердо уверен, что рано или поздно разделает вампира на кусочки, как тушу в мясной лавке. Хотя Рюдигер сумел еще пару раз достать его клинком, это совсем не отразилось на скорости и силе ударов. Главарь

почти прижал своего противника к толстому стволу дерева и, кажется, собирался нанести решающий удар.

Но в последний миг Рюдигер сумел отскочить в сторону, острое лезвие чуть не укоротило его нос и с размаха врубилось глубоко в ствол дерева. Кажется, удача улыбнулась ему! Не дав противнику вытащить надежно застрявшее в дереве оружие, Рюдигер перешел в атаку. Оборотень выхватил из висевших у пояса ножен кинжал, но только перебросил его в левую руку. Стремительно нагнувшись, он подхватил меч одного из убитых. Человек-волк похоже был настоящим мастером боя в две руки, и Рюг тоже достал кинжал. Ему пришлось вспомнить все, чему он когда-либо учился. Впрочем пока он вполне достойно отбивал атаки противника.

— Ты слишком хорош для королевского гвардейца! — неожиданно усмехнулся оборотень.

— У меня был хороший учитель. — ответил Рюг, он был совершенно серьезен. — А ты кем был, наемным солдатом или «ночным гостем», наемным убийцей? — не дожидаясь ответа, он сделал выпад, и фальшион рассек рукав чужой куртки.

— Ну между тем и другим не слишком большая разница, — человек-волк даже не поморщился от боли, — но я был солдатом.

Его кинжал ловко отбил удар фальшиона, а меч чуть не вошел в живот соперника, но соскользнул в бок, оставив глубокий порез на ребрах.

— Зачем ты сопротивляешься своему предназначению, цепляешься за эти бредни о душе! Мы созданы, чтобы убивать, мы принадлежим тьме, и однажды она придет за каждым из нас! — оборотень оскалился в жуткой улыбке, и внезапно Рюгу показалось, что его лицо начинает терять человеческие черты, вытягиваясь и превращаясь в звериную морду.

— Ты сам пустил тьму в свою душу, и она уже забрала тебя! — барон сплюнул от отвращения.

Зажав меч противника, словно в тисках, между клинком и кинжалом, Рюг с силой ударил его ногой в живот. Оборотень отлетел на пару шагов, но сумел сохранить меч. глухо зарычав, он снова кинулся в бой. Уступать никто из них не собирался, силы были практически равными. Одежда противников уже напоминала лохмотья и насквозь промокла от крови. И тот, и другой еле держались на ногах, но все же продолжали сражаться. Постепенно они снова приблизились к старому вязу. Вдруг оборотень отбросил кинжал, перехватил меч двумя руками и с ужасной силой выбил клинок из рук противника.

Кровь бросилась Рюгу в лицо, еще ни разу он не терял оружие во время боя! С быстротой молнии он увернулся от летящего прямо в лицо меча и с непонятно откуда взявшейся силой выдернул надежно засевшую в стволе дерева секиру. Меч главаря разбойников с жалобным звоном отскочил от страшного полумесяца, и почти тут же Рюдигер нанес удар секирой на уровне плеч. В последний миг рука чуть дрогнула, и острое, как бритва лезвие, наискось перерезав шею, врубилось в грудную клетку. Искалеченное тело упало на землю, из страшного обрубка фонтаном брызнула кровь, окатив Рюга с ног до головы. Отрубленная голова подкатилась почти к его ногам и скалилась в жуткой ухмылке. То ли от этого жуткого зрелища, то ли от многочисленных ран, но Рюдигер вдруг почувствовал, как все вокруг меркнет, теряет краски, и он потихоньку проваливается в милосердную темноту.

Пленница со смешанным чувством восхищения и ужаса наблюдала за кровавым

поединком. Она была не робкого десятка, и любила смотреть на рыцарские турниры, на которых иногда бывали не только покалеченные, но и убитые. Но подобное зрелище она видела впервые. Бросивший вызов главарю разбойников воин был одновременно красив и ужасен в своей нечеловеческой стремительности. То ли синеглазый ангел мщения с отрешенным лицом, явившийся привести в исполнение высший приговор, то ли демон смерти, обнаживший в жуткой улыбке острые клыки, готовясь нанести решающий удар.

Увидев, как вампир, обезглавив противника, упал на залитую кровью траву, потеряв сознание, юная женщина неожиданно ловко пнула маленькой ножкой державшего ее разбойника и бросилась бежать. Пострадавший ругаясь, бросился за беглянкой, но, услышав оклик своего товарища, оглянулся назад. Выхватив из-за пояса небольшой топорик с узким лезвием, он ловко метнул его в гвардейца.

Римар и его соперник все еще сражались, причем чаша весов сейчас склонялась на сторону гвардейца. Засыпав противника градом быстрых ударов, Римар готовился нанести последний, решающий, как вдруг что-то сильно ударило его по голове. Разбойник не сумел точно прицелиться, и удар получился смазанный, острое лезвие лишь слегка задело кожу на голове и срезало прядку волос. Он пошатнулся, еще пытаясь сохранить равновесие, пропустил удар, и острое чужого меча вошло в ему плечо.

Уже почти теряя сознание от потери крови, молодой человек увидел, как его противник выронил занесенный над его головой меч и опустился на колени. Из груди у него торчал арбалетный болт. Разбойник, метнувший топор, тоже получил стрелу в спину. К месту схватки подъехали десять всадников. Старший из них уже спрыгнул с коня и развязывал руки пленницы, при этом упрекая в детской беспечности:

— Ох, госпожа Оливия, как вы могли уехать на прогулку всего лишь с двумя охранниками!-

Это и в мирное время просто верх легкомыслия, а сейчас война, на дорогах полно разных негодяев!

— Ну, дорогой Гюнтер, прости свою неразумную госпожу, я больше никогда не буду с тобой спорить! — красавица по-детски улыбнулась пожилому воину, и он только тяжело вздохнул.

— Но если бы не эти отважные молодые люди, не знаю, нашли бы вы меня живой или нет!

Надеюсь, что их раны не слишком опасны и мы сумеем им помочь!

Гюнтер склонился над Римаром, приложил пальцы к его шее:

— Этот жив, просто без сознания. Поднимите его на лошадь, только поаккуратнее, — скомандовал он своим людям. Дойдя до дерева и чуть не запнувшись о голову разбойника, он тихо охнул:

— Что же такое тут творилось!

Старый солдат осторожно наклонился над бароном, залитым с ног до головы чужой кровью и не подававшим признаков жизни. Он отстранил рванувшуюся было к раненому Оливию:

— Полегче, госпожа! Это ведь алданцы, судя по одежде, а среди них людей только половина!

С минуту поколебавшись, он наконец решился и быстро растянул губы раненого. Увидев острые клыки, он тут же отшатнулся.

— Ну что, госпожа, убедились, ваш герой-нелюдь, вампир! — он строго взглянул на красавицу, но та решительно воскликнула:

— Я это уже давно заметила, но он спас меня, теперь мы должны оказать ему помощь!
Ну что

Ты хочешь мне сказать? В чем дело, Гюнтер?

— Да в том, что раненый он гораздо опаснее! Кто знает, что придет ему на ум, когда он очнется! Может посчитает нашу кровь вполне подходящей, чтобы восстановить силы! — он отвернулся от раненого, твердо намереваясь оставить его там, где он лежал.

Вампир вдруг пошевелился и что-то прошептал. Оливия воскликнула:

— Он просит пить! Гюнтер, дай скорее фляжку!

Но старый воин решительно отвел ее руку и сам с великой осторожностью поднес флягу к губам раненого. Сделав несколько глотков, тот закрыл глаза и уронил голову. Чужая и собственная кровь засохла на лице и одежде черной коркой, он выглядел скорее жалким, а не опасным, и начальник гарнизона замка, скрепя сердце, решил взять его с собой.

— Наверное, я сошел с ума, раз тащу с собой в Раунштаг полумертвого вампира! Чтобы сказал ваш отец, госпожа! — ворчал он себе под нос.

— Он сказал бы, что ты поступил, как настоящий христианин! — гордо ответила молодая женщина, и ловко вскочила в седло подведенного слугами коня.

Римар осторожно открыл глаза. Он лежал на мягкой и удобной постели, ладонь ощутила гладкий шелк простыни. Немного болело плечо, и наклонив голову, он увидел, что и рука и грудь почти до пояса покрыты бинтами. Над головой был высокий потолок, с которого спускалась люстра со множеством свечей. У окна стояла молодая женщина с изящной фигурой и светлыми волосами, она чем-то напомнила ему Элину, Римару вдруг до ужаса захотелось, чтобы это и правда была она. Но девушка повернулась к нему, и он разочарованно вздохнул. Конечно, она была довольно мила, но и в половину не так красива, как его жена.

Заметив, что он пришел в себя, она весело улыбнулась и непринужденно защебетала:

— Ну наконец-то вы очнулись! Лекарь сказал, что раны неопасные, воспаления нет, быстро в себя придете и на ноги встанете. Он у нас понимающий, его еще отец госпожи привез откуда-то с востока. Но все же вы, господин, спали почти сутки! Я уже начала волноваться, да и госпожа тоже!

Римар попытался приподняться и сесть, несмотря на боль во всем теле и жуткую слабость.

Что-то не давало ему покоя, но шум в голове никак не давал сосредоточиться. Наконец он вспомнил:

— Послушайте, а мой друг? Мы с ним даже чем-то похожи, такой же высокий с черными волосами, что с ним, он жив? Скажите ради Бога!

Девушка опять лучезарно улыбнулась:

— Да вы не переживайте так, это вам сейчас не в пользу! Жив и даже получше вашего выглядит, хотя где вы только такого дружка себе откопали! Старый Хасан наотрез отказался подходить к нему, заявив, что хоть он и клялся не отказывать в помощи ни одному больному, но на нелюдей это не распространяется.

Действительно, маленький смуглый старичок ни за что не соглашался осматривать

второго раненого. Впрочем, Гюнтер и не настаивал. Он приказал отнести вампира в отдельную комнату, и чтобы никто не входил к нему без его ведома. Однако Оливия и

Не собиралась его слушать. Когда командир охраны наконец вернулся, он застал в комнате свою госпожу и двух слуг, которые уже успели избавить раненого от одежды и отмыть от крови. К их удивлению, многочисленные раны почти затянулись, хоть их подопечный по-прежнему был без сознания.

Увидев на шее вампира крест на золотой цепочке, Гюнтер удивленно покачал головой. Он сумел сдержаться и не сказал Оливии, что думает про ее смелый поступок. Вместо этого он протянул ей глиняный кувшин с темно-красной неприятно пахнущей жидкостью.

— Раз уж вы все равно рискнули к нему подойти, вот попробуйте дать ему. Он как раз снова просит пить. -

Красавица с отвращением понюхала содержимое кувшина:

— Что это за гадость?

— Лекарство, — усмехнулся солдат, — на кухне как раз собирались резать овцу, а ему только

Это и поможет. Я, когда был помоложе, воевал с алданцами и кое-что про них знаю.

Его госпожа велела слугам приподнять больного, и слегка сморщив красивый носик, смело попыталась напоить его. Как ни странно, тот выпил все без остатка, так и не открыв глаза, и снова упал на подушки. Щеки чуть порозовели, дыхание стало ровным.

— Вот и все лечение, — пожал плечами Гюнтер, — скорее всего, он и сам бы пришел в себя, они ужасно живучие, но так надежнее. Теперь занавесьте окна и не тревожьте его, и ради Бога не ходите сюда в одиночку!

Придя в себя, Рюдигер никак не мог понять, где же он находится. Мягкая и чистая постель, задернутые шторы на окнах, может быть волшебная сила перенесла его домой, и сейчас сюда влетят его непоседливые и шумные сын и дочь, а следом, не успевая за ними, появится смеющаяся Лизхен... Но потолки здесь слишком высоки, а стены обиты гобеленами, будто во дворце. Нет, он точно не дома.

Тут он окончательно пришел в себя и вспомнил все, что приключилось с ним в последнее время. Поездка в Лангдорф, сражение с оборотнем. Господи, где же Римар? Он даже не видел, чем закончился поединок с разбойниками для его друга! Только бы он был жив! И что это за место, в одиночку он просто сойдет здесь с ума!

Неожиданно тихо скрипнула дверь, и в полутемную комнату зашли две женщины. Полумрак не мешал ему как следует их рассмотреть. Первая из них была среднего роста с совершенно необычными для Готхейма черными блестящими волосами и слегка смуглой кожей. Большие темные глаза, аккуратный прямой носик, полные губы — молодая женщина напоминала яркий южный цветок, неизвестно как попавший в эти края. Стройную женственную фигуру подчеркивало изумруднозеленое шелковое платье, по которому вились причудливые золотые узоры. Рюдигер узнал в ней пленницу наглых разбойников.

Она шепотом обратилась к своей соседке, стройной светловолосой девушке в скромном голубом платье, на хорошеньком личике которой перемешались страх и любопытство:

— Как ты думаешь, Гизела, он все еще спит или притворяется?

Та быстро бросив взгляд на кровать, встретила с блестящими в полутьме глазами вампира и испуганно охнула:

— Да он пялится на нас, госпожа, мне страшно! Давайте уйдем отсюда поскорее!

Однако госпожа и не думала уходить. Приосанившись, она важно произнесла:

— Наконец-то вы пришли в себя. Я бесконечно благодарна вам и вашему другу за свое спасение! Я Оливия фон Мерингер, прошу вас быть гостями в моем замке Раунштаг.

— Рад знакомству! — вежливо ответил барон. — Мое имя Рюдигер фон Шлотерштайн. Скажите, что с моим другом, надеюсь, он жив?

Он хотел было встать, ведь не очень прилично беседовать с дамами из под одеяла, но с вдруг с ужасом обнаружил, что на нем нет ничего из одежды, кроме креста на шее.

В коридоре послышались тяжелые шаги, и в комнату заглянул командир гарнизона.

— Очнулся наконец! Твой приятель почти в порядке. Но госпожа Оливия, вы хуже ребенка, я же просил не подходить к нему, он может быть опасен! — Гюнтер с укором посмотрел на хозяйку замка.

Рюдигер натянул узорное покрывало чуть ли не до носа.

— Да, пожалуйста не подходите ко мне! И ради всего святого, верните мне хотя бы штаны!

Старый солдат улыбнулся, этот парень определенно начинал ему нравиться, несмотря на то, что был чужестранцем и к тому же вампиром.

Вскоре в комнату робко заглянул молоденький слуга.

— Госпожа Оливия просила передать, что вашу с другом одежду пришлось сжечь, но она думает, что это вам подойдет! — он положил на кровать сверток, поставил рядом сапоги и

стрелой вылетел за дверь. Натянув узкие, не слишком удобные штаны, Рюг тем не менее почувствовал себя почти счастливым. Раскрыв шторы и пустив в комнату солнечный свет,

Он довершил свой туалет перед висевшим на стене большим зеркалом. Надев поверх рубашки слегка выцветший от времени темно-синий бархатный камзол, он пригладил непокорные волосы. Все же чего-то здесь недостает! В дверь опять осторожно постучали. На этот раз на пороге стоял один из стражников замка.

— Капитан сказал, что клинок не должен расставаться с хозяином.

Он протянул вампиру ножны с мечом. Обрадованный Рюдигер пристроил фальшион слева на поясе, теперь все было на своих местах. Он попросил юношу проводить его к другу.

Увидев барона, Римар вскочил с кровати, несмотря на протесты Гизелы, которая добровольно приняла на себя роль сиделки. Однако голова закружилась, и Рюдигер едва успел его подхватить. Как видно, слова лекаря о постельном режиме были вполне справедливыми. Вдвоем с Гизелой они снова уложили молодого человека в постель.

Служанка исподтишка разглядывала Рюга. Они с другом действительно были слегка похожи. Стройные, высокие, с густыми черными волосами. Правда глаза у Римара были серыми, и надо признаться, очень красивыми. Тонкие черты лица указывали на благородное происхождение. Прямой нос, высокие скулы, чуть грустная улыбка красивых губ — по мнению Гизелы Римар был просто неотразим.

По сравнению с другом вампир был более сильным, камзол оказался слегка маловат, выцветший синий бархат плотно обтягивал широкие плечи и сильные руки. Сейчас в нем не было ничего пугающего, ну разве что блеснут при улыбке острые зубы. Да еще какая-то необычная правильность черт, человек не может быть таким красивым. Эта строгая и холодная красота вызывала ощущение чего-то опасного, от чего возможно стоит держаться

подалее.

Лично у нее от этого нелюдя мороз по коже, и чем он только госпоже приглянулся. Как взглянет своими синими глазищами, так все мысли из головы и вылетят. Впрочем, в разговоре с другом его лицо совершенно менялось, отражая самые обычные человеческие чувства. Они с Римаром вели себя словно мальчишки, со смехом обсуждая свои последние приключения, которые чуть не стоили им жизни, и не обращали на девушку никакого внимания. Обиженная таким равнодушием, она строго заявила, что все это может повредить больному.

К ее удивлению, вампир неожиданно смутился, но его друг возмущенно заявил:

— Ничего подобного, это нисколько не повредит мне. Кстати, не посоветовал ли господин лекарь морить нас голодом, у меня уже совсем живот подвело, а моего друга вообще нельзя оставлять голодным!

Гизела бросила на Рюга испуганный взгляд и быстро исчезла за дверью. Римар довольный тем, как подействовали его слова, откинулся на подушки. Рюдигер нахмурился:

— Ну что ты из меня пугало делаешь! Они и так даже близко подойти боятся!

Римар легкомысленно засмеялся:

— Да, темный народ в Готхейме! Зато, пока мы здесь, с кормежкой у нас проблем не будет,

И не говори мне, что я совсем о тебе не забочусь!

Вскоре в комнате появился маленький столик, двое молчаливых слуг быстро заставили его блюдами, от которых тянулись удивительно вкусные запахи. Взглянув на все это, Рюг вдруг понял, что действительно очень голоден. Римар улыбнулся:

— Ну, чего же мы ждем, стол накрыт!

Они с удовольствием принялись за еду и на какое-то время забыли обо всем на свете.

Когда наконец на столе остались одни кости и пустые тарелки, Рюдигер неожиданно ощутил за спиной чье-то присутствие. Обернувшись, он увидел улыбающуюся госпожу Оливию и выглядывающую у нее из-за плеча Гизелу, чьи голубые глаза кажется стали еще больше.

— Извините, что я вошла без стука, но вы были так увлечены обедом, что не хотелось вас беспокоить. Надеюсь, вы остались довольны.

Римар отодвинулся от стола и тяжело вздохнул:

— Ваши повара просто волшебники, госпожа!

Рюдигер ослабил ставший вдруг тесным ремень на пару дырочек и тоже не поскупился на похвалу:

— И в королевском дворце вряд накормят вкуснее! После походной кухни такие изысканные блюда! Просто невозможно оторваться! — уж кто, кто, а они с Римаром могли считать себя настоящими знатоками королевской кухни так сказать изнутри. Зря что ли столько овощей на первом году службы перечистили!

Гизела тихонько шепнула себе под нос:

— И как в тебя столько влезло!

Хозяйка замка сердито взглянула на нее, но девица только пожалала плечами, дескать почему ей нельзя высказать свое мнение. Гизела с недоверием отнеслась к совету начальника стражи, который просто посоветовал ей накрыть стол как для троих здоровых мужчин, и не ломать голову, чем же накормить нелюдя. Она поначалу решила, что над ней издеваются, но теперь с удивлением поняла, что он был прав.

Вампир смущенно поглядел на нее:

— Извините, если чем-то напугал, но просто мне надо было восстановить силы. Обычно я все-таки ем поменьше.

Оливия посмотрела на Римара, которому после сытной еды неудержимо захотелось поспать, и улыбнулась:

— Мужчины и должны хорошо есть, но кажется вашему другу необходим отдых. Может, вы, господин барон, не откажетесь оставить мне компанию и немного прогуляться по замку.

Честно говоря, больше всего Рюгу хотелось последовать примеру Римара. Он тоже еще не совсем пришел в себя после сражения с оборотнем. Ведь не каждый день тебя пытаются разрезать на мелкие кусочки. Но отказываться было невежливо, поэтому сообщив, что он несказанно рад такой чести, он последовал за хозяйкой замка. Гизела какое — то время смотрела на в самом деле заснувшего Римара, еще слишком слабого после ранения, затем грустно вздохнув, принялась убирать тарелки.

Замок Раунштаг, принадлежавший старинному роду фон Мерингер, показался Рюгу просто огромным. На взгляд дворянина из провинции это был настоящий маленький город. Высотой в три этажа он выглядел неприступным и в тоже время изящным. Две высокие угловые башни с острыми шпилями стремились в небо с двух сторон, третья пронзала небо над основным входом. На крыше массивного основного здания было не меньше восьми маленьких башенок, служивших скорее для украшения. На каждом из трех этажей было немало комнат, в извилистых коридорах с низкими потолками было легко заблудиться.

В огромном дворе размещались хозяйственные постройки, конюшня и большая площадка для тренировок, где гарнизон замка каждый день отрабатывал приемы владения самым разнообразным оружием. От внешнего мира Раунштаг закрывала высокая стена. По ней могли спокойно пройти два человека, зубчатые стены и небольшие дозорные башни позволяли защитникам укрываться от вражеских стрел и самим стрелять по врагам из луков и арбалетов. По узкой винтовой лестнице он следом за Оливией поднялся в центральную башню и подошел к узкому окну. Отсюда было прекрасно видно весь замо и лежащие по левую сторону поля, справа внизу были видны крыши Лангдорфа.

— Ваш дом-настоящая крепость, в случае осады вы бы продержались не меньше года, — заметил Рюдигер и тут же спохватился. Зачем он завел разговор о войне, ведь муж Оливии умер, возможно она считает, что в его смерти виноваты и они с Римаром.

— Простите меня, если сможете, зная о вашем горе, я не должен был говорить о войне!

Потерять того, кого любишь- это страшно. — он взглянул на молодую женщину с искренним сожалением, весенний ветер, ворвавшийся в узкое окно, растрепал и без того непослушные волосы, придавая вампиру мальчишеский вид.

Но Оливия только пожала плечами в ответ:

— Мое горе не было таким уж глубоким, я не особо любила мужа. Я. уважала его, по крайней мере пыталась, но мы были слишком разные, он был вдвое старше меня. Да и умер он перед самой войной, от удара, как говорил лекарь.

«И он был почти прав, действительно от удара.» — подумал с трудом поднявшийся следом за ними Гюнтер, от удара кулака в латной перчатке. Ну не мог он спокойно смотреть на то, что вытворяет недавно женившийся негодяй с молоденькими служанками, которые на утро прячут синяки на лице и натягивают рукава на худенькие запястья. Юная жена удивлялась его холодности и равнодушию, а он пока не торопился открыть ей свое истинное

лицо, приберегал такое удовольствие напоследок. Да только вышло все совсем не так. Он хотел всего лишь поговорить со своим господином по-мужски, но не смог сдержаться и дал ему пощечину от всей души. То ли душа у него оказалась слишком большая, то ли рука слишком тяжелая, только Оливия стала вдовой меньше, чем через год после свадьбы.

— Да простит Бог маркграфу Генриху все грехи, — Гюнтер смиренно перекрестился, слегка удивив молодых людей своим внезапным появлением. — Не грустите, госпожа, что ни делается, все к лучшему.

— Ты бесконечно прав, мой верный рыцарь! — Оливия со смехом чмокнула пожилого воина в колючую щеку и вприпрыжку понеслась вниз по узкой лестнице. Растерянные мужчины последовали за ней. Барон фон Шлотерштайн был несказанно удивлен словами молодой женщины. Как же так может быть, выйти замуж за человека вдвое старше себя, не чувствуя к нему ровным счетом ничего. Ей не удалось никого обмануть словами об уважении! Бедняжка! Она еще так молода, ненамного старше его сестры. Может, судьба все же вознаградит ее за терпение, и она встретит свою половинку.

С начальником охраны, который сменил внезапно покинувшую их хозяйку замка, они прогулялись по крепостной стене, проверив, как несут службу дозорные. Спустились во двор, поглядели, как воины гарнизона дерутся друг с другом на тренировочной площадке.

Гюнтер неожиданно предложил своему гостю сразиться. Рюдигер растерялся:

— Это не слишком хорошая идея! Я еще не совсем здоров, боюсь, вы будете разочарованы!-

Но командир охраны только рассмеялся:

— И кого ты хочешь обмануть! Ну сделай мне одолжение, порадуй старика!-

— Ну хорошо, — скрепя сердце, согласился барон, — только дайте мне деревянный меч, настоящим я не рискну.

Старый солдат недовольно поджал губы, но взял из рук молодого парнишки учебный меч и вручил вампиру. Вскоре он понял, что это была необходимая предосторожность. Клинок казался живым в руках вампира, он просто рвался вперед, порой перелетая из одной руки в другую, во что бы то не стало, стремясь поразить противника.

Однако Рюдигер вскоре сбавил темп, и, кажется, намеренно пропустил пару ударов, даже заработав царапину на щеке. Гюнтер недовольно остановил бой:

— Ты поддаешься, но тот, кто тебя учил, был настоящий мастер.

Рюдигер улыбнулся:

— Мой крестный действительно настоящий мастер во всем, что касается войны. Вы бы с ним нашли, о чем поговорить, не сомневаюсь!

Командир охраны пристально посмотрел на Рюга:

— Когда-то я воевал против алданцев. Твое имя мне слишком знакомо. Артур фон Шлотерштайн, кто он тебе?

— Мой дед, которого я никогда не видел, — пожал плечами Рюдигер.

— А позволь спросить, кто же твой крестный?

— Иоганн Кранц, — коротко ответил он, полагая, что имя наемника говорит само за себя.

— Что, старый убийца еще жив, я думал, ему давно отрезали голову! — удивился Гюнтер.

Иоганн Кранц был просто настоящим ночным кошмаром для готхеймских солдат. Его

небольшой отряд таких же головорезов наводил ужас на врагов, при этом они ни разу не понесли серьезных потерь.

— Ну уж нет, чтобы отрезать ему голову, надо как следует постараться, — слегка обиженно заявил Рюдигер. — Он замечательно сражался вместе с нами, но получил серебряную стрелу, и ему пришлось остаться дома, залечивать раны и слушать ворчание тетушки Крины.

Командир охраны недоверчиво поглядел на своего собеседника. Когда-то он считал наемника настоящим монстром, чей клинок нес погибель всем, кто встанет у него на пути. И было довольно странно слышать, что у него оказывается есть сварливая, но заботливая супруга и крестный сын, который, по-всему видно, не на шутку привязан к старому головорезу.

— Как, и на этой войне он успел побывать! Да чему тут удивляться, разве такой, как он, усидит дома! Но выбрать его в крестные отцы... Впрочем, вы же не люди.

Рюдигер неожиданно рассердился:

— Думай, как хочешь! А крестный он самый лучший! — он положил деревянный меч на землю и зашагал прочь.

Через несколько дней Римару стало намного лучше, и он смог встать с постели. Обрадованный Рюг проводил с другом почти все время к великому разочарованию их гостеприимной хозяйки. Оливия, сама того не замечая, старалась найти повод, чтобы заглянуть к своим гостям. Наблюдательный Римар прямо заявил другу:

— По-моему, она к тебе неравнодушна!

Но барон фон Шлотерштайн усомнился в его словах:

— Да она просто старается быть внимательной и любезной, это хорошие манеры, и больше ничего!

Но Римар со смехом продолжал настаивать на своем.

Однако их куда больше занимали последние новости о ходе войны. Уже все вокруг знали о том, что готхеймская армия оказалась зажатой с двух сторон в долине у реки. Готхеймские генералы приняли решение не проливать реки крови, а попросту сдаться. Готхейм проиграл войну и отказался от спорных территорий. Фрисландия вышла из игры месяцем раньше. Молодые люди просто сгорали от нетерпения увидеться со своими друзьями, которые ничего не знали об их судьбе. Долгожданный мир означал, что скоро они вернутся домой и обнимут любимых, вот только одно незаконченное дело, единственный след которого вел в Лансдорф, городок, который лежал прямо под стенами замка Раунштаг, не давало Рюгу покоя.

Этот с виду маленький и тихий городишко был настоящей штаб-квартирой Святой инквизиции, центром, где сходились нити паутины, опутавшей всю страну прочной сетью. Такое мрачное соседство наложило тяжелый отпечаток на все стороны жизни горожан. Оливию, которая жила здесь совсем недолго, все местные порядки ужасно раздражали. И сейчас, поднявшись на стену замка в компании барона фон Шлотерштайна, она критически оглядывала лежавшие внизу черепичные крыши и узкие улочки Лансдорфа.

Римар первый раз выбрался на прогулку, но подниматься на стену не рискнул и ждал их внизу, развлекаясь беседой с Гизелой. Они устроились на небольшой лавочке, окруженной колючими кустами шиповника. Считающая себя скорее не служанкой, а подругой, посвященной во все тайны своей госпожи, Гизела тревожно поглядела вслед поднявшейся на

стену Оливии:

— Как я могу оставить госпожу наедине с твоим другом?

Римар непонимающе взглянул на милостивую служанку:

— И чего же ты так боишься? Мой друг настоящий рыцарь, с ним твоя госпожа в большей безопасности, чем со всем гарнизоном. Скорее ему надо быть начеку, она просто ест его глазами! Но на этот счет не волнуйся, барон фон Шлотерштайн просто не видит других женщин, кроме своей жены!

Гизела недоверчиво повернулась к молодому человеку:

— Да ведь всем известно, что человеческие женщины нужны таким, как он, только ради крови! Лично меня его смазливой рожой не обманешь, нечистый дал им красоту, как приманку, чтобы было легче губить невинные души!

Тот с трудом сдержал смех:

— И ты серьезно веришь в этот бред! Да вы видно совсем здесь одичали! Впрочем, откуда вам что-то знать, ведь таких, как он, здесь днем с огнем не сыщешь. Я же его давно знаю, и со спокойной душой доверил бы ему не только свою жизнь, но и жизнь близких мне людей! К тому же его Лизхен самая обычная женщина, правда красавица. И я еще ни разу не видел женщины, которая бы так ловко управлялась со шпагой. Хотя двое шустрейших малышей вряд ли оставляют ей время для фехтования. Так что лучше успокойся, и давай поговорим о чем-нибудь другом!-

Юная хозяйка замка бросила последний взгляд на городок и сердито фыркнула:

— Просто какое-то сонное болото! В доме моих родителей всегда было весело. Наши соседи с удовольствием собирались на праздники, мужчины были галантными, а дамы нарядными. Никто не боялся высказать свое мнение или просто пошутить. А здесь за глупую шутку или вызывающий наряд можно схлопотать обвинение в колдовстве! Даже женская красота здесь считается грехом и вызывает подозрение!

— Признаться, я всегда думал, что женщины Готхейма все до одной голубоглазые блондинки с фарфоровыми личиками вроде жены Римара или Гизелы! — Рюдигер попытался сменить опасную тему, приводящую Оливию в такое волнение. — Но вы, госпожа, совершенно на них не похожи...

— Моя мать была чужестранка родом из Ломбардии. К сожалению она рано покинула нас с отцом. — Оливия погрузилась в размышления, но вскоре в ее глазах снова загорелись веселые огоньки:

— Так твой друг женат! Гизела будет расстроена!

Ну, а вас господин барон, кто-нибудь ждет дома? Есть ли у вас дама сердца?

— Есть, это моя жена. И разлука с ней и с детьми-это едва ли не самое страшное испытание на этой войне. Но я надеюсь, что мирное соглашение уже окончательное, и совсем скоро

Мы вернемся домой!

Оливия была слегка разочарована его словами, но любопытство взяло верх:

— Твоя жена, она очень красива? Расскажи мне о ней! Ваш брак устроили родители или это была любовь с первого взгляда?

Рюдигер смутился, он вовсе не собирался излить душу перед этой очень милой, но малознакомой красавицей:

— Наверное с первого взгляда, мы были еще совсем дети, но увидев ее впервые, я понял, что хочу видеть ее каждый день своей жизни! Конечно, она очень красива, но дело даже не в

этом, — он замолчал, не в силах подобрать нужные слова.

Однако Оливия не сдавалась:

— А в чем тогда?

— Просто, она моя половинка и нужна мне, как воздух. Как бы я хотел оказаться сейчас с ней и с детьми! Надеюсь, дома все в порядке.

Оливия надолго притихла, и некоторое время их прогулка проходила в молчании. Почти обогнув замок, они подошли к одной из лестниц, ведущих вниз. Она заспешила вниз по высоким каменным ступеням, не заметив в надвигающихся сумерках одну из них, и потеряв равновесие, споткнулась, больно ударившись о старые камни. От боли и странной

обиды на своего спутника из глаз брызнули слезы. Он испуганно наклонился над ней:

— Ну зачем же так неосторожно. Вы не ранены?

Оливия сердито помотала головой, но на шелке платья расплывалось темное пятно. Она бесстрашно подтянула подол:

— Всего лишь разбитая коленка, — и бросив взгляд на вампира, заметила, как расширились тонкие ноздри, улавливая запах ее крови.

— Довольно сильно разбитая. Сможете пройти? — тревожно спросил Рюг.

Она смело попыталась одняться, но он пресек ее попытки:

— Ясно, не сможете, — и легко подхватил ее на руки.

Она обхватила его руками за шею и странно притихла, только сердце стучало слишком громко и часто. Молодой человек держал ее без малейших усилий, ей было приятно ощущать его сильные руки на своем теле и тоже слышать, как бьется его сердце.

Но бросившаяся им навстречу испуганно причитающая Гизела и еле успевающий за ней Римар уже разрушили неповторимое очарование этой минуты.

— Госпожа, что с вами? Как я могла оставить вас наедине с этим монстром? Что ты с ней сделал, негодяй? — девица не на шутку разбушевалась, но Рюг спокойно и бережно опустил

свою ношу на скамейку. Оливия недовольно покинула его надежные сильные руки и укоризненно обратилась к служанке:

— Ну чего ты раскричалась как на базаре! Я просто споткнулась, а господин барон любезно оказал мне помощь.

Гизела растерянно замолчала, а Римар хитро посмотрел на друга:

— Вы что там в догонялки играли?

Но Рюдигер непонимающе взглянул на него и пожал плечами.

На следующий день Оливия не тревожила их своим вниманием. Рюдигер решил, что это последствия ее падения, но узнав от Гизелы, что здоровью госпожи ничто не угрожает, успокоился. Гораздо больше его волновало состояние его друга. Он мечтал как можно скорее покинуть Раунштаг, но сделать это можно было лишь, когда Римар окончательно выздоровеет и будет в состоянии сесть на лошадь.

Командир гарнизона удивленно смотрел на стоящего перед ним одного из своих солдат. Гюнтер Штольц был уверен, что знает каждого из своих людей хорошо, но оказывается он ошибался. На всякий случай он недоверчиво переспросил:

— Я как-то плохо тебя понял, что ты предлагаешь мне сделать? Ну-ка повтори еще раз, да погромче!

Худой нескладный парень с торчащими в разные стороны волосами мышиного цвета, не

чувствуя никакого подвоха в просьбе своего капитана, послушно повторил:

— Вы должны обязательно сообщить о находящемся в замке нелюде в Святую инквизицию. Ведь все, кто здесь находится, подвергают опасности свои жизни и свои души.

Он слегка смущался, но был уверен в своей правоте. Но капитан только тихо спросил:

— Ты похож парень образованный, напомни мне, что случилось в конце концов с Иудой? Я что-то подзабыл на старости лет...

Тот обиженно возразил:

— Сообщить куда следует о вампире, чтобы защитить всех находящихся здесь — долг честного христианина, а вовсе не предательство!

Но капитан неожиданно вышел из себя:

— Поговори мне еще тут. Если язык подвешен, иди в философы или богословы, а пока ты солдат, и будешь делать то, что прикажут. Ну ка, быстро на плац, все давно тренируются, пока ты языком чешешь! А если еще заговоришь об этом, и для тебя найдется осина!

Выйдя из небольшой комнатки с низким потолком и зарешеченными окнами, служившей ему личным кабинетом, Гюнтер столкнулся с Рюгом и Римаром. Они возвращались от лекаря. Старый Хасан нервно оглядывался на вампира, который, казалось, не замечал этого и с мальчишеским любопытством изучал убранство комнаты, где все напоминало восточную сказку. Осмотрев Римара, он заявил, что повязки можно снять, но еще пару дней необходимо пить лекарства. Счастливый Римар бросился обнимать лекаря, к нему тут же присоединился и Рюг, чем едва не довел старика до обморока.

Поздоровавшись с капитаном стражи, друзья заметили, что его настроение совсем не такое радостное, как у них. Они осторожно поинтересовались, не случилось ли чего. Расстроенный Гюнтер тут же поделился с ними своим возмущением:

— Совсем житья не стало от этой инквизиции. Старый черт епископ Альбрехт, да простит меня Господь, но другое слово просто не приходит на ум, превратил всех здесь в трусливых скотов. Нацарапать донос на ближнего своего и отправить, куда следует, стало в порядке вещей. На главной площади уже лет десять стоит ящик для письменных сообщений. И в нем никогда не бывает пусто! Все обвиняют всех, сосед пишет донос на соседа, брат на брата, а то и муж на жену. Странно, что городишко еще не опустел!

— А этот Альбрехт, он давно здесь в епископах? — Рюдигер неожиданно проявил интерес к его рассказу.

— Сразу видно, что вы чужестранцы! Его имя здесь известно каждому. Он уже лет двадцать

возглавляет орден. Они обосновались здесь в Лангдорфе, подальше от королевских проверяющих и творят, что хотят. В последнее время старый святоша заметно сдал, всюду

свал нос Георг Мейер, которого Альбрехт готовил себе в преемники. Тот еще мерзавец!

Гюнтер с отвращением вспомнил неожиданный визит сюда в Раунштаг господина Мейера и еще пары дознавателей. С показным равнодушием они дотошно опрашивали всех от последнего конюха до посудомойки, не замечена ли молодая вдова маркграфа в каком-нибудь богопротивном занятии, не читает ли чего по ночам, часто ли бывает в церкви?

— Мы получили некое сообщение, которое необходимо проверить. Так что не взыщите, Госпожа, долг превыше всего!

Когда же наконец им было самое время убраться, Георг Мейер поинтересовался, не хотела бы госпожа Оливия фон Марингер пожертвовать небольшую сумму денег, чтобы поддержать их в опасной борьбе с врагами церкви и государства. Оливия с трудом сдерживала гнев, смуглые щеки пылали от возмущения. Ее изящно унизили и оскорбили, а теперь еще и денег требуют. Сейчас она прикажет своим людям вышвырнуть этих обнаглевших святош за ворота... Она взглянула на капитана стражи, но тот отрицательно покачал головой. У него самого чесались руки выставить из замка Георга Мейера и его подручных, причем сделать это лично, добавив для скорости хорошего пинка. Но сейчас важнее всего, чтобы они оставили госпожу в покое.

К счастью, больше старший дознаватель и его люди в Раунштаге не появлялись.

— Видно ему захотелось приключений, и он отправился на войну. — продолжил рассказ капитан стражи. — Ведь он считал себя опытным бойцом, и был уверен, что только подтвердит свою славу непобедимого борца с нечистью. Вот только он оказался на деле не таким уж умелым, потому что вернулся из Алдании без правой руки.

Побыв в Лангдорфе немного, он собрал отряд из самых опытных бойцов ордена и опять отправился в вашу страну с каким-то секретным поручением Альбрехта, где и сгинул окончательно. Не то чтобы я сильно любил алданцев, я и сам немало воевал с ними, но тому, кто оттяпал Мейеру руку, я бы охотно сказал спасибо.

Римар и Рюг переглянулись, но ничего не сказали.

Оливия стояла в самой высокой башне Раунштага. Внизу, словно муравьи, суетились люди. Весна уже набрала полную силу и вступила в свои права. На лежащих за замком полях заканчивали сев крестьяне, с юга вернулись птицы. Дальше за полями темнел лес, в каждом уголке которого кипела жизнь, порой незаметная для людских глаз. Под теплым ласковым солнцем и на полянах, покрытых нежной светло-зеленой травой, и в глухой непролазной чаще совершалось таинство зарождения новой жизни. Птицы и звери были во власти весеннего безумия. Люди не слишком отставали от своих неразумных собратьев.

Вечером во дворе замка можно было наткнуться на какую-нибудь влюбленную парочку. На следующий день многие служанки зевали и отвечали невпопад, солдаты пропускали удары, нарядные камзолы слуг были застегнуты вкривь и вкось. Обычно Оливия глядела на все это сквозь пальцы, но в этот раз ее все раздражало. Кажется, она сама того не понимая, тоже заразилась весенней лихорадкой.

Ее мучала непонятная тоска и тревога. Вечерами она как можно дольше не ложилась спать, внезапно возненавидев свою роскошную, но пустую кровать. Когда же ей удавалось заснуть, то сны снились такие, что только за них можно было угодить на костер!

Ей было всего двадцать лет, и до сих пор она полагала, что все происходящее между мужчиной и женщиной в темноте супружеской спальни — это не слишком приятная, хотя и неизбежная обязанность. Это можно вытерпеть, но мечтать об этом. Однако то, что творилось в ее снах, вовсе не было неприятным.

Очнувшись от ночных видений, она со стыдом вспоминала горячие поцелуи и сильные мужские руки, склоняющееся над ней лицо то ли ангела, то ли демона с синими глазами. Вот и сейчас, вспомнив вчерашний сон, она ощутила, как жаркий румянец заливает смуглые щеки. Да что же с ней творится, неужели она влюбилась в своего странного спасителя? Он чужестранец, правда Готхейм только что заключил с Алданием вынужденный мир.

И он сильно отличается от обычных людей, достаточно вспомнить, что помогло ему

исцелиться. Гизела упорно твердит, что он опасен, что расплата за любовь такого, как он, для человеческой женщины-ее кровь, и возможно даже жизнь! Но может быть, это того стоит. Кроме того, по словам Римара жена его друга-вовсе не вампирша...

Мысли о женщине, которая где-то далеко также не спит ночами и, уложив непослушных малышей, смотрит в темное окно, сходя с ума от беспокойства за мужа, слегка охладили Оливию. Она вдруг вспомнила, с какой нежной тревогой Рюдигер говорил о о своей любимой, и ей стало невыносимо грустно. Вздохнув, она отвернулась от окна и поспешила прочь из башни.

Женское коварство

Мрачное здание главного управления Святой инквизиции располагалось на краю города за высоким каменным забором. Здесь было основное здание, где вновь прибывших вписывали в специальную книгу и, тщательно обыскав, передавали дознавателям, а если нужно, то и палачам. Надо сказать, такая необходимость возникала почти всегда. Новоиспеченные ведьмы и еретики весьма упорно стояли на своем, отказываясь признаваться в своих богопротивных деяниях, и работы у мастеров пыток было немало.

Работа дознавателей требовала немало упорства и изобретательности, а также грамотности и аккуратности. Все результаты допроса тщательно фиксировались на бумаге и складывались в довольно пухлые папки. Когда наконец вина была доказана, преступник получал по заслугам, то его личное дело отправлялось в архив, находящейся в подвале здания.

Большинство тех, кто трудился здесь на благо церкви и государства, были монахами ордена Святого Доминика и жили в соседнем трехэтажном здании. Кроме дознавателей, писарей, пыточных дел мастеров, у инквизиции были и свои солдаты. Все они были неплохо подготовлены, владели всеми видами известного оружия и имели в своем арсенале стрелы и мечи, покрытые серебром. Но последнее время это дорогостоящее оружие пылилось без дела. В Готхейме похоже не осталось ни одного вампира и оборотня.

Кроме архива, здесь было и подземное хранилище огромного количества разных необычных артефактов, которые обладали весьма необычными свойствами. Волшебные амулеты, магические книги, хрустальные шары гадалок и загадочные кристаллы, все это хранилось за дубовой обитой железом дверью в подвалах основного здания, а ключ был находился у епископа.

Кроме тюрьмы и казармы здесь еще была и алхимическая лаборатория. Лучшие ученые ордена и некоторые из узников, сведущие в науках, пытались превратить медь в золото или найти секрет вечной жизни. Впрочем, поговаривали, что особо талантливые узники работали на епископа Альбрехта в его личной резиденции.

Сидящий в высоком кресле невысокий худой старичок в черной монашеской одежде казался еще меньше. Он уныло перебирал бумаги. Ну ничего нового, все доносы — сплошная ложь, написанная из зависти или личной неприязни. Похоже, их борьба за души соотечественников завершилась полной победой. Не осталось больше в стране ни настоящих чародеев, ни отвратительных выроdkов, вампиров и оборотней. Прямо хоть объявляй о закрытии Святой инквизиции...И из Алдании их вежливо попросили!

Тамошние нелюди были непохожи на своих готхеймских сородичей, превратившихся в жалкие и запуганные создания, последним пристанищем которых были подвалы заброшенных домов или катакомбы под городом.

В Алдании все было иначе. Многие из этих выроdkов гордились своим знатным происхождением, с раннего детства обучались владению оружием. Правители сознательно делали на них ставку, как на грозную силу в борьбе с внешними врагами. Встретить вампира или оборотня в приличном обществе или даже при королевском дворе, да что там говорить,

в церкви, было обычным делом!

Епископ с отвращением скривился, как будто отведал чего-то кислого. Безбожные еретики! Впрочем, он возлагал на войну с Алданией большие надежды. Эта загадочная страна была просто полна таинственных мест и древних артефактов, как рождественский мешок Святого Николая. Загадочные порталы, ведущие в иные миры, заброшенные подземелья, полные необычных предметов, странные звери в лесах и огромные урожаи в крестьянских огородах.

Как жаль, что молодость осталась в прошлом, как впрочем и здоровье. Проклятый ревматизм, заработанный в сырых каменных казематах и подвалах инквизиции, где он проводил немало времени на допросах, теперь жестоко мучил Альбрехта. Если бы не болезнь, он сам бы отправился в Алданию на поиски таинственного источника силы. А так пришлось послать Георга, который был дорог ему, как сын. Мало того, что он до сих пор не нашел себе достойного преемника, но даже не знает, где сложил голову Мейер, и кто виноват в его смерти. Впрочем, он знает, кто лишил его приемного сына правой руки. Барон Рюдигер фон Шлотерштайн. С Алданией заключен мир, но это не значит, что со временем он не сможет отомстить!

Нет, все же жаль, что ни во всем Готхейме, ни здесь в Лангдорфе, совсем не осталось вампиров. Их слишком старались уничтожить, что было несомненно правильным, но надо было постараться сначала разгадать тайну их способности заживлять раны чуть ли не на глазах и сопротивляться болезням. Где теперь найдешь подходящий объект для изучения?

Внезапно он пробежал глазами по листку, который держал в руке, и чуть не вскрикнул от удивления: «Довожу до вашего сведения, что в замке Раунштаг, принадлежащем маркграфине Оливии фон Мерингер, находятся двое алданцев, граф Римар Забельский и барон Рюдигер фон Шлотерштайн. Последний из этих господ является вампиром, и это представляет серьезную опасность для всех остальных. Поскольку наша госпожа относится к этому со странным легкомыслием, я взял на себя смелость сообщить об этом!»

Епископ Альбрехт громко рассмеялся. Удача наконец улыбнулась ему. Господь не отвернулся от него, раз привел этого нелюдя прямо ему в руки. Он приказал сейчас же позвать к нему командира особой группы. Входившие в эту группу сто человек, хотя и дали монашеские обеты, но были пожалуй самыми опасными и умелыми воинами среди солдат Инквизиции. Среди готхеймцев о них ходили легенды. Говорили, что настои особых трав помогают им видеть в темноте и не чувствовать боли, что их искусство владения оружием так велико, что в проливной дождь, упражняясь со шпагой, они способны отбить все капли и даже не замочить рукава. Что многие из них носят ожерелья из вампирских клыков, как талисманы, и гордятся таким страшным украшением.

Они гордо называли себя Господними Псами и выполняли самые трудные и опасные поручения Верховного Инквизитора. Внимательно выслушав епископа, командир Псов Господа слегка удивился. Его людям было вполне по силам справиться с одним единственным нелюдем, если уж он так необходим Верховному Инквизитору живым. Но господин епископ просил пока только наблюдать и ставить его обо всем в известность.

— Видишь ли Бруно, мы не можем просто придти и схватить его. Ведь он чужестранец, а с Алданией у нас уже три дня, как заключен мир! — глава инквизиции с трудом подавил желание плюнуть прямо на разложенные на столе бумаги. — Ты привык к тому, что твои противники отвратительные создания, жалкие выродки, убивать их кажется тебе совершенно правильным, к тому их исчезновения никто особо и не заметит. А наш знакомый

принадлежит к знатному роду, известному в Алдании, и если слуги инквизиции на глазах у всех после заключения мира похитят его, то не избежать громкого скандала... Так что твоя задача пока только собрать как можно сведений о гостях маркграфини и их ближайших планах. А теперь иди и подумай, как выполнить это задание!

Верховный инквизитор с трудом дождался, когда командир особого отряда покинет его. Кости ломило так, будто его только что сняли с дыбы. Он поскорее открыл ящик стола и, достав небольшую бутылочку темного стекла, сделал из нее несколько глотков. Настойка из семян мака снимала на время боль и помогала уснуть. Правда после нее часто снились кошмары, но они уже стали настолько привычными, что епископ не обращал на них внимания.

Избавившийся наконец от повязок Римар горел желанием проверить свои силы. Вытащив друга чуть ли не силой во двор замка, он принялся упражняться с ним в фехтовании. Недавно проснувшийся вампир недовольно щурил глаза от яркого майского солнышка, но исполнял все прихоти выздоровевшего друга. Они не пошли на плац, что бы не отвлекать солдат гарнизона от привычных занятий, а расположились неподалеку от хозяйственных построек. Здесь во всю кипела работа. Работники таскали на кухню из кладовой тяжелые корзины с овощами, кувшины с маслом и уксусом и копченые окорока.

Засмотревшийся на гвардейцев мальчишка запнулся и уронил корзину с яйцами, тут же получив от наблюдавшей за ними могучей дамы в белом чепце и таком же переднике хорошую затрещину.

Другие носили в пекарню мешки с мукой и таскали воду из находящегося прямо во дворе колодца, прямо у него расположились три молоденькие служанки, стиравшие белье в больших корытах при помощи темного мыла с резким запахом. Рядом с одной из прачек бегала маленькая девочка со светлыми волосами, время от времени мать отвлекалась от работы и подзывала ребенка к себе, следя, что бы та не убежала слишком далеко.

— Рюдигер, прекрати двигаться, как сонная муха, я уже вполне здоров, и хочу настоящего боя. — рассерженный Римар отбросил со лба прядь черных волос, отросших за время болезни.

— Ты напрасно злишься, я просто хочу, чтобы ты проработал все приемы. Но если ты настаиваешь, то можно и побыстрее! — клинок вампира замелькал с удвоенною скоростью. Римар еле успевал отбивать удары, лицо его стало злым и сосредоточенным, но пощады он не просил. Наконец Рюдигер опустил клинок:

— Может пока достаточно? Давай хотя бы передохнем немного, — ты действительно почти здоров, и кстати техника твоя стала намного лучше!

Они присели на каменных ступенях кладовой. Над ее крыльцом был железный навес, который сейчас укрывал их от жаркого, почти летнего солнца. Разбуженный Римаром сутра пораньше, Рюдигер прикрыл глаза, не в силах сопротивляться желанию немного подремать. За эти две недели он успел отвыкнуть от армейской дисциплины и спал, сколько душе угодно.

Сквозь сладкую дрему он неожиданно почувствовал, что чьи-то маленькие пальчики теребят его за рукав.

— Ульрика, папа хочет спать, — пробормотал он, не открывая глаз. Стоп, он же не дома. Пересилив себя, он открыл глаза и увидел рядом с собой светловолосую малышку одной из служанок. Девочке было не больше двух лет. Одетая в выцветшее голубое платьице,

она доверчиво улыбалась и протягивала ему желтый одуванчик. Эти вездесущие цветы не только окрасили желтым луга за стенами замка, но пробивались сквозь утоптанную землю и во дворе. Он осторожно взял цветок из маленьких пальчиков и поднял глаза на друга. Тот вертел в руках желтый цветок и как-то странно улыбался, глаза были мокрыми. Белокурая малышка здорово напоминала ему Эльвиру.

Мать девочки в очередной раз подняла голову от работы и увидев дочку рядом с алданцами, чуть не уронив корыто, бросилась к ним. Схватив ребенка на руки, женщина поглядела ни них взглядом раненой волчицы:

— Ее отец погиб в вашей безбожной Алдании, а вам все мало! Не смейте подходить к моей девочке!

Они в молчании проводили женщину долгими взглядами.

Наконец Римар хрипло произнес:

— Пора домой!

— Тогда за дело! — Рюдигер протянул ему оружие. Вскочив на ноги, они снова принялись драться, их клинки ударялись друг о друга с такой силой, что звон разносился по всему двору. Хозяйка замка, совершающая утренний обход своих владений в компании ключницы, удивленно подошла посмотреть на их сражение. Засмотревшись на яростную схватку двух лучших друзей, она с испугом воскликнула:

— Да вы что поубивать друг друга решили?

Мужчины опустили клинки и повернулись к ней, красные и растрепанные, но веселые:

— Это всего лишь тренировка, учебный бой! Никогда нельзя расслабляться!

Оливия на минуту задумалась и вдруг выпалила:

— А мне можно попробовать? Господа, дайте даме несколько уроков!

Римар с трудом сдержал улыбку, но Рюдигер утвердительно кивнул:

— Почему бы и нет. Это не так уж и сложно, было бы желание! — он протянул Оливии фальшион, который та бойко схватила. Вспомнив про ключницу, которая глядела на все это с явным неодобрением, она важно ей кивнула:

— На сегодня все Берта, ты можешь идти!

Благообразная седая дама в темно-коричневом платье поспешила к замку, бормоча под нос что-то про поведение, неподобающее для порядочной женщины.

Подражая фехтовальщикам, красавица встала в стойку, выставив руку с клинком вперед. Рюдигер показал, как должны быть расположены пальцы на рукоятке, посоветовал выпрямить спину и принять более устойчивую позу. Слушая его советы, она опустила глаза, чувствуя, как горят щеки. Но тут же расправив плечи, попыталась атаковать Римара. Тот покосился на друга:

— Что так сразу и в бой?

Тот не возражал:

— Так намного быстрее все запоминается. Ну, начали!

Оливия, любившая яркие цвета, которые надо сказать, очень ей шли, была в красном шелковом платье. Длинный подол слегка мешал ей, поэтому она придерживала его рукой и смело атаковала Римара, стараясь переставлять ноги так, как только что показал вампир.

Вскоре граф Забельский поднял клинок вверх.

— Я прошу пощады. Рюдигер, смени меня, ведь это твоя затея!

Оливия обрадовалась перемене партнера, но вскоре была разочарована. Удары посыпались на нее со всех сторон. Барон вскоре понял, что слегка увлекся, и остановился. С

трудом отдышавшись, молодая женщина одернула платье и растроенно вздохнула. Подол дорогого шелкового платья был беспощадно разрезан чуть ли не до пояса. Она возмущенно сунула фальшион растерянному Рюдигеру и, придерживая одной рукой разрез, чуть не бегом покинула друзей.

Римар похлопал друга по плечу:

— На что только не пойдет женщина, чтобы добиться внимания нужного мужчины! Ну скажи правду, неужели все ее усилия напрасны? Когда ты смотрел, как она машет твоим фальшионом в этом умопомрачительном платье, неужели ты ничего не чувствовал?

Рюдигер удивленно обернулся к другу:

— А что я должен был чувствовать?

Римар постарался выразиться поделикатнее:

— Ну скажем, что очень соскучился по жене!

Барон фон Шлотерштайн слегка покраснел:

— Признаться, я никогда не думал так о госпоже фон Мерингер. Скорее она напоминает мне Анну, совсем еще ребенок. Ты прав в одном, если бы на ее месте была Лизхен, я бы несомненно проиграл! В костюме для фехтования она выглядит бесподобно!

Римар проворчал себе под нос:

— Она у тебя во всем выглядит бесподобно, хотя на мой вкус несколько грубовата. Дама из благородного сословия должна бы вести себя поскромнее. — тут он спохватился, не обидел ли друга, и поспешил добавить, — но она одна из самых красивых женщин, каких я знаю, после Элины конечно!

Но Рюдигер и не думал обижаться:

— Это правда, она частенько говорит то, что думает. И никогда не отступает ни перед кем!-

— Вот-вот, прет напролом, в этом вы с ней удивительно похожи, — съехидничал Римар.

Женщина должна быть мягкой и уступчивой, нежной и изящной. Такую хочется оберегать и защищать, а твоя Лизавета сама кого хочешь защитит, а то и отколотит, если посчитает нужным! — он вдруг осекся, что это с ним, наговорил лучшему другу ни с того, ни с сего такого, за что можно и вызов схлопотать.

Но вампир только улыбнулся:

— Я-то ведь знаю, что она, как никто другой на свете, нуждается в моей любви и защите,

Меня не обманешь! Кстати, хрупкие и слабые создания очень хорошо умеют добиваться своих целей с помощью слез и обмороков! — теперь уже он ехидно посмотрел на Римара.

Тот растерянно прислонился к кирпичной стене кладовой. А парень из Темнолесья вовсе не так прост, как кажется! Он произнес извиняющимся тоном:

— Может простишь мне, все что я наговорил! Просто я дико соскучился по дому, вечером, как закрою глаза, тут же вижу жену и дочку!

— Я не в обиде, у каждого свои понятия о женской красоте! — барон принял извинения, но все же не удержался от едкого замечания, — Кому-то нравятся здоровые и крепкие, а кто-то предпочитает тоненьких и слабых, которые с трудом двери открывают. Ну это дело вкуса,

Лишь бы поскорее вернуться домой и обнять наших красавиц! Кстати, представь только, нас наверно считают погибшими. Вдруг они поторопились сообщить об этом нашим семьям!

Римар нетерпеливо перебил его:

— Завтра же едем к своим! Я здоров, и больше нет смысла испытывать гостеприимство наших хозяев!

Гюнтер Штольц согласно кивнул, услышав о желании алданцев покинуть Раунштаг. Их присутствие совсем не мешало ему, более того он испытывал некоторую симпатию к молодым людям. Но его тревожила Оливия, которая кажется решила, что наконец встретила мужчину, достойного ее любви, и просто преследовала барона фон Шлотерштайна. То, что он был вампиром, о которых в Готхейме рассказывали разные небылицы, только усиливало ее интерес к гостю. Кроме того, несмотря на перемирие, он боялся, что у его гостей могут быть проблемы с инквизицией. Епископ Альбрехт вряд ли прислушается к королевскому указу, слишком уж привык ощущать себя полновластным хозяином здесь в Лангдорфе.

— Подождите пару дней, вернется наш управляющий из поездки по дальним деревням, и я смогу выделить вам людей для охраны. Пожалуйста, не спорьте, это совершенно необходимая мера. Армия Валенберга в трех днях пути, в Тауберге, я буду спокоен, зная, что вы доехали без проблем!

Время уже давно перевалило за полночь, все в замке Раунштаг крепко спали. Даже часовые на стенах дремали, опираясь на алебарды, не в силах бороться с желанием закрыть глаза.

Пожалуй только Рюдигер никак не мог уснуть. Вообще-то для него это было совершенно нормальным, но первое время после сражения с оборотнем он чувствовал себя неважно и совсем как обычный человек засыпал, как только стемнеет. Когда солнце уже вовсю светило в небе, он с трудом выбирался из липкой паутины кошмаров. За все время его пребывания здесь еще не одна ночь не обошлась без тревожных, а иногда откровенно жутких видений.

В своих снах он бродил по темным подземельям с низкими потолками, ища выход и с ужасом понимая, что его нет. Женская фигура в старинном наряде возникала ниоткуда и манила его за собой, он открывал тяжелые проржавевшие двери и натыкался на жуткую улыбку прикованного к стене скелета. С ужасом понимая, что выхода нет, и он останется навсегда в этих сырых и мрачных коридорах, он прислонялся спиной к пахнущей плесенью стене. и просыпался.

Рюдигер старался избавиться от неприятных ощущений с помощью горячей молитвы и никому об этом не рассказывал. Жаловаться на ночные кошмары словно перепуганной женщине было по его мнению недостойно барона фон Шлотерштайна.

Сейчас он думал о том, что проведя две недели в Лангдорфе, он так ничего и не узнал о таинственном кубке, хранителем которого оказывается была его семья. Похоже вдвоем с Римаром они ничего не смогут сделать. Но надо хотя бы взглянуть, что представляет из себя Управление Святой Инквизиции, неужели эта крепость настолько неприступна?

Вдруг он услышал чьи-то легкие шаги в глубине коридора, дверь приоткрылась...и никого. В темной комнате вдруг наступила странная тишина. Рюдигер замер, просто не в силах пошевелиться от внезапно навалившегося на него страха, не дающего даже вздохнуть.

Однажды с ним уже было что-то подобное. В далеком детстве в Куличках, проснувшись глубокой ночью, также скованный непонятным ужасом, он увидел у своей кровати маленькое мохнатое существо размером чуть больше кошки. Строго взглянув на него

большими блестящими глазами, нечто погрозило ему мохнатым пальцем и скрылось за печкой.

На следующий день забежавшая к ним в поисках Лизы бабка Настя прислушалась к восторженному рассказу мальчишки и пояснила:

— Так тебе сам хозяин показался, домовой! Надо было не глазеть, а спрашивать!

— Что спрашивать? — хором спросили Рюг и Лиза, на минуту забыв о пирогах с печенкой.

— К худу или к добру? Хозяин так просто не показывается, — авторитетно заявила Настасья, а тетушка Крина согласно кивнула.

Заглянувший в дом из мастерской Иоганн недовольно нахмурился:

— Что вы парню голову забиваете, мало ли что во сне привидится!

— Домового уважать надобно, иначе обидится хозяин и перестанет помогать! — тетушка Крина слегка повысила голос, но бывший солдат только отмахнулся:

— Все это глупости, бабьи сказки!

Он вышел за дверь и тут же вернулся назад.

— Куда второй сапог подевался, ума не приложу. Ну если это проделки вашего дружка лопаухого, я его точно без хвоста оставлю!

— Да причем тут Васька? — возмутился Рюдигер, он был не совсем уверен в невиновности приятеля, но считал своим долгом отвести от него любые подозрения.

Криная хитро улыбаясь, посмотрела на мужа:

— Ну теперь проси у домового прощения, сказать надо» Домовой, домовый, поиграй да Отдай!» и найдет он твою пропажу.

Однако Иоганн не думал сдаваться:

— Ничего не поделаешь, схожу в чулан за новыми!

Настасья забыла о ждавших ее дома неотложных делах и присела на лавку у стены, с интересом ожидая, чем закончится эта история.

Резко хлопнула дверь, затем с треском откинулась крышка сундука, послышались приглушенные проклятия, затем из чулана появился Иоганн Кранц. В руках он держал совершенно новый, приятно пахнувший кожей и дегтем, сапог очень большого размера, но только один. Он растерянно посмотрел по сторонам:

— Не видно там ни черта, надо бы свечку зажечь!

— Полно притворяться, тебе как раз все прекрасно видно. Проси у домового прощения или ходи босиком!

— Любишь ты меня дураком выставить, — сердито буркнул бывший наемник, но тетушка Криная только вздохнула:

— Прости, хозяин, моего мужа неразумного. Дожил до седых волос, а не знает ни обычаев, ни вежливого обращения. Батюшка домовый, поиграй, да отдай, помоги найти потерю!

Рюдигер не утерпел и заглянул за дверь — оба сапога были на месте, пораженный, он молча поставил их перед крестным на деревянный пол. В чулане на дне сундука спокойно полеживал сапог из другой пары. Убедившись в могуществе домашнего духа, Рюдигер еще долго пытался еще раз увидеть его и задать заветный вопрос, но больше никто его по ночам не пугал.

Теперь также он испытывал непонятный страх, хотя ему давно уже было не восемь лет.

Он хорошо видел в темноте, и в отличие от большинства людей мог точно сказать, что в двух шагах от кровати вовсе не притаилось ужасное чудовище, а всего лишь стоит небольшой столик красного дерева. Что на большом кресле вовсе не сидит жуткий монстр, а просто лежит небрежно сложенная одежда. Здесь все было также, как и при дневном свете, но страх и ощущение присутствия чего-то необъяснимого не покидали его.

Вдруг он почувствовал, как на кровать рядом с ним опустилось что-то тяжелое. Из сгустившегося белого тумана вдруг образовалась тонкая женская фигура. Призрачная девушка горько плакала, закрыв лицо руками, худенькие плечи вздрагивали. В комнате заметно похолодало и запахло затхлой сыростью, словно в подвале. Рюдигер всегда был уверен, что привидения невесомые бестелесные создания, но обиженный призрак уселся ему прямо на ноги. Рюгу показалось, что на него опустили тяжелую каменную плиту.

Некоторое время он мужественно терпел это неудобство, не решаясь потревожить горько рыдающую девицу, но в конце концов не выдержал и осторожно кашлянул. Призрак еще раз судорожно всхлипнул и, отняв руки от лица, повернулся к нему. Взглянув поближе на непонятное создание, Рюдигер почувствовал ужас и одновременно подступающую к горлу тошноту.

На когда-то милостивом девичьем лице совершенно не было носа, только жуткая дырка, по краям которой белели кости, губ также не было, существо жутко скалилось голыми зубами. Похоже, над лицом бедняжки потрудились крысы. Из черных блестящих лишенных зрачков глаз на него посмотрела сама тьма, и он поспешил отвести взгляд. Тонкие руки, покрытые трупными пятнами, вдруг протянулись к его горлу и с силой сдавили его. Сбросив охватившее его оцепенение, Рюдигер принялся отдиравать от своей шеи ледяные пальцы, в сердцах воскликнув:

— Да что ты ко мне пристала, не я же тебя уморил!

Призрак удивленно уставился на острые клыки, слегка покачав темноволосой головой, и разжал руки. Вдруг дверь снова тихонько скрипнула, в комнату кто-то зашел, мертвая девица моментально превратилась в белесый туман, который растаял в темноте.

Рюдигер с облегчением перекрестился и еле сдержался, чтобы не заорать во весь голос. На его кровать вместо рассерженного призрака осторожно присела еще одна, на этот раз совершенно живая и, кажется, не на шутку взволнованная женщина. Он с удивлением узнал в ней Оливию фон Мерингер. На юной хозяйке замка была легкая ночная рубашка из белого шелка с глубоким вырезом, открывающим красивую грудь. На смуглые плечи был накинута сверху тонкий пеньюар. Черные блестящие волосы, ничем не собранные, рассыпались по плечам. Вокруг нее разносился легкий аромат восточных благовоний, смешанный с нежным запахом сирени.

Еще не опомнившийся от первого посещения, Рюдигер осторожно коснулся ее руки, чтобы убедиться, что перед ним действительно существо из плоти и крови. Она была настолько горячей, что легкое прикосновение оставило ощущение ожога.

— Это действительно вы, слава Богу, — он вздохнул с облегчением, но тут удивленно поинтересовался, — но что вы здесь делаете в такое время?

Вместо ответа женщина вдруг нагнулась и быстро коснулась его губ своими, горячо зашептав:

— Я больше не могу так, ты заставляешь забыть меня о всех приличиях.

Выпрямившись, она изящным движением скинула с точеных плеч пеньюар, открывая прекрасное, скрытое лишь тонким шелком ночной рубашки, тело. Рюдигер вдруг подумал,

что кажется совершенно напрасно считал ее неразумным ребенком. Перед ним была взрослая уверенная женщина, которая прекрасно сознавала всю силу своей опасной красоты.

Нежные ловкие пальцы стянули одеяло и заскользили по его коже, она прижалась к нему всем телом, заставляя вспомнить о том, что он молодой и здоровый мужчина, а вовсе не послушник в монастыре. Испуганный таким странным поведением, он поспешил отодвинуться на безопасное расстояние.

— Пожалуйста перестаньте, вы не должны... — он укоризненно покачал головой, старательно избегая смотреть в глубокий вырез ее открытого наряда.

Она смело выдержала его удивленный взгляд и с нежностью провела ладонью по черным непослушным волосам. Он резко и даже грубо отстранился. Прикосновения чужих рук, чужой запах, который он улавливал даже среди восточных ароматов, раздражали, оставляя ощущение обмана.

Что бы он только не отдал сейчас за то, что бы нежные и сильные руки любимой сняли усталость и тревогу, подарили уверенность и силу, но она так далеко. Пройдет еще немало дней, прежде чем он обнимет свою жену, но вся его нежность и страсть принадлежат только ей, и никому другому. Рюдигер глубоко вздохнул, как будто вынырнул из глубокого омута. Вежливо, но решительно он подтолкнул красавицу к выходу:

— Я думаю, вы должны вернуться к себе. То, что вы ошиблись комнатой, останется между нами.

— Неужели я настолько неприятна тебе? — обиженно поинтересовалась она. Он постарался

ответить как можно мягче:

— Вы прекрасны и достойны всего самого лучшего, надо только чуть-чуть подождать.

Я просто подвернулся вам под горячую руку.

Услышав его слова, она вся поникла, разом утратив всю свою смелость, и превратилась из роковой соблазнительницы в растерянную девчонку. В темных глазах заблестели слезы, губы задрожали. Рюдигеру было искренне жаль, что это из-за него ей так больно.

— Послушайте, не надо плакать...

— Только не смей меня жалеть!

Она резко вскочила, скомкав тонкий пеньюар и стрелой вылетела вон из комнаты.

В раскрытую дверь из коридора потянуло сквозняком, шторы на окне зашевелились, будто живые. Барон фон Шлотерштайн вдруг понял, что больше ни минуты не сможет здесь оставаться.

Римар, разбуженный посреди ночи громким стуком в дверь, непонимающе смотрел на стоящего перед ним друга. Тот был в штанах, но босиком, в камзоле, наспех накинутом на голое тело, в одной руке он держал сапоги, в другой ножны с оружием. Очутившись за закрытой дверью, он облегченно вздохнул, но тут же с подозрением огляделся по сторонам.

Римар удивленно спросил:

— Ты кого ищешь?

— Надеюсь, у тебя тут нет никаких гостей, вроде скажем Гизелы...

Римар неожиданно обиделся:

— Как ты можешь так про меня думать. Если меня ждет дома самая красивая женщина

в

Алдании, разве буду я тащить в постель смазливых служанок.

— Ты меня успокоил, — усмехнулся вампир. Он свалил свои вещи в кучу рядом с кроватью, улегся на нее, и ничего не объясняя, тут же заснул. Озадаченный Римар улегся рядом, возмущенно отвоевав у спящего друга половину одеяла.

Избавленный наконец от кошмарных снов, барон устроился поудобнее, заняв чуть не всю постель, и до обеда спал, как убитый. На следующий день он коротко рассказал другу о беспокойном привидении, правда умолчав о второй ночной гостье. Римар выслушал его с интересом, то и дело безбожно зевая. Он весь остаток ночи проворочался на узком краешке кровати, а под утро даже свалился на пол.

— Да, веселенькая у тебя выдалась ночка! — от всей души посочувствовал он другу. — Я и не знал, что здесь есть привидения!

Госпоже фон Мерингер не здоровилось, по словам Гизелы ничего серьезного, но она не выходила из своих покоев. Услышав про привидение, девица неожиданно смутилась:

— Да ведь я толком ничего знаю про Раунштаг, вот госпожа Берта всю жизнь здесь прожила.

Старая ключница поджала узкие губы:

— Это правда, здесь является иногда неуспокоенный дух. Лет двести назад один из хозяев замка, желая избавиться от ставшей слишком назойливой любовницы, велел запереть ее в подвале на пару дней, а затем выгнать прочь. Дело было перед свадьбой господина, и в суете о несчастной позабыли, когда же подвал отперли, то никого не нашли. Там слишком много запутанных коридоров, видно бедняжка заблудилась в одном из них.

А всего через неделю хозяин замка был найден мертвым в своей спальне. На лице его был такой ужас, как будто он увидел самого черта, молодая жена двух слов не могла связать от страха. Вскоре, ничего не объясняя, она вернулась к родителям. Замок перешел к его двоюродному брату.

С того времени, стоило в этой комнате заночевать любому мужчине, и в лучшем случае все обходилось седыми волосами или заиканием на всю жизнь. Призрак бедной девушки безжалостно мстил всем без исключения. С тех пор эта комната пустует, никого не заставишь ночевать в проклятом месте.

Рюдигер возмутился:

— Так почему же меня поселили именно туда?

Старуха посмотрела на него с плохо скрываемым отвращением:

— Да ведь ты же нелюдь, что тебе сделается! К тому же ты прожил там две недели, и ничего с тобой не случилось. Все остальные не выдерживали и двух ночей!

Римар похлопал рассерженного вампира по плечу:

— Слава Богу, вы более крепко скроены, а то как бы я сейчас разговаривал с заикой!

Тот даже не улыбнулся:

— Это не очень смешно, а вот бедная девушка видно приняла страшную смерть. Ее надо найти и похоронить по всем правилам. Пойдем-ка к командиру стражи.

Долго уговаривать того не пришлось. Гюнтер Штольц немедленно отправился в огромное подземелье под замком в сопровождении двух своих людей и алданцев. Привязав конец веревки в начале длинной лестницы, уходящей глубоко вниз, они храбро спустились глубоко под землю. Солдаты освещали путь факелами, тихо переговариваясь между собой.

Длинный темный коридор имел множество ответвлений, похоже под замком был

выстроен целый лабиринт. Они уже зашли довольно далеко, и Гюнтер Штольц в растерянности остановился, не слишком понимая, как отыскать здесь тело девушки, погибшей лет двести назад.

Идущий следом за ним Рюдигер вдруг застыл на месте. В узком тоннеле, ведущем влево, он увидел что-то необычное и смело свернул в темноту. Римар и один из солдат поспешили за ним. Огонь выхватил из темноты вытянутую вперед руку, в отчаянии вцепившуюся в каменную стену истлевшими пальцами. Женский скелет, одетый в полусгнившие лохмотья, лежал вниз лицом. В последние минуты она еще стремилась к выходу, который так и не смогла найти.

При виде безнадежно распластавшейся на холодных камнях подземелья хрупкой фигурки сердце Рюга болезненно сжалось. Он уже забыл о кошмарных минутах, пережитых им этой ночью, и горько жалел, что помощь запоздала к бедняжке на целых два столетия. На мгновение все почувствовали жуткий потусторонний холод, непонятно откуда взявшийся сквозняк чуть не затушил факелы. Но вампир поднял почти невесомый скелет на руки так грустно и осторожно, как будто это была живая женщина.

— Ну вот и все. Скоро все закончится, и ты уйдешь туда, где нет ни предателей, ни темных сырых подвалов! — голос Рюдигера чуть дрогнул, и он поспешно повернулся в направлении выхода. Римар был уверен, что глаза друга были мокрыми от слез. Впрочем, и на него эта история, полная обмана и безысходности, произвела гнетущее впечатление.

Покойницу похоронили у северной стены Раунштага, местный священник прочел все необходимые в таких случаях молитвы. Ключница с невозмутимым лицом кивала его словам. Спустившаяся из своих покоев, Оливия была удивительно к месту грустной и задумчивой, Гизела и еще пара служанок вытирали мокрые глаза. Когда среди зеленой травы вырос могильный холмик, и двое солдат из охраны воткнули туда простой деревянный крест, Рюдигер вдруг ощутил, как прохладная женская ладонь коснулась его щеки. Рядом с ним никого не было, но подняв глаза, он увидел, как с одной из башен замка вспорхнула в небо белая птица.

Ад на земле

Графиня фон Эммерих, жена капитана королевских гвардейцев, стояла на паркете своей роскошной гостиной с листком в руках. По мере того, как она погружалась дальше в письмо мужа, ее красивое лицо становилось растерянным и удивленным. Она настолько увлеклась чтением, что даже не услышала, как к ней подошла свекровь. Одета, как всегда не по возрасту в смело открытое платье, с безупречной прической, красивая и статная, госпожа Стефания с надеждой заглянула через плечо Клодии в измятый листок, исписанный размашистым неровным почерком.

— Так когда же ждать нашего героя? — сквозь наигранную веселость в голосе Стефании слышалась тревога за сына. Клодия растеряно опустила руку с письмом, янтарные глаза вдруг наполнились слезами:

— Яромир пишет, что не сможет пока приехать домой. Он не покинет Готхейм, пока ничего не узнает о судьбе Римара и Рюга.

Двери приоткрылись, и появившийся в них слуга торопливо объявил:

— Госпожа, к вам графиня Забельская и баронесса фон Шлотерштайн!

Не успел он закончить свою речь, как послышался стук каблучков, двери распахнулись настежь, и в комнату попросту ворвались Лиза и Элина. Жена Римара была совсем не похожа на себя. Светлые волосы выбивались из прически, глаза покраснели от бесконечных слез. Лиза в мужском костюме выглядела слегка уставшей, она только что приехала в Златоград верхом в сопровождении Ланы и двух охранников. Но настроены обе были крайне решительно. Клодия взглянула на мрачное лицо своей давней подруги и сунула руку с письмом за спину.

Госпожа Стефания, предчувствуя не слишком приятный разговор, попыталась придти невестке на помощь, предложив гостям присесть с дороги. Но Элина не слишком вежливо отказалась и тревожно заявила, что последнее письмо она получила больше месяца назад, из Ротенбурга, и несмотря на конец войны, других известий от мужа нет. Лиза подтвердила, что также перестала получать и без того редкие письма. Кроме того, ее и днем и ночью изводила странная тревога, и она, поручив детей свекрови, отправилась в Златоград. Ведь война закончилась, и она могла покинуть родной город, не боясь нарушить данную мужу клятву.

Клодия попыталась изобразить на лице удивление:

— Да ведь и я долго не получала никакой весточки. Мужчины, что с них взять. Не слишком-то они любят бумагу и чернила! А может письма просто затерялись в пути... — продолжала на ходу импровизировать она. Но Элина заглянула ей за спину:

— А что это там ты прячешь, милая подруга?

Больше скрывать не имело смысла, Клодия молча протянула скомканный листок подругам, и они, едва не разорвав его на две части, принялись разбирать не слишком понятный почерк Яромира. Дочитав до конца, обе глубоко вздохнули, чтобы унять рвущиеся наружу рыдания. Лиза решительно заявила:

— Я еду туда. Ни за что не поверю, что с ними случилось что-то плохое, это какое-то

глупое недоразумение!

Элина взяла ее за руку:

— И я с тобой! Даже не думай меня отговаривать! — на нежном, словно фарфоровом, личике

Застыла суровая решимость, и Лиза, немного подумав, согласно кивнула. Клодия обняла их за плечи:

— Я ни за что не отпущу вас одних. Кроме того, ужасно хочется посмотреть, будет ли Яромир рад моему неожиданному появлению!

Госпожа Стефания наконец обрела дар речи:

— Но милые мои, вы же женщины! Что вам там делать, чем вы сможете помочь?

Клодия тряхнула непокорной гривой каштановых кудрей, и янтарные глаза вдруг на мгновение стали почти желтыми, в ее движениях проскользнуло что-то звериное:

— Могу заверить, что не всякая женщина беззащитна!

Стефания неожиданно сдалась. Пусть едет, она уж точно не даст ее мальчика в обиду.

— Отправляйся с Богом, с Марком будет все в порядке. Ты только подробно расскажи, как кормить, сколько гулять. Я уж не подведу!

Лиза недоверчиво взглянула на такую легкомысленную с виду Стефанию, но Клодия улыбнулась:

— Она справится, Марк свою бабушку просто обожает!

Пара ведер холодной воды с размаху обрушилась на голову заключенного. Не слишком надеясь на волшебную силу живительной влаги, боец особого отряда от всей души наподдал связанному пленнику сапогом в живот. Вампир с трудом открыл глаза и тут же крепко зажмурился. Окна выходили на солнечную сторону, сейчас был полдень, и солнце, усиленное еще парой дорогих зеркал, било ему прямо в глаза. После беспросветного мрака камеры, где не было ни одного окошка, глаза резануло болью, сразу потекли слезы.

Окованный железом носок сапога снова врезался ему в живот:

— Не слишком ли ты торопишься плакать, выродок? Ты зачем-то нужен господину епископу Альбрехту, я должен убедиться, что ты не повредился рассудком. Удары по голове да еще пару хороших глотков сонного зелья не всякий выдержит, но вы же, гады, живучие!

Парень явно наслаждался своей властью. В отряд он попал совсем недавно, настоящего вампира он видел впервые, и надо сказать, особого впечатления пленник на него не произвел. Нелюдь совсем по-человечески старался защититься от ударов, сжимаясь в клубок и выставляя вперед скованные цепью руки. Он даже ни разу не попытался пустить в ход свои острые клыки. Его мучитель с презрением плюнул и еще раз пнул свою жертву.

Все произошло слишком быстро, он даже не понял, как очутился на полу с разбитым в кровь носом, на шею была накинута цепь, сковавшая руки пленника. Вампир рывком поднял его на ноги, слегка стянув цепь, словно удавку. Он наклонился к к незадачливому охраннику и почти ласково прошептал:

— Если еще хочешь пожить, то веди себя тихо, кстати вынужден заметить, что твоя кровь отвратительно воняет!

Искать ключи было бесполезно, и оглушив тюремщика, Рюдигер разоружил его, позаимствовав неплохой нож и короткий меч. Сжимая меч двумя руками, он осторожно выскользнул в длинный коридор, где было подозрительно тихо и пусто. Цепи на запястьях мешали держать оружие и тревожно позванивали, он молил Бога, чтобы это бряканье не

привлекло других стражников.

Он помнил их смелую вылазку в ночной город. Стены, за которыми скрывалось мрачное здание Инквизиции, были высокими и прочными, наверняка тут куча охранников. К штурму такой крепости надо было серьезно подготовиться. По крайней мере его и Римара тут явно недостаточно. Когда они уже отъехали на довольно приличное расстояние, их встретил вооруженный отряд. Короткая, но жестокая схватка на темной улице, брошенная на него откуда-то сверху сеть, которую не брало лезвие меча, несколько ударов по голове, больше он ничего не помнил. Во рту остался отвратительный привкус какого-то зелья, виски сверлила тупая боль. Судьба жестоко подшутила над ним, и он попал в руки того самого Альбрехта, о тайных делах которого старался разузнать.

Уйти далеко у него не получилось. Коридор вдруг наполнился звуками, от которых боль в висках стала еще сильнее. Громко топали солдатские сапоги, гремело оружие, он слышал их разговор, но с трудом разбирал слова. Сзади к нему спешили телохранители епископа, а из-за поворота навстречу шагал сменившийся патруль. Кажется он переоценил свои силы, эта отравка, которую в него влили, не жалея, все еще действовала. Преодолев внезапный приступ слабости и тошноты, он встал в боевую стойку и сжал меч, решив хотя бы продать свою жизнь подороже. Если он не сумел вырваться из лап инквизиции, то шансов выжить у него нет. Медленно, словно во сне, подбежавший первым, стражник занес меч, но получив неожиданно сильный отпор, отступил, зажимая рану в боку. Следом налетели другие, десятник вскинул арбалет, громко приказав отойти, чтобы он как следует прицелился.

Но наконец дохромавший до них невысокий седой человек негромко, но так, что все слышали, приказал во что бы то ни стало взять мерзавца живым и по возможности невредимым. Тогда на него навалились уже всем миром, несмотря на то, что меч в скованных руках все еще был смертельно опасен, и еще двое заплатились за свою необдуманную смелость. Слово седого коротышки имело здесь большую силу, в конце концов Рюдигера сбили с ног, рукоять чужого меча опустилась на голову, перед глазами поплыли красивые цветные звезды, и он отключился.

Принцесса Шарлотта грустно посмотрела на лучшую подругу. Самая красивая фрейлина при дворе, ее наряды всегда так изысканны, а манеры безупречны. Что бы не случилось, она всегда сдержанна в проявлении эмоций, хотя на деле вовсе не была бесчувственной ледяшкой. Шарлотта знала, что Элина сильно переживала предательство родного отца, всегда была готова помочь друзьям делом, а, если надо, и кошельком

Своего мужа она полюбила с первого взгляда и на всю жизнь, просто считала не слишком приличным выставлять свою любовь на всеобщее обозрение. Когда она рассказывала о нем подруге, ее лицо преображалось, глаза загорались, и Шарлотта начинала по-хорошему завидовать Элине. Принцесса считала Римара довольно заурядным молодым человеком, слишком скромным, хотя несомненно красивым. Высокий и стройный, с черными волосами и серыми глазами он составлял прекрасную пару изящной светловолосой Элине.

У их малышки Эльвиры были светлые локоны матери и серые глаза отца в обрамлении длинных темных ресниц. Хотя тетка Элины, Маргарет утверждала, что со временем волосы девочки потемнеют, станут такими же черными, как у Римара. Ах, если бы Шарлотта могла так же страстно и безоглядно, как подруга, полюбить Станислава. К сожалению ее острый ум всегда преобладал над сердцем, и к своему мужу она испытывала скорее дружеские

чувства.

Теперь она была очень удивлена желанием Элины немедленно ехать на поиски мужа. Шарлотта не слишком верила в чудеса, тем более на войне. Может быть лучше оставаться в неведении, чем заливать слезами свежую могилу. Впрочем, для лично для нее было бы лучше знать правду, какой бы она не была. Кое в чем она все же может помочь подруге.

— Я выделю вам охрану и сопроводительные письма. Никто не посмеет вас задерживать, Вы не должны терять ни одного дня! Да и немного денег не помешает!

Элина нахмурилась, но принцесса взяла ее за руку:

— Пожалуйста, никаких возражений, позволь просто помочь тебе хоть чем — нибудь! Я бы и сама с удовольствием поехала с тобой, навестила Станислава, но здоровье отца не позволяет мне оставить его.

Это была вовсе не отговорка, Максимилиан Третий вот уже вторую неделю не вставал с постели. Придворные лекари не могли определить причину странной болезни. По ночам он горел словно в огне, а днем, совершенно обессиленный, не мог сделать и пары шагов.

Его дочь с головой окунулась в государственные дела, решительно поставив на место некоторых высокопоставленных господ, которые считали, что политика-дело вовсе не женское. Между тем лучше королю не становилось, и по дворцу поползли слухи, что спасти Его Величество может только чудо.

Римар очнулся на каменной мостовой одной из улиц Лангдорфа. Уже почти рассвело, и только бурые пятна засохшей крови на булыжниках напоминали о разыгравшемся здесь ночью сражении. Он с трудом встал и не успел сделать и шага, как его вырвало чем-то омерзительным горьким, но имеющим сладковатый привкус. Отдышавшись, он с изумлением поднял лежавший рядом палаш, кинжал висел на поясе, и даже кошелек был на месте. Неизвестные, напавшие на них ночью, оставили его в живых, просто бросив на улице, как ненужную вещь. Они пытались изображать грабителей, но мастерство, с каким они владели оружием, и слаженные четкие действия заставляли в этом сомневаться.

Кажется их целью был барон фон Шлотерштайн, на второго алданца они не обращали внимания, уверенные, что он не будет большой проблемой. Но он сумел убедить их в обратном, на краткий миг ему даже показалось, что еще чуть-чуть, и победа будет за ними. Осознав свою ошибку, неизвестные занялись друзьями всерьез. И все же, если бы не подлая хитрость их противников, возможно гвардейцам удалось бы вырваться из их лап.

В утреннем тумане слышался стук копыт, конь темно-серой масти ткнулся влажными губами в ухо хозяину. Римар с трудом взобрался в седло, и медленным шагом направил коня по узкой улочке. Он понятия не имел, кто были напавшие на них ночью люди, но его друг был у них в руках. Осознав собственную беспомощность в чужом городе, молодой человек чуть не заплакал.

В это время конь, предоставленный сам себе, неожиданно резко остановился, уткнувшись носом в колодезь. Римар слез на землю, и чуть пошатываясь, с грохотом раскрутил цепь и вытащил ведро ледяной воды. Он с удовольствием напился сам и напоил коня. Подошедшие к колодезю молодые женщины с ведрами в руках, видимо служанки в богатых домах, тихонько хихикали над симпатичным незнакомцем, который по их мнению провел веселенькую ночь. Не обращая внимания на их шуточки, он быстро вскочил в седло. Несколько глотков воды вернули его к жизни. Вскоре он уже выезжал из городских ворот с твердым намерением вскоре вернуться, и не одному. Они с друзьями перевернут все в этом

чертовом Лангдорфе с ног на голову, но выручат Рюга из беды.

Верховный Инквизитор был в прекрасном настроении. Он весело поинтересовался у командира особого отряда, как там себя чувствует заключенный. Тот не очень охотно ответил:

— Все с вашим кровососом в порядке, сидит на цепи в подвале. Зато двоих моих людей завтра похоронят, а пятеро в лазарете. Если бы не ваш приказ, я бы заставил его заплатить за каждого из них. Неужели он так необходим? Может, когда вы закончите свои дела, и он станет не нужен, вы отдадите его моим ребятам?

Епископ улыбнулся командиру Псов, словно неразумному ребенку:

— Терпение, Бруно, имей терпение! Может быть потом. Но пока ни ты, ни твои убийцы не тронут его без моего приказа даже пальцем! Поверь, у меня большие планы на этого нелюдя, тебе понравится, будь спокоен!

В сопровождении троих телохранителей Альбрехт спустился на нижний, подвальный этаж здания Инквизиции. Здесь были специально оборудованные помещения для допросов с пристрастием, вдоль коридора тянулись двери камер, чем-то напоминающих загон для скота. Только у хорошего хозяина скоту живет лучше. В коридоре стойко держался запах гнилой соломы и мочи, к нему добавлялся запах крови, ползущий из комнаты для допросов. Идущий первым охранник немного повозился с ключом и распахнул дверь камеры. Нагнувшись, он вытянул руку с факелом и осветил тесное помещение. Пленник сидел на соломе, прислонившись спиной к стене. Он равнодушно взглянул на непрошенных гостей и закрыл глаза.

— Вам, господин барон, кажется не слишком здесь нравится, раз вы пытались покинуть это

место, даже не удостоившись беседы со мной? — насмешливо поинтересовался глава Инквизиции.

— Война окончена, вы не имеете права удерживать силой подданного другой страны, дворянина! Вам придется ответить за это! — гордо заявил пленник с неожиданным в его положении высокомерием. Невысокий старичок неприятно рассмеялся:

— Не имеем права, говоришь? Это у себя дома в Алдании, ты можешь считаться уважаемым

членом общества и потомком старинного дворянского рода, а здесь ты никто и ничто. Жалкое подобие человека, вы оскверняете землю своим существованием.

Вампир еле заметно умехнулся:

— Как много слов... Однако войну-то вы проиграли.

— Да, война закончилась, скоро все вернется к обычной жизни, а вот о тебе никто и не вспомнит, ведь никому неизвестно, что ты в наших руках. Так что советую забыть про гордость и быть поговорчивее, чтобы немного облегчить свою незавидную участь!

— Да в чем же заключается моя вина? — устало поинтересовался Рюдигер, он уже понял, что его собеседник приведет сотню причин, согласно которым ему нет места на земле.

— Ну в во-первых уже одно то, что ты не человек, делает тебя опасным, — торжественно заявил епископ. Рюдигер нашел в себе силы возмутиться:

— Я что виновен уже тем, что родился на свет? И когда же вы поймете наконец, что мы

тоже люди, хоть и отличаемся от остальных!

Старый хитрец встревожено покосился на возмущенно загремевшего цепями пленника и продолжил:

— А во-вторых ты причинил лично мне страшную боль!

Вампир с удивлением уставился на него, но епископ продолжил:

— Это твой нечестивый меч лишил одного из лучших моих людей правой руки. Георг был дорог мне как сын, но он по всей вероятности погиб в вашей безбожной стране. Имя его убийцы я не узнаю, но кто сделал его калеккой, мне известно! Мейер сам назвал мне это имя! Ведь это тебя зовут Рюдигер фон Шлотерштайн, не правда ли?

— И что же мне было ждать, когда он прикончит меня первым? — проворчал Рюдигер. — Ведь это же было в бою, там раздумывать некогда!

— Ну и в-третьих, ваш проклятый род, ведущий видимо свое начало прямо из ада, был долгое время хранителем знаменитой Чаши жизни. Вот уже двадцать пять лет, как это сокровище в наших руках, но мы ничего не знаем о ее свойствах.

Пленник разочарованно прислонился к холодной стене, зашуршав соломой:

— Да мне ничего об этом неизвестно, меня тогда и на свете не было, тут вы просчитались.

— И наконец, — вдохновенно продолжил епископ, — меня всегда поражала ваша способность к заживлению ран, ваша невероятная живучесть. К сожалению, долгое время вас просто уничтожали, что несомненно было необходимым. Но была упущена возможность изучить, понять, что помогает вам исцеляться чуть ли не на глазах. В Готхейме вампиров, пожалуй, не осталось, но раз уж ты попал к нам в руки, эту возможность мы не упустим! Начнем прямо сейчас! Отведите его в лабораторию, да не будьте такими олухами, как вчера, закуйте в серебро и глаз не спускайте!

От слов епископа все внутри неприятно сжалось и похолодело, но Рюдигер постарался не думать о том кошмаре, который по всей видимости ожидал его. С равнодушным и даже надменным видом он позволил надеть на себя серебрянные оковы. Взглянув на чуть живого от страха стражника, он не удержался от улыбки, которая получилась похожей на оскал. Увидев так близко острые клыки, тот в ужасе отшатнулся от вампира и даже уронил ключи.

Яромир спустился по лестнице на нижний этаж дома, удивленный словами часового, что его ожидают три весьма сердитые дамы. Он с удивлением увидел трех недовольных женщин, устроившихся на мягких креслах. Дом богатого торговца из Тауберга подвергся их бесцеремонному вторжению. Все они были ему слишком знакомы.

Элина с усталым видом привалилась к бархатной спинке кресла. Лиза, напряженная словно струна, присела на краешек, готовая вскочить в любой момент. Третья дама, одетая в замшевую куртку и такие же штаны, сидела прямо на пушистом мягком ковре, скрестив ноги в высоких, напоминающих чулки сапогах. Рыжие кудрявые волосы были заплетены в аккуратные косы, красивое, не тронутое загаром, лицо с мелкой россыпью веснушек было строгим и решительным. На стройной шее висело жутковатое ожерелье из звериных клыков, за поясом торчал кинжал, за плечом висел арбалет. Девушка явно приехала не на прогулку. Яромир с удивлением признал в ней Лану. Спустившиеся следом за ним Римар и Важек на минуту застыли, как вкопанные.

Затем Римар бросился к Элине и, схватив в охапку, закружил по всей комнате, рискуя сбить с ног друзей. Важек застыл на месте, не находя слов и не решаясь подойти к Лане.

Невысокий и худенький, с острым носом он выглядел моложе своих лет, и казался едва ли не ровесником юной дикарки. Она, вскрикнув от радости, вскочила с ковра и первая шагнула к нему. Взяв парня за руку, она вдруг жутко смутилась и покраснела. Лиза с замиранием сердца смотрела на второй этаж, но больше никто оттуда не появлялся. Она побледнела и с силой вцепилась в подлокотники кресла.

Яромир хотел подойти к ней и как-то успокоить, но что-то огромное, черное и лохматое сбило его с ног, уронив прямо на пушистый ковер. Огромная волчица принялась облизывать его лицо, шумно дыша и поскуливая. Яромир, смеясь, отбивался. Затем, встав на ноги, он сдернул покрывало с дивана и накинул на зверя. Через минуту рядом с ним стояла, кутаясь в покрывало, слегка растрепанная и счастливая Клодия.

Элина неожиданно осознала, что для нее весь кошмар последних месяцев закончился. Она крепко обнимала мужа и совсем не хотела покидать его сильные руки. Сейчас она впервые в жизни совершенно не думала о приличиях. Римар же благодарил Бога, что она приехала в Тауберг именно сегодня, а не парой дней раньше. Ведь он только вчера добрался до своих.

Яромир увел Клодию наверх, что она привела себя в порядок и выглядела, как подобает супруге капитана королевских гвардейцев. Важек и Лана, стесняясь чужих взглядов, вышли на улицу. Лиза ощутила, что струна внутри нее вдруг с треском оборвалась. Она закрыла лицо руками и, сгорбившись, зарыдала в голос. Римар и Элина бросились ее утешать. Она согласно кивала в ответ на их утешающие искренние слова, но слезы все не кончались, лишь на мгновение стихали, но тут же снова обрушивались горячим соленым потоком ей в ладони. Наконец водопад превратился в два тоненьких ручейка, но и они исчезли. Лиза последний раз всхлипнула и подняла покрасневшие глаза на стоящих вокруг.

Вдруг дверь резко распахнулась, и в уютную чистую гостиную, громко смеясь, ввалились Марек с Бориславом, оставляя на красивом ковре черные следы огромных сапог. Сзади них чуть смущенно топтался Терн.

— Эй, капитан, к вам тут говорят жены прибыли. Что же вы, госпожа баронесса, наших прихватить с собой не догадались! Мы бы тоже не отказались обнять и потискать своих женушек! — Марек взглянул на только что переставшую рыдать Лизу и пожалел о своей шутке. Борислав взлохматил и без того непослушные волосы ладонью:

— Ты, Лизавета, не реви только, не надо! Мы твоего мужа из-под земли достанем, обязательно найдем. Ведь без него нам домой лучше и не соваться!

— А то, — подхватил Марек, — старший братец ни за что не простит, что мы его зачатого друга из беды не выручили! Да и дядька Иоганн прибьет ненароком! О твоей бабке и не говорю даже, со свету сживет, если узнает! А если всерьез, то мы своих в беде не бросаем!

Лиза слабо улыбнулась и благодарно посмотрела на деревенских приятелей. Может, чтонибудь у них и получится.

Рюдигер думал, что подвал, где держали заключенных и выбивали из них признания с помощью разнообразных пыток, находится на самом нижнем этаже здания. Однако пройдя по длинному коридору, они спустились еще ниже. Шагнув в просторную, хорошо освещенную комнату, они попали в царство алхимика. Небольшого роста, в запачканной и местами прожженной рясе, человек был совершенно лысым.

Стол перед ним был заставлен самыми необычными стеклянными колбами и

пузырьками. В некоторых что-то дымилось и шипело, в глиняных плошках были насыпаны цветные порошки. Вдоль стен тянулись длинные полки. Здесь тоже было, на что посмотреть. Кроме глиняных горшочков, на каждом из которых был нарисован непонятный символ, здесь стояли прозрачные сосуды, в которых плавали невиданные создания со множеством щупалец, змеи и ящерицы, и даже человеческому сердцу тут нашлось место.

Из одного сосуда на барона строго глянул единственным глазом жуткий уродец, напомилавший только что рожденного младенца. Далее следовал ребенок с рыбьим хвостом вместо ног и чья-то ладонь с шестью пальцами. Еще один зародыш имел подобие хвоста и большие заостренные уши.

От мысли, что живые и разумные существа всего лишь объект для изучения и непонятных опытов, Рюдигеру стало не по себе. Он с тревогой вглянул на такого безобидного с виду ученого, который перестал стучать в ступке фарфоровым пестиком и с почти детским удивлением уставился на троих стражников и их закованного в серебро пленника.

— Признаться, я не поверил господину епископу, когда он обещал мне такой редкий объект для исследований. Настоящий живой вампир, я думал, вас почти не осталось...

«Дать таким, как ты волю, и вообще никого на свете ни останется! Всех в банки пересажаешь!»—с отвращением подумал Рюдигер.

— Погружаясь в тайны мироздания, забываешь обо всем. Ведь в большом мире война с Алданией, и тебе не повезло. Но зато повезло мне и несомненно, науке! — алхимик шагнул ближе, а Рюдигер, напротив, отступил назад, насколько позволяли кандалы. Маленький алхимик казался ему настоящим прислужником дьявола, и барон очень не хотел быть разрезанным подобно лягушке в его богопротивных опытах.

Один из стражников предостерегающе поднял руку:

— Брат Иеремия, он может быть очень опасен.

Но ученый нетерпеливо заметил:

— Но ведь серебро сдерживает их, это всем известно. К тому же у меня есть замечательное приспособление! — он показал на некое подобие кровати с железными тисками для рук и ног.

— Мне не терпится начать! Помогите нашему гостю расположиться поудобнее! — он взял со стола маленький остро заточенный нож с узким лезвием.

— Первым делом надо проверить его способность к восстановлению!

Стражники нерешительно переминались с ноги на ногу. Представив себя во власти этогонедоноска с ножом, Рюдигер в панике рванул руки в стороны, не обращая внимания на жгучую боль. Мягкий металл не выдержал, цепь со звоном лопнула. Освобожденная от оков рука врезалась в одного из охранников, и он отлетел к правой стене. С полок с жалобным звоном посыпались редкие экспонаты.

Приподняв второго стражника за ворот куртки, вампир бросил его на стол алхимика. Солдат проехал по нему, сбивая колбы и пузырьки, содержимое склянок смешивалось, при этом что-то дымилось, шипело и даже взрывалось. Одна из колб пролилась прямо на его руку, мигом оставив обугленную дыру в одежде и заставив его корчиться от боли.

Третий стражник быстро выскочил за дверь. Рюдигер не пытался его остановить. Он нагнулся и поднял с пола нож с узким острым лезвием, при крепко этом схватив за ногу пытавшегося скрыться под столом брата Иеремию. Подняв алхимика, словно куклу, барон ловко уложил его на хитрую кровать. Тиски на руках и ногах защелкнулись сами,

практически бездвигив пленника. Рюдигер с задумчивым видом повертел нож в руке:

— Ты прямо заразил меня своей жаждой знаний. Может теперь проверим и твою способность заживлять раны?

Ученый, кажется, потерял дар речи, и только таращился на него выцветшими голубым глазами, которые от страха стали в два раза больше.

В это время дверь в лабораторию распахнулась, и она стала быстро заполняться стражниками. На пленника направили арбалеты. Командир отряда, молодой парень с рыжими кудрявыми волосами, удивленно уставился на разгромленную лабораторию.

Его солдаты тихо переговаривались между собой. Маленького алхимика здесь недолюбливали, считая безбожником и опасным чародеем. Но покровительство епископа защищало его от любых нападков, по крайней мере до той минуты, пока сюда не заглянул Рюдигер фон Шлотерштайн.

Весь пол был покрыт осколками стекла и лужами с резким запахом, в которых плавали диковинные уродцы. Предводитель отряда быстро отодвинул ногу от лилового комка со множеством щупалец и почти с сочувствием обратился к вампиру:

— Сам видишь, сопротивляться бесполезно, а бежать тут некуда. Может, пойдешь с нами по-хорошему?

Признав его правоту, Рюдигер со вздохом согласился. Хорошенько размахнувшись, он метнул стилет в уцелевшую полку. От сильного удара с нее полетели оставшие склянки с уродцами и банки с порошками. Теперь картина была полной. Он с удовлетворением окинул взглядом созданный им хаос и поднял руки.

Лиза еще раз поглядела на свое отражение. Из зеркала на нее смотрела красивая, богато одетая дама. Однако глаза от бесконечных слез были красными, а лицо на удивление бледным. Видимо сказывались бессонные ночи и перенесенная месяц назад простуда.

Благополучно пережив зимние морозы, ранней весной она подхватила сильную горячку и почти две недели пролежала в кровати, став предметом всеобщей заботы. У ее постели сменяя друг друга, дежурили ее мать, свекровь, тетушка Крина и Настасья. Всегда отличавшаяся крепким здоровьем, Лиза была готова сквозь землю провалиться, что доставила им столько хлопот. Но болезнь вскоре отступила, оставив лишь слабость, которая постепенно исчезла, и частое желание заплакать.

Не желая, чтобы к ней продолжали относиться как к беспомощному ребенку, она сняла со стены шпагу, прихватила с собой удивленную Лану и отправилась в гости к крестному Рюга. Старый солдат переживал не лучшие времена. Он почти справился с хромотой, что было несомненно чудом. Ведь после такого ранения и молодые парни нередко оставались калеками. Для его деятельной натуры было невыносимо сидеть дома, когда другие сражаются на войне.

С испугом наблюдавшая за ним тетушка Крина не раз втолковывала ему, что война вот-вот кончится, готхеймцев окончательно разобьют и без него. Поэтому появление у них в доме Лизы, желающей освежить в памяти приемы фехтования и обучить им своенравную дикарку, она восприняла с облегчением. В другое время она осудила бы молодую жену барона за столь бессмысленное занятие. Предназначение женщины дарить и оберегать жизнь, а не обучаться тому, как ее отнять.

Но заметив, с какой радостью ее муж откликнулся на это предложение, она перекрестилась. Пусть лучше учит девчонок железками тыкать, чем сходит с ума от тоски.

Она же с удовольствием приглядит за малышами. Очаровательные и беспокойные Алекс и Ульрика иногда казались знахарке родными внуками, которых у нее никогда не было. Видимо понимая это, дети платили ей горячей привязанностью.

Лиза вспомнила их недавние занятия и улыбнулась Лана оказалась на редкость способной. Недостаток опыта юная вампирша восполняла скоростью и силой, быстро став довольно опасным противником. Ей же самой нравилось сжимать в руке эфес шпаги и чувствовать, как с каждым движением в нее вливается уверенность в себе, возвращается ощущение здоровья и молодости.

Она еще раз посмотрела в зеркало. Может оставить все как есть? Безутешная жена, плачущая все ночи о неизвестно куда пропавшем муже... Ну уж нет! Она не доставит этим высокомерным готхеймцам такого удовольствия. Придется прибегнуть к женской хитрости, Элина не откажется одолжить ей румяна и краску для губ. Через полчаса все было готово. Немного краски и белил скрыли следы бессонных ночей и горьких слез, пышные волосы с некоторым трудом были уложены в высокую прическу, голубое платье прекрасно сидело на стройной фигуре, она выглядела именно так, как должна выглядеть дама ее круга.

Спустившаяся со второго этажа Элина поторопила ее. Они должны были побывать у графа Конрада фон Левенхайда. По поручению короля Готхейма Карла Четвертого он занимался вопросами по возвращению и обмену пленных. Римар был твердо уверен, что их друг попал в руки безжалостной готхеймской инквизиции, и призывал немедленно ехать в Лангдорф. Яромир поддерживал его, возмущенно заявляя, что никто не имеет права лишить свободы гражданина другой страны, потомка знатного рода, и те, кто это сотворил, еще пожалеют о своей глупости.

Но Важек убедил друзей, что стоит попытаться отыскать Рюга вполне мирными способами. По условиям мирного договора между Алданией и Готхеймом все пленные с обеих сторон должны были вернуться домой.

Лиза ожидала увидеть важного и надменного пожилого господина, но граф фон Левенхальд, которому король предоставил самые широкие возможности, был ничуть не старше ее самой. Золотистые волосы спускались до плеч, небольшая бородка была аккуратно подстрижена. Красивое лицо было строгим и усталым, серые глаза покраснели от возни с бумагами. Граф оторвался от списка фамилий и взглянул на вошедшую, а точнее сказать, ворвавшуюся в зал даму.

Лиза только сейчас заметила, что левая рука молодого человека была перевязана. Это говорило о том, что он провел вовсе не за пером с ченильницей. Граф внимательно выслушал прекрасную посетительницу. Обычно просьбы всех женщин были совершенно одинаковы и отличались только именем дорогого им человека, и той страной, за которую воевал пропавший без вести. Но выслушав решительную светловолосую красавицу, он слегка удивился. Буквально полчаса назад не менее решительная и тоже очень красивая женщина с черными волосами с такой же тревогой в голосе умоляла узнать хоть что-нибудь о судьбе Рюдигера фон Шлотершгайна. Первая дама была законной супругой пропавшего и матерью его двоих детей. Вторая же носила имя и титул одной из самых известных и богатых в Готхейме семей. Ситуация осложнилась тем, что этот незадачливый барон сумел бесследно исчезнуть уже после заключения мира. В Лангдорфе... Внезапно Конраду показалось, что он близок к разгадке.

— Скажите пожалуйста, госпожа баронесса, ваш муж обычный человек или... — он

растерянно замолчал, не зная как потактичнее задать свой вопрос. Нельзя же спросить в упор милую женщину с чуть дрожавшим от беспокойства голосом, кто отец ее детей, человек или исчадие ада, безбожный выродок, как принято считать в Готхейме.

Красавица гордо вскинула голову и с вызовом посмотрела на Конрада:

— Он вампир, но неужели это так важно. Его семья известна и уважаема, если речь пойдет о выкупе, деньги не будут проблемой...

Граф Левенхальд слегка смутился. Молодой человек был честен и прямолинеен, не умел лгать и притворяться. Сейчас он боялся, как бы прекрасная посетительница не прочла у него на лице удивления и отвращения к пьющим кровь.

— Видите ли, это важно в том случае, если он попал в руки Инквизиции. Епископ Альбрехт имеет в Лангдорфе огромную власть, но я думаю, он все же не осмелится идти против королевского приказа. Я дам соответствующие распоряжения, и уже завтра мы сможем поговорить с их представителем. Кстати судьбой вашего мужа интересовалась маркграфиня Оливия фон Мерингер. Она обязана ему и его другу спасением жизни и очень огорчена их внезапным исчезновением.

Тревога на лице женщины сменилась еле сдерживаемым гневом, но она справилась с собой и поспешила покинуть кабинет. Выйдя за дверь, она увидела Римара и Элину, которые были заняты оживленной беседой с черноволосой красавицей. Чуть поодаль с недовольным видом стояла хорошенькая блондинка, видимо служанка. Она иногда бросала на Элину сердитые взгляды, но дочь королевского советника видимо не считала прислугу достойной своего внимания, и все усилия Гизелы пропали зря.

Римар расцвел в улыбке:

— Лиза, позволь представить тебе госпожу фон Мерингер. Мы были гостями в ее замке, пока не оправились от ран. Госпожа Оливия, это и есть дама сердца моего лучшего друга.

Оливия с интересом разглядывала свою счастливую соперницу. По утверждению Гизелы любая женщина рядом с вампиром не протянула бы и года. Но стоявшая перед ней дама вовсе не выглядела ни бледной, ни больной. Ее цветущая красота говорила о крепком здоровье, а дерзкий взгляд ясных серых глаз о сильном характере. Хотя на взгляд Оливии в баронессе было что-то простонародное. На минуту ей даже показалось, что она сейчас отбросит все правила хорошего тона и устроит скандал ничуть не хуже базарной торговли. Но Лиза только мило улыбнулась:

— И я, и Элина, мы бесконечно вам благодарны за вашу доброту и христианское милосердие!

«И радуйся, что этим все и ограничилось, а то я бы здорово подпортила тебе и личико, и прическу!»-мрачно добавила она про себя. Почему-то госпожа фон Мерингер вызывала у нее непонятное раздражение. Её забота о пропавшем госте казалась Лизе подозрительной.

Оливия ответила ей такой же милой улыбкой:

— О, для меня это было вовсе не трудно. Ведь они спасли мою жизнь и честь, — она обратилась к Римару, — к сожалению, вы поторопились покинуть Раунштаг. Я просто места не находила от беспокойства и, как оказалось, не зря. Но я каждый день молю Бога, что бы все закончилось благополучно!

Элина с беспокойством следила за Лизой. Она хорошо понимала, что творится в душе подруги и опасалась, как бы измученная неизвестностью и долгим ожиданием та попросту не вцепилась маркграфине в волосы. Она вмешалась в обмен любезностями:

— Мы все молимся об этом, но если вы не против, нам пора! Увидимся завтра,

посмотрим, что нам ответят из Лангдорфа.

Конрад фон Левенхальд смотрел в приоткрытое окно, как Оливия фон Мерингер легко взлетает в седло, и совершенно не боясь измять атласное лиловое платье, усаживается по-мужски. Эта женщина была непохожа ни на одну из знакомых ему замужних дам или юных девиц. Он был очарован ее необычной для Готхейма южной красотой, несомненным благородством и смелостью, с которой она разыскивала пропавшего вампира. Ему вдруг захотелось познакомиться с ней поближе.

Рюдигер снова вернулся в свою камеру. Больше никакие опыты над ним продолжать не собирались. Казалось, про него просто забыли. Теперь он был крепко закован в железо, а не в оказавшееся таким ненадежным, мягкое серебро. Раз в день дверь открывалась, и в нее просовывали миску с едой и ломоть отсыревшего хлеба. По мнению вампира это вряд ли можно было назвать едой, скорее помоями. После перенесенных испытаний ему точно не помешала бы пара глотков свежей крови, но тут об этом нечего и мечтать. Но тарелку нормального супа и кусок мяса могли бы обеспечить заключенному. Вода в кувшине и та была несвежей, застоявшейся. Но раз его тюремщики считают, что он недостоин жить, с чего им заботиться о нормальных условиях.

— Послушайте, но ведь это просто невозможно есть! — возмущенный вампир протянул стражнику почти полную миску, — Это уже два дня, как протухло, там и черви завелись!-

— Вы только посмотрите, господину не нравится! Ну и сиди тогда, не жравши! — захохотал стражник, — Или жди, когда к тебе еще какого-нибудь еретика поделят, тогда и пообедаешь, как привык!

Он со смехом захлопнул дверь, из-за которой все еще слышались жуткие ругательства узника. Наконец шаги стражника стихли в конце коридора, Рюдигер рассержено пнул ногой в стену, по привычке проверил на прочность торчавший из каменных блоков железный крюк, на котором была закреплена цепь, и в отчаянии опустил на солому.

Постепенно он успокоился. Неплохо бы в самом деле, что бы здесь появился кто-нибудь еще, кроме крыс. Эти жуткие твари пока еще боялись его, но с каждым днем нагнали все больше. Совали нос в миску с едой, бегали по нему, когда он спал, и были его единственными собеседниками.

Днем еще было слышно шаги и голоса охранников, звон ключей и крики из камеры пыток. Но ночью наступала жуткая, почти сверхъестественная тишина. Темнота в тесном помещении, лишенном окошек, сгущалась, становясь совсем непроглядной даже для него. В такие минуты Рюдигер переставал понимать, жив ли он еще, или уже умер. Страх остаться здесь навсегда, в темном вонючем подвале среди крыс, и никогда не увидеть своих близких, да и просто дневного света, заползал в душу, словно змея, грозил лишить рассудка. В отчаянии он принимался твердить заученные с детства молитвы и незаметно засыпал тяжелым тревожным сном.

В этот раз ему снились родные места. Высокие стройные сосны, уходящие верхушками в синее небо. Берег, заросший травой, в которой краснеют словно капельки крови, ягоды земляники, обрывом спускается вниз, к реке. Здесь пахнет хвоей и сыростью, но женская рука тянет его вперед и увлекает за собой на горячий песок.

Полуденное солнце, словно раскаленный огненный шар, неожиданно нависает прямо над ним, рискуя спалить заживо. Он уже чувствует, как трещат волосы и горит кожа. Белый речной песок под босыми ногами раскалился не хуже адской сковородки. Открыв глаза и

едва не ослепнув от бьющего в них яркого белого света, он перестает понимать, что сон, а что явь. Над головой действительно синее небо, ясное без единого облачка, и безжалостное июньское солнце, под ногами раскаленное железо. Наконец он понимает, что прикован цепями к дымоходу на крыше здания. Отсюда открывается прекрасный вид на город, видно собор и ратушу, и вдалеке можно разглядеть башни Раунштага. Вот только, солнце жжет все сильнее. Похоже о нем просто забыли, оставив его тут на весь день.

Никогда до этого он не думал, что ласковое летнее солнце может быть таким беспощадным. Несколько лет назад, когда в Куличках восстанавливали старый замок, он не раз забывал надеть рубаху в летнюю жару, настолько увлекали его строительные работы. Расплатой за это были болезненные ожоги и возмущенные причитания жены. Но смазанные особым бальзамом тетушки Крины, они быстро заживали, и не шли ни в какое сравнение, с тем, что происходило сейчас. Лето только вступило в свои права, но жара стояла просто нестерпимая. Солнце, казалось, стало ближе к земле, и жгло всех без пощады. На улицах днем нельзя было застать ни души. Жизнь замирала, и оживлялась к вечеру. Без крайней необходимости люди старались в жару не выходить на улицы. А ему пришлось проторчать на раскаленной крыше целый день, да еще по пояс раздетым. Наконец рядом с ним откинулась крышка люка, и из отверстия появились стражники.

— Э, да он совсем поджарился, наверно долго не протянет, — их голоса делаются тише, и пропадают, в глазах темнеет. В себя он приходит уже в камере.

— Ну что, как там солнышко? — ехидно интересуется епископ. — Надеюсь, тебе понравилось?

К сожалению, брат Иеремия и слышать о тебе не хочет, к тому же у него ни одной склянки не уцелело, так что с изучением твоих возможностей придется подождать. Ты совсем не хочешь помочь нам, но к счастью вы слишком крепко спите и в это время совершенно беззащитны. Но возможно солнечные ванны улучшили твою память, может ты что-нибудь расскажешь о Чаше Жизни.

Пленник неожиданно улыбается обожженными губами:

— Вот бы взглянуть на нее, может хотя бы покажешь?

Инквизитор становится серьезным.

— Это невозможно, она хранится не здесь... Кстати, я слышал, ты жалуешься на еду и наверно страдаешь от одиночества. Я решил это исправить.

Дверь открылась, и в нее втолкнули испуганного тощего парня с разбитым лицом в когда-то бывшей белой рубахе. Его также приковали к стене, правда его цепь была длиннее и давала некоторую свободу действий. Вскоре епископ с телохранителями покинули их. Небольшое окошко на двери сегодня оставили открытым, и сквозь него в камеру проникает немного света. Новенький, загремев цепью, допрыгал до своего соседа и наклонился над ним, с состраданием рассматривая страшные ожоги на груди и плечах. Даже лицо обгорело. Насколько он понимал, выжить с такими ожогами невозможно.

— И откуда ты такой закоптившийся, с костра что ли сняли? — вздохнул парень, не ожидая ответа лежавшего перед ним полутрупа. Но тот неожиданно открыл глаза и растянул в улыбке распухшие потрескавшиеся губы, показав острые клыки:

— Не с костра, а всего лишь с крыши. Никогда не думал, что загорать так опасно для жизни!

Его сосед быстро вернулся на свое место и забился в самый угол. Рюдигер с усилием сел, привалившись обожженной спиной к стене. Теперь холодные стены подземелья слегка

облегчали нестерпимую боль. Вот уж точно все познается в сравнении! Непрестойно ругаясь, он дотянулся до кувшина с водой и с наслаждением выпил все до капли.

Из темного угла неожиданно раздался голос:

— Выглядишь, как демон, а ругаешься, как портовый грузчик! Кто же ты такой?

— Ах, извините, забыл представиться, — хрипло рассмеялся Рюдигер, — барон Рюдигер фон Шлотерштайн, подданный короля Алдании, несказанно рад знакомству!

Из угла неуверенно донеслось:

— Мне тоже очень приятно. Я Клаус Летнер, студент. А ты человек или...что-то другое?

— В Алдании нас называют пьющими кровь, у вас вампирами, мы считаем себя людьми, поскольку были ими до времен Черной Звезды. Сам выбирай, что тебе больше нравится!-

насидившийся в тишине и одиночестве Рюдигер выдал целую тираду в ответ на вопрос парня.

— Ничего себе...Так вы есть на самом деле! Вот уж никогда бы не подумал, что буду делить

Камеру с вампиром! — студент выбрался из темноты, видимо любопытство пересилило страх. Высокий, одного роста с Рюгом, он выглядел не слишком складным из-за худобы, темно-русые волосы почти доходили до плеч, о чертах лица было сложно было судить из-за синяков и ссадин, но карие глаза смотрели на мир честно и открыто. Еще раз посмотрев на вампира, он удивленно охнул, страшные ожоги заметно подсохли и уменьшились, вместо опухшей покрытой волдырями маски, на него смотрело красивое молодое лицо.

Вампир приветливо улыбнулся, и сердце Клауса ушло в пятки.

— Студент, это звучит совсем неплохо. Ну, а сюда тебя за что упрятали? Чем ты не угодил этим лицемерам?

— Если в двух словах, то в одной книге я отыскал чертеж странного приспособления, надо натянуть плотную материю на деревянный каркас и не ошибиться в расчетах, и человек, прыгнув с высокой башни, может парить в небе, словно птица! Ты только представь себе! Я просто бредил этим целый год, истратил кучу денег, сломал ногу, но в конце концов у меня получилось!

— Не может быть, ни за что не поверю, чтобы кто-то мог летать подобно птицам! Разве что какое-нибудь запретное колдовство! — в голосе Рюдигера прозвучало недоверие.

— Ты говоришь точь-в-точь, как люди епископа! — обиделся студент. — Но в этом нет никакого чародейства, просто немного математики, дюжина неудачных попыток, и даже лучшие друзья начинают видеть в тебе сумасшедшего... Испытав однажды чувство полета, ты уже не можешь отказаться от этого добровольно. Но эти монахи ничего не понимают. Они хором утверждают, что все это бесовское искушение. Хотя, может они даже правы. Моя страсть к полетам принесла мне только неприятности, возможно и до костра недалеко. Никогда не думал, что окажусь в подвале инквизиции и буду рассказывать о своем изобретении жуткому существу.

— Я бы попросил выбирать выражения, господин студент, — в глазах вампира зажглись на мгновение красные огоньки, — за время пребывания здесь я услышал столько оскорблений, что их хватило бы по крайней мере на сотню дуэлей. Я, знаете ли, совсем не привык считать себя кем-то низшего сорта. На первый раз я прощаю вам эту дерзость, но впредь будьте осмотрительны в выражениях!

Однако на Клауса Летнера эта довольно напыщенная речь произвела совершенно обратное впечатление. Он весело рассмеялся.

— Да ты говоришь так же, как все эти зазнайки аристократы. Дескать они лучше всех на свете уже по праву рождения. Ну да, ведь ты же барон фон. Ох, прости, я толком не запомнил твою фамилию. Хотел бы я посмотреть на вампира, дерущегося на дуэли.

Должно быть забавная картина! — он не выдержав, фыркнул от смеха.

— Это было бы последним, что ты увидел. Не стоит меряться силами с одним из нас, если ты, конечно, не обучался с раннего детства у лучших мастеров клинка. Тогда у тебя еще есть небольшой шанс выжить. — теперь уже Рюдигер позволил себе усмешку.

Студент неожиданно стал серьезным:

— Извини, я не хотел никого обидеть, просто я был уверен, что все, чем вы занимаетесь, это спите днем в гробах, а ночью рыскаете в поисках подходящей жертвы, чтобы напиться крови.

Рюдигер пожал плечами:

— Ты, должно быть, говоришь о вечно живущих, которыми в Алдании непослушных ребят пугают! Такое сравнение просто оскорбительно для меня, но поскольку ты и твои сограждане по самые уши увязли в нелепых суевериях, то я прощаю тебя еще раз.

Он попытался выпрямиться, и тут же застонал от боли. Тонкая корочка, уже успевшая появиться на ожогах, треснула, и оттуда побежали тонкие струйки крови.

— До чего же злое солнце этим летом! Можно подумать, что оно в сговоре с епископом, чтобы его черти утащили!

Клаус взглянул на соседа с состраданием и поспешил сменить тему разговора.

Наступившее утро заявило о себе голосами стражи, скрипом железных дверей и тяжелыми шагами заступающего на дежурство отряда. В приоткрытую дверь втолкнули две оловянные миски. Затем дверь быстро захлопнули, но в небольшом окошке появилась пара любопытных глаз. Клаус, сморщив нос, зачерпнул ложкой жидкую бурду и стал с интересом изучать. Рюдигер в этот раз долго не раздумывал. Его ожоги за ночь почти прошли, и теперь его мучал голод. Организм требовал восстановления сил, истраченных на самолечение. Сейчас тюремная еда казалась ему вполне съедобной. Он с сожалением отставил чистую миску. Клаус, уже успевший попробовать странное варево, великодушно протянул свой обед вампиру.

— А ты точно не хочешь? — поинтересовался тот. Студент утвердительно кивнул.

— Ну тогда спасибо! — он в считанные мгновения покончил с едой.

Сосед пристально рассматривал его, с трудом веря в чудесное исцеление. Но не успел он ничего сказать, как дверь распахнулась снова.

— Ну, черно книжник, если тебя за ночь не съели, собирайся на допрос! — хмыкнул появившийся на пороге стражник. Клаус испуганно отступил назад, но там была лишь стена. Он беспомощно оглянулся на Рюдигера, тот спокойно кивнул ему:

— Не вздумай ни в чем признаваться, они только этого и ждут!

Человек был одет во все черное, на груди висел большой серебряный крест. Сальные темные волосы были собраны в хвост на затылке, лицо было одутловатым и бледным, как будто он годами не видел солнечного света и свежего воздуха. Представитель Святой Инквизиции с деланным почтением поклонился графу Левенхальду и с нескрываемым презрением посмотрел на баронессу фон Шлотерштайн. Как можно опуститься до

подобного, стать женой отвратительного создания, произвести на свет подобных ему тварей. А по ней и не скажешь, держится на удивление гордо, словно супруга принца крови, а не жуткого порождения тьмы.

— Мы давно уже вернули всех подданных Алдании, которые были в наших руках, всех до последнего человека. — последнее слово он произнес с нажимом и ехидно улыбнулся.

После того, как служитель церкви покинул кабинет королевского уполномоченного, Лана, одетая, как служанка в богатом доме, нащупала тонкое лезвие стилета в рукаве и шепнула Лизе:

— А можно я отрежу ему голову сегодня ночью?

Ее госпожа, последние надежды которой только что разбились вдребезги, рассеянно ответила:

— Нет, только не сегодня, может как-нибудь в другой раз.

Оливия, до этого с невозмутимым видом сидевшая на небольшом бархатном диванчике, возмущенно воскликнула:

— Да ведь он же врет нам прямо в глаза, какое явное пренебрежение королевским указом!

Похитить чужестранца, когда уже подписан мирный договор, что они себе позволяют!

Она гневно взглянула на Конрада фон Левенхальда своими глубокими темными глазами, и он сам для себя неожиданно произнес:

— Я думаю, что пора поставить этих обнаглевших монахов на место. В Готхейме есть только один человек, чьи приказы не обсуждаются, это Его Величество Карл Четвертый. Если они забыли об этом, то мои солдаты сумеют освежить их память.

Яромир и Римар с неподдельным интересом посмотрели на королевского посланника, с чего бы ему взбрело в голову так шутить. Но молодой человек был совершенно серьезен.

— Его Величество уже давно настаивают на попытке Святой Инквизиции вмешаться в те дела, которые ее явно не касаются. Похоже, кое у кого сложилось впечатление, что он может влиять на политику как внутри страны, так и за ее пределами. Моих людей вполне хватит, чтобы обыскать каждый уголок в их мрачной крепости.

Яромир широко улыбнулся:

— В таком случае, господин граф, мы должны как следует обсудить наши совместные действия, чтобы наш друг не расплатился жизнью за благородные намерения вашей светлости!

Королевский посланник непонимающе уставился на Яра, но тот продолжил, совершенно не смущаясь:

— Как только ваши люди постучат в ворота, они тут же примутся заметать следы. Пока вы доберетесь до того места, где держат узников, в камерах не останется никого, кто мог бы вызвать малейшее подозрение! Поэтому наш план должен быть не только дерзким, но и продуманным!

Штурм инквизиции

В небольшой таверне на окраине Лангдорфа было шумно и тесновато. Несмотря на то, что рядом с таверной располагалось мрачное здание Святой Инквизиции, "Хромой конь" явно не испытывал недостатка в посетителях. Кроме местных жителей, желающих скоротать вечер за кружкой пива, сюда часто заглядывали и сами Псы. Крепких молодых парней с оружием совсем не монашеского вида можно было легко узнать по железным медальонам с изображением бегущего пса, несущего в пасти факел. Не все из них были монахами, хотя у многих из них было довольно бурное прошлое и покаяться в грехах было бы не лишним. Псы вели себя здесь как хозяева, местные красотки легкого поведения соперничали между собой за их внимание, остальные посетители старались вести себя потише.

Трое королевских гвардейцев уже больше часа сидели в таверне. На потемневшей и изрезанной ножами дубовой столешнице стояли почти нетронутые кружки с пивом.

Они уже давно заметили двух угрюмых парней в кожаных куртках, сидевших в другом конце зала. Судя по тому как увивался перед ними хозяин, по тускло блестящим медальонам на железных цепочках, эти ребята принадлежали к особому отряду. Они не торопясь пили пиво, не обращали внимания на заигрывания местных девиц и пока не собирались покинуть таверну. Гвардейцы со вздохом переглянулись. Неужели им придется какраулить негодяев всю ночь!

Навязавшиеся с ними сюда Лиза и Клодия были одеты по местной моде в красные платья. Широкая юбка, корсаж со шнуровкой, слишком глубокий вырез, в этих ярких нарядах они выглядели немного вызывающе. Наконец подругам надоело бесцельное ожидание, и они решили немного прогуляться по таверне, не обращая внимания на сердитый шепот Яромира. Тот призывал их немедленно сесть на место и не искать приключений на свою голову. Но Клодия только свела темные ровные брови и отрицательно покачала головой, при этом растрепав каштановые кудри.

Взбешенный Яр собрался треснуть кулаком по столешнице, но вспомнил, что они не должны привлекать лишнего внимания, и осторожно опустил руку. Идея захватить кого-нибудь из инквизиторов в заложники и вытрясти из него все, что можно о дверях, замках и потайных ходах уже не казалась ему такой привлекательной. Ну разве можно допускать женщин к такой серьезной операции! Теперь придется думать не о деле, а о том, как бы эти дурехи в беду не попали.

Между тем подруги из Темнолесья неожиданно исчезли из поля его зрения. Лиза уговорила Клодию покинуть на пару минут душное помещение. Последнее время она была сама не своя. Время тянется слишком долго, а ведь каждый день может стоить жизни ее мужу. Если, конечно, он еще жив. Последняя мысль вызвала острую боль в сердце, и молодая женщина чуть не потеряла равновесие. Она едва успела прислониться к стене таверны. Клодия без объяснений поняла состояние подруги и взяла ее за руку.

— Даже не думай об этом, не смей сдаваться! Вот увидишь, уже завтра он будет держать тебя за руку, также как я сейчас!

Лиза благодарно ей улыбнулась, хотя улыбка вышла довольно жалкой. Внезапно перед

ними возникли три потрепанные девицы в желтых платьях, что прямо говорило о роде их занятий. Толстый слой краски на их лицах плохо скрывал их настоящий возраст, да и испорченные зубы не придавали им привлекательности. Одна из них, чьи не очень чистые светлые волосы были распущены, положила руку Лизе на плечо.

— Девочки, а вам не кажется, что вы слегка заблудились? Здесь команду я, Гретхен Златовласка, и тому, кто решит перейти мне дорогу, не поздоровится!

Она повернулась к Клодии:

— Ну что уставилась, желтоглазая, не нравится? Нечего волком смотреть, убирайтесь отсюда по-хорошему, а то придется немного испортить вашу красоту!

В руке девицы блеснул узкий нож, она явно не собиралась шутить. Но и у баронессы чувство юмора совсем исчезло. Быстро перехватив руку с ножом, она вывернула кисть, заставив соперницу разжать пальцы. Не дав той опомниться, Лиза быстро ударила её кулаком под ребра. Двое ее приятельниц хотели сбежать, но Клодия крепко держала каждую за руку. Пожалуй, от ее сильных пальцев у них останутся синяки. Лиза повернулась к Гретхен, которая, согнувшись пополам и жадно ловила ртом воздух. Схватив ее за грязные, скорее желтые, чем золотые, волосы, она посмотрела прямо в расширенные от ужаса глаза и помахала перед самым носом ее же ножом.

— Слушай меня внимательно, сегодня вечером мы делаем здесь все, что захотим, и вовсе не ваше дело, зачем нам это надо! А если вы попытаетесь нам помешать, то ваши мордашки

Без носа или ушей вряд ли будут пользоваться спросом!

Клодия с тревогой смотрела на разбушевавшуюся подругу:

— Ты что так разошлась, не стоят они этого.

Она обернулась к девицам, все еще нерешающимся сдвинуться с места, и бросила им пару монет:

— Возможно, вы потеряете кого-то из клиентов, но это должно вас утешить...

Яромир уже собрался проверить, куда исчезли их спутницы, как вдруг Лиза и Клодия снова появились на пороге. Но вместо того, чтобы вернуться под защиту своих мужчин, они вдруг подсели к двум бойцам особого отряда, за которыми их друзья устроили слежку. Поскольку незнакомые красотки выгодно отличались от местных шлюх, то парни оживились и принялись ухаживать за неожиданно появившимися дамами. Королевские гвардейцы с недоумением наблюдали, как подруги весело смеются и пробуют пиво в компании инквизиторов. Наконец Яромир не выдержал и стал подниматься из-за стола.

— Да что они себе позволяют, я их сейчас за волосы обратно притащу! — он покраснел от злости, но Римар усадил его на место.

— Они все делают правильно, остынь. Как же ты иначе собирался выманить их из таверны?

Но Яр только сердито огрызнулся:

— Тебе легко говорить, это не твою жену там лапают!

Римар попытался представить себе громко хохочущую Элину с кружкой пива в руке, как она строит глазки верзиле в кожаной куртке, и понимающе вздохнул. Хорошо, что она осталась дома, как и Лана. Пригвоздив ножом для разрезания бумаг зазевавшуюся муху к стенке шкафа, юная дикарка заявила, что без нее им ни за что не справиться. На что Лиза, не раздумывая, ответила, что тогда девушке придется притвориться немой и объясняться

жестами. Ведь вампириши, особенно такие красивые, в местных тавернах большая редкость!

Лиза считала своим долгом опекать и защищать Лану, ведь той еще не было и семнадцати. Раз уж она сваяла дурака и притащила с собой в этот чертов Готхейм юную неопытную девицу, еще совсем ребенка, то должна оградить ее от всевозможных опасностей. Важек уже прослушал от баронессы длинную лекцию о правилах поведения. В ней Лиза, не слишком выбирая выражения, подробно описала, что ожидает того, кто отнесется к чести и репутации ее юной подруги недостаточно серьезно.

В своем благородном порыве она забыла о том, что Лана умеет обращаться с любым оружием и может на бегу догнать оленя. Крестьянские парни в Куличках быстро убедились, что дикарка только кажется нежной и хрупкой. За свое легкомыслие некоторые из них поплатились сломанной рукой и разбитым носом. Но Важек принял все за чистую монету. Положив руку на эфес шпаги, он торжественно поклялся, что сам не посмеет дотронуться до Ланы и пальцем, но всегда будет охранять и защищать юную красавицу от любых опасностей. Лиза поняла, что перестаралась. В случае реальной опасности еще неизвестно, кто кого лучше защитит, Важек Лану или она Важека. Впрочем, девушка действительно совсем не знала местных правил, и здесь в таверне была бы только помехой.

Сейчас Лиза и сама чувствовала себя крайне неловко. Она приветливо улыбалась сидящему рядом парню, чьи русые волосы были коротко острижены, а нос сломан. Он с интересом заглядывал в вырез платья и пытался приобнять ее свободной от кружки рукой. Она слегка отодвинулась и принялась расспрашивать Барта, так звали ее ухажера, об его опасной и нелегкой работе. Он, самодовольно усмехнувшись, сделал глоток из кружки и заговорил:

— Да работа не сахар! Каждый день приходится рисковать жизнью! Вы даже представить себе не можете, сколько отступников, заключивших договор с темными силами, скрывается среди обычных граждан. Даже нелюди еще встречаются!

— Не может быть! — в голосе светловолосой красавицы ужас смешался с удивлением. Она непроизвольно подвинулась к рассказчику, будто ища у него защиты.

— Один упырь точно имеется. Мне чуть горло не перегрыз, злой как черт, хотел ему голову отрезать, но господин епископ зачем-то велел оставить выродка в живых...

— Здоров ты врать Барт, — расхохотался его приятель. — Не горло он тебе перегрыз, а нос расквасил! Но ловкий и сильный, как черт, это точно. Пятнадцать человек еле взяли его, это притом что он дрался скованными руками. Думали, что серебро усмирит мерзавца, но куда там. Вы бы только видели, какой погром этот нелюдь устроил у брата Иеремии. Наш епископ для чего-то держит этого алхимика и чернокнижника. А тут видно хотел, чтобы он этого упыря на кусочки разрезал, ну чтобы посмотреть, как там внутри у них все устроено! Но нелюдь оказался не промах, не оставил ни одной целой склянки, а самого алхимика еще полдня не могли освободить из хитрой кровати с железными тисками. Но все же и на него нашлась управа! Денек под летним солнышком, и глядишь, гордости поубавится!

Он с тревогой посмотрел на девушку, которая вдруг сильно побледнела, вид у нее был такой, как будто сейчас хлопнется в обморок:

— Эй, да что с тобой, неужели испугалась! Он под замком сидит, ни в жизнь не вырвется, Ну, а тебе, красавица, рядом с нами и сам черт не страшен!

Лиза непослушными руками подвинула к себе кружку и отпила глоток соленой горьковатой жидкости. Голос парня вдруг стал приглушенным, как будто доносился издалека. Она с трудом заставила себя улыбнуться. Клодия, заметив, что происходит с

подругой, принялась спасать положение. Задорно улыбнувшись приятелю Барта, которого звали Макс, она с невинным видом поинтересовалась:

— А правду говорят, что вы можете запросто оборотня от нормального человека отличить? Ну может, есть какие-то признаки особенные, те, что только вам известны?

Белобрысый Макс, у которого даже брови и ресницы были светлыми, самодовольно усмехнулся:

— Конечно, новичок вроде Барта, будет сидеть рядом с вервольфом и пить с ним из одной кружки, но так и не догадается. Но опытные бойцы способны узнать оборотня в любом обличье. Их движения, повадки, если внимательно присмотрется, нечисть обязательно себя выдаст. К тому же их вонь ни с чем не спутаешь, и руки слишком волосатые, даже у женщин. На крайний случай есть еще аконит. Если незаметно добавить порошок из его корня в еду или питье, то оборотень не сможет совладать с собой и тут же начнет превращаться. Верное средство.

Клодия украдкой принюхалась к своей руке, но, кроме легкого запаха фиалок, своих любимых духов, не уловила. Нежная кожа, покрытая золотистым загаром, была гладкой, как у ребенка. Опытные бойцы, ничего не скажешь. А аконитом можно запросто уморить любого, не обязательно оборотня... Случайно обернувшись, она встретила глазами со своим мужем, который с друзьями перебрался за соседний стол. Яромир был мрачнее тучи, но Клодия украдкой показала ему на дверь. В ответ он хмуро кивнул ей, и вскоре гвардейцы незаметно покинули таверну. Она снова одарила Макса самой искренней из своих улыбок:

— К сожалению нам с сестрой пора идти!

Макс быстро накрыл ее руку своей ладонью:

— Что уже? Но куда же вы так торопитесь?

Лиза постаралась подыграть:

— Мы здесь в гостях и совершенно не знаем города. К тому же после подобных рассказов

сердце замирает! Может вы проводите двух незащищенных женщин домой, ведь на улице уже темно!

Красавицы решительно встали со своих мест и направились к выходу, парни довольно ухмыляясь и подмигивая друг другу, поспешили за ними. Летний вечер был теплым, и они брели по улице не торопясь, не слишком отличаясь от обычных влюбленных парочек. Барт обнял Лизу за талию. Она молча стерпела это, решив, что позже заставит его заплатить за все сразу. Клодия с Максом время от времени отставали, он что-то шептал ей на ухо, девушка смеялась и тащила его за руку вперед.

Наконец они отошли от «Хромого коня» на довольно приличное расстояние. Здесь жила городская беднота, и было довольно много заброшенных домов. Незаметно стемнело, и улицы стали совсем безлюдными. На небо выплыла полная луна, «волчье солнышко». Под ее светом заброшенные дома с заколоченными окнами выглядели жутковато, напоминая склепы на кладбище.

— Вы остановились где-то здесь? — удивился Барт.

— Да наша двоюродная тетка переехала сюда после смерти мужа. Его торговля прогорела,

И с горя он быстро умер. — грустно вздохнула Лиза. — Но мы уже пришли.

Кто-то похлопал Макса по плечу. Он обернулся и увидел, что их окружают вооруженные люди. У некоторых из них странно поблескивали глаза, как у диких зверей. Обернувшись к

своей спутнице, он с ужасом заметил, что и она смотрит на него таким же горящим взглядом.

Из полумрака, словно призрак, появился парень с длинными волосами, расчесанными на пробор и заплетенными в две косы. Он весело улыбнулся, сверкнув в лунном свете острыми клыками, и сердце Макса ушло в пятки. Последнее, что он запомнил, это был кулак монстра, летящий ему прямо в лицо.

Яромир принял из рук жены кушин с водой и принялся с наслаждением пить. Жара и правда стояла ужасная. Напившись, он вылил остальную воду себе на голову и вернулся к пленным. Сначала Псы Господни держались довольно стойко. Видимо, отбор в отряд был строгим, случайных людей туда не брали. Они героически терпели побои и утверждали, что ничего не помнят о планировке здания. Заглянувшей на допрос Лизе захотелось придушить негодяев своими руками, но неожиданно в голову ей пришла одна мысль. Вскоре в комнату, где держали инквизиторов, случайно забрел Терн. Он с любопытством уставился на висевший у Макса на шее шнурок, на котором болтались два вампирских клыка.

— Хороший трофей! Неужели сам достал? — улыбнулся дикарь, показывая не менее острые и длинные зубы. Макс проклял про себя ту минуту, когда выиграл в кости жуткий талисман. На его долю живых вампиров уже не осталось.

Терн повернулся к Римару, который уныло рассматривал белую рубашку, забрызганную кровью из разбитого носа Макса. Он с сочувствием спросил:

— Молчат?

— Молчат, строят из себя святых мучеников, — со вздохом ответил Римар. Бить связанного беззащитного человека у него получалось плохо.

— Если медленно снимать кожу, то любой заговорит. Еще можно посадить пленного в муравейник или подвесить вниз головой... Или медленно сажать на кол. Если к нам в плен попадали Росомахи, то наши воины знали много способов развязать им языки. Если хочешь, могу помочь. — радушно предложил лесной житель.

Оба пленника хором закричали:

— Мы вспомнили, мы все расскажем, только не позволяйте ему приближаться к нам!

Важек тут же достал лист бумаги и перо с чернильницей.

— Сможете план набросать?

Пленные согласно закивали, косясь на Терна. Тот с разочарованным видом направился к двери, ворча под нос:

— Вот слабаки, так сразу и раскололись, совсем как женщины.

Часовые на стенах с трудом боролись со сном. До рассвета оставалось не меньше двух часов, но держать глаза открытыми становилось все труднее. Вдруг одному из солдат почудилось, что в предрассветном сумраке промелькнул чей-то силуэт. Но не успел он поднять тревогу, как рот ему зажала сильная ладонь. Быстрые и бесшумные, словно тени, ночные гости разоружили и связали всех часовых, охранявших северную стену здания.

Через минуту они уже были у черного хода. Услышав верный пароль, зевающий охранник открыл дверь и тут же попал в цепкие руки Марека. Следуя плану, довольно подробно составленному Максом, они отправились вперед по длинному коридору.

На стенах через каждые десять шагов горели факелы, было довольно светло. Свернув к лестнице, ведущей в подвал, они наткнулись на решетку и двух охранников. Псы играли в

кости, время от времени прикладываясь к небольшой фляжке. Хитрый напиток из особых трав, привезенных из дальних стран, помогал им не уснуть на посту. Увидев незваных гостей, они не выказали не малейшего изумления, но быстро схватили оружие. У одного из них в руках появился небольшой арбалет, и тяжелый болт просвистел над головой Важека. Лана сердито сверкнула глазами, и охранник, выронив арбалет, схватился за руку. Из предплечья торчал узкий нож. Разоружить второго не составило труда. Яромир строго поглядел на Лану:

— Мы обещали графу Левенхальду, что обойдемся без жертв.

Девушка виновато улыбнулась:

— Да ведь ничего страшного с ним не случилось, я знаю, что делаю.

Связанные своими собственными ремнями, с кляпами во рту, бойцы особого отряда проводили их сердитыми взглядами. Спустившись в мрачное подземелье, они бесцеремонно растолкали спящего мертвым сном охранника, и потребовали ключи от камеры, где держали нелюдя. Неожиданно Марек тревожно замер, прислушиваясь к отдаленным звукам:

— Сюда идут, человек десять, не меньше!

Яромир весело посмотрел на друзей:

— Ничего, мы умеем встречать гостей! — он всегда любил трудности и неожиданные повороты судьбы.

Командир особого отряда выжидательно смотрел на епископа. Тот зачем-то вызвал его к себе посреди ночи. Альбрехт иногда мог неделями жить в своем кабинете, несмотря на то, что за городом у него имелась огромная резиденция, не уступающая роскошным замкам местных аристократов. Епископ оторвал взгляд от лежавших перед ним на столе документов и заговорил:

— Бруно, ты еще помнишь, как просил отдать твоим ребятам того нелюдя? Я обещал тебе его, но сдержать свое обещание к сожалению не могу. В наш город вчера прибыл граф Левенхайд, король наделил его особыми полномочиями. Сдается мне, он явился неспроста. Кое-кого в столице не устраивает, что слуги святой церкви имеют силу и влияние.

Поэтому мы должны привести все в порядок, избавиться от некоторых неудобных узников, в первую очередь, от нашего алданского друга. К сожалению, он на глазах теряет свои способности к восстановлению и скоро будет совершенно бесполезен.

— Значит, игрушка сломалась, — усмехнулся Бруно, — но ведь любому ясно, что если живую

тварь подвергать пыткам и не кормить, то в конце концов она сдохнет!

Командир особого отряда вместе с Альбрехтом прошел долгий путь и поэтому имел право

На некоторую вольность в обращении. Его замечание епископу не слишком понравилось, и он холодно закончил:

— Поэтому нам надо, чтобы он не дожид до рассвета! Ты хорошо меня понял? Ступай!

Спустившись на нижний этаж, Бруно и его люди с удивлением обнаружили поднятую решетку и связанных охранников. В тревожной тишине, держа оружие наготове, они медленно шли по совершенно пустому коридору. Пока им попался только валявшийся без сознания стражник. Куда подевались восемь вооруженных бандитов, напавших на охрану, оставалось загадкой. Внезапно они увидели стоящего к ним спиной человека. Услышав

грозный приказ назвать себя, неизвестный медленно обернулся, разводя в стороны руки, в каждой из которых блестело по клинку. Он весело улыбнулся:

— Мне жаль, парни, но вам сегодня сильно не повезло.

Двери всех камер вдруг распахнулись, и на застывших от удивления Псов набросились не только алданцы, но и избавленные от оков узники. Они были готовы разорвать особый отряд на мелкие кусочки, и люди Яромира даже затерялись среди озлобленных мстителей. Но вскоре Псы опомнились от первого потрясения и подтвердили свою славу опытных и умелых бойцов. В полутемном подвале становилось слишком жарко.

Скрещивая клинок с сыплющим проклятия Псом, Римар подумал, что сдержать обещание, данное ими Конраду фон Левенхайду будет ох как непросто. Его противник не пропускал ни одного удара, и какое-то время Римар был вынужден просто защищаться. Короткий меч противника все время пытался прорвать его оборону, но пока только царапал по кольчуге, надеть которые заставил всех Яр. Боец особого отряда уже поверил, что его победа это дело времени, и перехватив рукоять клинка обеими руками, нацелился в шею, единственное открытое место. Однако Римар быстро метнулся в сторону, уходя из-под удара, и тут же нанес удар сам, вогнав острие клинка прямо в сердце. Похоже, он первым открыл кровавый счет, но теперь это не имело значения. Вокруг все старались прикончить друг друга.

Одержав нелегкую победу, Римар увидел Важека, загнанного в угол сразу двумя громилами. Здоровый, как бык, его противник замахнулся мечом, явно стараясь снести парнишке голову, но Важек неожиданно быстро присел и молниеносным движением подрезал ему ноги. Сделав еще шаг, Пес пошатнулся, и маленький гвардеец, не теряя времени, прикончил его ударом в живот. Расправившись с ним, Важек тут же нарвался на его товарища.

Римар бегом поспешил к нему, но не успел он придти на помощь другу, как Лана набросилась на второго Пса, словно дикая кошка. Парень едва ли не со смехом повернулся к маленькой дикарке, но уже через миг пожалел, что не принял ее всерьез. Быстрая и ловкая, маленькая вампирша в боевой раскраске жалила его шпагой, словно оса. Убедившись, что ни ей, ни Важеку теперь ни что не угрожает, Римар снова кинулся в самую гущу боя.

Сам командир Псов дрался с Яромиром. Он безошибочно определил среди нападающих по крайней мере пару вервольфов и ясно слышал алданский выговор. Правда, его противник был человеком, но, кажется, не менее опасным, чем нелюди. Парень знал немало хитрых приемов, зеленые глаза блестели от азарта, и каждый его удар приближал неминуемый конец для соперника.

В узком коридоре в ход пошли ножи, бывшие узники пытались задушить Псов голыми руками. Уже было ясно, на чьей стороне победа, и только Яромир и Бруно не желали складывать оружие. Наконец Римар не выдержал:

— Яр, хватит уже. Сейчас сюда вся Инквизиция сбежится, пока вы выясняете, кто из вас лучше владеет клинком!

— Твоя правда, — Яромир неожиданно сделал ложный выпад и приставил левой рукой кинжал к горлу противника. — Сдавайся, и будешь жить!

Бруно обреченно кивнул, скрипя зубами от злости. Окинув взглядом картину побоища, Яромир строго приказал никого не убивать. У одетого в лохмотья бывшего узника Борислав с трудом выкрутил из пальцев заточенную ложку, которую тот собирался воткнуть в горло одному из Псов. Терн опустил занесенный для удара меч и разочарованно дал своей

несостоявшейся жертве ногой под зад. Нисколько не обидевшись, неудачник поспешно отполз от него как можно дальше. Лана тревожно изучала небольшую царапину на руке Важека. Ее испуганный вид был так забавен, что Важек не отказал себе в удовольствии немного постонать и даже сделал вид, что теряет сознание. Девушка быстро подхватила его на руки, и парень с удивлением понял, что нежное создание не уступает ему в силе.

Командир Псов угрюмо взглянул на Яра:

— Вы верно сюда за нелюдем явились, только запоздали маленько. Ему совсем недолго осталось, ваш приятель поддыхает, зря старались!

Яромир неожиданно сильно ударил его в лицо:

— Молись всем святым, чтобы это было не так! А то плевать я хотел на графа Левенхайда, зарежу вас всех, как свиней, тебя первого!

Он изо всех сил рванулся к камере, в которой оставил Лизу, и остальные поспешили за ним.

Вернувшийся с допроса Клаус выглядел жалко. Притащившие его стражники бросили свою ношу на солому, не забыв надеть цепь на распухшие ноги, и захлопнули дверь. Рюдигер с тревогой посмотрел на стонущего от нестерпимой боли студента и протянул ему кувшин с водой. Но парень отрицательно помотал головой. Выдернутые из суставов руки не слушались. Тогда дотянувшись до соседа, насколько позволяла цепь, вампир попытался напоить его. Сделав несколько глотков, тот слабо улыбнулся:

— Спасибо, теперь полегче.

— Ты не признался?

— Пока нет, хотя не знаю, сколько еще смогу продержаться! На дыбе согласишься всему, что про тебя рассказывают...

Клауса на несколько дней оставили в покое, вампир возился с ним, словно нянька. Ведь после камеры пыток любое движение причиняло парню острую боль. Его сосед, напротив, совсем оправился от ожогов, что вызывало острую зависть студента. Епископ нашел только один способ, которым можно было причинить упрямому алданцу нешуточные страдания, и с успехом им пользовался, пока погода позволяла. Рюдигер побывал на крыше еще два раза, но еще был способен залечивать раны и ожоги, назло своим мучителям. После этих изощренных пыток его терзал голод, он прекрасно понимал, что его тело скоро перестанет восстанавливаться само, и тогда. Но об этом он старался не думать.

Уже было заметно, что пребывание в тюрьме отразилось на нем не самым лучшим образом. На здешнем голодном пайке барон заметно похудел, потрепанная одежда болталась на нем, как на огородном пугале, лицо сделалось еще более узким и бледным, и только глаза обжигали яростным синим огнем. Грубые шутки и оскорбительные ругательства охранников он обычно выслушивал с высокомерным равнодушием, но сегодня выдержка ему изменила. Красивое лицо исказилось от гнева, он быстро вскочил на ноги и ловко запустил оловянной тарелкой в охранника, обозвавшего его упырем и сатанинским отродьем. От меткого удара прямо в лоб тот чуть не потерял равновесие и поспешно скрылся за дверью. Эта чуть ли не детская выходка улучшила их настроение, и Рюдигер долго развлекал Клауса рассказами о службе в королевской гвардии и славном городе Темнолесье. Все время своего заключения он запрещал себе думать о прошлой жизни.

Слишком уж отличались воспоминания о счастливых днях от окружающего кошмара. Поэтому, когда разговор коснулся семьи и друзей, он вдруг замолчал на полуслове, не желая верить, что все, кого он любил и берег больше жизни, останутся только в воспоминаниях.

Студент, в свою очередь, не жалея красок, расписывал свою учебу в местном университете, которая по его словам состояла больше не из усердных занятий, а из веселых пирушек с друзьями, различных, порой довольно жестоких шуток и проказ. Но рассказывая о мамушке и сестре, он еле удержался от слез. Кто знает, вернется ли он к ним когда-нибудь.

Молодые люди неожиданно поняли, что стали друзьями. Рюдигер привык к насмешливой манере разговора студента и его ехидным шуточкам. Он уже понял, что парень просто старается не показывать свой страх перед допросами. Клаус уже совершенно не обращал внимания на острые зубы приятеля и горящие в темноте глаза. Более того, когда однажды утром, проснувшись, он увидел, что вампир снова исчез из камеры, студент испытал настоящее горе. Он весь день строил догадки одна страшнее другой.

Но к вечеру почему-то мокрые и злые стражники внесли в камеру полуживого вампира. Они быстро, без обычных своих шуточек оставили их, громко хлопнув дверью.

Рюдигер не шевелился и не стонал до самой ночи, и Клаус уже решил, что он умер. Но вот тихонько брякнули цепи, сверкнули в полумраке глаза, и студент с облегчением вздохнул. Слава Богу, он не останется здесь один.

Оказывается, его товарища по несчастью еще раз подвергли жестокой пытке палящим летним солнцем. Когда же четверо стражников пришли снять с крыши порядком обгоревшего вампира, то неожиданно поднялся сильный, почти ураганный ветер, небо затянуло тучами, и началась гроза. Крупные капли дождя заколотили по крыше, вскоре превратившись в настоящие потоки. Один из поднявшихся на крышу стражников потерял равновесие от сильного порыва ветра, поскользнулся на мокрой крыше и скатился вниз, разбившись насмерть. Второй застыл на месте от ужаса, не сводя глаз с того места, где только что стоял его товарищ. Не успел он сделать и шага, как вдруг что-то ярко сверкнуло, небо сотряс страшный грохот, и бедняга упал, его поразила молния. Двое оставшихся спешно вернулись назад и переждали буйство стихии на чердаке.

Потерявший сознание пленник очнулся под сильным ливнем. Прохладные струи дождя казались ему почти ледяными, раскаты грома оглушали, а огненные стрелы молний сверкали почти рядом. Но ни одна не причинила ему вреда. Находясь на грани между сном и явью, Рюдигер не испытывал ни малейшего страха, с восторгом наблюдая это светопредставление. Когда наконец буря стихла, потрясенные стражники молча освободили его и потащили в подвал.

Рассказ о грозе, похоже, отнял все его силы. Рюдигер уронил голову на солому и замолчал, больше не отвечая на оклики соседа. Сколько Клаус не тормозил его, все было бесполезно. Вампир то ли крепко заснул, то ли потерял сознание. На утро он пришел в себя, но вид у него был неважный. Жуткие ожоги в этот раз не торопились заживать и причиняли ужасную боль. Сил не хватало даже на то, чтобы сидеть, прислонившись к стене. Клаус встревожился, а ну как парень тихонько помрет, оставив его совсем одного в холодных каменных стенах. Он наклонился над другом, пытаясь напоить его не слишком свежей водой. Но губы были крепко сжаты, а глаза закрыты. Было даже непонятно, дышит ли он еще. Клаус почувствовал, как слезы застилают глаза:

— Да что же с тобой такое? На вид был таким крепким орешком! — внезапно в голову ему пришла совершенно сумасшедшая мысль. — Может тебе дать немного крови? Вдруг поможет? Я готов даже на это, лишь бы не остаться тут одному!

Рюдигер неожиданно подал голос:

— Я поражен твоим великодушием, но не стоит. Я не животное, и не опускаюсь до того,

чтобы выжить за счет своего друга. Если честно, тебя просто не хватит... — он через силу рассмеялся, но тут же снова стал серьезным. — Но ты пока не пугайся, какое-то время я еще протяну. Вот черт, никогда не думал, что придется умирать вот так, в цепях на гнилой соломе... Я вообще не собирался на тот свет так рано.

Он замолчал, продолжая терзаться в душе вопросом, в чем же его вина, за которую Бог послал такое наказание. Но мысли путались, в глазах то и дело темнело. Вдруг он ясно увидел в соседнем углу стройную женскую фигуру, обтянутую белым платьем. Она неожиданно приблизилась к нему, легко проплыв по воздуху, и заглянула прямо в душу пустыми глазницами. У Рюдигера перехватило дыхание от ужаса, но Клаус все также жалостливо смотрел на него и никаких посторонних в камере не видел. Кошмарная гостья заговорила, но ее голос слышал только вампир.

— Я знаю, тебе больно и страшно. Но я могу навсегда избавить тебя от страданий. Просто пойдем со мной.

— Не знаю, кто ты, но мне с тобой не по пути, — Рюдигер нащупал непослушными пальцами крестик, который неожиданно стал обжигающе горячим. — В конце дороги должен быть свет, а не тьма. Ты не похожа на посланницу света!

Призрак отшатнулся от креста, но отступить совсем не собирался:

— Свет, что тебе в нем! Раньше вы все были моими, дети тьмы! Помнили, приносили жертвы, молили об удаче и победе над врагом! Неужели ты думаешь, что вы хоть немного изменились с тех времен. Вы по-прежнему неудержимы в бою и безжалостны к врагам, это приносит вам настоящее наслаждение. Скольких ты убил, вспомни, если сможешь!

— Но ведь это было в бою, на войне! — из последних сил прохрипел Рюдигер.

— Да я и есть война! — расхохоталось отвратительное существо. — Ну же, пойдем со мной, хватит обманывать себя, хотя бы умирая, пойми, в чем твоя настоящая сущность!

Она протянула к нему костлявую руку, но он крепче сжал в ладони крест, зашептав первую пришедшую на ум молитву.

Вдруг в замочной скважине послышался скрежет, и видение исчезло, оставив его в непроглядной тьме. Противно заскрипев, дверь распахнулась настежь. Клаусу показалось, что к ним в камеру ворвалась та самая буря, о которой рассказывал Рюдигер. Но это оказалась всего лишь молодая женщина с длинной светлой косой, закрученной вокруг головы. Она упала на колени перед вампиром и со слезами прижала его закованные в цепи ладони к своим губам.

— Господи, что они с тобой сделали, — заливаясь слезами, она, не теряя времени, отпирала кандалы. Закончив с этим, она кинула связку ключей студенту, который смотрел на гостью открыв рот. Не обращая больше на Клауса внимания, девушка снова склонилась над вампиром. Достав из сумки на поясе бутылку темного стекла, она попыталась напоить его непонятной жидкостью с резким запахом. Это лекарство она приготовила и захватила с собой на всякий случай, даже не подозревая, насколько оно будет необходимым.

— Рюдигер, очнись, ну пожалуйста, это же я! Ты слышишь, только не уходи!

Лиза словно в страшном сне смотрела на то, что осталось от ее любимого мужа. Еще недавно красивый и сильный, теперь он напоминал скелет, обтянутый кожей, блестящие черные волосы стали тусклыми и грязными, все тело покрывали какие-то страшные язвы. Но больше всего ее напугал его неподвижный взгляд. Однако отвары трав, смешанные с кровью по рецепту деревенской знахарки, помогли, он вздохнул глубже и даже попытался поднять голову:

— Лизхен, это и правда ты? — пальцы чуть сжали ее руку. — Это чудо, что ты здесь, но почему я тебя не вижу? Здесь слишком темно. — услышав ее голос, Рюдигер подумал, что сходит с ума. Вокруг по-прежнему было темно, и он догадался, что яркое летнее солнце сыграло с ним злую шутку. Но уж свою жену он узнает всегда, даже с закрытыми глазами!

Захлебнувшись рыданиями, она обняла его, словно надеясь удержать на этом свете. Рюдигер услышал, как громко стучит ее сердце, и понял, как боится она потерять его, только успев обрести вновь! Он наугад погладил ее волосы, от которых пахло родным домом. Пусть он не мог увидеть ее лица, но чувствовал тепло ее тела и яростное желание спасти, защитить, отогнать кошмарных призраков и вырвать любимого из надвигающегося мрака. Прощаться с жизнью ему что-то совсем расхотелось.

— Ничего, теперь я не доставлю им такого удовольствия! Все будет хорошо, любимая, только не плачь. Но ведь я велел тебе не уезжать из Темнолесья! — он постарался придать голосу строгость, и Лиза слегка успокоилась, если он способен сердиться, значит все не так уж и плохо.

— Но война уже закончилась, не сидеть же мне там до старости! — попыталась она оправдаться.

Клаус освободился от цепей и с удивлением разглядывал вооруженных людей, заполнивших камеру. К плачущей женщине подбежала тоненькая рыжая девчушка, чье лицо покрывала причудливая боевая раскраска, и с сочувствием сказала:

— Вот увидишь, с ним все будет в порядке. наших парней, бывало, и копьём насквозь протыкали, а один даже в лед вмерз прошлой весной, и ничего, все живы-здоровы. Мы сильные, даже не сомневайся!

Друзья склонились над вампиром. Увидев, что сотворила с ним Инквизиция, они с трудом удержались от слез. Римар осторожно обнял друга:

— Прости, что так долго! — больше говорить он не мог, боясь разреветься, словно женщина.

— Ничего, — прошептал Рюдигер, — главное, с тобой все в порядке, ведь я даже не знал, жив ли ты. Я не мог себе простить, что впутал тебя в эту историю.

Парни из Куличек хмурили темные брови, а Терн, не долго думая, предложил перерезать горло кому-нибудь из Псов, ведь больному нужна свежая кровь. Яромир не слишком приятно улыбнулся и посмотрел на Бруно взглядом, непредвещающим ничего хорошего.

— А ведь он прав, должна же быть от тебя хоть какая-то польза! Рюг, стоит тебе только сказать, и мы его.

Но Рюдигер тихо позвал Яра, тот нагнулся, и вампир прошептал что-то ему на ухо. Яромир удивленно покачал головой:

— Вот уж чего-чего, а такого я от тебя не ожидал! Но это хорошая мысль! Римар, остаешься за главного! Терн, раздобудешь все, что нужно, только не вздумай на самом деле кого-нибудь прикончить!

Лесной охотник поспешил его успокоить:

— Да понял я уже, и пальцем их не трону, пусть не трясутся! Здесь есть конюшня и даже скотный двор, я уже видел!

— Ну так быстро вперед, — поторопил его Римар, — сам же сказал, что ему кровь нужна!

Яромир отвел командира особого отряда в сторону и принялся его о чем-то расспрашивать. Тот отвечал неохотно, но Яр, не повышая голоса, показал ему на мрачных вервольфов, и тот кивнул, непонятно с чем соглашаясь. Затем Яромир с Марекком и Бориславом куда-то исчезли. За время их отсутствия Римар и Важек соорудили из плащей носилки и переложили на них Рюга. Попытка одеть на него хотя бы рубашку с треском провалилась. Любое прикосновение к ожогам причиняло ему жуткие страдания.

Вскоре появился запыхавшийся Терн с походной флягой в руках. Он сумел незаметно проскользнуть мимо уже заполнивших здание солдат графа фон Левенхальда, довести до обморока приставленного к лошадям сторожа и пробраться в конюшню. Успокоив только ему известным способом встревоженную лошадь, он быстро сделал прокол на ее шее, наполнил флягу кровью и стрелой примчался обратно.

Дикарь с измученным видом опустил на каменные плиты и протянул фляжку Лизе. Сняв крышку, та осторожно поднесла ее к губам мужа, успевшего снова потерять сознание. Ей удалось влить ему в рот немного, и вскоре дело пошло на лад. Однако выпив все до капли, он снова отключился. Лиза испуганно охнула, но Лана поспешила ее успокоить:

— Это слишком много после такой голодовки, он просто заснул, не тревожься так!

Когда они наконец выбрались из мрачной каменной тюрьмы, уже ярко светило солнце. Яромир и Марек с Бориславом появились также неожиданно, как исчезли. Вид у них был таинственный и довольный. Но ни Важеку, ни Римару не удалось вытянуть из них ни одного слова, тем более что их встретил сам Конрад фон Левенхальд. Он был доволен результатами своей внезапной проверки, выявившей немало нарушений и злоупотреблений. Выяснилось, что почти все признания в самых страшных грехах были обеспечены с помощью жестоких пыток. Всех заключенных он велел отправить по домам, все же запретив им покидать город, пока специальная комиссия не изучит дело каждого из них.

Кроме того, внимание королевского проверяющего привлекли неучтенные денежные суммы и драгоценности, хранившиеся в кабинете самого Верховного инквизитора. Потайной шкаф был распахнут настежь, а куча золотых монет и украшений лежала на столе без всякого присмотра!

К сожалению, сам епископ Альбрехт не смог сказать по этому поводу ни одного вразумительного слова. Он вообще не мог ничего сказать, поскольку был найден без сознания лежащим на полу рядом с отхожим местом, весь перемазанный в дерьме. Похоже, он еще долго не придет в себя после этого приключения, хотя совершенно непонятно, кто мог бы решиться на такое. Конрад фон Левенхальд с усмешкой взглянул на капитана королевских гвардейцев, но Яромир лишь удивленно пожал плечами. Стоявший рядом с ним Марек поспешил опустить глаза вниз, а потом и вовсе отвернулся. Честно говоря, он сожалел только о том, что совсем не утопил мерзкого старикашку, который ругал его и всех нелюдей на чем свет стоит, употребляя при этом слова и выражения, не очень подходящие лицу духовного звания. Но господину графу знать об этом вовсе не обязательно.

Пока Римар и Борислав осторожно переносили Рюдигера в крытую повозку, во дворе появилась Оливия. Ее сопровождал Гюнтер Штольц и еще трое охранников, легкое платье цвета небесной лазури сидело на ней просто изумительно. Однако взглянув на барона фон Шлотерштайна, она вдруг горько заплакала. Конрад неловко обнял ее, желая успокоить, и она уткнулась ему в плечо, продолжая всхлипывать.

— Ну что вы, не плачьте. Его друзья говорят, что все обойдется, он поправится...

Он осторожно погладил ее по голове, и Гюнтер Штольц усмехнулся про себя:

«По крайней мере этот не пьет кровь, и у него нет жены и двух маленьких проказников...Пока нет, потому что моя госпожа быстро это исправит!»

Возвращение к жизни

Постоялый двор «Добрый путь» пользовался в Лангдорфе хорошей репутацией. Его хозяйкой была пожилая вдова, и женская рука чувствовалась здесь во всем. Уютные комнаты сияли чистотой, кровати были аккуратно заправлены, на полу ни соринки. В кувшине для умывания чистая вода и рядом свежие льняные полотенца. И постояльцы здесь были всегда приличные, под стать заведению. Никаких искателей приключений, наемных солдат, порядочные спокойные люди, нередко с семьями.

Однако во время войны люди стали меньше путешествовать, навещать родню и ездить по делам, доходы снизились. Госпожа Аделина еле сводила концы с концами. Поэтому, когда добрый знакомый хозяйки, Гюнтер Штольц настоятельно посоветовал ей приютить одиннадцать человек, оказавших услугу самому графу фон Левенхальду, госпожа Аделина долго не раздумывала. Правда, ее несколько насторожило, что все они алданцы. Лангдорф боевые действия не затронули, и алданских солдат здесь в глаза не видели, но охотно рассказывали о них всякие ужасы.

Но в конце концов, война ведь закончилась, к тому же один из новых постояльцев пострадал от Инквизиции. Беднягу внесли в комнату на носилках. Прошло уже три дня, но видимо он так и не встал на ноги.

Инквизицию госпожа Аделина не слишком любила. Лет тридцать назад она жила в небольшой деревне с родителями и старшей сестрой. Марта была красива и остра на язык, к тому же неплохо разбиралась в травах, постоянно бегала к старой Зильде. Та жила на отшибе, почти в лесу и считалась чуть ли не ведьмой. Однако несмотря на такую репутацию, у нее хоть раз побывал каждый из местных жителей. Ведьма или нет, но всегда поможет, если кто заболел или надо принять трудные роды. Марту она готовила себе в приемницы. Родители конечно были не слишком рады, но Марта и слушать ничего не хотела.

Вот только однажды явилась вечером вся растрепанная в порванном платье. А на следующий день один из местных богачей старательно прятал синяк под глазом. Никто не успел опомниться, как старую Зильду объявили ведьмой, Марту ее пособницей. Их увезли в город и через неделю сожгли на костре. Их семье пришлось спешно покинуть родной дом, бросить налаженное хозяйство и искать счастья в чужом городе.

Поэтому услышав, что благодаря ее гостям господин епископ находится под домашним арестом, госпожа Аделина уже заранее прониклась к ним симпатией.

Надо сказать, молодые люди вели себя прилично и пока никаких неприятностей не доставляли, даже старались помочь по хозяйству. Правда, за те деньги, которые вручил ей крепкий молодой человек с зелеными глазами, они смело могли бы ни о чем не беспокоиться. Но из-за войны часть прислуги пришлось рассчитать, и их помощь была кстати. Трое сильных парней с видимым удовольствием таскали воду на кухню и рубили дрова, чистили конюшню.

Два из них были похоже братьями. Темноволосые, почему-то всегда лохматые, с пронзительным взглядом светло-карих глаз и простоватыми крестьянскими лицами. Третий носил странную для мужчины прическу. Длинные темно-русые волосы, разделенные

пробором, были заплетены в две косы. Довольно симпатичное лицо пожалуй было слишком бледным, но на больного он был совершенно не похож. Он никогда не разговаривал, только улыбался, не разжимая губ, и хозяйка уже стала считать парня немым, и даже жалела бедного калеку.

Среди алданцев были четыре женщины. Правда, одна из них не отходила от больного мужа и редко спускалась вниз. Бойкая красотка с каштановыми кудрями и изящная нежная блондинка с удовольствием помогали госпоже Аделине навести порядок и накрыть на стол.

Четвертая была самой молодой и, пожалуй, самой бестолковой. Кажется, она не имела ни малейшего представления о домашнем хозяйстве. Ее участие в общих хлопотах завершилось разбитой стопкой фарфоровых тарелок. Девушка хлопала длинными темными ресницами и растерянно улыбнулась. Увидев острые нечеловеческие зубы, госпожа Аделина схватилась было за сердце, но из красивых голубых глаз вдруг побежали слезинки, юная вампирша зашмыгала носом.

— Ну что ты деточка, это всего лишь посуда! Просто будь поаккуратней, ты же летаешь как ветер!

Пожилая женщина вручила Лане совок и веник, и поддавшись внезапному порыву, погладила по голове. Та вспыхнула и принялась с невероятным усердием сметать осколки, подняв тучу пыли.

В небольшой комнатке на втором этаже царил полумрак. Плотные шторы на окнах были задернуты, и летнее солнце не могло проникнуть внутрь. Лиза стояла на коленях перед висевшим на стене распятием и горячо молилась. Прошептав последние слова и перекрестившись, она поднялась с колен и склонилась над Рюдигером, мирно спавшим на уютной постели. Кажется, Господь откликнулся на ее молитвы, и все самое страшное было позади. Правда, он еще слишком слаб, и почти все время спит, но жуткие ожоги почти прошли. Лиза испытывала муки совести, глядя на испачканные кровью и сукровицей белоснежные простыни. Но Клодия успокоила ее, заявив, что берется все отстирать. Здесь она чувствовала себя, словно рыба в воде. Ее семья владела единственным постоянным двором в Темнолесье, и она с радостью окунулась в привычные с детства заботы.

Зрение вернулось к Рюгу на второй день после освобождения, но они пока не решались открывать шторы и пускать в комнату солнечный свет.

Неожиданно по лицу спящего пробежала какая-то тень, веки дрогнули, и он открыл глаза, казавшиеся огромными на исхудавшем лице. Увидев склонившуюся над собой жену, он улыбнулся:

— Как мало мы ценим все, чем обладаем по милости божьей! Просто видеть этот мир — само по себе огромное счастье, а видеть тебя- это счастье вдвойне!

Рюдигер неожиданно сильно притянул ее к себе, и потеряв равновесие, Лиза упала прямо на мужа. Несмотря на шуточные протесты, он крепко обнял ее, они перевернулись, рискуя свалиться с кровати. На минуту барон застыл, как зачарованный, глядя, как она хмурит брови, притворяясь сердитой, затем отвел непокорную прядь золотых волос, закрывшую от него любимое лицо и дотронулся пальцем до красивых, чуть обветренных губ.

— Не говори ничего, просто позволь... — он не договорил и обжег эти губы поцелуем, заметив, как она задрожала и напряглась в его руках.

— Но ведь я твоя жена, к чему просить позволения, — теперь уже она целовала его, и Рюдигер ощутил на губах соленый привкус слез, быстро бегущих по ее щекам.

На лестнице кто-то застучал каблуками, шаги приближались к их двери. Лиза быстро с

головой нырнула под одеяло, а Рюдигер постарался сделать вид, что спит.

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянула Клодия:

— Лиза, милая, я тебе поесть принесла! — оглядевшись по сторонам, она пожала плечами, — странно, нет нигде! Жаль будет, если остынет!

Ее острые глаза обшарили все вокруг и наткнулись на платье, небрежно брошенное на пол возле кровати и туфельку на шнуровке, но только одну. Она с возмущением поставила тарелку на небольшой столик у окошка и на цыпочках подкралась к кровати. Затем решительно сдернула одеяло и победно посмотрела на смущенную парочку:

— Неужели вы думали, что меня так легко провести! Если глаза подведут, то запах обязательно выдаст вас с головой! Похоже, господин барон, вы уже совсем здоровы и зря валяетесь целые дни в кровати!

Лиза, торопясь, натягивала платье, Рюдигер сдернул простыню с кровати и обернул ее вокруг пояса. Даже в полумраке было видно, что он покраснел до кончиков ушей.

— И что такого мы сделали, — проворчал он, — вообще — то мы давно не дети, и даже муж и жена, если еще помнишь!

Перекинув остатки простыни через плечо, он подошел к окну и, чуть помедлив, раскрыл шторы. По привычке зажмурившись, Рюдигер осторожно разжал веки, но солнце больше не было его врагом. Он видел все также четко, как раньше, и яркий солнечный свет не причинял никаких неудобств.

Клодия, понимая, что попала в глупое положение, продолжала ворчать:

— Вы, мужчины, хуже детей малых! Нет бы о жене подумать, бедняжка совсем как тень стала, про еду и сама не вспомнит, если не подскажешь, И по ночам то и дело просыпалась, проверяла, жив ли ее дорогой, дышит ли! Раз уж пришел в себя, то посмотрел бы на нее повнимательнее, спросил, когда она ела в последний раз! А ты не успел очухаться, первым делом совсем о другом вспомнил!

Тут она перевела взгляд на Рюга и замолчала на полуслове. Сейчас он был похож не на красавца аристократа, а на решившего прогуляться мертвеца. Поймав ее взгляд, он смущенно завернулся в простыню, скрывая обтянутые кожей ребра и впалый живот.

— Вообще-то и тебе пора поесть нормально, сколько можно кормить тебя с ложечки, словно младенца! Спускайтесь вниз голубки, только не задерживайтесь!

Она оставила их, сердито хлопнув дверью. Рюдигер подошел к Лизе и обняв за плечи, помотрел в ее усталое, но счастливое лицо:

— Лизхен, милая, как же я тебя измучил! Но что это за место, и давно мы здесь?

Она доверчиво прижалась к нему, обняв на всякий случай покрепче. Каждый раз, засыпая, она крепко держала его за руку, словно боялась, что он неожиданно исчезнет.

— Мы все еще в Готхейме, это постоянный двор. Госпожа Аделина, наша хозяйка, замечательная женщина. Мы здесь почти семь дней, но неужели ты ничего не помнишь?

Кое-что он помнил, но эти воспоминания были отрывочны и бессвязны. Встревоженные лица друзей, мягкая чистая постель вместо вонючей соломы. Кошмарные сны и прохладная женская рука, отгоняющая ночных призраков, любимый голос, упрямо твердящий слова молитвы. Возвращающий к жизни вкус крови... Яромир и Римар каким-то образом сумели убедить хозяина мясной лавки, что это самый обычный товар, ну может стоит немного дороже. Кажется, бедняга считал, что связался с колдунами и рискует спасением души, но был не в силах устоять перед звоном золотых монет. То, что в Алдании было самым

обычным делом, здесь вызывало жуткие подозрения.

— Я помню только, что ты была рядом, удерживала меня на этом свете, не отпуская ни на миг! — он еще раз поцеловал ее, с сожалением вспомнив, что внизу их ждут.

Предусмотрительно захваченный Лизой из дома красный с золотом камзол смотрелся на нем просто смешно. Пришлось позаимствовать у Римара рубашку с шелковым жилетом. Вообще-то Рюдигер был шире друга в плечах, но теперь это было совсем незаметно. Свободный покрой этих вещей позволял барону выглядеть почти прилично. Затянув потуже ремень на болтающихся штанах, Рюдигер усмехнулся:

— Пожалуй мне подошла бы и одежда Важека, если бы он был чуть повыше ростом!

Несмотря на то, что Клодия уже сообщила всем радостное известие, его появление вызвало просто бурю восторга. Гвардейцы и деревенские приятели обнимали своего друга, вернувшегося почти с того света. Сыновья кузнеца от радости так сильно хлопали его по плечам, что Рюдигер боялся не устоять на ногах.

Клодия внесла огромное блюдо с жареным мясом и водрузила его в центр стола, на котором и без того не было пустого места. Яромир чуть ли не силой усадил жену рядом с собой:

— Ну хватит хлопотать, все и так замечательно!

Римар открыл бутылку игристого розового вина и наполнил бокалы. Все посмотрели на барона фон Шлотерштайна, справедливо считая, что после возвращения к жизни он должен порадовать их каким-нибудь мудрым изречением. Но его тост был на удивление коротким:

— За настоящую дружбу! — он обвел всех сиящими от счастья глазами, — и за жизнь, драгоценный дар Божий!

Эта короткая речь имела большой успех. Отпив из своего бокала шипящего терпкого вина, Рюдигер почти сразу ощутил, как закружилась голова. Наполнив свою тарелку, он поспешно принялся за еду, надеясь, что остальные не заметят, как быстро он сумел опьянеть. Впрочем, он быстро забыл об этом, наслаждаясь почти забытым вкусом нормальной еды.

За столом стало шумно и весело, даже Лана охотно участвовала в общей беседе. Вероятно причиной тому был бокал вина, которое она попробовала впервые. Но бдительности она от этого не утратила. Когда Важек, также благодаря вину, осмелился приобнять ее за талию, Лана сильно двинула ему в живот острым локотком, лишив его на какое-то время возможности дышать.

Лиза с некоторым испугом смотрела, как ее муж опустошает уже вторую тарелку. Когда он потянулся за очередной порцией, она решительно остановила его.

— Но Лизхен, я ужасно голоден! — он жалобно посмотрел на нее. У Лизы защемило сердце от этого взгляда, но она все же мягко настояла на своем:

— Хватит пока, может и плохо стать с непривычки!

Рюдигер хотел возразить ей, но вдруг понял, что действительно здорово объелся и устало привалился к спинке стула. Да что с ним случилось, пьянеет с одного глотка, и наедается до отвала детской порцией. Не хватало еще уснуть сейчас за столом и стать всеобщим посмешищем! Хуже всего было то, что ему действительно жутко захотелось спать! Стараясь пересилить себя, он открыл глаза и со стыдом понял, что все же задремал ненадолго. Рядом с ним, опустив голову ему на плечо, мирно посапывала Лиза. Видимо Клодия не покривила душой, говоря о бессонных ночах, выпавших на долю его жены. Он

осторожно выбрался из-за стола. Римар и Яр рванулись было к нему, недоуменно спрашивая, что случилось, но он успокоил их:

— Да все нормально, просто с нас уже хватит, а вы веселитесь!

Бережно подхватив Лизхен на руки, он порадовался, что все еще может это сделать и в то же время удивился, какой легкой она оказалась. Похоже он разбудил ее, но Лиза предпочла не открывать глаза, а только обхватила мужа за шею руками.

Клодия пристально следила, как Рюдигер поднимался по лестнице с драгоценной ношей на руках. Увидев, что он довольно быстро преодолел это препятствие, она вдруг каким-то материнским жестом перекрестила его и прижалась к Яромиру:

— Пожалуйста, постарайся не отдавать меня в лапы этих святош, лучше убей! Я не такая сильная, как Рюг, я там не выживу!

— Да что ты такое говоришь, пока я жив, никто не посмеет! К тому же война окончена, и скоро мы будем дома! — Яромир удивился, его жена всегда была отчаянно смелой, мало что могло вывести ее из равновесия. Но увидев слезы в янтарных глазах, он молча обнял ее покрепче, стараясь защитить от всего мира.

Июльская жара сменилась затяжными дождями, как будто Бог решил смыть Лангдорф с лица земли. Постояльцы госпожи Аделины изнывали от скуки. Яромир и Римар чуть не ли не с радостью ждали своей очереди помочь по хозяйству. Клодия и Элина стремились домой, к оставленным на попечение родных детям. Борислав сумел выбраться за городские стены и вернулся с охапкой ивовых прутьев. Теперь они с братом развлекались плетением корзин. Терн вырезал из оставшейся от обеда кости свистульку и принялся насвистывать на ней заунывные мелодии, но Марек видимо совсем не любил музыку.

Он коротко объяснил приятелю, куда попадет его дудка, если он не прекратит свои концерты. Все ожидали серьезной драки, но Терн ко всеобщему удивлению спокойно согласился с такой оценкой своего творчества и отложил свистульку в сторону. Он нашел себе занятие поспокойнее — с дикарским терпением вырезал на кости необычные узоры и сценки охоты на диких зверей. Поскольку костей от их обедов оставалось более чем достаточно, то материалом он был обеспечен надолго.

Важек решил не терять время и обучить Лану грамоте. Он уже понял, что шипов у этой дикой розы предостаточно, но от этого она стала в его глазах еще привлекательнее. Теперь они подолгу сидели в гостиной на небольшом диванчике и чертили мелом по грифельной доске. Иногда их взгляды встречались, и они замирали, просто глядя друг на друга и совершенно забывая про буквы и слова.

Рюдигер возвращался к нормальной жизни прямо на глазах. Защитные силы, заложенные в нем природой, наконец заработали в полную силу. За столом он уничтожал такое количество еды, что даже оборотни смотрели на него с уважением и через какое-то время с удивлением понимал, что в животе снова пусто. Лиза радовалась его здоровому аппетиту, но справедливо опасалась, что это их совершенно разорит. Достав припрятанные сбережения, она протянула их Яромиру:

— Возьми пожалуйста, а то боюсь, что скоро нам будет не на что жить!

Но он со смехом вернул ей кошелек.

— Ты зря переживаешь! Даже если все мы будем лопать, как наш выздоравливающий, все равно бедность нам не грозит! Твой дорогой муженек об этом позаботился!

Лиза растерянно посмотрела на него, пытаясь понять смысл этих слов. Яромир с минуту

наслаждался ее изумлением, затем пояснил:

— Ну, видишь ли, когда там в подвале Инквизиции я сгоряча предложил прирезать кого-нибудь из его обидчиков, то Рюдигер просто удивил меня. Знаешь, что он сказал мне? «Лучше деньгами возьмите!». Это на него не слишком похоже, когда он у нас о деньгах думал! Всегда только о высоком, долг, честь и все такое, ведь в хлебе, точнее в мясе насущном он никогда не нуждался. Но кто знает, может может породнившись с купцами, и он чего-нибудь от вас нахватался. А может просто бредить начал, ведь он и на живого-то был не похож! Ну как бы то ни было, а я решил, что это мысль не плохая, тряхнул как следует этого командира Псов, и с нашими вервольфами наведаясь в гости к епископу. Он как раз наводил порядок в кабинете перед визитом графа Левенхальда.

Вообщем, поговорили мы с ним по душам, особенно Марек рвался пообщаться на всякие там возвышенные темы про воздаяние по заслугам и высший суд. Еле уговорили парня не брать грех на душу. И хотя тысяча золотых готхеймских марок я не считаю достаточным возмещением страданий нашего друга, но все же наш отдых здесь оплачивает его преосвященство епископ Альбрехт!

Честно говоря мы могли бы взять с собой гораздо больше, но на этих деньгах чья-то безвинная кровь. Пусть королевский проверяющий разбирается, откуда у бескорыстных слуг церкви такая куча золота!

Приближалось полнолуние, и Клодия, и без того страдавшая в городских стенах, стала еще более нервной и вспыльчивой. Хотя луна и не влияла на способности людей-волков к превращению, но в те ночи, когда она набирала полную силу, они острее чувствовали зов природы. Сыновья кузнеца тоже не находили себе места. Маленькая комната стала казаться им клеткой, и спать они перебрались во двор. Яромир с ужасом ждал той минуты, когда летнюю ночь прорежет тоскливый и тревожный волчий вой. Если суеверные жители городка решат поохотиться на оборотней, то не спасет и заступничество графа фон Левенхальда!

Пожалуй, пора было попрощаться с Лангдорфом и с их на редкость терпеливой и доброжелательной хозяйкой. Тем более, что бывший больной уже рвался принять участие в хозяйственных делах, требуя, чтобы ему, как пострадавшему от инквизиции, уступили очередь колоть дрова. Выслушав это предельно вежливое заявление, Римар с трудом сдержал смех, затем принес во двор шпаги и протянул одну из них вампиру.

— Сейчас проверим, действительно ли ты готов к дежурству по кухне!

Рюдигер сделал несколько пробных выпадов, чувствуя, как с каждым движением в него вливается уверенность в своих силах. Римар ударил первым, и он отбил удар, затем ударил сам, с наслаждением вспоминая знакомые с детства приемы. Сначала их бой был осторожным, они плели сложный кружевной узор, ноги двигались словно в танце, шаг вперед, шаг назад, поворот и снова в атаку...

Лиза с наполовину расплетенной золотистой косой и Элина, покрасневшая от волнения, не отрываясь, следили за дружеским поединком. Они были не единственными зрителями. Марек отложил топор, Терн выбрался из конюшни, прислонив к стене вилы. Борислав и Яр опустили на землю ведра с водой. Лана сжимала кулаки, глаза блестели от волнения, она представляла себя на месте сражающихся. Важек был увлечен не менее, совершенно случайно он обнял девушку, слегка притянув к себе. Опомившись, он хотел убрать руку, но Лана уже крепко вцепилась в нее тонкими, но сильными пальцами и сжала до боли, на этот раз, не имея ничего против.

Противники ускорили темп, двигаясь все быстрее и быстрее, зрителям уже было трудно следить за их клинками, быстрыми словно молнии. Вдруг Римар неожиданно остановился и опустил шпагу вниз, давая понять, что прекращает поединок. Зрители разочарованно вздохнули, Рюдигер сердито бросил другу:

— Ты меня жалеешь, все еще считаешь за больного!

— Вовсе нет, — Римар виновато улыбнулся, — просто все время поддерживать такой темп очень трудно, похоже ты действительно совсем здоров! Я не хочу проиграть, вот и сдаюсь!

Все наперебой хвалили мастерство фехтовальщиков, Лиза и Элина сияли улыбками, не в силах скрыть гордость за своих любимых. Рюдигер поднял и закружил на руках кинувшуюся обнимать его жену. Случайно обернувшись, он вдруг увидел чью-то голову, наполовину выглядывающую из-за забора. Незвестный тут же исчез. Никто, кроме вампира, не заметил его появления.

Вечером друзья засиделись за бутылкой вина до глубокой ночи. Всем было ясно, что пора собираться домой. Война окончена, их друг свободен, и больше им здесь делать нечего. Дамы горячо поддержали эту здравую мысль, особенно Клодия, мечтавшая поскорее вырваться из-за городских стен. Немного подразнили Терна, который побывав дома на Рождество, зря времени не тратил. Теперь его Анелька ждала ребенка, о чем Лиза сообщила ему, как только приехала в Готхейм. Наконец все стали расходиться. Римар, извинившись, удалился всед за сонной Элиной. Важек любезно вызвался проводить Лану до ее комнаты. Лиза строго взглянула на парочку, но Клодия улыбнулась:

— Не переживай, она уже взрослая девочка и вполне может о себе позаботиться!

Марек с Бориславом ушли еще раньше, прихватив с собой Терна. Выросший в лесу, он никак не мог привыкнуть к каменным стенам, чувствуя себя в ловушке, и тоже перебрался на улицу. Яромир с удивлением взглянув на Рюга, заметил, что тот вовсе не выглядит довольным жизнью.

— Эй, ты чего загрустил, мы не только войну выиграли, но еще и Инквизицию прикрыли. Господин епископ теперь в дерьме по самые уши, причем в самом прямом смысле, и вряд ли оправдается перед королем! Давай-ка выпьем за это, и перестань киснуть!

Он поднял бокал и обнял друга свободной рукой, с удивлением ощутив крепкую сталь мускулов под его рубашкой. Все-таки быстро он пришел в себя, еще две недели назад было боязно оставлять парня на сквозняке без присмотра, а ну как ветром сдует! А теперь почти такой же, как раньше. Только в глазах притаилась какая-то скрытая тоска, словно там, в вонючем подвале он заглянул куда-то, куда нельзя заглядывать живым... Яромир неожиданно рассердился сам на себя, что за глупости лезут в голову, и решительно допил вино. Рюдигер последовал его примеру и усмехнулся:

— Все так, только я выставил себя полным дураком! Думал, смогу отыскать здесь в Лангдорфе Чашу Жизни, а сам попал прямиком к врагу в лапы, еле остался в живых, если бы не вы, так и сдох бы в цепях, на гнилой соломе! Даже подарок крестного, заговоренный нож, и то достался этим негодьям.

Яромир с облегчением посмотрел на друга:

— Так вот почему ты такой кислый, а я уже чего только не напридумывал! А что это за Чаша Жизни, я никогда не слышал ничего подобного?

Вдруг на улице послышался какой-то шум, громкая ругань, и через минуту злющий

Борислав и невозмутимый Терн втащили в комнату двух испуганных до полусмерти мужчин. По виду оба были обычные горожане. Старший, невысокий и коренастый, выглядел типичным лавочником или хозяином трактира, молодой приятель был здорово похож на него, явно родственник.

Следом за ними заявился Марек, еще более лохматый чем, обычно. Из одежды на нем были только штаны, которые он торопливо застегивал на ходу.

— Вот, еле поймали! Хотели дом поджечь, гады! — Борислав, не сдержавшись, пнул одного из поджигателей, и тот приземлился на середину комнаты. Привлеченные шумом в гостиную спустились Римар с Элиной, Лана, Важек, хозяйка гостиницы и две заспанные служанки.

Пойманные злоумышленники стучали зубами от страха, вспоминая, как неслись по бульжной мостовой от демонов с горящими глазами, и вдруг перед ними словно из под земли вырос огромный волк. Пока они гадали, откуда взяться лесному чудищу здесь в городе, зверь, глухо рыча, приближался. Поджигатели непослушными ногами отступали назад и вскоре попали прямо в руки к своим преследователям. Как ни странно, их не сожрали на месте, а пинками отконвоировали назад, на постоянный двор госпожи Аделины.

Волк все время неторопливо трусил рядом, не забывая сердито порывивать, но когда они завернули в ворота, куда-то исчез.

Сейчас их окружали совершенно обычные люди, правда очень недовольные тем, что их разбудили посреди ночи. Встретившись взглядом с хозяйкой гостиницы, старший из поджигателей опустил глаза в пол. Пожилая женщина возмущенно воскликнула:

— Господин Рильке, что вы со своим племянником здесь позабыли! Что вообще все это значит!

Тот упрямо пялился на свои сапоги, но старший из оборотней сердито рявкнул:

— А ну-ка отвечай, когда к тебе обращаются!

Господин Рильке вздрогнул от резкого окрика и торопливо заговорил:

— В городе совсем недовольны тем, что здесь спокойно живут алданцы. Ведь всем известно, что они с нечистой силой знают, а половина из них и вовсе не люди! Устроились, как у себя дома, золотых монет у них без счета, а про вас, госпожа Аделина, и без того поговаривают, что вы простите, ведьма настоящая... А где сейчас на нечистую силу управу найдешь? Сам господин епископ под домашним арестом! Вот мы, как честные горожане и добрые христиане, и порешили, что если если ваш постоянный двор вдруг сгорит, то всем от этого будет только спокойнее!

— Ну да, а также у вас постояльцев прибавится. Нет, я конечно знала, что вы не слишком хорошо ко мне относитесь, но чтобы спалить заживо... — пожилая женщина с трудом справилась с охватившим ее возмущением.

Марек обратился к Яромиру:

— Господин капитан, что нам делать с этой падалью?

Яромир слегка вздрогнул от такого официального обращения, но напустил на себя важный вид и строго ответил:

— Связать, посадить в сарай и сторожить до утра! Не бить и не пугать до полусмерти! Утром отправим гонца к Гюнтеру Штольцу, он с ними разберется. Надо бы их в городскую тюрьму, но кто знает, может и сам бургомистр с ними заодно!

Элина и Лана успокаивали расстроенную госпожу Аделину. Та уже не сдерживала слез, кому понравится, что соседи решили сжечь твой дом для блага города.

Спать сразу всем расхотелось. Римар обнимал Элину, закутанную в плед поверх ночной рубашки. Лиза думала, что надо как можно скорее уносить ноги из этой проклятой страны. Нет, конечно и здесь встречаются хорошие достойные люди, такие, как госпожа Аделина, граф фон Левенхальд и, как ни трудно ей это признать, Оливия фон Мерингер. Но в целом она точно не будет скучать по Готхейму!

Яромир, словно прочитав ее мысли, вдруг сказал:

— Страшно даже подумать, сколько в здешних людях ненависти! Если кто-то не похож на всех остальных, неужели его обязательно надо уничтожить! Странные какие-то христиане из них получаются. Послушай Важек, так уж повелось, что ты у нас всезнайка, что ты скажешь о Чаше Жизни? — вдруг спросил он без всякого перехода. — Слышал ты когда — нибудь о таком древнем талисмানে?

Важек изумленно уставился на друга. Яромир никогда не интересовался старинными артефактами и древними преданиями. Скорее он мог здраво обсудить качество металла и балансировку клинка, ну или поспорить о достоинствах вина, подаваемого в местной таверне. А тут вдруг Чаша Жизни... Даже странно слышать от него такое.

— Это знаменитая священная реликвия, привезенная еще Максимилианом Первым из крестового похода. Выглядит как кубок, выточенный из огромного цельного изумруда. Считалось, что само ее присутствие в стране охраняет трон ее властителя, кроме того в некоторых книгах говорится, что обычная вода, налитая в этот кубок, излечивает любые болезни. — Важек заметил, что Лана слушает его, затаив дыхание, да и другие ловят каждое слово, и с воодушевлением продолжил, — но по королевству прошли слухи, что уже более двадцати лет драгоценной реликвии нет в Алдании!

Король доверил сокровище одному из своих верных вассалов, и его семья хранила тайну несколько столетий. Но последнего хранителя Чаши коварно убили, и древний артефакт исчез из страны... Если принять во внимание нарастающее беспокойство в стране, только что закончившуюся войну и слухи о странной болезни короля, то похоже Чаша Жизни действительно в чужих руках!

— Есть сведения, что она находится прямо здесь, в Лангдорфе, — хрипло произнес Рюдигер.

Все удивленно уставились на взволнованного вампира. Важек воскликнул:

— Ты откуда знаешь? Только не говори, что верным вассалом короля и хранителем Чаши был тот самый барон фон Шлотерштайн, твой знаменитый предок!

Рюдигер утвердительно кивнул:

— Так и есть, он самый. Мой род хранил реликвию несколько столетий. А мой дед заплатил за эту тайну не только собственной жизнью, но и жизнью своей жены!

— И ты все время молчал, так не доверять лучшим друзьям! Или кому-то ты все же открылся? — Важек с подозрением посмотрел на Римара. — Иначе зачем вас понесло в самое змеиное гнездо, сюда в Лангдорф?

— Но ведь это не моя тайна, — с достоинством ответил Римар, — к тому же мы выполняли поручение генерала Валенберга, вот и решили заглянуть сюда, раз оказались неподалеку!

— И чуть не сложили голову! — сердито подвел итог Яромир. — Учитывая все, что мы сейчас узнали, я думаю, что наш долг заключается в том, чтобы вернуть священную реликвию домой, в Алданию! Все ли согласны с этим решением?

Его слова вызвали всеобщее одобрение, только Лиза уныло промолчала. Что-то она устала от приключений, да и по детям ужасно соскучилась! Но для ее любимого это кажется вопрос фамильной чести. И зачем выдумали эти глупые традиции, от них только труднее живется!

Но давая клятву перед алтарем, она поклялась разделить с Рюгом жизнь, всю как есть. А это значит, не только спокойную жизнь в родовом замке, когда не приходится беспокоиться ни о куске хлеба, ни о крыше над головой, ни о будущем своих детей, но также и его долг перед страной, его трепетное отношение к чести своей семьи, желание любой ценой исправить пусть невольную, но ошибку своего деда. Теперь эти глупые традиции стали и ее заботой, незаметно вошли в ее кровь и плоть. Что поделаешь, как говорится, два сапога пара или, что еще точнее, муж и жена-одна сатана...

— Но я считаю, что наши любимые супруги все же должны вернуться в Алданию, или хотя бы присоединиться к армии Валенберга, что все еще находится на границе. — неожиданно заявил Яромир

— Ну уж нет, даже не мечтайте! — Клодия гневно смотрела на мужа. — Неужели ты думаешь, что мы спокойно отправимся домой, пока вы будете рисковать жизнью!

Римар взглянул на Элину, изящную и безупречно одетую. Ее совершенно невозможно было представить в походной одежде, тем более с оружием в руках. Но она смело встретила его взгляд и отрицательно покачала головой. Несмотря на хрупкий и беззащитный внешний вид, в трудные минуты лучшая подруга принцессы Шарлоты могла быть твердой, подобно алмазу.

Лана почти по-детски обиделась:

— Меня признали воином и охотником, когда мне исполнилось пятнадцать зим! Пятеро убитых мною Россомах не позволили никому оспорить это решение!

Яромир с удивлением взглянул на вампиршу, выглядевшую слишком уж молодо, но благоразумно промолчал. Спорить с женщинами бесполезно, а чем моложе женщина, тем она упрямее... Бедный Важек, трудно ему с ней придется!

Лиза не стала ничего говорить, она только крепко стиснула руку сидевшего рядом мужа. Рюдигер посмотрел на ее серьезное, слегка побледневшее от волнения лицо и просто обнял покрепче, позабыв разом все умные слова и убедительные доводы, которые приготовил для этой минуты.

В гостиную незаметно вернулись Терн с Бориславом. Уже несколько минут они с ехидными улыбками наблюдали за попытками гвардейцев уберечь своих женщин от опасности.

— А все же хорошо, что наши голубушки делом заняты! Дети, скотина, огород, некогда ерудной заниматься! А главное, твердо знают, что мужа уважать надо! Если что скажет, то и спорить нечего! — самоуверенно заявил Борислав.

Терн еле сдержался, чтобы не рассмеяться. Видимо приличное расстояние от родного дома каким-то образом повлияло на воспоминания Борислава.

— В одном я с тобой согласен, хорошо, что они дома и под ногами не путаются!

Наконец все споры стихли. Яромир посмотрел на довольно своеобразную компанию и, вздохнув, подвел итог:

— Значит, отправляемся все вместе! Но предупреждаю, порядок для всех один и командир тоже! Мои приказания не обсуждаются, дамы, это касается и вас, причем в первую очередь! Ну что, посмотрим на загородное поместье его преосвященства! Думаю, что Чаша

Жизни хранится именно там.

Лесная отшельница

Частное владение епископа Альбрехта было надежно спрятано от любопытных глаз. В уютной долине у небольшого озера рассыпались только крестьянские домики с черепичными крышами. Справа и слева поднимались склоны гор, заросшие густым лесом.

Никто из жителей деревеньки не мог понятно объяснить, где же находится дом их господина. Раз в неделю люди епископа приезжали сюда за припасами и возвращались обратно по известной только им потайной тропе. Поместье находилось далеко в чаще леса и отыскать его было почти невозможно.

Проще всего было бы проследить за слугами Альбрехта, но они побывали здесь еще вчера. Подтверждением этого были опустевшие амбары и тишина в курятниках. Поэтому напоив лошадей, алданцы смело отправились в лес. По словам крестьян дом его преосвященства находился где-то в лесу на левом склоне горы.

Лесная тропа была слишком узкой, то и дело ее преграждали упавшие деревья. С двух сторон стояли величественные сосны, росшие тут настолько густо, что небо почти не проглядывало сквозь их колючие ветви. Постепенно они забирались все глубже в лесную чащу, но пока не было никакого намека на присутствие где-то поблизости человеческого жилья.

Вдруг в лесу еще больше потемнело, и на засыпанную хвоей тропинку упали первые тяжелые капли дождя. Ливень быстро усиливался, сверкали молнии, кони шарахались от раскатов грома. Неожиданно рядом с тропой Марек увидел обычный крестьянский дом.

Странно как он раньше его не заметил, он же во все глаза следил за дорогой. Этот лес не вызывал у него доверия, и парень не ослаблял внимания ни на минуту.

Покосившийся домишко был окружен кривым частоколом, над воротами висел лошадиный череп. Однако промокшим насквозь путникам было некогда ломать голову над странным украшением, тем более что сами ворота были не заперты. Пока они привязывали коней под навесом, на крыльце появилась старуха. На вид она была настолько древней, что казалась ровесницей этому лесу. Время согнуло ее почти пополам, ходить бабке помогала кривоватая палка. Яромир, первым заметивший присутствие хозяйки, постарался перекричать шум дождя:

— Бабушка, пустите обсушиться!

Старуха неопределенно махнула рукой и скрылась за дверью. Не сговариваясь, все дружно решили, что странный жест означал приглашение, и шумной мокрой толпой ввалились в избушку. Внутри здесь все напоминало обычную крестьянскую избу, только почернело от времени и покрылось копотью и паутиной. Хозяйка выглянула из-за печки:

— Что же вы в такую погоду по лесам шатаетесь? Ну да ладно, сейчас печь затоплю, погрееетесь, обождите малость.

Вблизи бабка казалось еще более старой и дряхлой, большой нос крючком и выбившиеся из-под платка седые космы не добавляли ей привлекательности. Из под лавки, на которую они присели, с шипением выскочил черный кот. Видимо на него попала вода,

ручьями стекавшая с незваных гостей. Лиза тихонько поманила его, но кот только сердито отряхнулся и стрелой взлетел на печку. Раздалось странное уханье, и все с удивлением разглядели настоящего филина, сидящего на жердочке, торчащей из стены. Желтыми круглыми глазами он недовольно следил за алданцами.

— Настоящая ведьмина избушка, — восхитился Рюдигер, — как в сказке. Лизина бабушка раньше таких ужасов наплетет про заблудившихся ребяташек, что к лесу и подходить боязно.

Лиза мечтательно улыбнулась далеким воспоминаниям, а Яромир недоверчиво покачал головой:

— Такие детишки любую ведьму до обморока доведут, вряд ли в ваших лесах хоть одна уцелела!

Огонь в печи уже догорал, продрогшие путники наслаждались теплом и сушили насквозь промокшие вещи. Старуха задумчиво оглядела молодежь, занявшую обе длинные лавки вдоль стен.

— Как же вас много. Вот что паренек, — обратилась она к Мареку, — сбегай в сарай, заруби пару куриц. А то и не знаю, чем кормить вас. Ты вроде на вид деревенский, справишься!

Тут она уставилась своими выцветшими глазами на незваных гостей и вдруг отпрянула назад, сделав защитный жест рукой:

— Вас просто не должно быть, вы давно исчезли, сгинули, превратились в дым!

Рюдигер на всякий случай перекрестился, Яр и Римар последовали его примеру, сыновья кузнеца незаметно сложили пальцы в кукиш, чтобы ведьма не навела порчу.

Лана возмущенно спросила:

— Это почему нас не должно быть? Мы ни в какой дым не превращались и никуда не исчезали!

Старуха даже не взглянув на нее, продолжила бубнить что-то себе под нос, ни слова не разобрать, похоже какие-то защитные заклинания. Марек махнул рукой:

— Ну вы пока присмотрите за ней, а я в курятник! Мы ведь не призраки, нам есть очень даже хочется!

Лана согласно кивнула. Стараясь заглушить голод, она грызла какие-то сушеные ягоды, ощипывая их с висевшего над печкой пучка веток и успевая угощать ими Важека. Старуха несколько минут смотрела на нее, затем хрипло расхохоталась. Рюдигер испугался, уж не свели ли они хозяйку избушки с ума своим вторжением. Но бабка наконец перестала смеяться и, показав на ягоды, которых почти не осталось, пояснила:

— Это боярышник, по старым поверьям он отпугивает разную нечисть, в том числе и вампиров и призраков.

— Все вранье, призраков, может быть и отпугивает, — Лана отправила в рот последнюю горсть, — но мы всегда эти ягоды в лесу собирали. Правда после них есть еще больше хочется.

Наконец вернулся Марек с двумя обезглавленными курицами. Слегка смущенно он обратился к старухе:

— Ну и злющий у вас петух, хозяйюшка, еле ноги унес из курятника!

Заняв гостей ощипыванием бедных куриц, бабка достала огромный медный котел. Именно такой должна иметь каждая уважающая себя ведьма, чтобы сварить кого-нибудь из

неосторожных путников. Вскоре из печи уже доносились вкусные запахи. Похлебка, в которую добавили все, что нашлось на полках, оказалась выше всяких похвал. Хозяйка спокойно наблюдала за увлеченной едой компанией с теплой лежанки.

За окошком быстро темнело, и было ясно, что придется остаться здесь на ночлег. Клодия и Лиза пытались заставить блеснуть закопченный котел с помощью битого кирпича и осторожно расспрашивали хозяйку, не знает ли она, как добраться до поместья епископа Альбрехта.

— Как вы сказали, епископа Альбрехта? Этот человек — слугитель Бога? — старуха снова отвратительно расхохоталась, и алданцы засомневались, что она находится в здравом уме.

Она впиалась неприятным острым взглядом в лицо барона фон Шлотерштайна, словно не веря своим глазам.

— Вот уж не думала, что еще раз увижу кого-то из вас, дети ночи!

Рюдигер собрался решительно возразить, но Лиза взяла его за руку и тихонько шепнула:

— Не сейчас, пусть выговорится!

Старая колдунья смотрела прямо перед собой, но видела не потемневшие от времени бревна стены, а что-то совсем другое.

— Во времена Черной Звезды миром правила тьма. Люди, подобно крысам, скрывались под землей. Земля же принадлежала вам, дети ночи. Незнавшие поражений, вы не знали и страха, были надменными гордцами, считая людей чем-то вроде червей, ползающих по подземным ходам, и в общем-то были правы. Под темным небом вырастали ваши мрачные замки, образовались роды и кланы, велись войны за право владеть темным холодным миром.

Но затем солнце вернулось в несчастный мир, достаточно наказанный вечной ночью, лютым холодом и властью жестоких правителей. Вам пришлось делить этот мир с людьми. Не слишком охотно, но вы потеснились, уступив бывшим подземным червям часть своих владений. Но еще долго вы были серьезной силой, с вами считались короли, вас если не уважали, то точно боялись. Некоторые кланы приняли веру Христа, не думая, что вскоре люди примутся уничтожать их с этим именем на устах! Всех поголовно, вместе с женщинами и детьми, чтобы ни одного проклятого выродка не уцелело!

По голосу старухи было не слишком понятно, возмущена ли она этими страшными событиями или считает их вполне справедливым наказанием для тех, кого называли ночным народом.

Рюдигер слушал эту историческую справку с крайне недовольным видом. Здесь похоже считалось хорошим тоном обвинять подобных ему во всех смертных грехах. Дескать, чего вы хотите, сами во всем виноваты. Слишком опасно жить с вами рядом, проще уничтожить!

В алданской истории, по крайней мере, в той, которую он знал, никогда не говорилось ни о чем подобном. Правители его страны всегда знали, какая необычная земля досталась им в наследство, и принимая корону, давали клятву быть опорой и защитой для всех без исключения граждан страны.

В старинных фолиантах было ясно написано, что когда Харальд Собиратель земель пришел с войском в Моравию, то достойные представители старых кланов принесли клятву верности королю и отдали свои земли под его руку. Они слишком хорошо понимали, что такое междуусобная война. Среди соседей маленькой страны всегда было много желающих оттяпать хороший кусок от ее границ. Поэтому было важнее объединиться перед общим врагом, чем играть в независимость. Да и церковь всегда призывала к миру и

взаимопониманию, а вовсе не к сжиганию инакомыслящих или просто непохожих на других. В Алдании за подобные речи можно было запросто угодить в тюрьму, как за подстрекательство к измене.

Все эти мысли и сомнения отразились на лице Рюга, и Римар тихонько толкнул его в бок, шепнув: «Ну и темный здесь народ!», а Важек, показав на старушку, покрутил пальцем у виска. Она же продолжала свой рассказ, не обращая внимания на скрытые усмешки и переглядывания слушателей.

— Здесь, в лесном краю вы держались долго. Но воины инквизиции пришли и сюда. Не думаю, что Господу было угодно, то что они творили, прикрываясь его именем! Но однако их не поразила молния, и земля не развезлась у них под ногами.

Последние из вас еще совсем недавно скрывались в этом лесу. Я не раз видела их ловушки и ловчие ямы. Гордые потомки старинных родов существовали подобно дикарям. Слуги этого вашего Альбрехта травили их собаками, загоняли, словно диких зверей, пока не осталось ни одного из детей ночи. Все стали дымом и пеплом, ушли навсегда...

Это было не так давно, около года назад, но иногда в темные безлунные ночи можно увидеть их неприкаянные души. Старым людям по ночам, бывает, не спится... Вот и вы поначалу показались мне то ли вернувшимися из мира теней призраками, то ожившими мертвецами.

— Мы не призраки, а подданные короля Алдании! — усмехнулся барон фон Шлотерштайн. — И епископ Альбрехт нам сильно задолжал!

Старуха обернулась к нему:

— А вот тебя я бы назвала вернувшимся с того света. Сильный у тебя ангел-хранитель, и с женой тебе здорово повезло! Вроде бы обычная женщина, никаких колдовских умений и способностей, но до того крепко в тебя вцепилась, что здесь удержала и смерти не отдала!

Ты, смотри, береги ее, не вздумай обидеть!

Лиза покраснела и опустила глаза, но Рюдигер притянул ее к себе и коснулся губами золотых волос:

— Я каждый день благодарю Бога, за то что послал мне это сокровище!

Странная лесная отшельница одобрительно улыбнулась, на этот раз ее улыбка была вполне приятной:

— Завтра пойдете по тропе до развилки, затем повернете налево, перейдете через ручей. Там будет заброшенная деревня. За церковью есть старинный склеп, там еще статуя такая приметная была, ангел с мечом, впрочем может она и не уцелела. Это двери в подземелье.

Здесь вся земля изрыта ходами и тоннелями, словно огромный крот поработал. А поместье старого греховодника стоит на старинном подземном убежище.

— Неужели с темных времен что-то уцелело? — выразил всеобщее изумление Яромир.

— Сам скоро убедишься! Поместье рассыплется в труху от времени, а подземелье еще пять веков простоит! Правда, ходят слухи, что на подземный ход наложено заклятье. Те, кто рискует туда забраться, не возвращаются. Говорят, что они слышат голос смерти и сходят с ума. Но для детей ночи он не так опасен, как для обычных людей, так что попытайте счастья!

Найденьш

Командир особого отряда осторожно снял кольчугу и поскорее избавился от залитой кровью рубашки. Сам он отделался легкими царапинами, но от одежды, густо заляпанной кровью нелюдя, лучше поскорее избавиться. Кто его знает, вдруг проклятия, которыми осыпал его умирающий враг, привязанные к крови, обретут полную силу.

Еще год назад им пришлось расследовать странное дело. На дорогах рядом с Лангдорфом грабила проезжих дерзкая и удачливая банда. Разбойники, словно тени, возникали из лесной чащи и быстро обчистив очередного купца, также бесшумно скрывались среди деревьев.

Обычно инквизиция не занимается подобными делами, это дело светских властей, но последний из ограбленных купцов упорно утверждал, что не все разбойники были обычными людьми. Вроде видел он и острые клыки, и горящие в вечерних сумерках глаза. А перед их повозкой выскочил на дорогу огромный волк, и лошади, испуганно захрапев, встали как вкопанные.

Как ни странно, этот купец с перепугу ничего не соврал и не перепутал. При дальнейшем расследовании им удалось выяснить, что под самым носом у Верховного Инквизитора, в непроходимом лесу где-то рядом с его поместьем скрывается целое поселение отверженных. Не только нелюди, но и беглые воры, да и просто крестьяне, уставшие от бесконечных поборов господ и высоких налогов. Такой куче народа было трудно прокормиться в лесу, к тому же многие не хотели забывать свой преступный опыт. Голод и нищета заставили их выйти на большую дорогу, что и привело в конечном счете к полному разгрому банды.

Это было прошлым летом еще до этой неудачной войны. Сейчас, вернувшись сюда вместе с господином епископом, который впал в немилость и находился под домашним арестом, Бруно отправился на проверку территории с небольшим отрядом надежных бойцов. К своему величайшему удивлению он обнаружил несколько охотничьих ловушек. А ведь местным крестьянам под страхом смерти запрещалось охотиться в лесу. Собаки быстро взяли след, но он вел не к деревне, а в лесную чащу.

В глухом лесу на небольшой поляне они наткнулись на две землянки и остатки костра. Видимо здесь нашли пристанище последние из недобитых прошлым летом разбойников.

Лесные жители позаботились о страже, но их караульный, не успев поднять шума, тут же затих, получив серебряную стрелу в сердце. После знакомства с алданцами Бруно возродил традицию носить серебряные мечи и заряжать арбалеты серебряными болтами.

Застигнутые врасплох обитатели землянок быстро схватились за оружие и попытались хотя бы продать свою жизнь подороже. Трое высоких крепких мужчин и одна женщина с рассыпавшимися по плечам непослушными светлыми волосами. Еще молодая, она была красивой в обычной жизни, но сейчас ее лицо было искажено дикой яростью, она неплохо отбивала удары коротким мечом, скаля острые зубы. Вдруг она остановилась с тревогой

вгляделась в окружавшие поляну деревья. Охотничьи собаки бесшумно, словно тени или призраки, неслись по лесу, преследуя невидимую жертву. Промедление стоило разбойнице жизни. Покрытое серебром острие клинка вошло под левую грудь.

— Будьте вы прокляты! Это вы нелюди. — успела прошептать она перед смертью. Двое оставшихся разбойников сражались спина к спине, не давая подойти к себе близко. Но Бруно и его люди не стали испытывать судьбу. Подоспевшая подмога расстреляла нелюдей из арбалетов. Правда, один из них никак не хотел умирать. Увидев, какая судьба постигла его подругу, весь утыканный стрелами, нелюдь с трудом поднялся на ноги и, словно дикий зверь, бросился на Бруно. Заливая командира Псов хлещущей из ран кровью, он дотянулся до его шеи и все сильнее сжимал уже холодеющие пальцы. Его люди втроем еле оттащили уже мертвого разбойника от своего хрипящего начальника.

Бруно, пошатываясь, подошел к уже застывшему вампиру и пару минут рассматривал красивое и спокойное лицо убитого, длинные спутанные черные волосы и так не вязавшуюся с тонкими благородными чертами лица варварскую одежду из звериных шкур. Затем быстро взмахнул мечом и отрубил ему голову. Он не опасался, что мертвец попытается ожить и снова набросится на него, нет, просто таков порядок, так положено по Уставу, обезглавить и сжечь.

Вскоре на поляне появились усталые и разочарованные охотничьи псы. Видимо в разбойничьем лагере был еще кто-то, кто с успехом ускользнул от их преследования. Животные жались к ногам хозяев и жалобно поскуливали, как бы извиняясь за неудачу.

Но Бруно решил, что на сегодня достаточно, одиночка вряд ли сможет долго скрываться в этих местах. Рано или поздно и он попадет к ним в руки.

Рано утром алданцы покинули загадочную избушку. Хозяйка наотрез отказалась брать с них деньги за угощение и ночлег, и Яромир просто оставил мешочек с монетами на столе. Уже сидя в седле, он сунул руку в карман и с удивлением обнаружил кошелек на месте. Кроме того, в кармане обнаружился сложенный вчетверо листок пергамента. На нем был странный рисунок, что-то вроде звезды с расходящимися в разные стороны лучами. Они отъехали совсем недалеко, но когда он обернулся, то не смог разглядеть ничего в густом утреннем тумане. Это было довольно странно, но он не привык слишком долго ломать голову над разными непонятными вещами и, пожав плечами, легонько стукнул пятками по бокам коня, чтобы догнать остальных. Кажется, бабка действительно была ведьмой.

Его странный отряд ехал молча. Никто не стремился поговорить, слишком уж рано поднял их Яр, выдернув из таких сладких утренних слов. Римар всю ночь не мог заснуть, ворочаясь на жестком деревянном полу рядом с ровно дышавшей Элиной. Она так устала за целый день в седле, что теперь брошенная на голые доски медвежья шкура казалась ей пуховой периной. Ему же совершенно не спалось. Наконец он не выдержал и тихо, стараясь никого не будить, вышел на улицу.

Свежий ночной воздух хотя и был наполнен после дождя сыростью, все же выгодно отличался от духоты избушки, где дружно сопели и похрапывали десять его товарищей.

Он с наслаждением потянулся и посмотрел на далекие звезды. Опустив взгляд к грешной земле, он неожиданно увидел рядом с собой два слегка светящихся прозрачных силуэта.

Тонкая женская фигурка в струящемся шелковом платье приложила палец к губам, словно умоляя его не поднимать шума. Рядом стоял высокий сильный мужчина в богатом

камзоле. В ножнах, висевших на кожаной перевязи, тускло поблескивала украшенная самоцветами рукоять шпаги. Темные волосы обрамляли бледное красивое лицо, призрак грустно улыбнулся, слегка приподняв уголки губ. Светловолосая красавица протянула руку, показывая на запад. Окружавшие темной стеной избушку деревья вдруг расступились, и молодой человек увидел каменные стены полуразвалившегося строения.

— Извините, но я не понимаю, что вы от меня хотите! — удивленный сверх всякой меры Римар даже не испытывал страха.

«Просто позаботься о том, что ты найдешь там!»-прозвучало у него в голове. Он растерянно взглянул на странную пару. Теперь они были одеты не в богатые, уместные скорее для королевского приема костюмы, а в грубую, залитую кровью одежду из плохо выделанных звериных шкур. Женщина зажимала рукой еще кровившую рану как раз напротив сердца, а шею ее спутника пересекал кроваво-черный след от меча. Было непонятно, как он еще не потерял голову.

— Да что же я там найду? Где вообще эти развалины? — Римар начал терять терпение. Тут из курятника донеслось истошное кукареканье. Петух, поразивший Марека своей храбростью, исправно нес свою службу. Призраки еще раз умоляюще взглянули на Римара и растаяли в темноте.

С трудом переставляя непослушные ноги, Римар вернулся в избушку и, обняв Элину, забылся тревожным сном. Сейчас, мерно покачиваясь в седле, он уже не был уверен, было ли все это с ним на самом деле, или просто приснилось.

Они переправились через прозрачный, весело бегущий по разноцветным камушкам ручей, больше напоминающий небольшую речку, и действительно оказались в заброшенной деревне. Лес с каждым годом все теснее смыкался вокруг куска земли, некогда с таким трудом отвоеванного у него крестьянами. Еще пара лет, и зеленое море совсем поглотит это печальное место. Кругом было тихо, как на кладбище. Обветшавшие дома неодобрительно смотрели на путников пустыми глазницами окон. Брошенная деревня производила на молодых людей гнетущее впечатление, наконец Важек не выдержал и нарушил затянувшееся молчание:

— Но почему же они ушли отсюда? Война, чума или еще что похуже?

Яромир подъехал к обгоревшим остаткам какого-то большого строения. То ли сарай, то ли амбар, теперь уже не поймешь. Он спрыгнул с коня, заглянул внутрь и быстро отвернулся.

— Ты же слышал, что сказала старушка. Они стали дымом и пеплом, сгорели, понимаешь?

На пепелище буйно росла сочная ярко зеленая трава, и кое-где сквозь нее виднелись обгорелые кости. Все спешили с коней и какое-то время стояли молча у этой братской могилы. Мужчины сжимали рукоятки мечей, женщины опускали глаза, старясь спрятать слезы. Наконец Яромир поторопил друзей:

— У нас не так много времени. Нужно отыскать вход в подземелье. А за них мы постараемся отомстить!

Римар увидел в конце улицы то, что осталось от деревенского храма, и замер от удивления. Именно эти стены из белого камня и обвалившуюся арку он видел этой ночью. Он бегом бросился вперед, не представляя, что ждет его там. Удивленная Элина постаралась догнать его.

Под сводами разрушенного храма было сумрачно. Здесь давно уже не зажигали свечей, и свет проникал только через два небольших окна, расположенных почти под самым потолком. Фрески отсырели и осыпались, на отдельных сохранившихся фрагментах святые печально смотрели на молодого человека. Римар поспешил перекреститься, ведь храм оставался храмом, несмотря на разрушения, и задумался, что же он должен здесь найти. Ничего ценного здесь не уцелело, о старинных иконах и реликвиях кто-то позаботился задолго до них. Вдруг у левой стены в темном углу раздался какой-то шум. За старинным, вырезанным из камня саркофагом определенно пряталось что-то живое.

Осторожно подкравшись, он заглянул в темное пространство между каменной усыпальницей и стеной. В темном углу сверкнули два красных огонька, затем кто-то шумно всхлипнул. Что-то, похожее на маленького человечка, забилося в самый угол. Нагнувшись, Римар быстро схватил странное существо, и тут же заорал от сильной боли. Маленькие, но острые зубы впились в его палец. Однако гвардеец короля не думал сдаваться. Он крепко держал свою добычу, которая извивалась в его руках, стараясь вырваться, и поспешил выбраться на вольный воздух, где его встретила Элина. Следом за ней незаметно подтянулись и все остальные.

Его пленник оказался ужасно чумазым черноволосым мальчишкой лет четырех. Он больше не кусался, а только обводил всех испуганным взглядом затравленного зверька. Светлые глазенки, странно выделявшиеся на грязном личике, вдруг остановились на Элине, он потянул к ней руки и громко и надсадно заплакал. Сразу стало видно, по крайней мере один из родителей малыша был вампиром, а может и оба сразу.

Но Элина приняла его в объятия и со всей скопившейся материнской нежностью принялась успокаивать, то и дело целуя в чумазые щеки. Вскоре малыш перестал реветь и затих, по-прежнему вцепившись в жену Римара мертвой хваткой.

Лиза и Клодия промыли и перевязали укушенный палец. Все наперебой обсуждали странную находку своего товарища.

— Откуда он здесь, где же его родители? — вздохнула Клодия и тут же поняла всю нелепость своего вопроса. — Надо думать, тоже стали дымом и пеплом.

— Гораздо важнее, что мы будем с ним делать! — Яромир посмотрел на Римара, ожидая какого-нибудь внятного ответа.

— Как что делать? — пожал плечами тот. — Возьмем с собой в Алданию, и воспитаем как своего сына. Такой отважный парень, чуть палец мне не отхватил и пинается пребольно. У нас теперь кровные узы, так это кажется называется! Да и Элина, похоже, не имеет ничего против!

Всегда относившаяся к вампирам с недоверием, дочь бывшего королевского советника, согласно кивнула, нежно погладив притихшего малыша по длинным, словно у девочки, темным локонам. Рюдигер внимательно посмотрел на друга:

— А ты точно в этом уверен? Готов принять в свою семью маленького вампира? Если ты сомневаешься, то я и Лиза с удовольствием возьмем малыша к себе!

Но Римар нахмурился и обиженно взглянул на него:

— Неужели ты так плохо обо мне думаешь? Я прекрасно знаю, что такое быть сиротой, уж поверь. И сделаю все, что в моих силах, чтобы малыш поскорее забыл все плохое в своей жизни!

Яромир с трудом сдержался, чтобы не рассмеяться:

— Да вы еще подеритесь! Парнишка уже выбрал себе мамку, пока вы спорите!

Элина совсем не слушала их. Глядя на своего неожиданно появившегося сына, она тихонько прошептала:

— Он такой красивый!

Марек улыбнулся:

— И здорово похож на Римара! Эй, дружище, а ты случайно не был в этих краях лет пять назад?

Все расхохотались, но присмотревшись к найденышу, поняли, что Марек в чем-то прав. У мальчика были такие же черные волосы, серые глаза, тонкие и красивые черты лица. Конечно, со временем все это превратится в холодную, чуть хищную красоту взрослого вампира, но пока малыш был нежен и беззащитен, как любой ребенок.

Между тем Лиза, имеющая некоторый опыт в воспитании подобных детишек, тихонько потрогала подругу за плечо:

— Элина, милая, не хочется вас тревожить, но думаю, что малыша надо накормить! Никто не знает, как долго он прятался в этих развалинах.

Римар жизнерадостно поддержал эту здравую мысль, а Рюдигер напомнил, что у всех остальных с самого утра тоже крошки во рту не было! Достав припасы, они устроили на поляне за домами небольшой завтрак.

Яромир решительно отверг предложение братьев-оборотней сбегать в лес и поймать на завтрак что-нибудь посущественнее, чем хлеб с ветчиной и сыром.

— Это ваше существование наверняка не меньше оленя или кабана. Поскольку не все могут

жрать мясо в сыром виде, то придется разводить большой костер! А по дыму нас быстро отыщут. В здешнем лесу, если вы еще не поняли, идет охота на вам подобных, и наш найденыш прямое тому доказательство! Так что жуйте то, что есть и не привередничайте! Лучше быть голодными, но живыми!

Клодия насмешливо поглядела на своего сердитого мужа, и с сожалением вздохнув, отхватила острыми молодыми зубами половину толстого бутерброда.

Яромир достал из кармана уже изрядно измятый пергамент, на котором было изображение круга с расходящимися в разные стороны лучами, и показал друзьям:

— Как вы думаете, что это?

Посыпались разные варианты, от Полярной звезды до редкого цветка, но Важек твердо заявил:

— Это же чертеж, план какого-то огромного сооружения. Может быть, даже того подземелья, что мы ищем! Посмотрите, вот здесь помещения для людей, здесь кладовые. Лучи — это скорее всего выходы наружу. А вот здесь, — он ткнул пальцем в крестик на бумаге между постом охраны и кладовой, — наверняка хранились какие-нибудь ценности!

Яромир оживился, зеленые глаза заблестели:

— Так может быть и наша реликвия хранится теперь там? Где еще спрячешь сокровище надежнее, чем по землей!

Лиза недовольно поглядела на возбужденных, словно дети в ожидании рождественских подарков, гвардейцев:

— Неужели вы думаете, что она стоит там на золотом подносе и ждет, когда мы приплетемся по подземным коридорам и вернем ее в родную страну? Наверняка там полно охраны и хитрых ловушек! Вся эта затея уже начинает казаться мне полной глупостью!

Рюдигер неожиданно вспыхнул:

— Так что же оставить Чашу Жизни этим скотам, чтобы они использовали ее в каких-нибудь темных ритуалах? Эти мерзавцы хоть прикрываются именем Господа, но вполне способны и на такое!

Но Яромир поспешил его успокоить:

— Ни за что мы им такую драгоценность не оставим! Этот склеп — вход в один из шести лучей, и надеюсь, люди епископа ничего о нем не знают! Наше преимущество в неожиданности, а также в том, что среди подданных короля Алдании, пошли ему Господи здоровья и долгой жизни, есть не только обычные люди!

Лана, недавно освоившая грамоту, теперь не упускала случая проверить свое умение. Всмотревшись в странный чертеж, похожий по ее мнению на увеличенную снежинку, она ткнула пальцем в мелкие буквы в основании каждого из шести лучей:

— Голос смерти... Об этом говорила старушка. А что это значит?

Надпись была слишком мелкой, к тому же чернила давно потускнели. Важек с сомнением приблизил чертеж к глазам, но ничего толком не понял. Яромир пожал плечами:

— Какая-то хитрая защита от посторонних, но за столько веков от нее осталась только пыль! Не думаю, что нам на самом деле что-то угрожает.

Найденыш Римара слегка освоился и доедал уже второй кусок окорока, запивая родниковой водой из походной фляги. Соскучившиеся по детям, оставшимся дома, женщины пытались окружить малыша заботой, да и просто приласкать и потискать. Но он упорно прятался за Элину и ни на минуту не отпускал ее руки. Доев хлеб с мясом, он довольно вздохнул:

— Вкусно!

Римар, несмотря на худощавое сложение, сам не обделенный аппетитом, потрепал его по голове:

— Молодец, не только хорошо дерешься, но и ешь хорошо! А вот малышку Эльвиру надо уговаривать, съешь ложечку за маму, ложечку за папу.

— Кто эта Эльвира? — изумился мальчик, неужели ее действительно надо уговаривать поесть!

— Твоя сестренка, вы с ней обязательно подружитесь, — похоже Элина была твердо в этом уверена, — милый мой, а как твое имя?

— Курт, — маленький вампир вдруг часто заморгал длинными черными ресницами, — а вы возьмете меня с собой, не бросите одного?

Придвинувшись поближе к Элине, ребенок умоляюще посмотрел на Римара полными слез глазами. Тот растроганно поднял его на руки:

— Ну что ты такое говоришь, мы теперь семья и всегда будем вместе! Больше ничего не бойся!

— Мама с папой тоже так говорили, а потом велели бежать без оглядки от собак! Я бежал, сначала по лесу, потом по ручью... Ждал их долго, а они... Они приснились мне ночью и сказали, что любят меня, но придти и забрать к себе уже не смогут!

Курт, не сдерживаясь, заревел во весь голос, и Римар растерянно прижимал его к себе, не зная, как успокоить. Он вдруг ясно вспомнил свое детство, ему всего шесть, и старая няня, не скрывая слез, говорит ему, что его родители не вернутся из дальней поездки. Неожиданная вспышка странной болезни выкосила половину паломников, приехавших поклониться святым мощам, не пожалев при этом и жителей города.

Неласковая строгая дама объявляет ему, что она жена его дяди, и отныне он будет жить с ними. Его, конечно, и кормили, и одевали, но вряд ли любили! Скорее просто терпели, стараясь исполнить свой долг. Ну уж нет, этот малыш никогда не почувствует себя чужим в его доме!

— Никто больше не посмеет тебя обидеть, клянусь! Выше голову, гляди на мир смело!

Яромир переглянулся с Рюдигером, нервно сжимающим рукоятку клинка, и решительно заявил:

— Не будем тратить время! Римар, похоже тебе придется остаться наверху и присмотреть за твоим увеличившимся семейством. Даже не думай возражать! Ведь ты просто обязан окружить парнишку любовью, заботой, ну и добавить немного отцовской строгости, иначе Элина его совсем избалует. Уже сейчас всего обслонявила! Важек и Лана, вы тоже останетесь здесь!

Девушка покраснела от обиды, Важек сердито нахмурился:

— Ты считаешь меня обузой, вот спасибо!

Но Яромир поспешил ответить:

— Вовсе нет, просто вы прекрасно работаете в паре с этой юной воительницей. Девушке, у которой на счету пять убитых дикарей-каннибалов, я могу смело доверить охрану подземного хода! Ты, Лана и Римар обеспечите нам безопасное возвращение!

Растерянная троица не смогла ничего возразить, а довольный собой Яр жалел только, что не придумал для Клодии никакой почетной и сложной миссии, чтобы тоже оставить ее наверху.

Голос смерти.

Мраморный ангел потерял одно крыло, но белые пальцы все также твердо сжимали меч, красивое лицо было строгим и неподкупным. Здешнее кладбище было очень необычным для глухой лесной деревни. Слишком уж богатые надгробья, многие украшены грустными надписями или подобными этому грозному ангелу мраморными скульптурами. Лиза подумала, что возможно здесь находили последнее пристанище те, кого боялись хоронить открыто. Изгои, противники властей или вампиры и оборотни, которых объявили вне закона, лишив всех прав и имущества. Неизвестно, что думали об этом ее спутники, но обстановка здесь не располагала к длинным разговорам.

Внутри старого склепа было довольно просторно, каменная усыпальница занимала совсем немного места. Надгробье украшало вырезанное на камне рельефное изображение усопшего. Рыцарь с мечом в полном облачении выглядел почти настоящим, неизвестный мастер с удивительной точностью передал все детали одежды и вооружения. Прошло уже двести лет, но можно узнать, как выглядел доблестный воин, нашедший здесь последнее пристанище.

Клодия, грустно вздохнув, положила на каменную грудь рыцаря букетик полевых цветов. По примеру Лизы она облачилась в куртку и штаны, под одеждой позвякивала легкая кольчуга. В ножнах у пояса висел короткий меч. Яромир не раз учил ее обращению с оружием, но эти уроки и поединки носили шуточный характер и всегда заканчивались в супружеской спальне.

Взглянув на свою жену, чьи непокорные кудри растрепались, а янтарные глаза горели от возбуждения, Яромир подумал, что сейчас она невыносимо прекрасна и похожа на древнюю воительницу. И в сотый раз отругал себя за то, что их занятия фехтованием были так поверхностны. Конечно, она не уступит ему в силе, а возможно и превзойдет, кроме того все вервольфы быстрые и ловкие от природы.

Но все же он был бы намного спокойнее, если бы знал, что она останется наверху, в относительной безопасности. Наверняка Рюдигер чувствует то же самое, да и Борислав верно сказал, что бабы должны заниматься детьми и домашним хозяйством, хотя бы на войне от них нужен отдых!

После того, как Рюдигер надавил на нужный камень, одна из стен склепа отодвинулась в сторону, открывая черный провал подземного хода. Из непроглядной тьмы подземелья пахло сыростью. Марек закрепил за вбитый в стену железный крюк веревку, и прочитав короткую молитву, они зажгли факелы и шагнули в неизвестность.

Узкий коридор вывел их на широкую дорогу, по которой можно было смело ехать на телеге. Твердая, словно каменная, тускло блестящая в свете факелов, эта дорога круто спускалась вниз, уводя алданцев глубоко под землю. Стены и потолок странного тоннеля были также из странного материала, по твердости не уступавшего камню. По ним, словно виноградная лоза, плелись спутанные пучки толстых черных веревок, похожие на змей. В иных местах веревки были разорваны, из них выглядывали тонкие разноцветные жилы. В

темноте казалось, что они шевелятся и, извиваясь, пытаются дотянуться до путешественников.

На стенах и потолке тоннеля скапливалась влага. То и дело на чью-нибудь голову падали тяжелые капли, противными холодными струйками стекая за шиворот. Чем дальше путники удалялись от поверхности, тем более гнетущее впечатление производило на них подземелье. Подступающая со всех сторон темнота, низкий потолок, каменные стены - все это напоминало алданцам тюрьму или ловушку.

Наконец Марек не вынес гнетущего тишины, он был самым молодым из команды, конечно в отсутствие Ланы, и долго хранить унылое молчание ему было трудно. Правда, тему для разговора парень выбрал не самую удачную.

— В таких местах обычно живут цверги, они ужасно любят темные подземелья с запутанными коридорами, — авторитетно заявил младший сын кузнеца.

— Это что еще за твари такие? — раздраженно поинтересовался Яр, он не слишком хорошо разбирался в старинных преданиях и сказочных существах.

Рюдигер неуверенно предположил:

— Наверное, что-то вроде гномов, забавные карлики, стерегущие подземные сокровища.

— Ты прав, это действительно карлики, но забавного в них мало. А самоцветы и золото — это скорее приманка для любопытных дураков. Заманивают, заводят куданибудь подальше, поглубже, а потом накинутся всей оравой и оставят только голые косточки!

Еще они мастера голоса подделывать, Будто ребенок плачет, или на помощь кто зовет, и не отличишь, только слова трудно разобрать! Ктонибудь вроде тебя, благородный и доверчивый, полезет в пещеру спасать заблудившегося малыша и поминай, как звали!

— Что-то я никогда таких историй не слышала, ты сам наверное все выдумал, — строго сказала Лиза, но голос ее звучал не слишком уверенно, она придвинулась поближе к мужу. Рюдигер обнял ее, стараясь успокоить. Его правая рука привычно сжала рукоятку клинка. В сыром и мрачном подземелье легко поверить в любые глупости. Клодия ловила малейшие посторонние звуки и непонятные запахи, напоминая настороженную, готовую к прыжку волчицу.

Яромир оглядел свое поникшее воинство и в сердцах плюнул на каменные плиты под ногами:

— Редкий же ты балбес, Марек! Борислав, и как ты его терпишь, я бы на твое месте давно бы двинул ему в ухо!

— С превеликим удовольствием! — старший брат поплевал на здоровенный кулак и замахнулся, но Марек ловко увернулся от удара и тут же налетел на мрачного Терна. Лесной охотник строго взглянул на парня и почти по слогам произнес:

— Это была плохая шутка, ясно?

— Да ладно, я понял, просто все такие серьезные, вот я и хотел развеселить вас немного. Откуда же мне было знать, что вы так легко испугаетесь!

Он хотел еще добавить пару слов про тупых дикарей, совершенно непонимающих шуток, но во время сдержался. Под ногами у него что-то хрустнуло. Посветив факелом, он понял, что наступил на старые пожелтевшие от времени кости, весь пол подземелья был просто усыпан ими. Временами пламя выхватывало из темноты человеческий череп, оскалившийся в жуткой усмешке.

Почти все останки были настолько древними, что легко рассыпались при малейшем прикосновении, но внимание алданцев привлекли два почти целых скелета. На них были

обрывки почти современной одежды, рядом валялись проржавевшие мечи. Взглянув на сцепившихся в последней схватке мертвецов, Яромир легко догадался, что послужило причиной их смерти. Парни вдруг схватились за оружие и прикончили друг друга.

Неожиданно все остановилось как вкопанные. За россыпью костей тоннель заканчивался стеной, в которой тускло поблескивала металлическая дверь.

— Не похоже, что тут нам рады! — съехидничала Клодия, но Яромир решительно шагнул вперед. Остальные последовали его примеру.

Как только они пересекли невидимую границу, каждый ощутил непонятную тревогу, Постепенно нарастающий беспричинный ужас сковывал волю, словно укус ядовитой змеи, освобождая самые жуткие страхи и дикие фантазии каждого. Мареку показалось, что в темных углах притаились невысокие существа, чьи отвратительные плоские рожи с грубыми, будто размытыми чертами скорее напоминали морды зверей. Выхватив меч, он испуганно озирался вокруг. Борислав схватил его за руку, рискуя получить удар мечом в живот:

— Здесь что-то не так, остынь братишка! Просто вздохни глубже.

Рюдигер с ужасом заметил, что старые кости шевелятся, сползаются к друг другу, и вот уже из праха поднимаются те, кто искал в этом подземелье спасения от безжалостных лучей Черной звезды, а нашел только смерть. Они смыкаются вокруг него все теснее, в их глазахвечная тьма. Стоящая совсем рядом женщина поднимает голову, и он узнает страшную гостью, которая явилась ему в подвале инквизиции.

— Вот видишь, я все же вернулась за тобой! — обтянутый кожей череп скалится в жуткой улыбке, она заносит руку с ножом, явно целя ему в сердце. Но Рюдигер успевает перехватить ее в последнюю минуту.

Жуткий кошмар исчезает, он крепко держит за запястье возмущенную Лизхен, которая изо всех сил старается вырваться и даже пытается укусить его. Рюдигер с трудом заключает разбушевавшуюся жену в объятия, хотя она колотит и пинает его довольно больно. Хорошо хоть, что нож, которым она пыталась его прикончить, валяется где-то под ногами среди старых костей.

— Лизхен, очнись, это же я, здесь нет никаких монстров! Это просто наваждение, какое-то колдовство!

Окружившие Лизу грязные оборванцы с тупыми, носившими следы вырождения лицами, определенно собирались сначала позабавиться с женщиной, а потом ею же и пообедать. Однако она не хотела смириться с подобным будущим, и решила прикончить хотя бы одного из этих недоумков. Неожиданно тупые уроды с дубинами начали исчезать на глазах. Она очнулась, голова просто раскалывалась, ее тошнило, но голос мужа пока что удерживал ее в реальности.

Марек растерянно держал оба уцелевших факела. Клодия и старший оборотень связали Яра по рукам и ногам, он был похоже без сознания, хорошенько получив от Борислава по голове. Терн удивленно оглядывался по сторонам. Только что ему явились давно умершие предки, уговаривая его уйти в Места Доброй Охоты. Но парень, у которого на шее рядом с медным крестиком висело украшение из медвежьих зубов, а в голове была жуткая путаница из языческих суеверий и с большим трудом вбитых в него отцом Григорием основ христианства, спокойно объяснил настойчивым духам, что сейчас ему не до этого. Друзьям надо помочь. Предки обиделись и просто растворились в темноте подземелья.

Рюдигер почувствовал, как Лиза снова резко дернулась в его руках, попытавшись вырваться, в красивых глазах промелькнуло безумие. Он почти физически ощутил как на них

снова накатываются странные волны тревоги и ужаса, источник которых скрывается за массивной железной дверью. Похоже таким образом обитатели подземелья отпугивали толпы незваных гостей, которые надеялись укрыться в подземном убежище от страшной реальности темного и холодного мира.

Неизвестно, что вызывает такой сильный морок, колдовской амулет или какое-то подлое творение рук человеческих, но пока ясно только то, что «ночной народ» не особо поддается этому внушению. Как выразился Римар, они более крепко скроены, их не сведешь с ума парой оживших кошмарных картинок.

— Тихо, тихо моя хорошая. Что же с тобой делать, связать, как Яромира?

Рюдигер с тревогой всмотрелся в измученное лицо любимой, на котором дикая злость сменялась удивлением, а затем паническим страхом.

— Даже если свяжу, ты все равно будешь переживать это наваждение. Яромиру легче, лежит себе без сознания.

— Так можно и Лизавету маленько того, оглушить... — неуверенно предложил Борислав.

— Только попробуй! — неожиданно грозно рявкнул вампир, — я тебя самого так оглушу, что свое имя позабудешь!

— Вам бы только кулаками махать, — неожиданно подала голос Клодия, склонившаяся над лежавшим без сознания Яромиром. — Мог бы ударить и полегче, олух деревенский! — в ее глазах блеснули слезы, она нежно провела рукой по светлым с медным отливом густым волосам Яра.

Старший брат взлохматил пятерней непослушную гриву темных волос:

— Так ведь оно случайно вышло... Все было спокойно, а потом Яр палаш вытащил и ну им размахивать! Не тресни я ему по башке, он бы нас точно в капусту порубил!

Лиза отошла от наваждения и пыталась понять, что с ней происходит.

— Вы хотите сказать, что ничего не было. Но ведь я ясно видела этих жутких типов. Даже в Квартале Висельников не отыщешь такие гнусные рожи! А потом они словно растаяли в воздухе. — Лиза посмотрела на свою правую руку, которую Рюдигер нежно, но крепко держал за запястье. — Я пыталась убить тебя! — она подняла на него глаза, полные смятения и ужаса.

Все ощутили, как по подземелью снова прокатились странные колебания, вызывая тревогу и желание бежать без оглядки, подальше от страшного места.

— Что бы это не было, оно за дверью! Может меня и правда лучше связать, как Яромира! Я не хочу вам мешать! — молодая женщина была полна решимости, но Рюдигер покачал головой:

— Я думаю, что не стоит. Сейчас ты вполне нормальна, может на женщин это действует меньше? Просто будь все время рядом!

Лиза молча кивнула и вцепилась в его руку, примерно также, как маленький найденыш в жену Римара. Она искренне надеялась, что своей любовью и заботой, да просто своим присутствием Рюг удержит ее от безумных и опасных видений. Честно говоря, с его стороны это было верхом легкомыслия, но он не мог связать ее и оставить сходить с ума и уж конечно не мог оглушить по совету Борислава. Оставалось положиться на Бога и держаться вместе до конца, который возможно не так далек.

Терн, который не очень одобрял манеру своих друзей вести долгие разговоры, подошел к неприступной двери и осмотрел ее. Не найдя никакого подобия ручек или скоб, он

попинал ее ногой и даже попробовал подковырнуть ножом. Неожиданно он почувствовал легкое, едва заметное дуновение, по подземелью гулял сквозняк. Повыше двери было круглое отверстие, закрытое потемневшей от времени решеткой. Неизвестный металл нисколько не проржавел за долгие годы.

— Марек, помоги мне немного! — лесной охотник легко взобрался парню на плечи, и теперь отверстие находилось прямо перед ним. После третьей попытки решетка была безжалостно выдрана. За ней открывался узкий тоннель, по которому все же мог при желании протиснуться взрослый человек. Дикарь смело нырнул в темноту, Марек подпрыгнул, ухватился за края отверстия и через минуту последовал за Терном. Рюдигер немного поколебавшись, посадил Лизу, помогая ей взобраться наверх, затем подтянулся сам. Факел погас, и какое-то время они ползли друг за другом на четвереньках в полной темноте по узкому, словно кротовая нора, проходу.

Затем возглавлявший эту процессию Терн уткнулся лбом в такую же решетку. Столкновение произошло с такой силой, что прутья отпечатались у него на лице. Не издав ни звука, парень двинулся назад, чем вызвал негодующий шепот Марека. Лиза и замыкающий движение Рюдигер благоразумно остановились. Согнувшись в три погибели, Терн упал на спину и ударил в препятствие двумя ногами. Решетка жалобно звякнула, приземлившись на каменный пол. С трудом различая друг друга в полной темноте, они спрыгнули на пол. Марек нащупал в кармане огниво и с третьей попытки поджег факел.

По другую сторону двери коридор расширялся, становясь просторнее. В десяти шагах от двери, ровно посредине на небольшом столике стоял небольшой ларец, его металлическая поверхность тускло поблескивала, отражая свет факелов. От ларца змеями тянулись вниз толстые черные плети, уходя куда-то под толстые плиты пола.

Рюдигер снова почувствовал, как внутри ларца будто бы пульсирует огромное сердце. Только вместо горячей живой крови с каждым ударом оно выбрасывает в пространство волны страха, тревоги и ненависти, заставляя людей сходить с ума. Какая изощренная подлость! Рюдигер почувствовал, как гнев заполняет его душу, вытесняя разум и осторожность! Он решительно шагнул вперед, вынимая клинок из ножен. Лиза, испуганно вскрикнув, попыталась его удержать. Ей привиделся огромный паук, висевший в середине ловчей сети, раскинувшейся во всю ширину коридора, и ее муж направлялся прямо к нему. Марек тоже не одобрял его порыва:

— Вдруг там охранное заклинание, и нас по стенкам размажет! С этими древними штуками в подземельях не стоит спешить, разные случаи бывали!

Но барон фон Шлотерштайн уже обрушил на непонятный ларец свой полуторный меч, который захватил с собой в этот поход, лишившись более легкого и удобного фальшиона. Источник тревог и страхов разломился пополам от сокрушительного удара и упал на каменный пол. Из него посыпались мелкие детали неизвестного механизма. Терн, на лице которого ясно читались брезгливость и крайнее отвращение, старательно давил их сапогами, словно мелких, но опасных насекомых.

Освободившись от воздействия опасной древней вещицы, Лиза опустилась на колени и шумно разрыдалась. Рюдигер помог ей подняться и осторожно вытер слезы.

— Любимая, ну что ты, успокойся, все закончилось! Разве я позволю комунибудь тебя обидеть?

Лиза последний раз судорожно всхлипнула и прижалась к нему покрепче.

Послышался какой-то шум, треск рвущейся ткани, и из отверстия на стене друг за

другом появились Клодия в рваной куртке, Яромир и Борислав.

— Так значит из-за этой никчемной вещицы мы чуть не поносили друг другу головы? — старший из братьев присел на корточки и с недоверием рассматривал остатки хитроумного механизма. Подняв глаза на барона фон Шлотерштайна и его жену, которые, кажется, забыли, что находятся в полном опасностей подземелье, Борислав не удержался от ехидного замечания:

— Лизавета, он всего лишь разнес вдребезги небольшой заколдованный сундучок, а ты смотришь на него так, будто твой муж отрубил голову настоящему дракону!

Рюдигер покраснел, но Яр потрогал еще гудевшую после удара голову и усмехнулся:

— Ты его лучше не дразни! Если Рюг разозлится, то и дракону не поздоровится, не сомневайся! Ребята, простите, что набросился на вас с мечом, но я был уверен, что идет бой и меня окружили... Зато теперь понятно, о чем предупреждала старая колдунья! Действительно, настоящий голос смерти!

Клодия поежилась, словно от холода:

— Они не хотели пускать других в свое убежище, подземные крысы! Не хотели делиться едой, теплом, придумали хитрый способ избавиться от ненужных гостей! Надеюсь, они тоже передохли здесь от голода или отравленной воды!

В пляшущем свете факелов она выглядела испуганной маленькой девочкой, и Яромир поспешил ее обнять и успокоить:

— Теперь этого уже не узнаешь, но Господь всегда воздаст по заслугам! И мы все равно должны двигаться дальше.

Все молча согласились. За спиной осталась железная дверь, темный коридор уводил их все дальше в неизвестность. Вдруг бодро шагавший впереди Марек резко остановился и замысловато выругался. Путь им преграждала каменная стена. Правда, она была не монолитной, как стены тоннеля, а сложенной из грубо обтесанных каменных блоков, скрепленных строительным раствором. Внизу послышался какой-то шорох, Лиза опустила глаза вниз и взвизгнула. Прямо у нее под ногами прошмыгнула здоровенная крыса.

— Ого, раз есть крысы, значит за стеной есть люди. Они должны есть и пить, а значит там есть кладовые!

Яромир внимательно, камень за камнем осматривал стену:

— Кладка не такая уж крепкая, да и раствора пожалели. В крысиную нору мы не протиснемся, но пару камушков можем и отковырять!

Товарищи поняли его предельно ясно, и все, включая Лизу и Клодию, дружно заработали ножами. Вскоре первый камень зашатался и был аккуратно вынут из стены. За ним последовал второй. В образовавшуюся дыру потянуло сквозняком и вкусным запахом мясной похлебки. Яромир заглянул туда и увидел освещенный факелами просторный коридор. В нем было тихо и пусто. Алданцы друг за другом протиснулись в небольшое отверстие и выбрались наружу.

— Судя по запаху, в левой стороне кухня. Значит и кладовые где то рядом. А сокровищница наверное тоже где-то в той стороне.

Осторожно ступая след в след, вжимаясь в стену, они двинулись в левый конец коридора. Неожиданно послышались чьи-то шаги, и из за поворота показался невысокий хрупкий человек. Он катил перед собой небольшую тележку, доверху нагруженную небольшими мешочками и насвистывал какую-то веселую песенку. Видимо погруженный в

свои мысли, он совершенно не глядел по сторонам, и тележка проехала мимо алданцев, слегка отдавив Терну два пальца на ноге. Лесной охотник скорчил страшную физиономию, но не произнес ни звука.

Между тем человек остановил тележку у правой стены перед низенькой дверью и начал рыться в карманах своей длинной рясы, не переставая насвистывать. Наконец он достал связку ключей и сунул один из них в замочную скважину. Тяжелая дверь со скрипом отворилась, он втокнул тележку в комнату, освещенную парой факелов на стенах и обернулся, чтобы закрыть дверь, да так и застыл с открытым ртом. Дверь уже была закрыта, а в комнате словно призраки, появились семь человек.

Матиас попал в услужение к господину епископу совсем недавно. Отец не смог расплатиться с долгами, и слуги Альбрехта забрали мальчишку в поместье. Здесь на него сваливали всю тяжелую работу. Он присматривал за лошадьми, чистил конюшни и кормил охотничьих собак. Каждый раз подходя к загону с этими свирепыми чудищами, он шептал про себя все молитвы, которые знал, а как только голодные зверюги с рычанием набрасывались на еду, он запирал загон и бежал оттуда так, что пятки сверкали.

Однако с приездом Верховного Инквизитора эта тяжелая, но все же привычная жизнь закончилась. Господин епископ привез с собой маленького лысого монаха с неприятным лицом. Шептались, что этот самый монах-чародей и чернокнижник, и должен бы отправиться прямиком на костер, но Верховный Инквизитор подарил ему жизнь с тем условием, что тот откроет тайну получения золота чуть ли не из воздуха.

Брат Иеремия, так звали чародея, потребовал себе помощника для тяжелой и грязной работы. И надо же такому случиться, что эти помощником оказался Матиас. Мальчишка поначалу чуть не умирал от страха, глядя как странный монах ловко режет острым ножиком наловленных им лягушек и ящериц. Но вскоре епископ вызвал чародея к себе и долго с ним беседовал. После этого Иеремия отложил изучение, а по мнению Матиаса, просто мучение живых тварей на будущее, и занялся исключительно алхимией.

Опустевшая казна Инквизиции требовала пополнения, и здесь все средства были хороши. Теперь в обязанности подростка входили доставка необходимых компонентов из хранилища, предварительная подготовка и последующая уборка результатов очередного, не слишком удачного опыта алхимика.

Эта работа тоже была не из легких, к тому же от едкого запаха некоторых веществ слезились глаза и першило горло. Но Матиас был от природы любознателен, а слегка свихнувшийся на науке монах охотно отвечал на его бесконечные вопросы. Вскоре мальчишка знал уже довольно много о свойствах различных веществ и их практическом применении. Теперь он с нетерпением ожидал каждого опыта и даже считал, что судьба сделала ему подарок, отправив в услужение алхимику.

Сейчас он с недоумением разглядывал семь мрачных личностей, вооруженных до зубов. Среди них были две женщины, одетые по мужски, и уверенно сжимавшие в руках клинки. Стоявший ближе всех к двери верзила с длинными, словно у женщины, волосами, которые были заплетены в косы, запер дверь на внутренний засов и широко улыбнулся:

— Хочешь жить, не кричи!

Матиас посмотрел на острые белые клыки у него во рту и в самом деле захотел заорать, но голос куда-то исчез. Одна из женщин, чьи золотистые волосы выбивались из роскошной, в руку толщиной, косы, сердито заметила:

— Не надо пугать его, Терн, он же еще ребенок. Мы ничего тебе не сделаем, разве только свяжем.

Стоявший рядом с ней черноволосый парень добавил:

— И зададим пару вопросов, пожалуйста постарайся ответить на них поточнее!

Матиас увидел, что и этот красавчик был нелюдем, и согласно закивал. В своих мыслях он уже простился с жизнью. Стать заложником вампиров в поместье, принадлежавшем главе инквизиции — большей глупости было невозможно придумать!

— Во-первых, кто ты такой, чем ты здесь занимаешься? — спросил еще один из незваных гостей. Крепкий светловолосый с внимательным взглядом дерзких зеленых глаз он был обычным человеком, и Матиас невольно подался поближе к нему.

— Я помощник здешнего алхимика, брата Иеремии. Таскаю ему необходимые порошки, воду, дрова, вывожу грязь после его странных занятий. Я здесь человек небольшой, уж не знаю, о чем бы я мог вам рассказать. — пожал плечами мальчишка.

Черноволосый вампир нахмурился:

— Что брат Иеремия тоже здесь? И чем же он занимается? Неужели в Готхейме еще есть кого потрошить? Как мне помнится, он любитель таких развлечений. И что, ты ему в этом помогаешь?

Матиас слегка обиделся:

— Да нет, он сейчас пытается найти способ получать золото, такой приказ дал ему господин епископ. А резать на куски живых тварей из любопытства я не могу, я же не вурдалак какой-нибудь. — он взглянул на своего строгого собеседника и осекся.

Тот слегка приподнял уголки губ в мрачноватой усмешке:

— Я тоже не люблю убивать просто так. А где сейчас твой начальник? Наверное спит в чистой, уютной постели, а тебя заставил работать до поздней ночи?

— Как бы не так, — неожиданно огрызнулся мальчишка, — этот сумасшедший готов до утра просидеть за своими вонючими колбами и ретортами! Сейчас он отправился в хранилище за старинными книгами и кое-какими амулетами, и совсем скоро будет здесь!

— Хранилище? И что же там еще есть, кроме пыльных старинных книг? — с проснувшимся интересом спросил зеленоглазый. — Или тебя и на порог не пускали?

— Ну, пару раз я там побывал, — важно ответил Матиас, — но ничего особо интересного не увидел. Пыльные книги, амулеты из костей, сушеные мумии каких-то древних уродцев.

К тому же брат Иеремия строго запретил к чему либо прикасаться. Похоже там кругом полно ловушек, о которых не знает никто, кроме епископа!

— Ты же расскажешь нам, как добраться в это хранилище! — черноволосый монстр доброжелательно улыбнулся, вид острых зубов снова заставил парнишку вздрогнуть.

— К-конечно, р-расскажу, — слегка заикаясь, закивал Матиас, — только вот ключ от хранилища у алхимика.

Вдруг младший оборотень сердито прошипел:

— Тише, помолчите хоть чуть-чуть!

Чуткий волчий слух издалека уловил звук приближающихся к двери шагов. Клодия бесшумно отодвинула засов. Через миг дверь отворилась, и брат Иеремия с тяжелой книгой в кожаном переплете застыл на пороге, изумленно пялясь на непрошенных гостей.

Но сильные руки быстро втоптали его внутрь, в спину больно уткнулось острие меча:

— Только не вздумай звать на помощь!

Алхимик испуганно озирался вокруг:

— Да кто же вы такие, что вам надо от бедного монаха?

Увидев барона фон Шлотерштайна, он тут же отступил назад, чуть не напорвшись на меч Терна.

— Ты! Неужели ты жив, епископ утверждал, что ты уже покойник!

Рюдигер равнодушно пожал плечами:

— Ну ты же знаешь, живая кровь исцеляет наши раны, тем более кровь врага.

Он приблизился к брату Иеремии на пару шагов, и тот мелко затрясся от страха, побледнев не хуже вампира.

— Пожалуйста не надо, я уже стар и болен, вряд ли тебе понравится моя кровь!

— Ради всего святого, замолчи, а то меня сейчас стошнит, — Рюдигер брезгливо сморщил нос, — никто не собирается травиться твоей гнилой кровью! Больше всего мне хочется просто свернуть тебе шею! Но если ты дашь нам ключ от хранилища, то так и быть, я сделаю вид, что не узнал тебя!

Перепуганный до полусмерти алхимик тут же снял с шеи трясущимися руками болтавшийся на веревке ключ. Выполненный из блестящего, неподверженного коррозии металла стержень с поперечными зарубками меньше всего напоминал ключ. Рюдигер передал его жене. Лиза растерянно повертела его в руках, затем повесила по примеру монаха себе на шею.

Связывая алхимика по рукам и ногам, Яромир с усмешкой посмотрел на барона фон Шлотерштайна:

— А ты можешь быть иногда ужасно убедительным! Если бы я не знал тебя, то поверил бы каждому слову. Этот старый хрыч тоже купился!

— Но я вовсе не шутил, когда говорил, что хочу свернуть ему шею, — спокойно ответил вампир, — После близкого знакомства с инквизицией мне стало труднее следовать некоторым христианским заповедям, например, прощать своих врагов.

Яромир вздохнул:

— Все же ты сумел преодолеть искушение, а вот я бы точно прикончил чернокнижника на месте.

Матиас провел их черным ходом, ведущим через кладовые на кухню. Проходя мимо бочек с вином, кувшинов с маслом, копченых окороков и головок сыра, алданцы грустно вздыхали. Марек не удержался и отхватил ножом хороший кусок окорока. Он великодушно поделился своей добычей с Терном. Когда взбешенный Яромир пригрозил им кулаком, Марек предложил и ему подкрепиться. К возмущению Яра его голодный желудок был полностью согласен с наглыми нарушителями дисциплины. Сдержав рвущиеся наружу проклятья, он молча взял мясо и принялся жевать. Клодия сверкнула в темноте глазами и нежно шепнула ему на ухо:

— Милый, ты голоден, вот и злишься! Просто перекуси, и все пройдет!

Из кладовых они попали на кухню, где было пусто и темно. Еще недавно здесь готовили ужин для охраны, и воздух помещения насквозь пропитался разными вкусными запахами. Чарущие ароматы кружили голову, словно болотные огоньки, и собрав всю силу воли, путешественники покинули опасное место.

Черный ход вывел их на большую ровную площадку. Она заканчивалась широкими ступенями перед вырубленной в стене аркой. В эту арку, не нагибаясь, мог спокойно пройти

высокий взрослый мужчина. С двух сторон от нее дремали опираясь на алебарды, двое вооруженных до зубов, здоровенных охранников.

— Чтобы попасть в хранилище, надо пройти по вот этому коридору, — прошептал Матиас, — его охраняют днем и ночью. Не представляю, как вам это удастся!

Яромир резко ответил:

— А вот это уже не твоя забота!

Сбитые с ног и оглушенные Псы даже не успели проснуться. Марек поглядел на круглые от страха глаза Матиаса и убрал приставленный к шее стражника нож. Вместе с братом они крепко связали пленников. Яромир одобрительно кивнул:

— Лишняя кровь нам ни к чему. Борислав, ты с Марекком и Терн остаетесь здесь, Ты за главного! Кстати, нашего провожатого лучше тоже связать!

Рюдигер первым шагнул под своды небольшого коридора, который заканчивался дубовой обитой железом дверью. От напряженного ожидания его руки слегка дрожали. За этой дверью они найдут наконец знаменитую священную реликвию, и о печальном просчете его деда можно будет спокойно забыть. Лиза понимала, что творится сейчас у мужа в душе, но сама не разделяла восторженного ожидания. Ее беспокойное сердце, сердце женщины, жены и матери, замирало от страха, остро ощущая притаившуюся в этом узком тоннеле опасность. Она крепко схватила Рюга за руку, не давая ему ступить и шага.

Он удивленно и слегка сердито взглянул на нее:

— Милая, что ты делаешь, ведь то, что мы ищем, уже совсем рядом!

Но Лиза загородила ему путь:

— Просто будь осторожнее, ради всего, что тебе дорого, не торопись! У меня такое чувство, что здесь каждый наш шаг может стать последним!

Яромир недовольно окрикнул их:

— Вы бы поторопились, пока все тихо!

Клодия попыталась его удержать, внезапно поняв, что опасения Лизы вовсе не случайны. Но Яр, не желая ее слушать, решительно шагнул вперед. Каменные плиты пола гулко отозвались на его шаги. Тут же прямо из стен коридора, там где одна плита подходила к другой, выскочили острые полукруглые лезвия. Огромные серпы держались на железных штырях и раскачивались, словно жуткие маятники, закрепленные в такой же щели между плитами на потолке. Они раскачивались все быстрее и быстрее. Клодия быстро дернула Яромира к себе. Они оказались на безопасном островке, спереди и сзади воздух рассекали острые, огромные, словно секиры великанов, смертоносные лезвия. Через пару шагов Рюдигер и Лиза замерли на другом пяточке, не решаясь пошевелиться.

Постепенно маятники стали качаться все медленнее и медленнее, и наконец, скрылись в стенах коридора. Путь был свободен, но алданцы не решались сдвинуться с места. Наконец Рюдигер снял с пояса фляжку с водой и с размаха швырнул ее на пол. Все повторилось сначала. С противным скрипом пришли в движение страшные механизмы, постепенно ускоряя движение и со свистом рассекая воздух. Один из серпов рассек неуспешную прощмыгнуть мимо крысу. Лезвие просветело с такой скоростью, что обе половинки зверька еще дернулись пару раз перед смертью. Но затем неумолимые орудия смерти стали замедлять свой ход и наконец скрылись в стене.

Яромир, бледный как покойник, с трудом разжал непослушные губы и хрипло сказал:

— Наши шаги приводят эти штуки в движение! Хитрый механизм, но никакого колдовства. Видно на Альбрехта работают лучшие мастера!

Клодия наконец отпустила мужа, в которого вцепилась железной хваткой, выдержнув из-под удара серпа-маятника.

— Я бы эти кудесникам руки поотрывала за такое редкое мастерство!

Рюдигер, запрокинув голову, всмотрелся в черную щель на потолке.

— Вообще-то я плохо разбираюсь в подобных вещах. Даже часы на городской ратуше всегда приводили меня в восхищение! Как удастся заставить работать все эти колесики, винтики, шестеренки — никогда не понимал! Но вот на счет того, как это сломать, у меня есть кое-какие мысли!

Лиза не успела спросить, что же он задумал, как ее муж, ступая легко и бесшумно, как могут только вампиры, перешагнул на следующую плиту. Он стоял прямо на том месте, где в любой момент могла пронестись «коса смерти». Вытащив из ножен свой «бастард», Рюдигер быстрым и точным движением метнул его в темное отверстие на потолке. Блестящий клинок надежно застрял среди деталей сложного механизма. Послышался жуткий скрежет, но полуторный меч был выкован Иоганном Кранцем на совесть. Особо прочный сплав, секрет которого крестный Рюга никому не открывал, пока успешно выдерживал давление огромных валов и шестеренок. Из стены медленно показалось лезвие серпа, но застыло на месте, слегка подрагивая.

Лиза, потеряв самообладание, втянула мужа назад, тут же набросившись на него с упреками:

— Ты что вытворяешь, я из-за тебя поседею раньше времени!

Не обращая внимания на поток сердитых слов, он нагнулся и быстро поцеловал ее в губы, затем схватил за руку и потащил за собой:

— Быстрее вперед, не знаю, надолго ли хватит моего меча!

Они бросились бежать, Яромир и Клодия последовали их примеру. Когда последний, шестой маятник остался позади, они слегка отдышались. Лиза сменила гнев на милость, с восхищением взглянув на красного и растрепанного от быстрого бега мужа:

— Я всегда знала, что ты у меня не только ужасно смелый, но и ужасно умный!

Яромир рассмеялся:

— Неизвестно, останется ли здесь после нашего визита хоть что-то, не требующее починки!

Чаша Жизни

Подойдя к дверям хранилища, Лиза сняла с шеи ключ и протянула мужу. Перекрестившись, он вставил его в отверстие и с некоторым нажимом повернул. Послышался громкий щелчок, Рюдигер потянул за чугунное кольцо, и дверь легко, почти без усилий отворилась.

Они очутились в огромном помещении, сравнимом по размерам разве что с бальным залом в королевском дворце. Здесь было на что посмотреть и можно было легко заблудиться. Алданцы проходили между высоченных, чуть ли не до потолка, полок с книгами, на которых можно было найти колдовские книги по черной магии и некромантии, священные тексты давно забытых народов, живших на земле задолго до них.

После книг шли магические амулеты и талисманы, шаманские бубны и волшебные посохи, ритуальные маски и даже большой кусок человеческой кожи, покрытый замысловатыми узорами татуировки. Все это было снабжено костяными пластинками с нацарапанными на них номерами.

Яромир и Рюдигер начали потихоньку зевать, но вдруг полки с артефактами закончились, и их восхищенным взорам предстало развешанное на стене оружие. Такого разнообразия они не видели ни в дворцовой оружейной комнате, ни в коллекции Иоганна. Двуручные мечи и легкие изогнутые сабли диких кочевников, всевозможные кинжалы и стилеты, алебарды и протазаны, секиры и боевые топоры. На лезвиях многих клинков вились старинные письмена или были начертаны руны. В рукоятки были вделаны драгоценные камни, чтобы своим блеском отвести глаза противнику и защитить владельца.

Рюдигер, не в силах удержаться, взял в руки один из мечей и повертел его в руках. Клинок был выкован из странного, неподверженного ржавчине сплава, Несмотря на размеры, меч был легким, рукоять удобно легла в руку. Рюдигер расстроено вернул оружие на место. Яромир удивленно взглянул на него, но тот лишь удрученно покачал головой:

— Клинок замечательный, но это чужая вещь. Мы ведь пришли сюда, чтобы забрать свое, значит нам не нужно ничего чужого. Кроме того, мало ли какое заклятье наложил на него прежний владелец!

Яромир вздохнул:

— По упрямству ты, друг мой, можешь сравниться разве что с ослом! Конечно, и с простым ножом ты опасный противник, но хороший клинок никогда не помешает!

Но Рюдигер молча покачал головой, считая вопрос решенным.

Миновав обширное собрание оружия, они увидели небольшую нишу в стене. Подойдя чуть ближе, они замерли от восхищения. Внутри искусственного грота на обломке гранита стоял изумрудный кубок. Небольшие лампадки в уголках пещеры создавали впечатление, что кубок светится изнутри. Мягкое зеленое сияние успокаивало и манило к себе. Внезапно Рюдигер представил себе лесную поляну, текущий из скалы родник. Чистые прозрачные струи падают в чашу и переливаются вниз. Солнечные лучи заставляют сиять омытый родниковой водой изумруд еще ярче. Этот дар небес нельзя прятать в темных кладовых. Пусть только один раз в жизни, но каждый должен иметь шанс получить исцеление.

Может, монастырь в глухом лесу более подходящее место для священной реликвии, чем подземное хранилище или королевская сокровищница. Принося пользу людям, исцеляя тела и пробуждая в их душах желание творить добро — только так Чаша обретет свою истинную силу и сможет защищать и оберегать народ Алдании и ее правителей. Он посмотрел на своих друзей и увидел, что по их лицам текут слезы. Похоже священный талисман затронул какие-то тайные струны в душе каждого из них.

Яромир улыбнулся другу:

— Похоже мы нашли ее, вперед, смелее!

Лиза слегка подтолкнула его, и Рюдигер шагнул вперед. Неожиданно пол под ним провалился, и он стремительно полетел вниз. В последний момент вампир успел ухватиться за край каменной плиты. Его друзья поспешили вытащить его наверх. На дне глубокого каменного колодца были видны острые копья, и белели чьи-то кости с остатками одежды.

— Я всегда считал, что эти изоощренные ловушки — просто стариковская блажь его преосвященства. С годами люди становятся более подозрительными, им на каждом шагу мерещатся заговоры и наемные убийцы. Но приходится признать, что Альбрехт был прав. Хотя это первая попытка за двадцать лет. — Бруно и еще пятеро бойцов особого отряда бесшумно появились из потайной двери в стене.

— А как же этот бедняга? — Яромир, которого их появление кажется несколько не удивило,

Еще раз заглянул в бездонную пропасть под ногами.

— Это просто один из тех, кто строил поместье. Надо же было проверить, как все это работает. — командир Псов усмехнулся и положил руку на рукоять меча.

Рюдигер мрачно поинтересовался:

— Что и коридор тоже проверяли?

— А как же! Всегда найдутся какие-нибудь неудобные узники, от которых надо избавиться быстро и без следов. Остатки сгорят в печи, пепел развеет ветер. Если бы не твои упрямые друзья, Рюдигер фон Шлотерштайн, ты бы отправился в ад той же дорогой! — лицо Бруно исказила недобрая усмешка. Он выхватил клинок из ножен и шагнул навстречу алданцам. Яромир тоже достал оружие:

— Мы с тобой в прошлый раз не закончили!

Но Бруно уверенно направился к вампиру:

— Чуть позже, парень. Сначала я должен исправить ошибку Альбрехта. Никогда не надо оставлять нелюдей в живых. Даже если этот выродок напоминает пережаренный кусок мяса, все равно лучше потратить время на то, чтобы отрезать голову. Иначе не успеешь и глазом моргнуть, как эта тварь оживет и заставит тебя пожалеть о глупом милосердии!

Рюдигер привычным жестом схватился за меч, но ножны были пусты. Он пожертвовал своим оружием, что бы заклинить жуткий механизм на пути в хранилище. Теперь ему придется расплатиться по полной за такое отношение к боевому товарищу. Вооруженный одним лишь кинжалом он, тем не менее ловко отбил первый удар Бруно и ногой отшвырнул противника назад.

Рассерженный командир Псов инквизиции быстро вскочил на ноги и принялся махать мечом без остановки. Покрытый смертельно опасным для вампира серебром длинный блестящий клинок сверкал в воздухе, описывая невероятно сложную траекторию, но пока ни разу не коснулся врага. Рюдигер не сводил глаз с противника, пытаясь предугадать следующее

движение. Бруно в очередной раз попытался снести ему голову, но вампир отскочил назад.

Неожиданно он понял, что находится рядом со стеной, увешанной оружием. Меч, который он совсем недавно так необдуманно отверг, удобно лег в руку. Следующая атака противника была отбита со страшной силой. Вскоре командир особого отряда еле успевал отвечать на удары. Меч, провисевший на стене чуть ли не два десятилетия, казалось соскучился по хорошей битве и вкусу крови. Его острое лезвие уже прорезало в двух местах кольчугу инквизитора, и запах крови врага заставил заблестеть глаза вампира и сделал его напор еще сильнее. Клинок инквизитора вдруг разломился пополам, ударившись о неизвестный прочный металл, и тот с удивлением разглядывал оставшийся в руке обломок. Рюдигер взглянул на ставшего беспомощным врага холодным равнодушным взглядом и неожиданно положил меч на пол, снова достав кинжал.

Бруно неприятно улыбнулся:

— Значит любишь по справедливости? Будет тебе справедливость, упырь!

Резко сорвавшись с места, он кинулся на Рюга с ножом, словно взбесившийся пес. Но вампир успел отклониться в сторону, а командир особого отряда запнулся о его сапог и растянулся на полу. Поскольку он не подавал признаков жизни, то Рюдигер, не выпуская из рук кинжал, склонился над ним. Под телом инквизитора быстро увеличивалась лужа крови. Перевернув мертвеца, Рюдигер увидел, что Бруно наткнулся на собственный нож.

Он уже собрался уходить, но покрытая кровью часть лезвия ножа вдруг знакомо вспыхнула непонятными знаками. Чуть помедлив, он вытащил нож из сердца врага и едва не вскрикнул от удивления. «Везучий нож», подарок Иоганна снова вернулся к нему. Рюдигер растроганно вытер свой талисман об одежду инквизитора и сунул за пояс. Затем подобрал меч, так вовремя оказавшийся рядом, и бросился на помощь своим друзьям.

Как только командир Псов вступил в схватку с вампиром, его люди атаковали алданцев, те, не сговариваясь, стали спина к спине. Яромир слегка нервничал, ему еще не приходилось сражаться, зная, что с двух сторон его прикрывают женщины. Псов было пятеро, они то и дело бросались на ошестинившуюся мечами тройку, словно шакалы.

Но к их удивлению обе красотки совсем неплохо владели оружием. Наконец одна из них, с непокорными каштановыми кудрями, с неженской силой отбила удар и тут же с размаху ударила сама. Удар был столь стремителен, что воин не успел ни отразить его, ни уклониться. С свистом рассекая воздух, клинок желтоглазой отсек противнику руку почти у самого основания. Кровь брызнула на красивое лицо, но она даже не поморщилась.

Яромира однако волновало лишь то, как бы первый успех не вскружил Клодии голову и не заставил забыть об осторожности. И действительно, увидев, что один противник уже выбыл из строя, Клодия азартно бросилась вперед. Их слаженная линия обороны распалась, и теперь каждый сражался сам по себе. Яр, проклиная бабью дурость, взял на себя сразу двух Псов, и теперь у него не было ни одной свободной минуты.

Лизин противник был старше ее почти вдвое. Его суровое лицо и безжалостный взгляд ясно говорили о том, что убийство для него привычная работа. Лиза неожиданно подумала, что даже сравнила бы его с Иоганном, но во взгляде старого наемника никогда не было такой надменности и откровенного презрения. Похоже он считал красивую молодую женщину слишком легкой добычей и даже позволил себе немного пошутить.

— Видно в вашей Алдании совсем не осталось настоящих мужчин, если вы спите с

нелюдями и плодите им подобных тварей! — Пес нагло усмехнулся, открывая желтые крупные зубы, и резко взмахнул узким и длинным мечом, намереваясь покончить с глупой девкой раз и навсегда.

Лиза всегда считала Алекса и Ульрику самыми совершенными созданиями на свете. К тому же она соскучилась по ним до безумия, так что эти слова стали для нее последней каплей. Она стиснула зубы и с удвоенной силой заработала мечом. Неожиданный от нее такого напора, воин инквизиции потихоньку, шаг за шагом отступал назад. Проклятая подружка вампира сражалась на удивление неплохо. Но все же было бы ужасным позором потерпеть поражение от женщины. Клинок Лизы неожиданно просвистел по воздуху, противник увернулся от удара и занес меч над ее головой. Он был достаточно опытен, чтобы воспользоваться минутным преимуществом. В глазах Пса промелькнуло жестокое удовольствие. Поиграли и хватит, раз сражается как мужчина, то и умирать придется также. Но нанести смертельный удар он уже не смог, кто-то крепко сжал его запястья железной хваткой и больно завернул руки назад. Меч с жалобным звоном упал на каменные плиты.

Рюдигер, подоспевший в самую опасную минуту, грубо толкнул своего пленника, заставляя опуститься на колени. Лиза сердито взглянула на мужа:

— Я бы справилась и сама! — и тут же обратилась к поверженному противнику:

— Ну что теперь ты скажешь про наших мужчин?

Тот поднял на нее полные ненависти глаза и плюнул под ноги:

— Вам все равно не удастся уйти отсюда живыми! Проклятые выродки...

Рюдигер сильно ударил его рукоятью меча по голове, заставив надолго потерять сознание. Схватив Лизу за руку, он потянул ее вперед:

— Надо побыстрее убираться отсюда!

Совсем рядом с ними Яромир уже выбивался из сил, пытаясь отбиться от двух противников. Клодия напротив, дралась совсем неплохо для первого боя. Ее соперник, молодой парень с совершенно белыми волосами то и дело пропускал удары и, кажется был обречен. Подойдя поближе, Лиза воскликнула:

— Да это же Макс!

Макс, с которым они познакомились в таверне «Хромой конь», тоже узнал Клодию

Хотя сейчас, растрепанная и возбужденная, в мужской одежде с окровавленным мечом в руке, она мало напоминала веселую красавицу в красном платье.

— Проклятая волчица! Я тебе сейчас покажу! — он вдруг сунул руку в карман, достав оттуда полную пригоршню белого порошка, и бросил его Клодии прямо в лицо.

— Сдохни, тварь!

Молодая женщина, вдохнув непонятное зелье, вдруг выронила меч и опустилась на колени. Лицо ее исказила судорога, она попыталась что-то сказать, но из горла вырвался только хрип, напоминающий рычание. Лиза в ужасе повернулась к Рюгу, он без слов понял ее:

— Да, она превращается...

Клодия уже стояла на четвереньках, выгнувшись дугой. Ее одежда и даже кольчуга треснули под напором стремительно растущего и меняющегося тела. Удлинившиеся пальцы заскребли когтями по плитам и быстро оделись шерстью. Лицо неестественно вытянулось, в страшной пасти зверя стремительно вырастали острые клыки... Только глаза были все теми же, но в янтарной глубине сейчас плескалась острая боль и невыносимое страдание.

Яромир и его противники застыли на месте, не в силах оторваться от жуткого зрелища. Затем Яр со странным отрешенным видом повернулся к своим противникам и быстро воткнул свой палаш в живот стоящего рядом Пса. Видимо потрясение удвоило его силы, и клинок легко пробил прочную дорожную кольчугу. Вытащив оружие из тела и отшвырнув уже мертвого противника, он одним прыжком очутился позади Макса и приставил палаш к его горлу. Тот удивленно рассматривал медленно поднимающегося с пола огромного зверя. Ощувив прикосновение холодной стали на своей коже, Макс глупо улыбнулся:

— Она все равно умрет! Это же аконит, вервольфы от него дохнут, как мухи!

— Ты в любом случае сдохнешь первым! — Яромир, не раздумывая, перерезал ему горло, и труп мешком осел на холодный пол хранилища.

Волчица угрожающе зарычала, угрюмо глядя на приближающегося к ней Яромира и кажется, не узнавая его. Лиза со слезами на глазах рванулась к подруге, но Рюдигер крепко сжал ее за плечи:

— Не сейчас. Неизвестно, что аконит сотворил с ее разумом.

Вдруг за спиной Яра появился последний из людей Бруно. Уцелевший страж подземелья замахнулся мечом, но черная волчица стрелой взлетела в воздух и перемахнув через голову Яра, приземлилась прямо перед Псом. Один удар когтистой лапы выбил из его рук оружие, оставив кровавые полосы на лице и одежде. Человек медленно пятился назад, отступая перед рычащим зверем, и вдруг с отчаянным криком провалился в глубокий колодец перед гротом с драгоценным артефактом.

Волчица с почти человеческим любопытством заглянула в бездонную яму, где на острых копьях еще корчился умирающий, и повернувшись к алданцам, вдруг упала навзничь.

Подбежавший к ней Яромир сорвал с себя куртку и накрыл извивающееся в страшных конвульсиях тело уже не зверя, но пока и не человека. Лиза упала на колени перед лежавшей без сознания подругой, Рюдигер положил руку на плечо Яра. Наконец к Клодии вернулся ее обычный человеческий облик, но выглядела она неважно. Бледная кожа была покрыта сеткою вен, она тяжело дышала. По щекам Яромира быстро бежали горячие струйки слез. Он прижимал к себе закутанную в кожаную куртку жену, и наверное впервые в жизни не знал, что делать.

Лиза в отчаянии взглянула на Рюга:

— Неужели мы будем сидеть, сложа руки? Ей ужасно плохо, может быть есть противоядие?

Рюдигер прекрасно знал, что в таком случае уже вряд ли что поможет. Корень аконита смертельный яд для бегущих в ночи, и с этим ничего нельзя поделать. Но его сердце отказывалось мириться с доводами рассудка. Нельзя допустить, чтобы Яр потерял ее, у него уже сейчас какой-то странный взгляд. Но вот помочь им может только чудо. Ну конечно, Как же он сразу не догадался, настоящее чудо! Последние слова Рюдигер произнес вслух, и Лиза недоверчиво переспросила:

— О чем ты говоришь? Что еще за чудо?

Не обращая внимания на недоверие в ее голосе, он показал ей на зеленоватое мерцание внутри грота:

— Настоящее чудо, священная реликвия, мы всего в двух шагах от нее! Разве ты не помнишь, что простая вода, налитая в изумрудный кубок, становится лекарством от всех болезней? Но надо поспешить... — он не договорил, и осторожно обойдя колодец-ловушку, шагнул под своды пещеры.

Очутившись рядом с Чашей Жизни, Рюдигер замер в нерешительности, свет множества маленьких лампадок тонул в прозрачной глубине изумруда и ложился на стены грота причудливыми отсветами, играющими всеми оттенками зеленого цвета. Здесь была мягкая зелень молодой травы и заманивающая в глубину зеленоватая вода речного омута, сочные темно-зеленые склоны гор и сумрачная лесная чащоба, где стволы деревьев кажутся седыми из-за мха и лишайников. Ему даже показалось, что Чаша исторгает странное зеленое пламя и если он дотронется до нее, то обожжет себе руки до костей. Но он тут же отругал себя за малодушие, и прочитав молитву Божьей Матери, смело взял святыню с белого камня, служившего ей постаментом.

Клодия была без сознания. Ее голова безвольно наклонилась вперед, но Яр не замечал этого, нежно глядя ее волосы и тихонько шепча:

— Девочка моя, только потерпи немного! Я с тобой, слышишь, не бойся.

Рюдигер, холодея от ужаса при мысли, что возможно опоздал, протянул Лизе Чашу, и она наполнила ее водой из своей фляжки. Осторожно, стараясь не расплескать ни капли, он опустил ее на колени и протянул священный кубок Яромиру. Тот наконец опомнился, и, откинув с лица любимой непокорные каштановые пряди, принялся вливать в почти посиневшие губы воду из Чаши.

Епископ Альбрехт долго не мог уснуть. Кроме проклятого ревматизма его просто сводили с ума воспоминания о позоре, который ему пришлось пережить совсем недавно. Чертовы алданцы жестоко посмеялись над ним. Нагло вломились туда, где он считал себя полновластным хозяином, освободили своего отвратительного дружка-вампира или вернее то, что от него осталось! Альбрехт искренне надеялся, что пребывание в застенках инквизиции окончательно надломило здоровье барона фон Шлотерштайна, и гнусный упырь все-таки сдох, несмотря на все старания его нечестивых друзей и бесстыжей женушки.

Епископ с трудом спустился с высокой кровати под балдахин, прихрамывая, подошел к окну и приоткрыл его. В душную комнату потек свежий ночной воздух, из леса, окружившего поместье, потянулись запах хвои и ароматы цветов и трав. На чистом безоблачном небе, иссиня черном, словно волосы красавицы цыганки, блестели звезды.

Круглая самодовольная луна горела, словно расплавленное серебро. Альбрехт вдруг вспомнил, что ее частенько называют волчьим солнышком, и безмятежная красота летней ночи сразу потеряла свое очарование. Пожалуй, вервольфов он ненавидел теперь даже больше, чем вампиров.

Неожиданно раздался мелодичный звон колокольчика и епископ вздрогнул от удивления. Ловушка в подземелье сработала, кто-то проник в хранилище без его ведома. Кто-то пытался добраться до Чаши Жизни!

Проверить, все ли в порядке внизу, отправился сам командир особого отряда, захватив с собой пятерых надежных и опытных бойцов. Правда, сам Бруно упорно отрицал возможность того, что кто-то посторонний попытался выкрасть священный артефакт. Скорее всего, крысы совсем обнаглели! Гуляют по всему подземелью почти в открытую, надо будет завести пару кошек. Хоть они и пособницы ведьм, но лучшей управы на грызунов не найти.

Его преосвященство с трудом позволил себя убедить, что ничего серьезного вероятно не случилось. Все же он велел немедленно доложить ему о результатах проверки и теперь сгорал от нетерпения и тревоги, нервно грызя ногти. Наконец он не выдержал неизвестности

и решил сам узнать, что случилось. Растолкав спавшего в чуланчике слугу по имени Ганс, епископ вручил ему арбалет, заряженный серебрянным болтом, и знаками показал следовать за собой. Ганса природа щедро одарила богатырским сложением, но обделила умом, к тому же он был нем от рождения, однако по-собачьи предан своему хозяину. Иногда Альбрехта сильно раздражала нерасторопность слуги и слепая верность, но сейчас эта преданность в сочетании с немотой были весьма кстати.

Спустившись потайным ходом в подземелье, они увидели лишь мертвые тела на залитых кровью каменных плитах. Перед гротом с Чашей чернела пропасть ловушки. Недалеко от этого места светловолосый парень в кольчуге прижимал к себе одной рукой бледную девушку, на которой из одежды была лишь наспех накинутая кожаная куртка. В другой руке он держал, о ужас, священный изумрудный кубок! В Чаше плескалась вода, которую наглец осторожно вливал в рот полумертвой девице! Рядом с ним опустившись на колени, замер, с надеждой следя за каждым его движением, ни кто иной, как Рюдигер фон Шлотерштайн! Проклятый вампир выглядел вполне живым и совершенно здоровым! Епископ чуть не выругался вслух, подумав, что зря не послушал теперь уже покойного начальника Псов и оставил в живых этого выродка!

Вдруг Чаша в руке Яромира вспыхнула ярким зеленым пламенем, на минуту озарив все хранилище. Девушка глубоко вздохнула и открыла глаза. Кажется, епископ стал свидетелем настоящего чуда! Священная реликвия вернула к жизни какую-то алданскую шлюху, которая без сомнения не была нормальным человеком! В то же время за все долгие годы своего нахождения здесь Чаша не излечила ни одного из слуг инквизиции. Эти безбожники заплатят сейчас ему за все унижения, и первым будет конечно же барон фон Шлотерштайн.

— Эй, ты, нечестивец, верни Чашу на место, или эта потаскуха и твой клыкастый дружок получат по серебрянному болту в сердце!

Яромир, Рюдигер и только что пришедшая в сознание Клодия с удивлением обернулись на слегка надтреснутый старческий голос. Маленький старичок в ночном колпаке и теплом халате имел весьма комичный вид, но стоявший рядом громила с арбалетом выглядел уже посерьезнее. Яромир не сдержался:

— Твои Псы передохли, потому что осмелились на нас тявкать, и ты можешь разделить их участь, если захочешь нам помешать!

Рюдигер тихо заметил:

— Мне кажется, что Верховный Инквизитор немного повредился рассудком. Но если болты и впрямь серебрянные, то не надо его злить... И где же Лизхен?

— Я здесь! — Лиза стояла позади Альбрехта, умело завернув ему руку за спину и приставив к шее острое как бритва лезвие меча.

— Прикажи своему слуге опустить арбалет, иначе я перережу тебе горло. Я не шучу. Парень, убери арбалет, а не то останешься без господина!

На лице Ганса отразилось смятение, он опустил арбалет, тревожно взглянув на епископа.

— Стреляй, не раздумывай. Она не посмеет, у этой глупой куклы не хватит толку убить человека! — брызгал слюной его господин. Слуга послушно поднял арбалет и прицелился.

— Толку у меня хватит, даже не сомневайся, — Лиза слегка надавила на меч, кое-где из порезов показалась кровь, — после того, что твои люди сделали с моим мужем, мне будет не трудно убить тебя!

Ганс замер словно мраморное изваяние в королевском парке, эта задача была ему явно

не по силам.

— Стреляй скорее, тупое бревно! Ну же, не будь тряпкой! — истошно взвизгнул глава инквизиции.

В эту самую минуту Рюдигер сделал быстрое движение рукой, и громила, выронив арбалет, схватился за узкий стилет, вонзившийся ему в предплечье. Яромир, не теряя времени, сбил его с ног, и они с Рюгом быстро скрутили беднягу. От боли и унижения от завыл как животное, но Яромир тут же сунул ему в рот кляп, сделанный из оторванного рукава его же рубашки.

Лиза связала епископу руки за спиной поясом от халата:

— Вы, господин епископ слишком кровожадны для служителя Бога. Столько ненависти, столько нетерпимости, а где же любовь и прощение?

Старик подарил ей презрительный взгляд:

— А вы, алданцы, просто сумашедшие! Считаете эти порождения тьмы равными себе, даже заключаете с ними браки, оскверняя тем самым храмы, поскольку эти твари способны лишь на похоть, но никак не на любовь!

Барон фон Шлотерштайн скрипнул зубами, услышав оскорбительные слова своего злейшего врага, но посмотрев на епископа, только уныло махнул рукой, чего ждать от ненормального.

— Да что ты понимаешь в любви, — грустно вздохнула Лиза. — Ваша вера лицемерна и корыстна, вы смеете решать, кто достоин жить на свете, а кого надо уничтожить! А ведь Господь дает шанс даже последним грешникам, если они осознают свои ошибки! Настоящая любовь не только страсть, но еще и нежность, и забота. Она умеет ждать и прощать мелкие обиды, хранить верность и если надо, рискнуть жизнью ради

того, кого любишь! Даже такой негодяй как ты, и то сумел вызвать искреннюю преданность своего слуги. Хотя мне даже убить тебя противно, потом не отмоешься! — она крепко затянула последний узел и с отвращением отряхнула руки.

Яромир, увидев, что с его любимой женой все в порядке, снова стал самим собой. Он быстро сообразил, какую пользу можно извлечь от неожиданного появления Верховного Инквизитора.

— Жалко прерывать ваш богословский диспут, но хочу напомнить, что нам уже пора покинуть это мрачное местечко. — Он легко подхватил Клодию на руки, — Раз подданных короля Алдании здесь не слишком жалуют, то не будем испытывать терпение хозяев. Но его преосвященство любезно проводит нас до самого выхода. Рюг, присмотришь за ним, если попробует выкинуть какой-нибудь фокус, разделишь своим новым мечом пополам!

Альбрехт было воспротивился такому решению, он ни за что не хотел способствовать их удачному возвращению, но Лиза заявила, что тогда бесполезный пленник им ни к чему, и лучше его быстро прикончить. Хотя он и сомневался в ее способности выполнить эту угрозу, но взглянув на мрачного вампира, быстро согласился.

Быстро пройдя мимо коллекции волшебных амулетов и полка с книгами по черной магии и некромантии, они вступили в смертельный опасный коридор. К удивлению алданцев, меч, выкованный Иоганном Кранцем, еще был цел. Чудовищный механизм поскрипывал, пытаясь перемолоть своими шестернями прочный сплав, но пока добился только противного скрежета. Они поспешили миновать опасное место побыстрее. Его преосвященство покрылся холодным потом при виде застывших в нетерпении острых серпов, чуть вздрагивающих при звуке их шагов.

Как только они миновали шестой серп-маятник, послышался громкий лязгающий звук. Это клинок вампира все же не выдержал давления и переломился пополам. Вся страшная система пришла в движение, но ненадолго. Обломки меча надежно застряли среди валов и шестеренок хитрого механизма, кажется навсегда испортив его.

Выйдя из опасного коридора, они встретили своих заскучавших друзей. Марек издевательски выразил «искреннее почтение господину епископу», тот с перекошенным от злости лицом отвернулся, сделав вид, что не узнает парня. Оба вервольфа и Терн с удивлением уставились на Яромира, который до сих пор бережно держал на руках жену. Яромир недовольно бросил:

— Ну чего уставились, ее ранили, понятно!

Клодия, на которой была только мужская куртка, перетянутая ремнем, и сапоги одного из стражников, покраснела и воспользовавшись минутной заминкой, прыгнула на пол.

— Со мной уже все в порядке, нечего пялиться! Эй, ты что-то сказал?

Сердито раздувая ноздри, она пронзила Борислава недобрый взглядом янтарных глаз.

Только что успевший поделиться с Марекком мнением, что жена у капитана очень даже ничего, и ноги у нее стройные, старший оборотень поспешил заверить, что ей все почудилось. Клодия поправила торчавший за поясом меч, который она не забыла захватить из хранилища, и успокоившись, все же предупредила:

— Смотрите мне, что-нибудь услышу, уши обрежу!

Яромир, которого эта перепалка убедила, что его упрямая жена действительно вполне здорова, лишь молча усмехнулся.

Пройдя несколько шагов по слабо освещенному коридору, они наткнулись на пятерых стражников, совершающих ночной обход подземелья. Увидев вооруженных незнакомцев,

Псы уже были готовы схватиться за оружие, но увидев своего господина, застыли в недоумении. Его преосвященство, в чью спину время от времени покалывал нож вампира, успокоил своих верных слуг, объяснив, что эти люди должны отправиться на важное задание. Главный в карауле недоверчиво разглядывал Лизу и странно одетую Клодию.

На миг его глаза остановились на длинных волосах Терна. Дикарь, поймав его взгляд, к ужасу Яромира приветливо улыбнулся, но на их счастье не разжал губ.

Наконец епископ приказал караульным быть внимательнее, и направился в совсем другую сторону от подземного тоннеля, по которому они пришли сюда. Яромир уже начал подозревать, что Альбрехт опять задумал какую-нибудь редкую подлость и приведет их прямиком в казарму к охранникам или в загон к своим озверевшим охотничьим собакам.

Но вскоре они очутились перед обитыми железом дверями, за которыми находился еще один подземный ход. Здесь также зевали два охранника, которых пришлось вывести из строя. Догадавшись, что его хотят взять с собой, епископ закатил истерику не хуже женщины, но алданцы остались непреклонны, обещая отпустить его назад только с обратной стороны подземного хода.

Пройдя по длинному тоннелю, как две капли воды похожему на тот, где их встретил Голос Смерти, они очутились в ночном лесу. До рассвета оставалось еще час или два. Оставив связанного Верховного Инквизитора у входа в тоннель, они попытались понять, где же сейчас находятся.

Тайное оружие инквизиции

Маленький найденыш оказался редким непоседой. Сначала он охотно запускал вместе с Римаром в луже посреди деревни щепки, воображая их корабликами. Затем по коварной подсказке Важека они устроили настоящее морское сражение и принялись топить корабли противника с помощью булыжников. С размаху брошенные в грязную воду, тяжелые камни вызывали фонтаны брызг и гнали по луже настоящие волны, вызывая у маленького вампира восторженные визги. Битва закончилась победой Римара, чему он радовался как ребенок.

Правда увидев подошедшую Элину, они с Куртом оглядели свою заляпанную грязью одежду и опустили глаза вниз. Но она ограничилась лишь горестным вздохом, заметив, что не понимает, кому же из них четыре года. Вспомнив, что дети любят подвижные игры, она предложила поиграть в салки, и их компания охотно принялась носиться по деревенской улице. Вскоре выдохлись все, кроме Курта и конечно, Ланы. Римар вдруг представил своего приемного сына в их большом особняке в Златограде в компании Эльвиры. Вот эти сорванцы съезжают по золоченым перилам, вот удирают от рассерженной нянюшки, сбивая с ног не успевшего увернуться лакея. Вот, не дождавсь обеда, воруют из кухни хлеб с колбасой.

А вот с серьезными лицами сидят за книгой, слушая объяснения учителя, потом плавно скользят по паркету на уроке танцев. Уроки фехтования. Тут наверно нужно просить помощи у Рюдигера. Из приятных мечтаний его вырвал насмешливый голос Важека:

— В Златограде все будут шептаться, что у тебя была любовь с вампиршей!

Римар не обиделся и весело ответил:

— Это у тебя любовь с вампиршей, так что присматривайся к малышу, потом пригодится!

Он легко подхватил мальчика одной рукой, а другой обнял улыбающуюся Элину, которая предложила устроить ужин. Они перекусили вяленным мясом, хлебом и купленными еще в Лангдорфе яблоками. Глядя, как быстро Курт справился со своей долей, Элина улыбнулась и отдала ему свой кусок мяса. Уже стемнело, наступающая ночь дышала прохладой и они все же развели костер. Немного жутко было ночевать рядом с кладбищем, но выбирать не приходилось. Ни в один из брошенных домов зайти они так и не решились. Оставив Лану и Важека дозорными, они улеглись спать.

Однако Курт совершенно не считал наступившую ночь поводом для того чтобы наконец успокоиться и отдохнуть. С интересом прослушав очередную сказку, он весело требовал у зевающей Элины следующую. Эльвиру иногда тоже было трудно уложить, но

Этот малыш кажется и не думал зысыпать. Услышав, что герой женился на принцессе, в затем был пир горой, мальчик живо поинтересовался:

— А что там было на этом пиру? Много всего вкусного?

В животике у него неожиданно заурчало, и Элина поняла, что ребенок опять голоден. Проснувшийся Римар удивленно следил за роющей в сумках женой. Наконец слопавший остатки вяленого мяса, Курт довольно свернулся калачиком, заботливо укрытый Элиной дорожным плащом, и мирно засопел.

— Он ест не меньше взрослого, — удивленно заметил Важек. Лана сердито блеснула в темноте глазами:

— Он просто растет, и ему нужна нормальная еда! Не могу видеть голодных детей!

Римар, подежурь вместо меня, — она решительно вскочила на ноги, прихватив меч и арбалет.

— Ты куда собралась? — нахмурился Важек.

— Поставлю ловушки, может за ночь в них чтонибудь попадетсЯ! — девушка уже быстро шагала в сторону леса.

— Да кто же ставит силки ночью! — возмущенный Важек с трудом догнал упрямицу.

— Ты верно забыл, что я вижу в темноте совсем неплохо, к тому же небо чистое, и луна сегодня полная.

Важек взглянул на слегка окрашенный красным, ярко горящий диск луны, обещающий завтра жаркий день, и ему стало не по себе. Он постарался держаться рядом с Ланой.

В ночном лесу было жутко. Каждый шорох заставлял его вздрагивать, в кустах и за деревьями ему мерещились чьи-то горящие глаза. Впрочем, глаза его спутницы тоже напоминали два красных уголька. Она решительно шагала в темноте, время от времени принюхиваясь, словно дикое животное. Наконец, резко остановившись и придержав спешащего за ней Важека, она присела на корточки и осмотрелась.

— Здесь!

— Что здесь? — удивился парень.

— Тропа здесь, только не шуми! Ты сопишь словно кабан и орешь на весь лес!

Достав из висевшей на плече сумки узкую полоску кожи, охотница ловко скрутила из нее петлю. Затем нагнув молодое деревцо, закрепила конец шнура за крепкую ветку, растянув саму петлю при помощи расщепленных палочек. Оставив вдоль тропы еще три таких ловушки, девушка наконец решила, что этого достаточно и махнула рукой, давая понять Важеку, что можно уходить.

Проснувшись утром, Римар увидел дремавшего у потухшего костра Важека. Элина и Курт крепко спали, прижавшись к друг другу под плащом. Ночью ребенок плакал и вскрикивал во сне, но ближе к утру успокоился. А вот Ланы нигде не было. Растолкав Важека, Римар поинтересовался у него, куда исчезла его юная подруга. Перепуганный Важек предположил, что вампирша отправилась проверять ловушки, и вскочив на ноги, бросился к лесу.

— Стой, ты куда! — заорал Римар.

— А вдруг ей нужна помощь, она же одна! — прокричал на бегу Важек.

— Это тебе нужна помощь, влюбленный идиот, — проворчал Римар, на ходу одевая перевязь с мечом. Мало того, что ребята еще не вернулись назад, так еще и эта парочка ненормальных не может усидеть на месте. Вдруг он остановился в нерешительности, оглянувшись на спящую Элину и малыша. Он не может оставить их без защиты.

Элина, словно почувствовав его сомнения, проснулась:

— Что-то случилось?

— Лана ушла проверять свои силки, и ее до сих пор нет. Важек бросился ее искать. Возможно им нужна помощь!

Однако его сомнения были прерваны самым неожиданным образом. Из окружающего деревню леса стрелой вылетел Важек, за ним как ошпаренная выскочила отважная охотница,

за спиной которой болтались две заячьи тушки. Вампирша быстро вырвалась вперед, но тут же притормозив, схватила парня за руку и потащила за собой.

— От кого же они удирают? — удивленная Элина прижала к себе разбуженного переполохом мальчика и вопросительно взглянула на мужа. Римар открыл рот, чтобы ответить, да так и застыл на месте.

На поляну вслед за беглецами выскочили огромные звери. Они напоминали обычных охотничьих собак, но их легкая бесшумная поступь наводила на мысль о сверхестественном происхождении этих чудовищ. Утреннюю тишину прорезал звук охотничьего рожка, и одна из тварей снова скрылась за деревьями. Но вторая почти нагнала измученную парочку. Почувствовав, что им не уйти, беглецы развернулись, чтобы принять бой.

Спешивший им на помощь Римар на мгновение замер, подумав, что никогда в жизни не видел подобной твари. Ростом почти с теленка, покрытая короткой грязно-белой шерстью, под которой перекачивались толстые валики мускулов, существо напоминало обычного пса бойцовой породы. Слегка приземистое, с широкой грудной клеткой, широко расставленные лапы вооружены острыми когтями. Горящие злобой маленькие покрасневшие глазки, короткие торчащие уши и пасть, полная загнутых внутрь, острых как кинжалы, зубов...

Зверюга пронеслась мимо Важека, даже не удостоив его своим вниманием, и бросилась на Лану. Дикарка встретила ее мечом, но мощный бросок тяжелой туши сбил ее с ног. Огромные челюсти с лязгом смыкались над ней, пытаясь добраться до горла. Однако шустрая вампирша извивалась, словно уж на сковородке, отталкивая от себя псину. Она даже сумела ткнуть несколько раз ножом в толстую грязно-белую шкуру, но собачка оказалась на редкость живучей.

Осмелевший до безумия от страха за девушку, Важек схватил псину за покрытый причудливыми узорами железный ошейник и принялся оттаскивать от Ланы. Упрямая скотина пыталась стряхнуть маленького гвардейца, совершенно не обращая внимания на его пинки и пару ударов кинжалом. Важек мотался на ее спине, как тряпичная кукла, но не выпускал ошейник.

Наконец девушке удалось нащупать упавший рядом меч и всадить его чудовищу в грудную клетку. Тварь глухо зарычала, и содрогнувшись, упала на мокрую траву, увлекая за собой Важека, вцепившегося в ошейник мертвой хваткой. Лана вовремя успела откатиться в сторону и теперь сидела рядом, залитая кровью чудовища. Подбежавший к ним Римар помог Важеку подняться на ноги. Слегка пошатываясь, тот подошел к Лане и протянул ей руку, не в силах даже разговаривать. Лана молча прижала его ладонь к щеке и счастливо улыбнулась.

Неожиданно резкий оклик заставил их обернуться.

— Ты сумела убить его, маленькая дрянь! — выехавший из леса всадник с горечью взглянул на мертвого пса и потянулся за висевшим за спиной арбалетом. — Ты заплатишь за это, грязная шлюха!

Но неизвестно откуда взявшийся Терн бесцеремонно сдернул его с коня за ногу, и не дав подняться, сломал шею. Важек и Римар встретили его появление радостными воплями и принялись расспрашивать, где же остальные, и как он сумел понять, что им нужна помощь?

Но Лану интересовало кое-что другое. Нахмутив красивые темные брови, она спросила, ни к кому не обращаясь:

— Кто такая шлюха?

Важек и Римар замялись, не находя нужных слов, но Терн простодушно брякнул:

— Это такая женщина, которая спит с мужчинами за деньги, ну так мне Марек

объяснил!

Лану, которая вчера ночью целовалась первый раз в жизни, подобное сравнение возмутило до глубины души. Сильно покраснев, она пнула мертвеца:

— Я рада, что ты сдох!

Терн, не желая тратить время на разговоры, подтолкнул их вперед:

— Римар, там твоя жена и мальчик.

Элина, наблюдавшая за кипевшим на поляне сражением, вдруг услышала хруст веток под чьим-то тяжелым сапогом, и обернувшись, увидела крепкого мужчину средних лет в темной суконной куртке. Сбоку у незнакомца болтался охотничий рожок, в руках был короткий меч. Рядом с ним бесшумно, словно призрак, скользила по траве огромная псина грязно-белого цвета, как две капли воды похожая на ту, что прикончили Лана и Важек. От охватившего ее ужаса ноги словно окаменели и приросли к земле. Но сделав над собой усилие, она все же заставила их двигаться, и медленно отступала назад, прижимая к себе Курта, прекрасно понимая, что среди могил и памятников им далеко не убежать. Уткнувшись спиной в чье-то надгробие, Элина с отчаянием взглянула в глаза своему преследователю.

— Что вам от нас нужно?

Курт, сжимавший где-то подобранную палку, храбро загородил собой Элину:

— Ты плохой, и собаки твои злые! Уходи, слышишь! — стараясь не смотреть на зверюгу, он замахнулся палкой на слугу епископа.

— Смелый, упыренок! Жаль, что маловат, а то бы поставили против пары собак с одной этой палкой в руках, вот была бы потеха! Они вашего брата жуть как не любят! Сидеть, Альма! — прикрикнул он на глухо зарычавшую псину. егерь с интересом рассматривал на редкость

красивую молодую женщину в мужской одежде. — Никак не мог понять поначалу, почему собака с ума сходит. А она этого выроodka маленького учуяла.

Элина вытащила из красивых ножен на поясе небольшой кинжал, подарок Римара, и храбро посмотрела на стоявшего почти вплотную егеря:

— Прекратите пугать и оскорблять моего сына!

Но тот лишь скривил губы в недоброй усмешке:

— Вряд ли это твой сын! Похоже, это его родителей мы прикончили два дня назад, а ему удалось сбежать. Видно ты пожалела бедного сироту. Только с нелюдями жалость ни к чему хорошему не приводит. Этот дьяволенок тебе ночью горло перегрызет, если проголодается! Он только похож на человеческого ребенка, я уж знаю.

Он постепенно придвигался все ближе, собака настороженно ждала команды, не сводя глаз с Курта. У мальчишки побелели костяшки пальцев от напряжения, так сильно он сжимал свою палку, с ненавистью глядя на слугу инквизитора. Тот протянул руку к Элине:

— Ну же будь умницей, убери свой ножичек, я не хочу причинить тебе вред.

Элина быстро отпихнула Курта за спину, резко выбросив вперед руку со своим жалким оружием:

— Не подходи, клянусь всеми святыми, если приблизишься еще на шаг, я убью тебя!

— Ой, как же страшно. — егерь не договорил, к ужасу Элины внезапно захлебнувшись кровью, и упал на колени, уткнувшись лицом в заросший травой могильный холмик. Римар вытащил меч из его спины и еле успел увернуться от страшных зубов Альмы, бросившейся на

убийцу своего господина. Но в следующую минуту Важек рубанул мечом по когтистой лапе, а Терн сильным ударом лишил зверюгу головы. Элина бессильно опустилась на землю и тихо заплакала, Курт стоял рядом с трупом собаки и смотрел на нее, словно зачарованный, не в силах оторваться от жуткого зрелища.

Римар поднял его на руки:

— Ты настоящий мужчина, сынок, я тобой горжусь!

Ребенок обнял его и судорожно всхлипнул, собираясь заплакать.

Выбравшись из подземелья еще до рассвета, алданцы вдоволь наплутались по дремучему незнакомому лесу, Даже волчье чутье оборотней мало помогало. Наконец, когда уже рассвело, они наткнулись на текущую вниз со склона тоненькую струйку родника. Идя вниз по его течению, они добрались до уже знакомой им заброшенной деревни. Однако не успев выйти из леса, поняли, что здесь они не одни.

Слуги епископа совершали ежедневный обход своих владений. Своре огромных злобных псов было просто необходимо размяться, поноситься по лесу. Увидев почти рядом эти жуткие создания, Рюдигер не сомневался, что перед ним такое же порождение Черной Звезды, как и он сам. Где-то в подсознании шевельнулась страшная первобытная ненависть. Похоже эти переродившиеся зверюги были когда-то исконными врагами его предков. Услышав запах вампира, они бесшумными тенями неслись к нему, стремительно перелетая через заросли папортника и поваленные деревья.

Вскоре вокруг алданцев уже была вся свора. Несколько мгновений они изучали друг друга, затем самый крупный пес легко взлетел в воздух и кинулся на вампира, другие последовали его примеру. Острые клыки вонзились в руку барона, легко прокусив звенья кольчуги. Заскрежетав зубами от боли, Рюдигер ногой отбросил зверя назад. Рассерженный неудачей, пес повторил попытку, но был ловко насажен на острый меч. Быстро осмотрев уже начавшую затягиваться рану, вампир встретил клинком следующего пса.

Скоро среди близко стоявших друг другу высоченных елей кипела смертельная схватка. Оборотни, возмущенные тем, что какие-то собаки пытаются бросить им вызов, безжалостно рубили странных тварей. Неудачивший вытащить меч из брюха одной псины, Борислав встретил бросившуюся на него зверюгу ударом кулака. Жалобно хрустнули проломленные кости, отброшенная мощным ударом на землю тварь, похоже, была мертва.

Клодия к возмущению Яромира снова бросилась в бой, и он потратил немало усилий, стараясь прикрыть упрямыцу. Рюдигер с удивлением заметил, что мелкие раны у этих тварей затягиваются также быстро, как и у него самого. Мрачно усмехнувшись, он стал более точен в своих ударах. Терн, пробившийся к самой кромке леса, вдруг увидел несущихся по поляне Лану и Важека, и поспешил к ним на помощь.

В это мгновение из-за поваленного дерева на Лизу прыгнул еще один пес. Неожидавшая нападения, она все же ударила его мечом по морде и отскочила в сторону. Но удар получился смазанным и только разозлил странную тварь. Злобно зарычав, она снова кинулась на женщину, но Рюдигер стремительно бросился вперед, перекатился по земле, и вскочив на ноги прямо перед зверем, воткнул клинок в основание шеи. Подошедший Яромир брезгливо посмотрел на слабо подергивающего лапами пса и коротким сильным ударом добил несчастное животное.

— Кажется, это последний!

Марек, прихрамывая, спешил к ним, Одна из тварей вцепилась ему в ногу и разжать

страшные челюсти удалось только, отрубив ей голову. Неожиданно среди деревьев мелькнула спина всадника. Один из егерей епископа спешил спасти свою жизнь. Марек достал висевший за спиной арбалет, принадлежавший ранее немому Гансу, не торопясь, зарядил посеребренным болтом и, прицелившись в почти скрывшегося за темными стволами елей человека, пустил стрелу. Раздался слабый вскрик, заржала испуганная лошадь. Лиза укоризненно взглянула на оборотня, эта смерть показалась ей уже лишней. Но Яромир понял ее без слов:

— Ты что хотела дать ему спокойно добраться до своих и поднять всех в погоню?

Они поспешили на старое кладбище, где обняли своих друзей, которых казалось не видели целую вечность. Прошедшая ночь, богатая на события, показалась им необычайно длинной. Римар и Важек донимали вампира расспросами, но Яромир решительно остановил их:

— Все разговоры потом! Священная реликвия теперь в наших руках и надо побыстрее убираться отсюда. Мы же в Готхейме и за вторжение в поместье его преосвященства нас никто по головке не погладит!

Лана с огорчением рассматривала уцелевшую в боях заячью тушку. Извальянная в грязи и надкушенная страшными зубами инквизиторских гончих ее добыча напоминала скорее половую тряпку, чем полноценный завтрак. Затем она посмотрела на висевшую на поясе флягу, и лицо ее просветлело.

— Эй, мальш, беги сюда. — она улыбнулась Элине, и открыв флягу, протянула ее маленькому вампиру.

— Попробуй, тебе должно понравиться!

Мальчик с недоверием понюхал содержимое, затем улыбнулся, и блестя глазенками, выпил все до капли. Элина вытерла ему испачканный рот одним из белоснежных платков, которые всегда имелись у нее при себе, и спросила:

— Это кровь?

Лана утвердительно кивнула:

— Теперь он долго не проголодается, к тому же он растет, и хотя бы через день это ему необходимо. Ну да разберетесь, главное, что вы с Римаром считаете его своим сыном, а остальное приложится.

Элина посмотрела на Курта, который уже сидел на лошади Римара и донимал приемного

Отца расспросами, и улыбнулась:

— Мне кажется, что он всегда был моим ребенком.

Пока они седлали лошадей и собирали вещи, а главное приводили Клодию в нормальный вид, собрав всю имеющуюся у них запасную одежду, небо незаметно затянуло тучами. На заброшенную деревню обрушился мощный июльский ливень.

Оборотни вместе с Терном укрылись в полуразвалившемся сарае, Яр с Клодией и Рюг с Лизой разместились под протекающим навесом для дров. Римар с Элиной и малышом Куртом успели вбежать на крыльцо одного из пустующих домов. Здесь было тесновато, но заходить внутрь нежилого дома им не хотелось.

Важек с Ланой нырнули под старую телегу, стоящую посреди двора. Усевшись друг напротив друга, они молчали и неизвестно чему улыбались. Волосы Ланы завились смешными рыжими кудряшками, нанесенные на лицо глиной хитрые узоры размокли и

грязными коричневыми струйками сбегали за воротник её замшевой куртки. Важек попытался стереть непонятные знаки, но испачкал щеку девушки еще больше. Он виновато улыбнулся, Лана глубоко вздохнула и нежно поправила его мокрую челку, падающую прямо на глаза.

Рюдигер, наблюдавший эту умилительную картину из — под навеса, наконец не выдержал:

— Важек, она, к твоему сведению, вампирша!

— А сам-то ты кто? — невозмутимо откликнулся маленький гвардеец. — Но твоей Лизхен это нисколько не мешает!

Яромир удивленно посмотрел на друзей, пытаясь понять, чем Важек вызвал странное неудовольствие Рюга. Лиза нахмурилась:

— Рюдигер, ты что не выспался, что ты такое говоришь?

Но барон вовсе не собирался отступить:

— К тому же она дикарка и язычница!

Важек мечтательно ответил:

— Она красавица и амазонка, если вы неучи, конечно, знаете, что это такое!

Яромир неуверенно протянул:

— Ну это такие бабы, которые думают, что умеют воевать и не хотят подчиняться мужчинам! Короче, полные дуры! Да я не про тебя, ты чего дерешься! — он оглянулся на жену, которая приняла его слова на свой счет и больно ткнула кулачком в бок.

Рюдигер, не обращая внимания на дождь, забрался на телегу, которая слегка скрипнула под его тяжестью, и свесил голову вниз:

— Я просто хочу предупредить, что с ней у тебя должно быть все серьезно. Если ты уверен, что твоя любовь выдержит любые испытания, что ты не побоишься ни родительского гнева, ни нелепых слухов, разделишь с ней все беды и радости, дав клятву перед алтарем, то я рад за вас обоих! Просто имей в виду, что мы, пьющие кровь, относимся к любви очень строго и бережно, и не потерпим ни измены, ни обмана!

На лицо Важека вернулось его обычное шутливое выражение:

— Ну слава Богу, а то я уже испугался, что инквизиторские собаки все-таки сумели тебя цапнуть и заразили какой-нибудь странной болезнью, вроде ненависти к себе подобным! Нет уж, я свою королеву амазонок из рук не выпущу, будьте спокойны!

Впереди его действительно ждал не слишком приятный разговор с отцом, да и для матери эта новость станет громом среди ясного неба. Но если Лана его вторая половинка, то ему не нужны ничьи советы, он твердо уверен в своем выборе и в своем сердце!

Лиза обняла своего промокшего насквозь мужа:

— Ты меня удивил, признаюсь. Я рада, что ты так беспокоишься за друзей!

— Мои друзья того стоят, ведь они вместе с тобой вытащили меня почти из ада, и для них я готов на все! — он на минуту замолк, потом тихо, только для нее одной добавил:

— Но если бы я не знал, что ты ждешь меня, не слышал, как зовет меня твое сердце, я бы сдался и не стал цепляться за жизнь! Я расстроил тебя... не плачь, пожалуйста!

Лиза быстро вытерла мокрые глаза и улыбнулась:

— Это всего лишь дождик. Нам давно пора домой, милый! У нас там дети остались, если еще помнишь! Твоя матушка и сестрица их совсем избалуют, приедем и не узнаем!

Дом в лесу

Добравший до конца тоннеля только к полудню епископ Альбрехт поднял тревогу. Он был просто вне себя от гнева и приказал немедленно отправить погоню за похитителями чаши. Надо было любой ценой не допустить, чтобы алданцы покинули лесную чащу и добрались до ближайшего города. Поэтому за ними были отправлены самые безжалостные и опытные из оставшихся в поместье людей епископа.

Почти добравшись до деревни, с которой началось их путешествие по здешним лесам, алданцы однако почувствовали неладное. Вернувшиеся из разведки Марек и Тернр рассказали, что в деревне уже полно солдат инквизиции. Парни явились не с пустыми руками, Терн тащил перекинутого через плечо пленника. Осторожно прислонив спиной к дереву связанного по рукам и ногам крестьянина, дикарь показал бедняге острый нож:

— Говори тихо, тихо, кричать не надо.

Он выдернул кляп изо рта пленника, от страха тот практически онемел и только разевал рот как рыба. Яромир критически оглядел их добычу.

— Что-то он выглядит не слишком умным, вы что деревенского дурачка сюда притащили?

Марек слегка обиженно принялся защищать парня:

— И вовсе он не дурак, просто обалдел немного от неожиданности. У них у дома полно заячьих шкур и даже пара волчьих есть, так что лес он должен знать неплохо.

Яромир оживился:

— Ты эти места хорошо знаешь? Сможешь вывести нас отсюда другой дорогой?

Парень закивал, все еще не в силах вымолвить ни слова.

— Только не вздумай нас обмануть и сбежать даже не пытайся, — старший оборотень внимательно посмотрел на пленника. Тот поспешил отвернуться от пронизывающего взгляда желтых звериных глаз.

— Вы ведь вервольфы.

— Точно, — усмехнулся Борислав, — если обманешь, тебе конец. Разорвем на мелкие кусочки!

— Не слушай его, он пошутил! — раздался звонкий детский голос. Крестьянин посмотрел под ноги и увидел хорошенького мальчишку лет четырех с длинными как у девочки темными волосами.

— Они тебя просто пугают, — уверенно заявил малыш —, а так они добрые, если не голодные!. Пауль обратил внимание на странные острые зубы ребенка и медленно сполз вниз по стволу ели.

— Ну что же ты натворил, проказник, — Яромир взял маленького вампира под мышки и передал скрывающему улыбку Римару. Марек пытался привести беднягу крестьянина в чувство, влив ему в рот немного воды из фляги.

Пришедший в себя Пауль вел их через лесную чащу, уверяя, что знает эти места как свои пять пальцев и уже через день они выйдут на дорогу, ведущую к Фрейбергу. Он исподтишка

разглядывал небольшой отряд, в котором кроме маленького нелюдя, так напугавшего его, были четыре женщины. Можно было только гадать, что заставило этих красоток отправиться в опасное путешествие по местным лесам, но Пауль решил воздержаться от вопросов.

Тропа то круто забиралась вверх, петляя среди высоченных елей с темными, почти черными стволами, то сбегала вниз вместе с небольшим ручьем, спускающимся вниз по ступеням из огромных камней. В чистой прозрачной воде сновали серебристые рыбки, вызывающие огромное любопытство Курта, но Элина строго запретила ему пытаться поймать хотя бы одну из них.

Странный отряд торопился, но почему они так старались скрыться от людей епископа, проводник предпочел не спрашивать. Солнечный свет с трудом пробивался через густые ветви деревьев, но один из вервольфов вдруг заметил рядом с тропой отпечатки небольших копыт. Смешно принявшись, он посмотрел на брата, тот утвердительно кивнул. Перекинувшись парой слов с длинноволосым нелюдем, они втроем скрылись в лесной чаще.

Пауль поглядел на Яромира:

— Мы будем их ждать?

Но тот пожал плечами:

— Они догонят, не беспокойся.

Однако вскоре почти стемнело, а троица еще не появилась. Лиза тревожно посмотрела на Рюга:

— Что-то ребят нет слишком долго.

Ему и самому не нравилось такое долгое отсутствие, но он постарался ответить ей как можно спокойнее:

— Ну что с ними может случиться, не дети они в конце концов.

Лана, сидевшая в седле позади Важека, поддержала разговор:

— Они в лесу как дома, обычная охота, что тут может быть опасного.

Рыжая красotka явно завидовала охотникам, жалея что это увлекательное приключение обошлось без нее. Вскоре оказалось, что все волнения напрасны. С совершенно другой стороны из на тропу выбрались все трое добытчиков. Борислав снял с широких плеч самку оленя, стреноженную, с парой стрел в боку, но еще живую. Охотников окружили товарищи, весело поздравляя с хорошей добычей.

Усталые и проголодавшиеся, все мечтали о хорошем ужине, но Яромир охладил их пыл.

— Надо найти место для ночлега. Тогда и поедем, не торопясь.

Неожиданно деревья поредели, пропуская лучи уже спешившего к закату вечернего солнца, и тропа вывела их на поляну. На склоне горы стоял дом. По местному обычаю здешние крестьянские дома напоминали скорее усадьбы. Двухэтажные, с верандами, украшенными деревянными перилами и огромным сеновалом под высокой крышей. Жилище выглядело крепким и надежным, вот только заходить туда Лизе совершенно не хотелось.

— Кто же может жить в такой глуши? — изумился Важек.

Пауль пожал плечами:

— Я в этой стороне не бывал лет десять. Но от знакомых охотников слышал о заброшенном хуторе.

Терн спрыгнул с коня и пригляделся к тропинке, ведущей к усадьбе.

— Здесь есть люди. Следы еще свежие...

Яромир все же медлил с принятием решения. Его люди выглядели усталыми и измученными, Элина еле держалась в седле, малыш Курт крепко спал, бережно

поддерживаемый рукой Римара. Лиза старалась держаться бодро, но темные круги под глазами и побледневшее лицо выдавали крайнюю усталость. Даже Лана клевала носом, склоняя рыжую голову на плечо Важека, да и Клодия утратила свою привычную самоуверенность, Мужчины выглядели получше, но никто бы не отказался переночевать под крышей и хорошенько отдохнуть. Однако странный дом был обитаем, а в их положении лучше избегать лишних знакомств.

Из — за горы свеженаколотых дров вдруг появился высокий человек. Он сделал в их сторону несколько шагов, затем удивленно застыл на месте, будто прислушиваясь к чему-то. Седые волосы и такая же борода свисали вниз неопрятными космами, поверх полотняной рубахи накинута безрукавка из волчьего меха, на ногах сапоги из оленьей шкуры, огромный топор в сильных руках. Весь облик хозяина вполне соответствовал образу лесного отшельника, вот только его глаза... Их просто не было... Лишь плохо затянувшиеся старые раны.

Рюдигер поспешил отвести взгляд от изуродованного лица, как будто слепой мог уличить его в излишнем любопытстве. Яромир, не сомневаясь, что их присутствие давно обнаружено, как можно более доброжелательно произнес:

— Здравствуй добрый человек. Не бойся нас, мы не сделаем ничего плохого...

Старик усмехнулся и ответил неожиданно сочным басом:

— Я уже давно перестал бояться чего бы то ни было. Что же вы застыли, как замороженные, заходите в дом.

Привязав лошадей в огромном скотном дворе и бросив им по охапке свежего душистого сена, они поднялись по еще не успевшим потемнеть ступеням высокого крыльца в жилой этаж. Слепой занялся домашними хлопотами, на удивление ловко передвигаясь в огромном доме. Однако гости заявили, что они не с пустыми руками, и вскоре над очагом уже жарилось мясо, приятно волнуя всех вкусными запахами.

Элина крепко спала, уронив голову на сложенные на столе руки, Курт, привлеченный ароматом жаркого, болтал ногами, сидя на слишком высокой для него деревянной скамье. Он с любопытством разглядывал висевшие на стене оленьи рога и связку беличьих шкурок в углу избы. На грубо сделанной деревянной кровати лежала волчья шкура. Римар потрепал мальчика по голове:

— Устал, сынок? Ничего, сейчас поужинаем и отдохнем наконец.

Слепой удивленно обернулся к ним:

— Это что твой сын?

— Да, — коротко ответил Римар, не понимая, что привлекло внимание хозяина.

— Он сильно отличается от тебя и твоей женщины. Да и остальные твои друзья не похожи на обычных людей. Не стоит сердиться, о том, что вы здесь были, никто не узнает.

Слепой успокаивающе кивнул встревоженному Яромиру и удивленному Рюдигеру.

Долгожданный ужин некоторое время проходил в молчании, оголодавшие путники жадно набросились на свежее мясо. Только хозяин ел неторопливо, да Паулю кусок в горло не лез.

У парня перед глазами стояла отвратительная сцена на лесной тропинке — перерезав горло еще живой оленихе, один из его похитителей умело собрал кровь в деревянный ковш и, отпив из него, отдал рыжей девице. Она подозвала шустрого постреленка. Когда маленькое чудовище насытилось, рыжая сама сделала несколько глотков и, окликнув черноволосого нелюдя, протянула ему ковш.

Остальные алданцы не обращали на это никакого внимания. Яромир слегка подтолкнул застывшего с открытым ртом Пауля и, заметив ужас в его глаза, лишь пожал плечами:

— Это же вампиры! Обычное дело.

Сейчас он старался стать как можно более незаметным и не глядеть, как его спутники вгрызаются острыми зубами в слегка подгоревшее мясо.

Клодия с женским любопытством разглядывала закопченный потолок и паутину в углах. Яромир, словно прочитав ее мысли, поинтересовался, как же хозяин управляет с таким огромным домом:

— Ну один я бы точно не управился, старуха моя давно померла, да ведь со мной сыновья живут. Их у меня четверо, старшему Якобу уже тридцать пять стукнуло, Карл на два года помоложе. Лансу двадцать шесть, а Францу еще и девятнадцати нет. Славные ребята, хорошие охотники. Сейчас они в городе, дня два их не будет. Так что вы с ними не познакомитесь.

Рюдигер подумал, что это определено им на руку. Лишние знакомства им совсем ни к чему. Но Клодия удивленно спросила:

— И что ни один из твоих парней не привел в дом хозяйку?

Старик пожал плечами:

— Да кто же захочет жить в такой глуши, разве что волчица! Ну не сердись девочка, хоть я и слеп, но чутье у меня не хуже вашего! Оборотня сразу узнаю, среди вас их трое, никак не меньше. Ну это я так к слову. Время позднее, все устали, малец кажется уже задремал.

Рюдигер взглянул на Курта, который выронив недоеденный кусок оленины прямо на стол, сладко заснул, прислонившись к боявшейся его потревожить Элине. «Что за странный старик, как будто и не слепой вовсе.»

Не обращая больше на незваных гостей никакого внимания, старик направился в небольшую комнату рядом с кухней, и немного поворочавшись и поворчав что-то себе под нос, быстро уснул. Видимо хозяина совершенно не волновало, что в его доме на ночлег остановились несколько вампиров и оборотней.

В распоряжении алданцев была большая комната с двумя деревянными кроватями. Здесь было слишком пусто и явно не хватало женской руки, каких-нибудь незатейливых украшений вроде вышитых полотенец и занавесок с оборками или просто полевых цветов в глиняном кувшине.

Яромир, с трудом преодолевая желание свалиться на покрытое выцветшими лоскутными одеялами жесткое ложе и мгновенно заснуть, строго заявил:

— Караулим по очереди. Марек с Терном первые, а после мы с Рюгом.

Марек недовольно заворчал:

— Так и знал, что придется ночевать на улице. И почему с Терном? Он же молчит часами, словно каменный идол. И как только Анельку свою уломал, не пойму.

Важек не утерпел и вставил словечко:

— Понятно как, молча!

Его слова потонули в дружном хохоте, дикарь покраснел до кончиков ушей и недовольно огрызнулся:

— Зато он трещит без умолку, словно болтливая старуха!

Яромир подтолкнул их двери:

— Может не сразу уснете, пока друг на друга ворчите.

— Да когда это я на посту дрых! — возмутился оборотень — Ну пошли что ли, молчун. Только если вдруг задремлю, со всей силы не лупи. Зашибить можешь.

Наконец, устроив женщин и ребенка на кроватях, алданцы расположились на полу, воспользовавшись найденными в углу комнаты облезлыми шкурами, принадлежавшими паре невезучих волков и одному медведю. Вскоре дом погрузился в ночную тишину, прерываемую лишь сопением и храпом уставших путников.

Потерявший счет времени Марек поежился от ночного холода и уныло взглянул на своего напарника. Тот действительно напомнил деревянного истукана, застывшего без движения. Дикарь похоже совсем не испытывал неудобства от вынужденного бездействия. Притаившись за высокой поленницей у входа во двор, он уставился в на вставшие стеной вокруг дома темные деревья и совершенно не отвечал на попытки Марека завязать разговор.

— Ну как ты можешь столько молчать? Скажи хотя бы, о чем сейчас думаешь!

Вампир не оборачиваясь, сердито прошипел:

— Я знал, что ты не видишь дальше собственного носа, но ты видно и чутье потерял?

Возмущенный Марек уже хотел ответить на обидное заявление, но втянув носом прохладный ночной воздух, понял, что Терн прав. Вокруг полно чужих. Кажется, их выследили. Неожиданно из-за угла дома появился человек. Осторожно и бесшумно ступая он направился к крыльцу, однако дикарь словно призрак выскочил из своего укрытия и воткнул свой нож в спину пришельцу. Затем быстро втащил тело за поленницу. Второму чужаку, удивленно озирающемуся в поисках товарища, Марек быстро свернул шею. Вернувшись в дом через черный ход, они бросились наверх.

Рюдигер открыл глаза и глубоко вздохнул, словно вынырнул из речного омута. Бешено колотившееся в груди сердце постепенно успокоилось. Глаза различали потолочные балки и оленьи рога на стенах, мирно сопящих рядом друзей. Незнакомый лес, в котором из-за замшелых стволов елей появлялись и исчезали черные тени, был только неприятным сном. Однако и возвращение в реальность не вернуло покоя... Священная реликвия у них в руках, но зато по их следам спешит погоня, люди епископа им на пятки наступают. Чужой дом, под крышей которого они нашли приют, не внушал доверия.

Вампир осторожно поднялся со своей жесткой постели и, перешагнув через похрапывающего Яромира, подошел к окну. В предутренней тьме он хорошо разглядел метнувшиеся из за деревьев фигуры, затем кто-то коротко вскрикнул, и снова наступила тишина. По лестнице затопали сапоги, и в комнате появились Терн и Марек.

— На нас напали, вставайте!

Рюдигер бросился будить друзей.

— Черт, в этом доме мы словно в ловушке... — Яромир с тревогой всмотрелся в темень за окном, но теперь там было тихо как в могиле. — Какие они нетерпеливые, даже рассвета не дождались.

— Кто это, может инквизиция? — Лиза вопросительно взглянула на мужа, но поняв всю бессмысленность своего вопроса, быстро поправила одежду и проверила оружие.

Римар зажег свечи, Элина молча прижимала к себе мальчика. Клодия с видом бывалого солдата одела ремень, на котором крепились ножны с оружием, и схватилась за рукоять меча. Яромир с тоской подумал, что присутствие женщин и ребенка было сейчас совсем не

кстати. Лана решительно направилась за Важеком и Римаром, которые отправились проверить черный ход, ведущий на двор, но Яр остановил ее:

— Нет, оставайся здесь. Держитесь вместе, охраняйте друг друга.

Девушка бросила на него презрительно-гневный взгляд, но Яромир сделал вид, что ничего не заметил. Он на минуту задержался возле дрожавшего от страха Пауля:

— Не вздумай сбежать, только зря погибнешь.

Дверь уже трещала под ударами тяжелого бревна, кто-то протопал у них прямо над головами, и Терн бросился к лестнице, ведущей на чердак. Двое незваных гостей осторожно спускались вниз, держа наготове мечи, тускло поблескивающие серебром. Первый из них, сойдя с последней ступеньки, замер на миг, осматриваясь в полутемной горнице, и даже не успев вскрикнуть, упал на колени с перерезанным горлом. Его товарищ обернулся на звук падения и тут же был насажен на меч Терна. Следом за ними появились еще трое. Подоспевший на помощь приятелю Марек тут же занялся вновь прибывшими.

Сделанная на совесть дверь все же не выдержала напора осаждавших и слетела с петель. Воины инквизиции бросились в дом, но были встречены гвардейцами на узкой лестнице. Первого из них Рюдигер проткнул мечом насквозь и, быстро вытянув окровавленное лезвие, отбросил ногой на напуганных сзади товарищей. Не давая врагам опомниться, он сам бросился вперед, нанося быстрые и точные смертельные удары. Яромир, поспешил за другом, стараясь не запнуться о мертвые тела, отмечавшие его путь наружу. Ночь уже заканчивалась, небо потихоньку начинало светлеть.

У самого крыльца их поджидали еще пятеро. Воины инквизиции бросались на друзей с дикой яростью, словно оправдывая свое название Псов Господних. Вступив с ними в бой, Рюдигер с удивлением отметил, что его противники слишком быстрые для обычных людей. Меч вампира легко прорезал кольчугу Пса, из глубоких ран текла кровь, но тот, словно не замечая этого, снова бросился на Рюга. Слегка озадаченный такой живучестью, барон отбил удар, воин с белым как полотно лицом, снова бросился на него, но неожиданно пошатнулся и упал на землю. Быстро обернувшись назад, он воткнул нож в сердце подкрававшемуся сзади Псу. К ужасу Рюдигера тот сделал еще несколько шагов, прежде чем упасть.

Убедившись, что противник наконец мертв, он взглянул на Яра. Опытный боец, Яромир, расправился с врагом почти одновременно с вампиром, и не обращая внимания на умирающего, бросился навстречу следующему. Однако воин инквизиции, которого клинок капитана прошел насквозь, пошатнувшись, все же сохранил равновесие и сделал несколько уверенных шагов, занося меч для удара в спину. Барон, увидев какая опасность угрожает другу, одним прыжком очутился рядом одним ударом оставив странно живучего Пса без головы.

Неожиданно над его головой со свистом пронесся арбалетный болт, крепко вонзившийся в стену дома. Следом за ним в землю воткнулись еще несколько. Перевернув телегу, они укрылись от сыплющихся на их головы, словно град, серебрянные стрел. Яромир в отчаянии скрипнул зубами, глядя, как под прикрытием арбалетчиков осмелевшие солдаты инквизиции снова подбираются к их маленькой крепости.

Рядом с телегой откуда-то сверху на землю рухнуло мертвое тело, Терн и Марек выбрались с чердака на террасу и принялись очищать ее от настойчивых захватчиков. Однако вскоре приятелям пришлось согнуться чуть ли не в три погибели и притаиться за низенькими перилами террасы, спасаясь от стаи стрел с блестящими наконечниками.

— Вот черти лесные! — выругался Яромир, заметив, что двое Псов в грязно зеленой одежде с прикрепленными к ней ветками и листьями исчезли в темном проеме над ступенями крыльца. — Все-таки добрались...

Рюдигер почувствовал, как что-то кольнуло в сердце. Внутри священная реликвия, там женщины, малыш и без того натерпевшийся от слуг инквизиции, там его жена...

— Ну нет, я им не позволю... — он не договорил, и едва дождавшись, когда остановится очередной дождь из стрел, бросился к крыльцу в открытую. Яромир, ругаясь, бежал следом:

— Хоть бы пригнулся, тебя же видно как на ладони!

Но барон уже был внутри, а нового залпа из арбалетов пока не последовало. Наоборот, двое выскочивших из — за деревьев чужаков вдруг резко остановились, один упал, другой прихрамывая, повернул обратно. Яромир поднял глаза и увидел в чердачном окне Лану с арбалетом в руках. Девушка слегка сощурила глаза, прицеливаясь, и с одной из елей, коротко вскрикнув, свалился стрелок, за ним последовал еще один.

Клодия всерьез переживала, что приходится томиться от бездействия, когда за бревенчатыми стенами кипит настоящее сражение, Лана быстро нашла себе занятие по душе. Невидимые человеческому глазу стрелки посыпались с окружающих поляну деревьев, словно переспевшие яблоки в осеннем саду.

Лиза, увидев, как на ее супруга набросились сразу трое, в бессильном отчаянии отвернулась от небольшого окошка и очутилась лицом к лицу с с парнем в грязно-зеленой куртке.

— Ого, а мне не говорили, что среди них есть женщины, да еще такие! Смотри, какая милашка! — он смело протянул руку к ее волосам, но молодая женщина отшатнулась от непрошеной ласки и больно ударила его рукоятью меча в лицо, не забыв добавить ногой по колену. Прижимая к себе сумку с драгоценным артефактом, Лиза бросилась от него подальше.

Грязно ругаясь, Пес догнал ее и зажал в угол между стеной и кроватью, угрожая мечом. Раздробленное колено почему-то совсем его не беспокоило.

— Ах, ты вампирская шлюха, да ведь позабавиться можно и с мертвой! — его глаза странно сузившимися зрачками, словно занозы, впились в лицо баронессы. Его товарищ, медленно приближавшийся к Элине, укрывшейся за печкой, строго отчитал грубияна:

— Как не стыдно тебе, Аксель, даже в мыслях держать подобное. Наша задача добыть священный талисман, а затем уничтожить всех выродков, а не предаться с ними греховным забавам. Ты солдат инквизиции, а не разбойник, пора позабыть старые привычки!

— Ну ты и зануда, Мариус, — Аксель сделал еще один шаг и наконец почувствовал дикую боль в колене, — но с этой алданской дрянью я сделаю все то, что обещал, а господин епископ отпустит нам все грехи одним разом!

Пес резко выбросил руку вперед, но Лиза отбила удар и резво, словно коза, вскочила на кровать. Не теряя времени, она ударила ногой в лицо негодяя, надеясь, что потеря передних зубов сделает его менее разговорчивым. К ее ужасу, он сплюнул кровь и, одним прыжком перемахнув через кровать, очутился рядом.

Неприятно улыбаясь, он завертел длинным мечом, покрытым серебром, желая доказать, что его слова не пустой звук. Лиза с трудом успевала отвечать на его стремительные удары, и хотя отступать она не собиралась, ей приходилось нелегко. Точку в поединке поставила Клодия, от всей души треснув по голове Пса новенькой крепко сколоченной скамеечкой.

Свалившись на пол с пробитой головой, он не подавал признаков жизни. Клодия улыбнулась подруге:

— Прости, но я решила, что затягивать не стоит! На кухне еще один!

— Я знаю, что вы здесь! Не надо играть со мной! — второй Пес медленно оглядывал небольшое пространство между печкой и окном. От дрожавшей в простенке Элины с малышом Куртом его отделяла всего пара шагов. На мгновение наступила звонкая тишина, затем за печкой вдруг раздалось звонкое:

— Ой!

Солдат Лауфера решительно направился на детский голос, но вдруг пошатнулся. В спине у него торчал кухонный нож, по размерам не уступающий хорошему кинжалу. Медленно обернувшись, он увидел на пороге слепого хозяина.

— Ты. Слепой убудок... — он не договорил и тяжело рухнул лицом вниз.

— Вот здорово! Так ему и надо! — вдруг подал голос маленький вампир, выскочивший из тесного укрытия. Элину передернуло:

— Да что же тут хорошего, он же человека убил. Это страшно.

Клодия приласкала мальчишку:

— Он убил врага, который мог убить кого-то из нас.

Старик согласно кивнул и повернул обезображенное лицо к Курту:

— Когда подрастешь, у тебя еще лучше получится! А ты, мамаша, привыкай. Уж не знаю, откуда у тебя такой занятный парнишка, но у их породы это в крови — убивать быстро.

Говорят, в Алдании из них хорошие солдаты получаются.

Он отвернулся, считая разговор окончанным, и Элина растерянно промолчала, не зная, что возразить. Она лишь внимательно всмотрелась в лицо найденыша, но ребенок доверчиво улыбнулся и обнял ее, разрушая нелепые страхи.

Рольф Лауфер с трудом сдержал рвущиеся наружу непристойные ругательства. Они наконец настигли негодяев, ограбивших хранилище. Уставшие от долгой дороги алданцы казалось сами загнали себя в ловушку, остановившись на ночлег в этом странном доме посреди дремучего леса. Взяв с собой полсотни бойцов, новый командир Псов Господних посчитал, что двенадцать алданцев, среди которых четыре женщины и ребенок, не будут серьезной проблемой. Главное догнать их, пока они не вышли из леса и не добрались до еще не покинувшей Готхейм алданской армии.

Несмотря на то, что хитрые нелюди взяли в заложники одного из местных крестьян, выследить их оказалось нетрудно. Две охотничьи собаки, случайно уцелевшие в поместье, легко брали след, а когда бойцы Рольфа окружили поляну, рвались вперед, чуя совсем рядом своих извечных врагов. Но Рольф строго-настрого запретил спускать их с поводков, помня о жуткой резне у старого лесного кладбища. Проклятые алданские выродки не оставили в живых ни одной псины. Однако уже взошло солнце, а бой, начавшийся еще затемно, все еще продолжался. Воины инквизиции потеряли почти половину людей, но все еще не отбили старинный артефакт.

Римар с Важеком и старший оборотень, не спеша, осматривали просторный двор. Сквозь щели между досками уже проникало утреннее солнце, хорошо освещая каждый уголок. Неожиданно сверху на них посыпалась сенная труха, и с сеновала легко спрыгнули двое бойцов Лауфера. Лесной хутор переживал новую атаку солдат епископа. Они с

настойчивостью саранчи лезли во все щели, пытаясь проникнуть внутрь дома через окна, через разобранную солому на крыше, пожалуй только в печную трубу не сунулись. Римар и старший оборотень тут же занялись незваными гостями.

Важек на минуту остался без дела. Но не успел он пожалеть об этом, как с лестницы, ведущей на сеновал, словно дикая кошка, на него бросился еще один. Сбив парня с ног, воин инквизиции попытался всадить в него длинный и острый нож. Маленький гвардеец сумел увернуться, и кинжал по рукоятку вошел в земляной пол. Важек в отчаянии вцепился в запястье противника мертвой хваткой, не давая тому вытащить оружие. Они перевернулись и, сплетясь в клубок, покатались по соломе, покрывавшей пол. Солдат епископа сумел освободить руки, и сомкнул их на горле алданца. Почти задыхаясь, Важек вдруг нащупал правой рукой лежавший неподалеку кинжал и ударил Пса в шею. Из раны брызнула кровь, заливая лицо парня, тиски, сдавившие его шею разжались. Важек поспешил подняться на ноги.

Но и его противник тоже встал на ноги. Левой рукой он зажимал рану на шее, другой уверенно держал меч и медленно приближался к гвардейцу. Важек, не ожидавший подобной живучести от смертельно раненого, застыл на месте. Но не успел враг поднять меч для удара, как Борислав пришел на помощь. Отбросив своего противника ударом ноги, словно нашкодившего щенка, оборотень схватил стоявшие в углу вилы и метнул, словно копье. Мирное орудие труда прошило насквозь не желавшего умирать Пса и вонзилось в дощатую перегородку. Все это заняло лишь мгновение, затем оборотень повернулся к уже своему сопернику. Тот уже успел подняться, и Бориславу пришлось еще раз успокоить его, уже мечом.

Противник Римара, загнанный им к стене, вдруг глухо взвыл, его посеревшее лицо исказила страдальческая гримаса. Но он быстро справился с собой, и не дав Римару лишней минуты на удивление, снова попытался снова атаковать. Его шаги сопровождал лязг железа, и опустив глаза вниз, Римар увидел странное сооружение на левой ноге Пса. Бедняга наступил на медвежий капкан, незаметный под охапкой соломы. Все же он изо всех сил старался достать гвардейца мечом, пока не потерял равновесие, упав лицом вниз. Не в силах смириться с поражением, он попытался подняться, но рассерженный Римар оказался быстрее, ударив его рукоятью меча по голове.

Подбежавшие друзья обнаружили у стены еще три таких же и маленькую дверь на стене. Внутри под дом вел небольшой лаз. Борислав недолго думая, пригнулся и нырнул в темноту. Но вскоре он вернулся назад, злой как черт, со паутиной на темных волосах.

Почитав немой вопрос в глазах парней, оборотень сердито бросил:

— Там маленькая тюрьма. Здоровенная цепь в стене и деревянная клетушка как для скотины. Зато понятно, чем зарабатывают на жизнь ребятишки хозяина. Парни охотятся не только на зверье, но и на богатеньких купцов.

Яромир вбежал в дом следом за другом. Тот, словно ветер, пронесся по лестнице и уже был наверху. Яромир спешно поднимался по ступенькам, как вдруг ощутил за спиной чье-то присутствие. От стены бесшумно отделилась темная фигура и ступая точно след в след за алданцем, осторожно подкрадывалась к нему. Но капитан гвардейцев стремительно обернулся, и Пес даже не успев поднять меч для удара, скатился вниз, заливая кровью деревянные ступени. Поднявшись наверх, он обнаружил два мертвых тела и вампира, равнодушно вытирающего меч об одежду одного из убитых.

Все ждали повторения атаки, но Псы пока не спешили. Попавший в капкан пленник не слишком охотно сообщил, что сначала их было полсотни. А ведущий их Рольф Лауфер намерен землю зубами грызть, но вернуть пропажу.

— Пятьдесят бойцов- это серьезно... — заметил Важек.

— Ну теперь их уже гораздо меньше, — легкомысленно заметил Марек. — Хотя ведут они себя странно, будто мухоморов наелись.

— Однако отступать они не собираются, — подал голос Римар, выбравшись из объятий жены и приемного сына.

— Может дотянуть до ночи и тихонько сбежать? Мы свалили дурака, решив заночевать здесь. В доме мы словно в ловушке. — Борислав серьезно посмотрел на товарищей. — Не то чтобы я трусил, но вдруг они захотят дом поджечь.

— Странно, что еще не подожгли. — подал голос хозяин. — Никогда не думал, что у епископа столько людей. Наверное у вас есть что-то очень нужное этим святошам, раз за вами отправили чуть ли не армию!

Яромир мучительно пытался найти решение. Может в самом деле последовать совету Борислава? Но Рюдигер неожиданно прервал его размышления:

— Бегать от них по лесам, словно зайцы? Ну нет, я предлагаю другое! Надо застать их врасплох и уничтожить!

Марек придвинулся по лавке поближе:

— И когда же нам застать их врасплох?

Рюдигер твердо заявил:

— Конечно во время атаки! Кто-то останется отвлекать врагов, другие подберутся сзади и.

— он не договорил, но все и так поняли, что оставлять в живых барон никого не намерен.

Яромир с уважением взглянул на друга:

— Рискованно, но попробовать стоит!

— Я так понимаю, что мы при любом раскладе сидим здесь. — Клодия сердито посмотрела на Яромира. Он постарался не поддаваться колдовскому воздействию ее янтарных глаз и коротко бросил:

— Да, вы остаетесь в доме, а также Важек, Римар и Борислав. Это приказ.

Лиза встревожено повернула мужа к себе и чуть вздрогнула, испугавшись ставшего почти ледяным взгляда. Она сжала его руку:

— Может все же лучше незаметно уйти ночью? Не будут же они преследовать нас вечно.

Но он лишь не слишком приятно улыбнулся:

— Я думаю, что до ночи им не дожить.

Лауфер все медлил с приказом об атаке. Его оставшие бойцы перевязывали раны, пересчитывали оставшиеся серебрянные стрелы, с ненавистью глядя на внушительное деревянное строение.

Молоденький солдат, присев на корточки, увлеченно наблюдал, как пчела, усердно работая мохнатыми лапками, взбирается на цветок клевера. Солнце еще не успело войти в полную силу, и на траве блестели крупные капли росы. Вдруг на розовое соцветье медленно упала тяжелая темно-красная капля, за ней еще одна... Потревоженная пчела, сердито

загудела и полетела прочь. Парень поднял глаза вверх и увидел своего товарища, опустившегося на колени с перерезанным горлом.

Тем временем Рольф наконец решил, что его люди достаточно отдохнули. Чудесный сбор трав, напиток из которого придавал его бойцам быстроту и силу, бесстрашие и нечувствительность к боли, не вполне оправдал себя. Под его действием люди теряли осторожность и бросались на врагов, не думая об опасности. Так удачно начавшийся штурм завершился провалом.

Но пожалуй стоит повторить попытку, ведь под действием эликсира алхимика была лишь треть его людей, почти полностью уничтоженная алданцами. В распоряжение Рольфа еще осталось тридцать человек, которые не пили чудесный напиток и будут сражаться, правильно рассчитывая свои силы. Он должен во что бы то ни стало выполнить приказ господина и вернуть священный талисман в хранилище.

Лауфер махнул рукой, и бойцы устремились к дому. Они не сразу поняли, что по их следам крадется смерть. Командир Псов быстро приказал развернуться и встретить врагов. Ошарашенные дерзким нападением воины инквизиции все же достойно сопротивлялись алданцам, дерущимся со звериной яростью. Неожиданно по склону холма, к которому примыкала задняя часть дома, бегом спустились четверо вооруженных людей. Они были одеты в куртки из замши и в шапки из волчьего меха, несмотря на лето. Пришельцы немедленно присоединились к сражению, набросившись на солдат епископа, словно на злейших врагов.

Бой кипел уже под окнами дома. Солдаты епископа пытались снова карабаться на террасу, скорее в поисках спасения от безжалостных убийц, чем выполняя приказ командира. Но Лана аккуратно подобрала все серебрянные болты, прилетевшие со стороны противника и не оставляла несчастным никаких шансов. Важек, Римар и старший оборотень встретили врагов у дверей.

Сделав последний выстрел, Лана отшвырнула ставший ненужным арбалет и, легко протиснувшись в чердачное окно, вылезла на террасу. Девушка отпихнула ногой пытавшегося забраться наверх вражеского солдата и, дико завизжав, приземлилась рядом с Важеком. Ее клинок замелькал, словно молния. Девчонка старалась во чтобы то ни стало подтвердить свое право называться воином и охотником. Дерущийся рядом незнакомец загляделся на рыжую воительницу, ловко орудующую мечом и кинжалом. Малец едва не лишился головы, не заметив врага, замахнувшегося сзади мечом. Лана увидела, что ему угрожает смертельная опасность и, не раздумывая, метнула кинжал точно в правый глаз солдата. Вампирша улыбнулась парнишке и налетела на следующего противника, словно рыжий вихрь.

Элина, закрыв лицо руками, шептала все известные молитвы. Время от времени она прерывалась, чтобы оттащить любопытного мальчишку от окна. Жена Римара совершенно справедливо считала, что подобные зрелища не для маленького ребенка. Лиза и Клодия смотрели на развернувшееся под окнами дома кровавое сражение, как зачарованные. Нечего было и думать, о том, чтобы самим принять участие в этой мясорубке. Лиза тревожно следила за высоким гибким воином с черными волосами, который без сожаления отправлял на тот свет солдат инквизиции. Она еще помнила холод в его взгляде и боялась, как бы овладевшая им слепая ярость не лишила Рюдигера осторожности.

Меч, найденный в хранилище, кажется, слился с хозяином, стал единым целым и просто

наслаждался тем кровавым ужасом, который сеял вокруг его владелец. Подчиняясь приказу командира, к вампиру бросились сразу трое. Встревоженный Яр поспешил было к другу на помощь, но тот, увернувшись от замаха двуручника, всадил клинок в бок незадачливого врага почти по самую рукоять и повернул к себе. Острый, как бритва, неизвестный металл распорол кольчугу, и бедняга рухнул на колени, выронив оружие и удивленно рассматривая выпавшие наружу внутренности. Весь этот кошмар занял лишь несколько мгновений. Отряхнув капли крови с блестящего лезвия, Рюдигер быстро повернулся и, перехватив меч двумя руками, легко, почти без усилий снес голову второму из Псов.

Третий попятился назад, с ужасом глядя на вампира, но тот с леденящей сердце улыбкой, придержал свою жертву за плечо, свободной рукой воткнув клинок в грудь инквизитора. Окровавленное лезвие вышло с другой стороны. Из рта неудачника хлынула темная кровь. Быстро вытащив меч и отшвырнув обмякшее тело, словно сломанную игрушку, Рюдигер заметил еще двоих чужаков, пытающихся обойти их с Яром и пробраться к двери ведущей во двор. Легко перепрыгнув через сломанную телегу, он приземлился прямо перед ними. Острие меча легко вошло в шею стоявшего справа Пса. Второй, сдержав страстное желание убежать прочь, попытался нанести вампиру удар, но неожиданно пошатнулся и стал падать, получив удар ножом в сердце.

Оставив истекающих кровью врагов, Рюдигер огляделся в поисках новых жертв и увидел перед собой Яромира. Тот что-то говорил, но его голос доносился как будто из под воды. От запаха крови кружилась голова, внутри кипела дикая ярость, избавиться от которой было лишь одним способом — убивать снова и снова.

Рольф в отчаянии пытался собрать воедино своих людей, заставить их слушать его приказы. Ошалевшие от страшной резни новички в ужасе метались по поляне в поисках спасения, однако опытные бойцы все же сплотились вокруг командира и осторожно отходили в лес.

— Они уходят, да очнись ты наконец, слышишь, уходят!

До Рюдигера наконец дошел смысл слов друга, и он решительно покачал головой, потряхнув слипшимися от чужой крови волосами.

— Далеко им не уйти.

Вдыхая сводящий с ума, пьянящий запах сражения, вампир бросился за почти уже исчезнувшими за деревьями остатками вражеского отряда. Яромир поспешил за ним. Командир Псов внезапно развернулся и скрестил меч с высоким черноволосым нелюдем. Кажется это тот алданец, которого друзья сумели вырвать из цепких лап инквизиции. Именно о нем говорил епископ, приказав ни в коем случае не оставлять его в живых. Ну что же, хотя бы этот приказ он постарается выполнить.

Рольф Лауфер был лучшим среди людей епископа в бою на мечах и давно не встречал достойного соперника. Пока все шло неплохо, конечно он еще не одержал победу, но и не проигрывал. Он уверенно отвечал на удары, угадывал знакомые приемы, и уже настроился на победу, но вдруг взглянул в лицо сопернику, и сердце сжалось от тревожного предчувствия. Вампир с презрительной улыбкой парировал его удары, не слишком торопясь и особо не напрягаясь. Он забавлялся с противником, словно кот с мышью, но участь жалкой игрушки уже была решена. Безжалостно топча высокую траву, еще мокрую от ночной росы, и заросли папортника, он постепенно ускорял темп, с каждым ударом приближая Лауфера к смерти.

Уцелевшие бойцы не могли придти на помощь командиру. Все их внимание было занято Яромиром и неразлучной парочкой, Терном и Марекком. Они сражались в паре,

прикрывая друг друга. Похоже, в бою приятели забывали о своих разногласиях. Яромир полюбовался, как они очищают поляну от солдат инквизиции. Дикарь где-то раздобыл настоящий моргенштерн. Тяжелая железная палица, усеянная острыми шипами, в его руках не оставляла противникам никаких шансов. Яромир постарался держаться от него подальше, чтобы не забрызгало разлетающимися во все стороны мозгами. Марек с воодушевлением размахивал обычной оглоблей, ловко разбрасывая в стороны неудачников, оказавшихся у него на пути. После мощного удара лишь немногие пытались встать.

Вскоре на краю поляны осталось лишь несколько пытающихся подняться раненых. Рюдигер неожиданно легко выбил оружие у Лауфера, размахнулся для последнего удара и вдруг остановился. Вместо залитой кровью лесной опушки с разбросанными по ней изрубленными телами перед глазами вдруг возник изумрудный кубок, из глубины которого шел мягкий зеленый свет. Он наполнял душу странным покоем, вытесняя ненависть и жажду убийства, и Рюдигер уже сам не понимал, за что еще мгновение назад он хотел отрезать голову Рольфу Лауферу. Барон опустил меч.

— Забирай тех, кто остался и уходите.

Рольф, не веря своим ушам, уставился на вампира.

— Ты что решил поиздеваться напоследок?

Яромир, не спешивший убирать ногу с груди поверженного противника, недоверчиво взглянул на друга:

— Ты собираешься просто отпустить их? А ты хоть представляешь, что бы они сотворили с тобой, окажись победа на их стороне?

Но Рюдигер упрямо повторил:

— Пусть уходят, хватит крови. Или желание обладать святыней превращает нас в зверей, не ведающих жалости?

Проводив взглядом семерых уцелевших воинов инквизиции, которые прихрамывая и опираясь друг на друга, скрылись за деревьями, друзья вернулись к дому. Яромир еле устоял на ногах, когда у него на шее повисла Клодия.

Рюдигер прижал к себе Лизу, бросившуюся к нему навстречу вслед за подругой. Она осторожно высвободилась из крепких объятий и чуть дрожавшими пальцами дотронулась до окровавленного рукава его куртки, затем коснулась мокрых слипшихся волос и испуганно ахнула:

— Ты что ранен?

— Что ты, милая, конечно нет! Эта чужая кровь. — Рюдигер еще раз обнял жену, оставляя кровавые следы на ее лице и одежде. Лиза глубоко вздохнула, чувствуя, как из души наконец уходит противный липкий страх.

Рюдигер здесь рядом с ней, живой и здоровый, если не считать пары царапин, которые уже затянулись. Видимо не все клинки инквизиторов были из настоящего серебра, Важек предположил, что драгоценный металл просто украли, заменив дешевой подделкой. Её муж снова стал самим собой. Синие глаза словно оттаяли, из них пропала страшная ледяная ненависть. Жестокий, не знающий пощады мститель исчез.

Да когда же они уберутся из этого чертова Готхейма и вернуться в свой дом. Проклятая война, когда же она отпустит их! Последние слова она произнесла вслух, и Рюдигер вздрогнул от неожиданности. Он серьезно посмотрел на жену:

— Все закончилось, слышишь! Теперь мы едем домой, и никто не посмеет нам помешать.

Римар протянул руку высокому светлорусому бородачу:

— Вы, ребята, вовремя тут оказались. Спасибо, что помогли справиться.

Тот переглянулся со стоящим рядом парнем, похожим на него как две капли воды, и усмехнулся:

— Вообще-то нам бы очень хотелось знать, что вы делаете в нашем доме и чем так разозлили инквизиторов.

Самый младший из четверых, с юным почти детским лицом и выгоревшими на летнем солнце соломенными волосами, с восхищением взглянул на Лану и немного невпопад заявил:

— Никогда не видел такой красотки!

Важек нахмурился и положил руку на пояс девушки.

— Полегче, парень, это моя невеста.

Лана невинно улыбнулась, показав острые зубы:

— И что же во мне такого необычного?

— Д-дерешься х-хорошо, — начал заикаться парнишка, — и одеваешься...

Тут он растерянно замолчал, но Лана нетерпеливо поинтересовалась:

— Так что там с моей одеждой?

— Она тебе очень к лицу, и вообще... ты красивая! — вдруг выпалил он и покраснел.

Темноволосый крепыш с кудрявой бородой и лохматыми бровями мрачно посмотрел на них:

— Ты, рыжая дьяволица, и думать забудь о моем брате. А ты, Франц, видно совсем дурак, если принял вампиршу за обычную девку.

Покрасневший от гнева Важек рванулся к темноволосому, но Лана преградила ему путь. Довольная этой вспышкой, она обняла его и что-то зашептала на ухо. Не отводя от ее лица восторженных глаз, Важек тихо засмеялся, тут же позабыв про грубые слова.

Хлопнула дверь, и из дома вышел старик. Он обратился к незнакомцам:

— Быстро вы вернулись, ребятки. Или что не заладилось?

Старший не слишком охотно ответил:

— Да видишь, папаша, купец хитрым оказался, охрану нанял. После войны кругом полно бездельников, умеющих махать мечом, так что мы еле ноги унесли! А ты без нас видно не скучал, гостей принимал. — он с любопытством взглянул на Элину, которая стояла рядом с мужем, державшим на руках маленького вампира. — Нечасто сюда заходят такие красотки.

Он перевел оценивающий взгляд на Клодию и Лизу и самодовольно усмехнулся.

— Грех отказывать в ночлеге усталым путникам да еще с женщинами и малым ребенком. — спокойно ответил старик. — А уж куда они путь держат и что за счеты у них с Альбрехтом, не мое дело. И вы, парни, сюда нос не суйте, пусть идут своей дорогой.

Темноволосый крепыш хитро прищурился:

— В Лангдорфе только и разговоров, как несколько алданских вырожденков обчистили хранилище в поместье епископа. И унесли оттуда что-то, чему и цену трудно подобрать. Может поделитесь, мы вам помогли как никак.

— Ланс, и ты Якоб, не будьте дураками! — повысил голос старик. — Посмотрите на них повнимательнее. Эти ребята не из тех, кто торгуется.

Яромир накрыл ладонью еще горячую после схватки рукоять меча. Другой рукой он обнимал Клодию. Он посмотрел старшему из братьев прямо в глаза:

— Отпустите нас и останетесь живы. Это все, что я могу предложить.

Его отряд с готовностью последовал примеру капитана. Все взялись за оружие. Ланс оценивающе посмотрел на сыновей кузнеца, доставших тяжелые мечи. Марек ехидно обернулся к приятелю:

— Неужели тебе охота таскать эту железную дубину?

Лесной охотник, чье лицо, одежда и длинные волосы были заляпаны чужой кровью, невозмутимо взвесил в руке моргенштерн:

— Хорошая штука, валит с первого удара.

Рюдигер с улыбкой обратился к старшему из братьев:

— Ну, мы сошлись в цене или еще поторгуемся?

Светловолосый опустил глаза:

— Черт с вами, проваливайте.

Кудрявый Ланс возмутился:

— Но как же, Якоб, их всего семеро. Женщины не в счет. Даже рыжая. Неужели не справимся?

Но Якоб упрямо стоял на своем:

— Пусть уходят. Разве не видишь, кто они? Или ты хочешь лежать рядом с этим беднягой? — он потрогал ногой уже зачоченевший труп с пробитой головой и сердито плюнул на землю.

Яромир обратился к слепому:

— Мы благодарны за помощь тебе и твоим смелым, но не очень умным сыновьям. Я думаю, этого хватит, чтобы вы не считали нас неблагодарными.

Он опустил в ладонь старика тяжелый мешочек из замши.

— Пора твоим ребятам найти другое занятие, поспокойнее. Не все же промышлять на большой дороге, так можно и голову потерять.

Хозяин лесного хутора взвесил монеты в руке и довольно улыбнулся:

— Я думаю, Альбрехт и его люди получили по заслугам. Подниметесь на пригорок и увидите дорогу на Фрейбург. К вечеру будете в городе. А нам и в самом деле надо подыскать другое местечко, а то парни скоро на медведиц начнут заглядываться.

Королю становилось все хуже, придворные лекари опустили руки. Во дворце уже вслух говорили о том, что пора выгнать шарлатанов и призвать священника. Бремя королевской власти уже готовилось рухнуть тяжелой плитой на хрупкие плечи принцессы Шарлотты. Молодая женщина не боялась этого тяжелого груза, более того, по мнению ближайшего окружения, она была более пригодна к роли правительницы, чем ее муж, принц Станислав.

Шарлотта всегда знала, что однажды корона перейдет в ее руки, и сознательно готовила себя к этому. Только к одному она не была готова — к тому, что ее отец соберется так рано уйти из жизни и оставить ее одну... Почувствовав, что еще немного, и от жалости к себе она не сможет сдержать слез, принцесса глубоко вздохнула и продолжила обсуждение последствий войны для Алдании, кивнув одному из своих советников. Пожилой царедворец поднялся со своего места за длинным столом, поправил расшитый золотом камзол и начал рассказывать об разорении приграничных провинций, время от времени сверяясь с лежащим перед ним листком бумаги.

Неожиданно тяжелые двери распахнулись, и не взирая на протесты охраны, в зал ворвались одиннадцать вооруженных человек в запыленной дорожной одежде. Изумленная Шарлотта подумала, что это видимо мятеж, попытка государственного переворота, но вдруг узнала в одной из одетых по-мужски женщин свою лучшую подругу. Принцесса просияла от радости и, забыв про этикет, вскочила со своего кресла и кинулась обнимать Элину.

Рядом с ней стоял нарядный черноволосый мальчик. Добравшись до ближайшего города, Элина с подругами словно ураган, пронеслась по лавкам с готовой одеждой, и сейчас ее приемный сын напоминал маленького принца, Она наклонилась к малышу, тихонько шепнув:

— Милый, как я тебя учила?

Мальчик встрепенулся и, показав маленькие, но острые зубки, звонко выпалил:

— Добрый день, Ваше Высочество!

Принцесса рассмеялась и поцеловала его в щеку, затем вопросительно посмотрела на подругу. Элина улыбнулась:

— Это наш сын, но об этом я расскажу потом, а сейчас мы должны немедленно увидеть его величество! Это очень и очень важно!

Шарлотта покачала головой:

— Не хочу вас расстраивать, но это невозможно! Его Величество не сможет вас принять, потому что. потому что отец очень болен. — голос принцессы сорвался, из глаз быстро покатались слезы.

Один из ворвавшихся вместе с Элиной и Римаром, черноволосый красавец в запыленной от быстрой скачки кольчуге, настойчиво повторил вслед за Элиной:

— Именно потому, что король болен, мы должны немедленно пройти к нему!

Придворные с удивлением увидели в нем вампира, Шарлотта же со стыдом подумала, что не узнала одного из своих спасителей, барона фон Шлотерштайна. Римар поддержал друга:

— Поверьте Ваше Высочество, мы сможем помочь!

— Лучшие лекари в королевстве оказались бессильны, а эти бродяги смогут! Что-то не верится... — слышался чей-то недовольный шепот. Но принцесса уже распахнула перед друзьями двери покоев, где боролся за жизнь Максимилиан Третий.

Молодая женщина подошла к смятой постели и нежно потрогала больного за руку:

— Папа, очнись, ну пожалуйста. Эти люди могут тебе помочь.

Король открыл воспаленные глаза и грустно взглянув на дочь, недоверчиво улыбнулся бескровными губами.

— Милая моя, с каких пор ты стала верить шарлатанам? Ты же умная девочка, уж пойми,

Что помочь теперь мне может разве что Господь!

Однако Рюдигер серьезно кивнул:

— Ваше Величество, вы правы, только Господь, и он услышал ваши молитвы!

Вампир достал из потрепанной дорожной сумки завернутый в чистый холст непонятный предмет и осторожно освободил от ткани. Комната на мгновение озарилась мягким зеленым сиянием, все восторженно ахнули. Король приподнялся на постели:

— Неужели вы смогли вернуть ее?

Гвардейцы почтительно склонили головы, и Яромир ответил по праву старшего:

— Как видите, смогли с Божьей помощью, и теперь Чаша вернет вам здоровье!

Рюдигер передал священный талисман Шарлотте:

— Нужна всего лишь искренняя вера и один глоток воды из Чаши.

Дрожащими руками принцесса наполнила изумрудный кубок водой и поднесла к губам отца. Зажмурившись, король отпил из него, и почти сразу же краски вернулись на его безжизненное лицо. Он решительно откинул пуховые одеяла, под которыми не мог согреться даже в летнюю жару, и вскочил с кровати с резвостью присущей только здоровому человеку!

В камине уютно потрескивали дрова, отблески огня играли на стенах, создавая причудливые тени и меняя очертания знакомых предметов. За стенами Красного замка непрерывно шел снег, заматавая размокшие покрытые грязью дороги и сбросившие листву деревья. За какие-то несколько часов на деревенских улицах намело настоящие сугробы, и казалось, что к утру под снежным одеялом спрячутся не только крыши деревенских домов, но и зубчатые стены и башенки из красного кирпича. Конечно это лишь репетиция перед настоящей зимой, первая проба сил, но совсем скоро мороз закует реки и озера в ледяной панцирь, укроет землю снегами, словно пуховой периной, на долгие месяцы.

Хозяин замка задумчиво посмотрел на язычки пламени, весело пляшущие на уже обуглившихся дровах и осторожно поставил на стол бокал с темно-красным напитком, стараясь не потревожить жену, склонившую голову ему на плечо и кажется, задремавшую.

Надвигающаяся зима с вьюгами и метелями, жестокими морозами не пугала его. Амбары и кладовые забиты под завязку и в замке, и в деревне, корма скотине должно хватить до самой весны, да и о дровах позаботились. За высокими надежными стенами Красного Замка не страшны ни снег, ни холод. Здесь в тепле и уюте длинными зимними вечерами хорошо смотреть в огонь и предаваться мечтам и размышлениям... Хотя время бежит быстро, и не успеешь оглянуться, как жители Темнолесья с азартом окунутся в предпраздничные хлопоты, готовясь к наступающему Рождеству.

Подумав о шумных праздниках, Рюдигер невольно улыбнулся. Совсем недавно они с

друзьями отгуляли две свадьбы. Его младшая сестренка вышла замуж за Дитриха фон Брауна. Парнишка вернулся с войны не с пустыми руками. За отчаянную храбрость младшему сыну обедневшего дворянина из Медвежьего Дола указом короля пожаловали замок с прилегающими к нему землями на северных границах. Через месяц после свадьбы счастливая и зареванная Анна простилась с родными и друзьями и отправилась на встречу новой незнакомой жизни.

Почти сразу после Анны пришел черед Важека расстаться с холостяцкой жизнью. Объяснение с родителями далось ему нелегко, но после военных испытаний он с честью выдержал это сражение. Принцесса Шарлотта, узнавшая о приключениях друзей в Готхейме, поклялась помочь отчаянным влюбленным и сделала им на свадьбу поистине королевский подарок. Она сама стала крестной матерью юной дикарки, кроме того Ее Высочество обеспечила девушку неплохим приданым и графским титулом.

Противиться воле наследницы трона родители Важека не решились и, скрепя сердце, стали готовиться к свадьбе. Хотя отец Важека тихонько ворчал, что кажется берет в невестки бывшую дворовую девку фон Шлотерштайнов, но встретившись со свирепым взглядом Ланы, не решался повторить это ей в лицо.

Покидая Кулички, Лана вдруг по-детски расплакалась, обняв Крона. Вождь Серых Сог растерянно гладил свою своенравную дочь по уложенным в модную прическу рыжим кудрям, не зная, как утешить. Важек неожиданно почувствовал, что у него тоже глаза на мокром месте, и пообещал как можно чаще приезжать с женой в Кулички. Теперь Лана усердно училась светским манерам, ведь летом им с Важеком предстояло путешествие в Аджистан, куда король Алдании решил отправить своих послов.

Римар с Элиной купили дом в Темнолесье и собирались приехать туда с детьми на все лето. Маленький найденыш быстро нашел общий язык с Эльвирой, и вдвоем они доставляли немало хлопот родителям и прислуге. Впрочем, они так трогательно выгораживали друг друга, попавшись на очередной шалости, что Римар частенько прощал милых озорников. Элина решила, что детям необходим свежий воздух и общество ровесников, маленьких фон Шлотерштайнов, так что лето обещало быть веселым.

Клодия ждала второго ребенка к огромной радости Яромира. Капитан королевских гвардейцев твердо вознамерился держать свою отчаянную супругу дома подальше от сражений и опасностей, и рождение малыша как нельзя более подходило для выполнения этих планов.

Чаша Жизни отправилась в Рисвицкий монастырь в далеком лесном краю. Путь туда труден, но чтобы увидеть знаменитую реликвию и получить исцеление души и тела, стоит преодолеть все препятствия.

Вернувшись в родной город, Рюдигер фон Шлотерштайн первым делом отправился в церковь. После долгой исповеди, которая растрогала старого священника до слез, и горячей молитвы, он дал обет построить в Куличках часовню. Его отец, узнав об этом, непривычно серьезным тоном пообещал любую помощь и попросил разрешения принять участие в стройке. Иоганн Кранц с облегчением увидел своего крестника живым и здоровым, когда же он узнал о возвращении в Алданию священной реликвии, его радости и удивлению не было предела.

Деревенские парни, побывавшие на войне вместе со своим господином, быстро вернулись к привычным делам и заботам, как будто и не было в их жизни почти года кровавого кошмара. Марек долго пытался выспросить у священника, большой ли грех

оскорбить лицо духовного звания, но так как он наотрез отказался поведать, как именно оскорбил он неизвестного священнослужителя, то отец Григорий посоветовал ему прочитать сорок раз «Отче наш» и не приставать к нему с глупыми вопросами.

Сыновья кузнеца и Терн тоже присоединились к обещанию своего друга и господина, и значит будущим летом на берегу Млавы вырастет небольшой храм.

Дверь в комнату тихо приоткрылась и в узком проеме возникла настороженная полосатая мордочка кота. Серебристый с темными полосками маленький хищник встревоженно понюхал воздух и осмотрелся. Не обнаружив ни Ульрики, ни Александра, он не торопясь, подошел к лежащей на полу медвежьей шкуре и растянулся перед камином. Его громкое мурчание разбудило Лизу. Она изумленно взглянула на мужа, но он прижал палец к губам, показывая на дверь.

Послышалось шлепание босых ножек и в комнату осторожно заглянули две хитрые рожицы. Несколько секунд брат с сестрой оценивали обстановку, затем быстро и слаженно сцапали неуспешного даже мяукнуть котяру. Ульрикаловко завернула его в некое подобие пеленки. Кот рассерженно бил хвостом, но не сопротивлялся, понимая, что вырваться из цепких маленьких пальчиков невозможно.

Лиза, стараясь не рассмеяться, строго спросила:

— Вы почему еще не спите, на дворе уже полночь!

Александр смущенно потупился, но Ульрика смело заявила:

— Это Серая Лапка не хочет спать, кусается и убегает!

Рюдигер осторожно освободил глухо ворчащего кота от пеленки:

— Серая Лапка ловит ночью ночью мышей и сторожит ваш сладкий сон, прогоняя кошмары. Давайте не будем ему мешать!

Он подхватил малышей на руки и подмигнув Лизе, направился в детскую. С некоторых пор Рюдигер стал находить удовольствие в самых простых вещах, ценить каждую минуту, проведенную с родными и друзьями. Лиза последовала за ним. Последнее время ее просто переполняло ощущение счастья и покоя, но где-то на самом дне души таился страх, что мирная жизнь продлится недолго. Она гнала прочь нелепые страхи и надеялась, что для них у судьбы больше не припасено никаких испытаний...

Больше книг на сайте — Knigolub.net